

СИЛЬВИЯ ЛАЙМ

Возрождение

НЕФРИТОВОГО
ЗМЕЯ

Annotation

Я думала, что найду легендарное сокровище. Думала, что сумею изменить свою жизнь, раз и навсегда вырваться из нищеты...

Вырвалась. И теперь я подношение таинственному богу, которого в моем мире считают чудовищем.

Но ведь это же сказки, и никакого бога на самом деле нет?

Только кто же тогда этот странный мужчина с глазами, горящими, будто колдовские изумруды Шейсары? Мужчина, к которому меня ведут в качестве жертвы...

-
- - [Лайм Сильвия Сокровище Нефритового змея](#)
-

Лайм Сильвия Сокровище Нефритового змея

Глава 1

«Не гляди, не дыши, онемей,
За тобой – Нефритовый змей...»

(из уличной шейсарской песенки)

Я не могла поверить, что нашла этот тоннель. Узкий лаз, скрытый настолько густой шапкой паучьего плюща, что заподозрить под ним отверстие было попросту невозможно. Не может же трава расти на пустоте?

А вот же – растет и не краснеет.

Отбросив бабкины суеверия о том, что паучий плющ приносит несчастья и вообще что это трава демонов, я раздвинула крупные мясистые листья и вгляделась во тьму.

Создавалось впечатление, что передо мной не просто какая-то стихийно появившаяся нора, а именно проход, созданный человеком. Он был довольно узким, слишком уж его стены выглядели гладкими. Словно кто-то выдалбливал их вручную, а то и вовсе пользовался магией.

Сердце радостно екнуло. Ведь проход располагался как раз примерно в том месте, где по легенде зарыл свои сокровища Кушвир-мореплаватель! До меня на эту безлюдную, покрытую острыми ракушками часть побережья Шейсары кто только не ходил. Желающих приобщиться к тайнам знаменитого пирата было очень много. Однако никому так и не удалось ничего обнаружить.

Никому, кроме меня!

Я старалась не думать о том, почему мне так повезло. Не кроется ли в этом факте какой-то загадки, которая может оказаться потенциально опасной для жизни. Все мысли занимал клад, который я в своих мечтах уже нашла и начала тратить.

Однако бросаться сломя голову в черный проход было страшновато да и глупо. Мало ли какова истинная глубина тоннеля, ведущего под углом куда-то вниз? Поэтому я огляделась по сторонам в надежде найти подходящий камень. Через пару мгновений обнаружила голыш размером с ладонь, подхватила его и бросила в темноту.

Раздался шуршащий звук, несколько глухих ударов, означающих столкновение с другими камнями, затем тишина.

Результат эксперимента меня удовлетворил, несмотря на то, что время на скольжение голыша было довольно внушительным. Я уже почти приготовилась погрузиться во мрак, но решила все же провести некоторые дополнительные замеры.

Обернувшись по сторонам и удостоверившись, что меня никто не видит, я наклонилась и приложила ухо к земле.

Тетя Ливи всегда говорила, что мои «выкрутасы с камнями» выглядят крайне нездорово. Не нужно никому их видеть, и уж тем более не стоит рассказывать, что я якобы «слышу землю». Ну кто поверит в такой бред?

Правильно, никто. А потому я просто тихонько прислушалась к камням, покрывающим основание норы, надеясь, что за мной не наблюдают.

Секунда, другая...

Тишина. И только где-то далеко-далеко будто бы раздаются какие-то таинственные звуки, не похожие ни на что другое. Звуки, которые я не слышала никогда в жизни, даже используя свои маленькие секретные способности, в которые никто не верил.

Казалось, будто бы кто-то подвывал...

Волосы у меня на голове зашевелились, кожа под тонким платьем покрылась мурашками.

Я уже хотела выпрямиться, еще пару раз подумав о том, стоит ли соваться в неизвестные пещеры, как что-то мягкое и слегка тяжелое коснулось моей руки, словно погладив.

От неожиданности я вскрикнула и, не удержав равновесие, заскользила по камням. Мелкие голыши закрипели, захрустели,

прокручиваясь, словно шарики в колесах золотых мирайских колесниц. И стремительно понесли меня на темное дно пещеры.

Пока я катилась в неизвестном направлении, успела пару раз попрощаться с жизнью, тройку раз представить обглоданные человеческие кости, в горе которых вот-вот окажусь, и еще один раз помечтать, что приземлюсь все же на сокровища.

Однако оказалось все гораздо прозаичнее. И, едва мое стремительное скольжение остановилось, на ощупь я определила под собой все те же камни.

А на руке увидела большого мягкого паука, который, собственно, меня и напугал пару мгновений назад.

– Тьфу ты, пушистая твоя задница, я уж думала, меня тетка нашла, – фыркнула я, снимая с предплечья животинку, которая, судя по крупным дрожащим ногам, испугалась не меньше меня. Положила его на землю рядом и тихо выдохнула: – Ну вот, беги. Не знаю, как тебе выбраться наружу, разве что ты умеешь лазить по стенам. Но ты же паук, наверняка умеешь! А вот мне, кажется, крышка.

Я подняла голову вверх, высматривая в двух десятках метров наверху крохотную точку, сквозь которую почти не проникал свет. Это было отверстие норы, через которую я упала. И прямо сейчас это отверстие полностью закрылось мясистыми листьями паучьего плюща.

Я же, к своему ужасу, осталась почти в полной темноте.

Хоть бы паука вернуть, что ль! Всяко не в одиночестве бы сидела.

Все мои знакомые, сколько помню с детства, пауков боялись как огня. Ну, не без повода, конечно. Все же проклятый паучий культ хекшаррасов – это вроде как вполне реальная вещь. Да и ядовитость тех же тисовых пауков никто не отменял. Цапнет тебя такая пушистая многоногая штука – и все. Отправишься к праотцам.

Но ведь и змеи не домашние кошечки! Да и других ядовитых тварей в Шейсаре пруд пруди. Но больше всего народной ненависти почему-то досталось именно маленьким пушистым шарикам с кучей лап.

Мне с детства было их немного жаль за такую несправедливость. И все же тот факт, что пауки меня ни капли не пугают, я тщательно скрывала ото всех. Ну, хотя бы чтобы не выделяться!

Сейчас же прятаться было не от кого. И очень захотелось приманить многоногого друга обратно, надеясь, что собрат по

несчастьем не тяпнет меня в темноте.

Но, похоже, он уже убежал, и это к лучшему.

Объективно оценив, что обратно по проходу мне никак не забраться, я стала искать другой выход из пещеры. Это был единственный способ спастись. Ведь через пару часов мне захочется пить. Затем есть. А чуть позже я наверняка просто-напросто умру от голода и обезвоживания.

Сняв со спины веревку, которая, к сожалению, при спуске мне так и не пригодилась, я стала на ощупь искать, куда ее можно привязать. Изначально планировалось, что я буду спускаться в нору именно по ней. Нужно было зафиксировать один конец у какого-нибудь дерева, в другой привязать к себе. Тогда я в любой момент смогла бы по веревке выбраться обратно.

Теперь же она будет служить мне лишь путеводной нитью, благодаря которой я, может быть, сумею не заблудиться.

С трудом обнаружив неподалеку мощный валун, я обвязала его вокруг и двинулась в единственном направлении, куда вела правая сторона пещеры.

Согласно урокам подземного ориентирования, которые я вычитала в тонкой книжице, с трудом раздобытой в нашей сельской библиотеке, не имея карты подземелья, ориентироваться нужно было по правилу правой или левой руки. Единственный минус этого прекрасного способа – большое количество времени, требуемое на его осуществление. Времени и, соответственно, провизии.

У меня не было ни того, ни другого. Как и выбора. К сожалению, именно сегодня утром я решила, что прогуляюсь к побережью буквально на часок. Ведь я была тут огромное количество раз и никогда прежде не находила никакого тоннеля. Поэтому с собой я успела захватить лишь веревку да один небольшой мех с водой.

Надолго его не хватит, а значит, стоило шевелиться быстрее.

Аккуратно придвинувшись к ближайшей стене, я коснулась ее рукой и, закрыв глаза, пошла вперед. Глаза здесь мне все равно ничем не помогут, а когда опускаешь веки, другие чувства будто бы обостряются.

Вот и сейчас: стоило мне зажмуриться, как я снова ощутила тот странный, пронизывающий до дрожи гул. Может быть, мне это казалось? Темнота вызывала слуховые галлюцинации или что-то в

этом роде. Ведь я готова была поспорить, что на самом деле вокруг меня лишь тяжелая ватная тишина.

Но камни... камни шептали мне что-то.

Я стиснула зубы, стараясь заглушить подступающий к горлу страх, и упрямо пошла вперед.

Под ногами скрипели песок и камни, под рукой скользила холодная и подозрительно ровная стена. Поверить, что этот тоннель, который пока что был почти полностью прямым, появился здесь стихийно, без участия магов, было невозможно.

Он был идеален.

Он был... как след огромного червя, который прогрыз дорогу в камне собственными острыми, как алмаз, зубами.

По спине прокатилась ледяная дрожь.

Я шла уже довольно долго, и тоннель за это время повернул лишь несколько раз. Меня начала захлестывать паника, ведь я забралась уже так далеко от места падения, что могла в случае опасности просто-напросто не добраться назад.

Остановившись передохнуть, я сделала глоток воды, стараясь заглушить пульсацию страха в висках.

Я все сильнее слышала таинственные шорохи внутри стен и будто бы чьи-то непонятные голоса. Но при этом готова была поспорить, что вокруг меня никого не было. Это камень передавал мне странные послания, которые я не могла расшифровать.

Впрочем, так было ровно до тех пор, пока мои страхи вдруг не воплотились в самую настоящую реальность. В паре шагов от меня раздался отчетливый шорох и шипение... чего-то огромного и явно очень голодного.

Ничего не было видно уже не один десяток минут. Было страшно представить, сколько времени прошло с тех пор, как я провалилась сюда, но в крошечной тьме время и пространство словно потеряли знакомые свойства. Я уже не знала, сколько брожу здесь, смутно представляла, в каком направлении выход. Лишь правая рука продолжала касаться гладкого камня стены, что оставался единственным моим ориентиром.

И вот теперь в полной темноте ко мне приближалась какая-то тварь. Страх, который я всеми силами старалась заглушить, вырвался

наружу ураганной волной. Неостановимой, дикой и ядовитой, волной, которая сбивает с ног.

И я закричала. Метнулась в сторону, когда шум и шипение неизвестной твари проскользнуло будто бы над самым моим ухом. Казалось, невидимое существо так близко, что вот-вот коснется меня... или вонзит в мое тело незримые клыки и когти.

И я отдернула руку от стены. Потеряла единственный ориентир, который мог подсказать, в каком направлении двигаться и где находится проход, в который я провалилась.

От осознания этого простого факта паника, что захлестывала мое сознание, усилилась многократно. Зубы натурально застучали, и все самообладание, которое я старательно копила, продвигаясь по пещере в темноте, улетучилось в неизвестном направлении.

А за спиной у меня раздался грохот и шум падающей каменной крошки. Словно неизвестное существо ударилось о стену, выбив ее часть.

Сердце глухо ударило в виски.

Снова шипение. Страшное, тошнотворное и громкое, словно чудовище находилось от меня не более чем в паре шагов. Так близко, что я могла чувствовать странный запах, распространяющийся вокруг тела животного. Чуть сладковатый, землистый и сырой... С легким оттенком тухлятины.

А затем раздался звук передвижения десятка конечностей. Будто кто-то барабанил маленькими ножками по хрустящим камням.

Я снова дернулась в сторону, надеясь в темноте лишь на то, что не ошибусь с направлением и не прыгну прямо в пасть невидимой твари.

Перед глазами зажглись разноцветные круги. Я ничего не видела, но от страха и перенапряжения в голову ударила разгоряченная кровь, окончательно путая мысли.

К сожалению, не обладая ни малейшими представлениями об окружающем пространстве, после резкого прыжка я ударилась ребрами о какой-то каменный угол. Платье ободралось, я невольно застонала от боли, ощутив, как царапины на коже пачкают кровью легкую ткань.

Крови я боялась. И стоило коснуться пальцами влажной липкости чуть ниже подмышки, как я вдруг ощутила, что перед глазами

стремительно темнеет. И это учитывая то, что я и так не видела совершенно ничего!

К противоположному чувству прибавились шум в ушах и неконтролируемая слабость в ногах. Я схватилась влажной ладонью за неровность в стене, старательно пытаюсь не сползти на пол. В это время невидимое существо явно активизировалось, защелкав какими-то своими частями тела, затем все затихло, чтобы через мгновение я вновь смогла услышать страшное стрекотание маленьких лап по каменной крошке.

Стрекотание, которое приближалось ко мне с чудовищной скоростью.

В этот раз я не успела увернуться. Что-то острое вонзилось в обе мои руки где-то в районе запястий, намертво пригвоздив их к стене. А затем я почувствовала прямо возле лица громкое чавканье. Смрадное дыхание коснулось кожи... словно на меня разом дыхнула бездна, полная трупов.

В этот миг со всем ужасом, который только можно было ощутить, я поняла, что мне конец. Еще секунда – и чудовище вцепится мне в горло.

Вот только едва прошла та самая секунда, как ничего так и не случилось. Затем минула другая – и снова я была жива. На третью я услышала мягкий, чуть хрипловатый мужской голос:

– Негоже нападать во тьме на такую красивую девушку, – проговорил он. И вслед за этим рядом со мной раздался звук чего-то жуткого и хлюпающего, словно взорвалось нечто живое... А я оказалась свободна. – Следовало сперва хотя бы зажечь свет...

И тут же пещера осветилась ярким, ослепляюще-желтым огнем, в свете которого я увидела мужское лицо.

Сердце в груди на миг остановилось. Вдруг показалось, что передо мной какой-то подземный бог или вроде того.

Острые скулы, резкая линия подбородка, горящие пронзительной зеленью колдовские глаза... И длинные каштаново-камышовые волосы, рассыпавшиеся по широким обнаженным плечам...

Как шерсть дикого зверя, шкура пещерного льва или саблезубого тигра.

Перед глазами слегка потемнело. А потом я опустила взгляд на его смуглую ладонь, на которой плясал живой огонь, и громко сплотнула.

Во рту резко пересохло.

Желтые блики волшебного пламени плясали на почти глянцевой коже, играли в волосах, придавая прядям блеск темного меда и жидкого золота.

Мне показалось, что я умерла и попала в какой-то другой мир. Мир, где водятся неземные существа, далекие от людей. Чужие и недостижимые.

– С тобой все в порядке? – мягким, бархатистым голосом спросил мужчина, чуть сдвинув темные брови, и в этот момент меня слегка отпустило проклятое наваждение.

В виски ударил пульс.

Я оглянулась по сторонам, с трудом приходя в себя. Словно кто-то только что ударил меня по голове, и разобраться с происходящим было чудовищно сложно.

– Я жива? – выдохнула я, зарываясь пальцами в волосы и бесповоротно портя заплетенную косу.

Глаза слезились и с трудом привыкали к яркому свету пламени.

– Я успел вовремя, – кивнул он, указывая куда-то в сторону. – Но мне показалось, что солаан все же коснулся тебя, – проговорил он, мрачней и шагая ко мне.

А я, наконец, заметила огромную тварь, что лежала в нескольких метрах левее.

Это было нечто ужасное. Действительно громадный червяк, почти такой, какого я и представляла в качестве местного землекопа и изготовителя этого тоннеля. Разве что диаметром он был все же не в размер прохода, а примерно в половину. Но, рассмотрев громадную пасть, наполненную острыми треугольными зубами синевато-черного цвета, я прикинула, что поместилась бы внутри без особого труда.

Кроме того, прямо перед пастью у чудовища болтались усы-жгуты, заканчивающиеся чем-то напоминающим мелкие змеиные морды-присоски, разве что без зубов. Похоже, именно эти присоски и пригвоздили меня к стене пару мгновений назад.

Стоило представить, насколько близко ко мне тогда была морда червя, как желудок ухнул куда-то в живот, а меня бросило в холодный пот.

Сейчас тварь лежала неподвижно, а из головы ее торчала рукоятка потрясающе красивой работы. В свете неровно пляшущего огня она

блестела золотом и драгоценными камнями. Наверху же сверкал красный шар, из которого вниз спускались черные спирали-жгуты, превращающиеся в желобки для пальцев.

Я перевела взгляд на незнакомца, заметив, что его мощную обнаженную грудь пересекала кожаная перевязь, поблескивающая зеленоватым напылением, а на одном плече сверкал красной медью доспех-наплечник.

По всему выходило, что передо мной какой-то воин, причем из богатого сословия. Он обладал огненной магией. А если вспомнить классификацию рас Шейсары, в которой я, в общем-то, была не сильна, то можно было предположить, что передо мной наг или дракайн. Худо-бедно огнем еще могли управлять гоблины, но на представителя этой низкорослой расы незнакомец был все же не похож.

Значит, наг или дракайн. Не человек – точно.

Я задержала дыхание, осознав, что, пока я размышляла, мужчина подошел ко мне максимально близко. Настолько, что я уже могла поднять руку и коснуться его волос. Зарыться в них, провести рукой по мощной шее, спускаясь с красивой полукруглой линии ключиц...

Рот неожиданно наполнился слюной, а к щекам прилила краска. Я резко подняла взгляд на незнакомца, надеясь, что он не заметит, как я его рассматриваю.

Несмотря на то, что в Шейсаре мираи и мильеры давно живут вместе с людьми и перемешались с нами, населяя все провинции, в моем захолустье на границе древнего города их было очень мало. Да и вообще их было гораздо меньше, чем людей в принципе. А потому можно было сказать с уверенностью, что если я и видела прежде нагов или дракайнов где-то вдали, то общаться с ними мне уж точно не доводилось никогда.

В детстве я мечтала, что однажды вырасту и, может быть, сумею попасть в Академию Самоцветов, где вместе учатся люди и мильеры, где постигают магию наги-мираи, где царит колдовство и на каждом шагу можно встретить царевича или царевну.

Но не срослось. Как только стало ясно, что традиционной магии во мне нет ни грамма, а все, чем я обладаю, – странные способности слышать камни, о чем тетка мне настоятельно рекомендовала не распространяться, дабы не попасть в дом для душевнобольных.

Достигнув совершеннолетия, я бросила пустые мечты стать дипломированным магом и попасть в гвардиары царя, а стала грезить совершенно о другом. Мне хотелось найти древнее сокровище! Кому нужна магия, кто захочет всю жизнь, рискуя собой, защищать правителя, входя в состав его гвардии, если дома его и так будут ждать золотые горы?

Правильно – никто. Вот и я планировала разбогатеть уже в ближайшие месяцы.

А теперь вот оказалась здесь. Рядом со странным мужчиной, от которого все слова замирали где-то в горле, а дышать становилось тяжело.

Впрочем, я не переставала надеяться, что все это лишь последствия перенапряжения и испуга.

– Почему ты молчишь, тебе больно? – еще сильнее нахмурился незнакомец, вдруг протянул руку и коснулся моей растрепавшейся косы. Поднял ее вверх и прошелся кончиками пальцев по шее, осторожно переходя к плечу. – Яд солаана очень опасен. Он может вызвать паралич, а у людей с более слабым организмом и вовсе мгновенную смерть. А ну-ка, повернись, – сухо и быстро приказал он, обхватив меня за плечи, и, не дожидаясь разрешения, повернув к себе спиной.

– Я не... я... – голос охрип.

Мужчина поднял мои волосы, ощупал горячими руками шею и верхнюю часть спины. А затем опустил ладонь с огнем ниже и резко выругался на языке, которого я не знала. И все же создавалось впечатление, что я смутно понимаю, что он говорит.

– У тебя рана на ребрах. Стой смирно, – приказал он и вдруг опустился на одно колено, одним движением разрывая лоскут платья, который и так на мне едва держался.

Я только и успела вскрикнуть.

– Нет, погоди, это не...

Но незнакомец уже освободил от ткани несколько тонких порезов, из которых сочилась кровь чуть ниже подмышки и совсем рядом с грудью. И, осторожно промокнув и стерев кровь оторванным лоскутом, неожиданно...

...коснулся раны языком.

Дрожью прострелило позвоночник, меня бросило в жар.

Я резко зажмурилась, задержав дыхание. Под опущенными веками рассыпались разноцветные круги.

– Потерпи немного, сейчас станет легче, – ещё сильнее нахмурившись, произнес мой странный спаситель, на секунду отстранившись, а затем снова проведя горячим языком по моим ребрам.

И несмотря на то, что я старательно стискивала зубы, чтобы ненароком не выдать что-нибудь непристойное, едва ли мне это до конца удалось. Какое-то сдавленное, окрашенное звуком дыхание все же вырвалось из горла. А затем и вовсе меня бросило в отчетливую дрожь, которую нельзя было не заметить.

Прикосновения этого мужчины оказались до того интимными, жгучими и неожиданно приятными, что у меня темнело перед глазами. Никто никогда не делал со мной ничего подобного.

А ещё я смутно предполагала, что он пытается слизать какой-то мифический яд червя, но все равно не понимала, какой в этом смысл. Ведь если бы я и впрямь была отправлена, то вот эти движения... лишаящие меня адекватного мировосприятия, явно не помогли бы.

– Что ты... зачем?.. – только и сумела выдохнуть я, вцепившись в мощные плечи незнакомца. Точнее, в плечо и в медно-золотистый расписной наплечник. Что, впрочем, не имело значения, потому что и металл, и живая плоть оказались одинаково твёрдыми, будто камень. Разве что кожа мужчины почти обжигала.

– Если в ране яд, то он будет нейтрализован, – спокойно и даже как-то отстранённо ответил мужчина, крепче обхватив меня за талию, отчего я вдруг ещё сильнее покраснела.

– Нейтрализован чем? – прошептала я, когда он наклонился и снова медленно провел языком снизу вверх по внутренней части ребер, по месту, которое, как оказалось, чувствительно просто до неприличия.

Клянусь, я уже не ощущала никаких царапин. Только проклятые прикосновения горячего языка, от которого под кожей будто проливался водопад раскаленных искр, прокатывался по мышцам, ударял по нервам.

– Разве человеческая слюна обладает качествами антидота? – спросила я, замечая, что голос приобрел дурацкую хрипотцу, и с этим уже ничего не поделаешь.

– Человеческая – нет, – неожиданно тихо ответил мужчина, вдруг посмотрев на меня снизу вверх.

Темно-зелёные колдовские изумруды его глаз сверкнули, будто на их дне скрывалась какая-то важная мысль. А я с замиранием сердца увидела, как медленно и будто нарочно неторопливо черные, кажется, слишком большие зрачки незнакомца вытягиваются и превращаются в тонкую, как игла, линию.

Что-то это значило... Что-то определено должно было значить, но я была так заморожена этим зрелищем, что толком не соображала, не в силах отвернуться.

Никогда не видела ничего подобного. И все же остатками здравого разума я сумела понять одно:

– Мирай... – выдохнула вместе с тем, как стало, наконец, ясно, что передо мной наг. Змей.

Мираи считались самой привилегированной и богатой расой Шейсары, не зря же к ней принадлежали и члены всей царской семьи. И теперь уже казались вовсе не удивительными богатство и странность внешнего вида моего спасителя. Если он был представителем древней расы нагов, то от него и вовсе можно было ждать чего угодно.

В голове сразу же мелькнуло любопытство. Интересно, какого цвета его хвост, когда он перевоплощается? А достаточно ли он большой?

А учитывая слухи о любвеобильности и страстности мираев, ситуация, в которой мы сейчас находились, и вовсе приобрела нарочитую двусмысленность.

Жар ударил в виски, лизнул рёбра изнутри и ухнул куда-то вниз.

– Ты мирай, да? – повторила я вопрос, когда незнакомец ничего не ответил, отчего-то опустив взгляд, а затем и вовсе отвернувшись.

Он медленно поднялся с колен, все ещё держа меня за талию, отчего я чувствовала себя не менее странно, чем раньше. Затем осмотрел меня со всех сторон, только после этого отпустив, и проговорил нечто странное, повернувшись лицом к туше огромного червя:

– Когда-то был...

Но прежде, чем я успела спросить, что он имеет в виду и как оказался вообще в этой пещере, он снова заговорил:

– Тебе надо выбираться отсюда. Тут небезопасно.

– Я этим и занималась! – бросила я, когда мозги потихоньку начали вставать на место, едва мужчина отошёл чуть в сторону. – Но этот проклятый тоннель, кажется, не имеет ни конца ни края. Что находится там, впереди?

Незнакомец бросил на меня очередной горящий взгляд, который на этот раз неожиданно оказался пугающе-мрачным. И я вдруг впервые с момента нашей встречи подумала о том, что этот тип, вообще-то, может быть ничуть не менее опасным, чем погибший червь. Не зря же в схватке победил именно он.

– На другом конце много ответвлений, – пространно ответил мужчина. – И все они созданы для того, чтобы люди в них заблуждались и... погибали.

Снова этот его задумчивый голос, за которым будто бы скрывается что-то недосказанное.

– Пойдем, я помогу тебе выйти. Только помни, что рассказывать о случившемся ты не должна никому, хорошо? – спросил он, шагнув ко мне и заглянув в глаза так, словно смотрел куда-то в самую их глубину.

На этот раз мрак исчез из его ярко-зеленых радужек, и я даже смогла улыбнуться в ответ.

Несмотря на то, что меня трудно было назвать слишком социальной личностью – новые знакомства я не очень любила, а чужие люди вызывали у меня мало доверия, – этот незнакомый мужчина совершенно не рождал внутри чувства отторжения. Напротив, ему будто бы хотелось доверять... до тех пор, пока его глаза вдруг не темнели и он не начинал глядеть так, будто съест меня не хуже какой-нибудь подземной твари.

– Я буду нема, как паук, – ухмыльнулась я, но мужчина вдруг покачал головой и быстро коснулся пальцем моих губ, заставив меня замолчать буквально на середине последнего слова.

Дрожь снова прокатилась по спине.

В голове мелькнули какие-то смутные жгучие образы, от которых мне стало ещё более стыдно, чем прежде.

– Не стоит так шутить, красавица. Поверь мне на слово, – мягко проговорил он, а на его лице мелькнула призрачная улыбка. Почему-то немного грустная.

Вот только мне уже было не до его улыбки. Потому что его палец, все ещё касающийся моих губ, вдруг застыл там чуть дольше, чем должен был.

И внутри становилось все горячее. Особенно когда улыбка таки исчезла с мужского лица, когда я приоткрыла рот, жадно втягивая прохладный, но не остужающий воздух пещеры. Взгляд незнакомца упал туда же, где была и его рука. Где меня жгло его прикосновение.

И снова его жуткие и одновременно с тем удивительно красивые глаза с вертикальными зрачками...

У меня кружилась голова.

Я не знала, какого хекша вообще происходит, но быстро обхватила его запястье, едва он попытался, наконец, убрать ладонь от моего лица. И быстро проговорила:

– Этот червяк не касался моих ребер. – И покачала головой, дуря от непрекращающегося контакта наших взглядов. От странной связи, что, казалось, возникла между нами.

Хотя это и было невозможно.

– Я поцарапалась об угол стены, – закончила я свое признание, стискивая запястье его руки, которая была больше моей, наверное, в полтора раза.

– Правда? – Черные брови мужчины удивленно взлетели вверх. – А почему не сказала раньше? – спросил он, только вот голос вдруг стал совсем тихим.

А взгляд снова упал на мой рот...

И меня будто насквозь прострелило.

Я приподнялась на мысочках, не слишком понимая, что творю, но стараясь не особенно задумываться. Здесь, в тесной пещере, рядом с телом червя, который меня чуть не съел, и так близко от мужчины, что меня спас, я чувствовала, как огонь в венах пьянит, дурманит разум. А окружающая темнота будто нарочно делает все краски ярче, все чувства – острее.

Мужчина замер. Кажется, я даже не чувствовала движения его грудной клетки. Он лишь смотрел на меня, не отрываясь, огромными темно-зелеными глазами, словно горящими в полумраке.

И вот, оказавшись в паре миллиметров от его губ, я на миг остановилась и, зажмурившись, преодолела последнее разделяющее нас пространство.

Сердце глухо ударило в рёбра, а чувство, что в этот момент разрывало меня изнутри, я ощущала впервые.

Страшно было лишь представить, что думает обо мне прямо сейчас этот мужчина.

А в следующий миг произошло нечто невероятное. Ураган будто накрыл меня с головой, засасывая в свою глубину, когда мягкие горячие губы раскрылись навстречу, смяли меня в ответном поцелуе, вместе с тем как мой спаситель резко поднял меня за бедра и прижал к стене, выбив дыхание из груди.

Его язык проник в мой рот, вызывая одновременно вспышку удовольствия и неловкости, когда до меня дошло, что мужские ладони беззастенчиво ласкают мои бедра, внутреннюю часть ног.

Я едва дышала, не веря, что все это происходит со мной.

И не знаю, чем это закончилось бы, если бы чуть в стороне вдруг не раздался странный шум. Сперва тихий, он становился все громче и громче, почти сразу превратившись в гул шагов десятка людей.

Незнакомец поставил меня на землю в тот же миг, как прозвучал первый шорох.

– Проклятье, мы не успели, – стиснув зубы, проговорил он.

– Что? – выдохнула я, с трудом соображая.

– Не успели уйти, – проговорил он, мрачно взглянув на меня. А затем быстро добавил: – Слушай меня внимательно. У нас очень мало времени до тех пор, пока они не окажутся здесь...

– Что? Кто окажется здесь? – выдохнула я, не вовремя чувствуя резкое возвращение адекватной способности соображать и как следствие – страха.

Заозиралась по сторонам, но незнакомец, как назло, погасил колдовской огонь и схватил меня обеими руками за плечи, слегка встряхнув.

– Слушай, не вертись, – приказал он, едва вокруг снова стало так же ослепляюще темно, как и прежде. Только я все еще чувствовала горячее дыхание возле своего лица. И видела, как едва заметно поблескивают во мраке глаза мирая. Колдовские глаза, каких не бывает ни у людей, ни у мильеров – любых других рас. – Не пытайся убежать, тебя все равно догонят так быстро, что ты не успеешь пройти и пары десятков шагов. Но в случае побега... тебе могут навредить.

– Навредить? Но кто? Почему? Это люди?..

Меня начала захлестывать паника тем быстрее, чем громче становился гул шагов. И словно какой-то непонятный шелест, от которого каждый самый маленький волосок на теле начинал шевелиться и вставал дыбом.

– Тихо, – прервал меня мужчина, и в кромешной тьме я почувствовала, как он будто бы прижал меня к себе... А затем склонился, едва заметно скользнув губами по виску, словно просто-напросто хотел сказать что-то на самое ухо. Тихо, чтобы никто не услышал.

Но меня снова бросило в дрожь, а жар его тела, взявшего меня в кольцо, обжег.

– Тебя поведут в Стекланный каньон, – проговорил он быстро, и от его голоса волосы у меня возле уха зашевелились, вызывая сноп мурашек, рассыпающихся по взбудораженным ужасом нервам. – Не сопротивляйся, это ни к чему не приведет. Делай то, что тебе будут говорить.

– Не сопротивляться? – прошептала я, схватившись за кожаную перевязь на груди мужчины, словно это была последняя надежда на спасение. – Может, их можно убить? Может, хотя бы отвлечь?

Не знаю, на что я рассчитывала. Почему решила, что этот мужчина должен мне помогать? Почему подумала, что он захочет?

Непонятный.

Совершенно чужой...

Но в злой и опасной темноте пещеры вдруг ставший единственным и самым нужным. Почти близким.

Кончики пальцев подрагивали.

– Помоги мне... ты же справился с тем ужасным червем? – выдохнула я, вглядываясь в черное марево вокруг, безуспешно пытаюсь увидеть его лицо. Понять, что написано на нем.

А он вдруг обнял меня в ответ по-настоящему. Прижал к груди, словно... мы были знакомы целую вечность, а не несколько странных щемяще-страшных и остро-нежных мгновений, и прошептал:

– Есть вещи пострашнее Бледного червя солаана...

Я коснулась щекой его груди, как в темном нескончаемом сне. Слыша, как бешено быстро бьется его сердце. Вдыхая горячий запах, который так трудно было распознать, но ощущая, как он будто бы въедается в меня изнутри.

Было в нем что-то дикое и одновременно успокаивающее, что заставляло нервничать в присутствии этого мужчины, но одновременно успокаиваться оттого, что он рядом. Ведь когда он рядом, другие враги уже казались вовсе не страшны...

– Запомни самое главное: когда они найдут тебя, сделай вид... – он вдруг запнулся, словно обдумывал слова. А затем закончил странным: – Сделай вид, что ты полностью слепа.

– Что? Но зачем?..

– Просто сделай так, как я говорю. И у тебя появится шанс вернуться на свободу.

После этого он отстранился, и я с ужасом поняла, что вот-вот останусь совершенно одна. Он все еще стоял рядом, я чувствовала, но его руки больше не касались моей кожи, и я словно стала абсолютно незащищенной.

– Как тебя зовут? – спросил он вдруг, и я вздрогнула.

– Эвиса, – ответила, не задумываясь. – Друзья зовут меня Эва.

Он промолчал в ответ, но почему-то мне казалось, что он улыбается.

Кромешная тьма вокруг! Я не могла даже представить, что творится на лице и в душе этого мирая.

Но думала, что он улыбается.

– Эвиссаэш – по-мирайски «сокровище», – добавил он тихим и бархатистым голосом, от которого все внутри перевернулось. – Сделай так, как я говорю, и я буду надеяться, что мы никогда больше не увидимся... Эвис-с-а-а...

А затем рядом раздался скользкий, чуть свистящий звук, словно он вытащил меч из тела червя. И тепло, которое несло мужское тело рядом со мной, окончательно исчезло.

Непонятные эмоции перемешивались в голове, путались.

Ведь я и до него была в этой пещере совсем одна. Но теперь казалось, что кто-то будто бы лишил меня прочного доспеха, в котором было ничего не страшно.

А в следующий миг грохот шагов стал оглушающим, и тут же рядом с моим лицом раздался скрежет металла. Словно кто-то вонзил оружие прямо в каменную стену.

– Поймать и связать ее, быстро! – рявкнул этот кто-то, и меня развернули лицом к камню, сильно ударив о стену. А руки за спиной

начали стягивать какими-то колючими ремнями.

Я жалко вскрикнула, все еще лелея смутную надежду, что все это мне кажется. Что незнакомец, чьего имени я даже не успела узнать, вот-вот вернется и вызволит меня из лап этих людей, которые так странно говорили. Вроде бы их слова звучали вполне привычно, по-шейсарски. И все же присутствовал какой-то подозрительный шипящий акцент, да и голоса звучали чуть приглушенно. Будто их владельцы опасались поднять излишний крик.

– Ты будешь слушаться нас, муссьора, – проговорил один из них, причем выговор у него был, наоборот, громким и четким, точно таким, к какому я привыкла. – И тогда с тобой все будет в порядке. Ты поняла?

Я пыталась быстро соображать, чтобы ориентироваться в ситуации, хотя страх, признаться, сильно мешал.

Но, если подумать, кто мог говорить с акцентом и знать о тайных пещерах Шейсары?

Возможно, я набрела на один из тайников воровских и разбойничьих гильдий? А может быть, передо мной какая-нибудь опасная банда, находящаяся для Верхнего города вне закона.

С другой стороны, тогда откуда взяться акценту?

Можно еще предположить, что группа людей здесь – мореплаватели, которые первыми обнаружили клад лихого Кушвира, но, опять же, странный шипящий акцент не вписывается даже в эту теорию.

В общем, понять истину можно было, лишь увидев, кто передо мной.

Но, похоже, эти люди, кем бы они ни были, совершенно не собирались что-то пояснить, а уж тем более показываться мне во всей красе. Зажигать свет, крутиться вокруг себя, мол, «смотри, девица, какие мы красавцы» – вот обо всем этом можно было не мечтать.

Кто-то из разбойников (я решила пока что называть их именно так) мрачно бросил:

– В этой кишке больше никого.

– Но кто-то же убил этого солаана? – тем самым шелестящим тихим голосом спросил кто-то.

– Не могу знать этого, шерш, – отрапортовал другой.

– Отлично, возвращаемся тогда. И ловушки поправь, друг мой, – закончил первый. – Если здесь есть еще кто-то, мы встретим его позже, когда придет сигнал от цепи.

Я вздрогнула, когда меня дернули за связанные руки и потащили вперед.

Теперь я уже почти не спотыкалась, несмотря на то, что невидимая в темноте процессия двигалась довольно быстро. Но меня держали за подмышки с двух сторон, и в местах, где на земле встречались ямы или особенно крупные камни, я взлетала в воздух, словно пушинка, по желанию двух скрытых во мраке мужчин.

– Куда вы меня веде?.. – начала было я, но стоило мне попытаться задать первый и единственный вопрос, как у меня во рту оказался кляп.

– Тише, девочка, – проговорил тот же голос, – твои крики могут привлечь еще одного солаана.

Тряпка во рту оказалась отвратительной и словно горьковатой на вкус. Попытка выплюнуть ее не увенчалась успехом, а горечь на языке раздражала горло.

Когда от странного вкуса у меня начало щипать глаза, я попыталась вырваться, чтобы вынуть эту гадость, но меня схватили еще сильнее.

– Не стоит бороться, девочка, ты все равно с нами пойдешь, ибо такова воля богини, – проговорил тот же мягкий и властный тип.

– Ка... кой... ишо... какини?.. – взвизгнула я, все же выплюнув проклятую ткань. Но перед глазами уже затуманилось. Я и так-то ничего не видела, а теперь и вовсе все стало плохо. По щекам текли аллергические слезы, я пыталась проморгаться, но безуспешно.

– Стойте! – властно приказал голос.

И вся процессия резко остановилась. Будто бы вместе с моим сердцем.

Несколько чьих-то тихих, едва различимых шагов во тьме, и я ощутила рядом с собой человека. От него пахло цветами, аромат которых я никак не могла идентифицировать.

В этот миг сквозь пелену тумана в голове всплыли слова того незнакомца, что спас меня от червя.

«Когда они найдут тебя, сделай вид, что ты полностью слепа... Сделай так, как я говорю, и я буду надеяться, что мы никогда больше

не увидимся... Эвис-с-а-а...»

По спине прокатилась горячая волна, обогнула позвоночник и нырнула вниз, когда в ушах, будто живой, пронесся тот голос. Бархатистый, низкий и чуть мурлыкающий, журчащий, как горная река...

«Эвис-с-са...»

И только в этот миг меня будто прострелило изнутри, когда я подумала, что в тембре моего спасителя тоже отдаленно улавливались легкие шипяще-шелестящие нотки. Едва-едва... Или мне это показалось?

Впрочем, уже значения не имело. Ведь он сказал, что мы больше никогда не увидимся, если я сделаю так, как он просит.

Притвориться слепой... Что ж, это не так уж сложно, правда?..

Разве что будет очень жаль никогда больше не взглянуть в колдовские зеленые глаза.

В этот самый миг, едва я сообразила, что нужно делать, в пещере зажегся огонь.

А я... я должна была никак на него не среагировать.

Не зажмуриться, не отвернуться, не прикрыть лицо рукой.

Яркий, ослепляющий свет после оглушающего мрака...

Глаза наполнились влагой мгновенно. Огонь резанул по нервам, и я лишь надеялась, что для подготовки мне хватило тех нескольких мгновений, что предшествовали вспышке. Потому что я распахнула глаза так сильно, напрягая каждую лицевую мышцу, что челюсти начало сводить, кажется, до самых ушей.

А еще я должна была не смотреть на то, что открылось взгляду. В итоге все мое внимание блуждало по темной пещере, не фокусируясь на бледных мужских фигурах, окруживших меня со всех сторон.

Руки дрожали, но я старалась не двигаться. Страх попасться на лжи должен был вполне естественно сойти за страх перед моими похитителями. К счастью, я и впрямь до хекша боялась того, что со мной происходило, а значит, натурализм ситуации должен был сыграть мне на руку.

– Что... что происходит? – выдавила я через силу, глядя в пространство между двумя мужчинами прямо перед собой, едва кто-то вынул у меня изо рта проклятый кляп.

Желание кашлять тут же начало сходиться на нет, как и слезотечение.

Боковым зрением я пыталась разглядеть незнакомцев, хоть это и было очень сложно. Один из них оказался высоким блондином со странной прической, а второй – обычный шатен с волосами, заплетенными в низкий хвост. Таких среди людей в Шейсаре бесчисленное множество. Впрочем, понять, человек ли тот, что стоял передо мной, я пока не могла.

– Так лучше? – мягко спросил блондин, который достал у меня изо рта проклятую ткань.

Он шагнул вперед, оказавшись совсем близко ко мне. А я все старалась смотреть не на его лицо или, упасите боги, в глаза, а куда-то за них. С непривычки это оказалось чудовищно сложно.

– Д-да, лучше, спасибо, – выдохнула я, вытирая влажные после кляпа губы тыльной стороной руки и все еще не глядя ни на одного из странных мужчин.

И все же я успела различить прическу моего опасного собеседника. Половина его головы была покрыта тонкими, как змеи, белыми косичками. Вторая половина оставалась совершенно лысой.

– Я оставлю твой рот пустым, девочка, коли ты молчать обещаешь, – своим мягким голосом со странным выговором проговорил он.

Я судорожно кивнула, пытаюсь представить, как ведут себя слепые, и вжиться в роль, явно не слишком преуспевая в этом.

– Почему ты не смотришь на меня? – спросил он вдруг, склонив голову набок, а у меня сердце ударило в горло.

– Она что, слепая? – вдруг подал голос его товарищ, сделав шаг ко мне и резко повернув за подбородок мою голову.

Свет от тонкого, пахнущего маслом факела в руках блондина переместился, глаза снова слегка заслезились. Но я так и не взглянула в лицо шатену, который, стиснув пальцы на моей нижней челюсти, хмуро глядел на меня.

– Да быть этого не может! Сколопендру мне вместо завтрака! – выругался тот совсем по Шейсарски. – Первая девка за полгода – и увечная, тьфу!

Он сплюнул на землю и отвернулся.

– Ты слепая, девочка? – уточнил тогда блондин гораздо спокойнее, когда пальцы с моего подбородка исчезли, а шатен больше не давил своим вниманием.

Впрочем, я и так чувствовала, что интерес этого, с косичками, будет гораздо опаснее.

Остальные мужчины, что составляли их мрачную компанию, стояли в стороне и никак не привлекали к себе внимание.

– Да-да, я ничего не вижу, – кивнула я поспешно и тут же мысленно отругала себя за это. Движение получилось уж слишком нарочитым.

Блондин взглядывался в меня еще несколько секунд. Его лицо было так близко от моего, что невольно хотелось отшатнуться или поежиться. Но это мгновенно выдало бы меня, а потому я оставалась на месте, боясь шевельнуться и лишний раз вздохнуть.

– Ну вот, отлично просто! – снова пожаловался шатен. – Оставим ее здесь, солааны доделают свое дело, – махнул он пренебрежительно рукой.

А меня пробрал озноб.

Почему-то я вовсе не подумала о том, что, стоит мне остаться одной в этой пещере, как это неминуемо принесет гибель. Выбраться я не смогу, как пить дать, слишком далеко мы уже забрались. А значит, меня и впрямь просто-напросто съест очередной червь или кто пострашнее.

Сердце пропустило несколько ударов. От того, что ответит блондин, похоже, зависела моя дальнейшая судьба. И я не знала, какой вариант будет хуже: остаться с ним или в одиночестве в этой пещере.

– Не будем торопиться, Дерваль, – проговорил тогда мужчина, и водопад косичек дернулся вдоль половины его лица, после чего послышались тихие удары бусин, скрепляющих их концы.

– Да чего тут ждать? – фыркнул тот, махнув на меня рукой и явно бросив какой-то крайне презрительный взгляд. Хорошо, что я его не видела, усиленно пытаюсь смотреть в пустоту. Кроме того, я поняла, что кудрявым шатеном, по всей видимости, был все же простой человек, ведь имя Дерваль – одно из распространенных в Нижней Шейсаре. – Такая не подойдет в качестве айяалы! Тебе ли не знать, Ильхамес?

– Мне-мне, – кивнул блондин, которого, в отличие от Дерваля, звали весьма пространно. Никогда прежде я не слышала подобного имени. Это вкупе с необычным выговором и акцентом могло указывать лишь на одно: передо мной некто совершенно чужой для Шейсары.

Вот только чужаков в древнем городе мираев и мильеров просто не могло быть. Вокруг континента, на котором и находится наше царство, расположено всего несколько мелких островов, с которыми наши мореплаватели иногда ведут торговлю. Но все они говорят на Шейсарском и носят Шейсарские имена, потому что населяют их выходцы с нашей же земли.

А сейчас передо мной оказался мужчина, которого я вообще не могла отнести хоть к какой-нибудь категории жителей или соседей золотого царства.

Кем же он тогда был?..

– Как и решать судьбу этой девушки – тоже мне, – продолжил тем временем он, и боковым зрением я заметила на его лице тонкую опасную улыбку.

– Как знаешь, – снова махнул рукой Дерваль, – хочешь себе бестолково орущую, да еще и слепую игрушку – это не мое дело. – И, отвернувшись, пошел прочь по тоннелю.

Я вздрогнула, осознав, что бестолково орущая игрушка – это что-то вроде определения моей скромной персоны. Только вот с чего бы мне орать? Видимо, в скором времени в компании этого Ильхамеса у меня должен появиться повод к крикам?..

Оптимизма это не внушало, но я старалась держаться.

– Скажите, – жалобно выдохнула я, протянув руку вперед, словно пытаюсь нащупать опору, а затем хватая блондина за запястье, – может, вы меня просто отпустите, покажете выход, раз я вам не нужна? Сделаете благое дело во славу Иль-Хайят?

Даже не глядя в худое бледное лицо своего похитителя, я увидела мрачный блеск, озаривший его глубоко посаженные глаза.

– Мне плевать на Иль-Хайят, девочка, – протянул он нечто совершенно кощунственное, склонившись к моему лицу. – И постарайся больше не произносить здесь этого имени, если не хочешь быть скормленной подземным червям.

С этими словами он дернул меня за руку и толкнул вперед.

Я сделала несколько шагов по пещере, освещаемой пляшущим светом факела, и никто больше меня не держал. Пульс kloкотал в горле, все тело покрылось липкой пленкой страха.

А остальные члены банды будто нарочно стояли поодаль, почему-то не приближаясь.

Перед глазами, которые должны были выглядеть слепыми, все помутнело от переживаний. А затем каким-то чудом я сумела различить несколько крупных камней прямо на дороге.

Не знаю, как я успела сообразить, что не имею права их перешагивать. Но словно что-то ткнуло меня, заставив соображать быстрее. Заставив думать.

И, подняв ногу для очередного шага, будто камней передо мной и не было вовсе, я споткнулась и ожидаемо полетела вперед.

Слепая девушка не должна была заметить преграду.

Я упала на руки, тихо вскрикнув и больно ободрав ладони и колени. В этот же миг молчаливые мужчины, что стояли в стороне, ожили, подскочили ко мне и подняли на ноги, ведя вперед. Свет погас, и процессия двинулась по тоннелю в неизвестном направлении. А мне стало ясно, что все это была проверка, оступлюсь я или нет!

Грудная клетка конвульсивно сжалась.

Ильхамес меня проверял... Похоже, он не отпустил меня только потому, что, в отличие от Дерваля, не верил моим словам! И слепой бы понял, что именно он является главным в отряде и на его слово ориентируются остальные. А я все же слепой не была... знала, что он идет позади меня, и сейчас казалось, что я спиной ощущаю его внимательный взгляд.

Но зачем, демоны его унесите, я вообще ему сдалась?

Сразу вспомнились редкие и все же вполне регулярные новости о пропаже женщин в Шейсаре. Иногда в городских газетах писали, что «из дома ушла очередная домохозяйка» или что-то вроде «дочь уважаемого торговца шелком убежала от опеки родителей». Всегда внизу стояла просьба немедленно обратиться в местные органы самоуправления, если появятся хоть какие-то вести о беглецах. Вот только вдруг эти девушки не убежали, а их украли? Что, если они, как и я, провалились в какие-нибудь скрытые тоннели под городом?..

По позвоночнику скользнула холодная змея страха.

Если все это правда, то что эта ужасная банда делает с пойманными жертвами? И почему Ильхамес сказал, что на Иль-Хайят, великую богиню всех нагов, которой поклоняются и многие люди, ему наплевать?

Память подсказала, что чуть раньше он упомянул, будто я должна пойти с ними, ибо такова воля богини. Логично было предположить, что он имеет в виду именно Иль-Хайят, но это оказалось ошибкой. Какую же еще богиню мог подразумевать этот жуткий блондин?..

В сердце стали закрадываться страшные подозрения. Одно другого хуже. И во избежание капитуляции перед очередной штормовой волной паники я постаралась не думать об этом больше.

Мы продолжали идти по тоннелю, а я думала только о том, как ровно дышать. Поговаривают, что правильное дыхание помогает в разных стрессовых ситуациях. Если это так, то я вот-вот обязана была найти выход из моей.

Тем временем тоннель начал ощутимо вести вниз, петлять и путаться. В какие-то моменты я слышала, как раздается грохот камней, едва мы ненадолго останавливались на месте. Словно отъезжала в сторону какая-то большая стена... Но это невозможно, ведь правда?..

Правда?..

Я сглатывала слюну в пересохшем горле и шла дальше, надеясь на чудо и то и дело слыша где-то на границе сознания странные тихие звуки, различить которые было почти невозможно.

В очередной раз, едва мы остановились, Ильхамес зажег факел, и от неожиданности я резко опустила слезящиеся глаза. Их щипало и резало.

Ошибка.

Едва осознав, что прокололась, боковым зрением я уловила слева фигуру блондина, внимательно глядящего на меня. Я тут же всхлипнула, имитируя, что реву. И что мне нет никакого дела до горящего рядом света.

– Подними голову, дева, мы пришли, – сказал тогда главарь, подняв факел повыше.

Я сделала так, как он говорит, изо всех сил стараясь не открыть рот от удивления.

Это было настоящее чудо...

Глава 2

«Скрип страшных стеклянных врат
Откроет паучий град...»

(из уличной шейсарской песенки)

Передо мной оказались огромные сверкающие врата. Они казались полупрозрачными, будто хрустальными, и рисунок изгибов этого удивительного материала поражал воображение тысячей завитков и элементов разных форм. Становилось не вполне понятно, как эти врата не рассыпаются на осколки от любого неверного движения, и все же они легко раскрывались под натиском нескольких пар мужских рук.

Тоннель резко расширился, превратившись в настоящую пещеру со свисающими с потолка сталактитами. Скрипнули невидимые механизмы, двери пришли в движение, и прямо за ними обнаружился целый город, подобного которому я не видела никогда в жизни, не могла представить даже в самых смелых фантазиях.

И мне нельзя было на него смотреть.

– Что там, мусьор? – хрипло спросила я, протягивая вперед руку, будто ничего не вижу. – Вы все же решили отпустить меня и впереди – тоннель на поверхность?

Я старалась играть как можно более убедительно, и все же темная бровь задумчивого Ильхамеса взметнулась вверх.

– Нет, – покачал головой он. – Перед тобой Стекланный каньон. Место, которое отныне станет твоим домом, пока не опутает тебя паутина смерти.

– Что?.. – ахнула я, не в силах сдержать всхлип ужаса.

Все внутри задрожало. Я даже подумала о том, чтобы развернуться и убежать... Вот только вряд ли мне удалось бы убежать слишком далеко.

«Не сопротивляйся, это ни к чему не приведет. Делай то, что тебе будут говорить... Иначе будет только хуже,» – прозвучал в голове мягкий, чуть бархатистый голос зеленоглазого незнакомца, что меня спас.

И я не двинулась с места.

А в следующий миг один из мужчин снова подхватил меня под руку, чтобы перешагнуть вместе со мной черту удивительного подземного города.

Кажется, я проиграла и все мои дыхательные упражнения вместе с театральной игрой не возымели никакого эффекта.

Лишь делая первый шаг в пугающую неизвестность под названием Стекланный каньон, я заметила нечто очень странное и удивительное, что одновременно напугало меня и заставило думать, что не все еще потеряно.

На моей лодыжке каким-то незаметным образом очутился браслет в форме небольшого серебристо-черного паука. Откуда он там взялся? Почему я не почувствовала его раньше? Что это за странная магия?..

И все же, ощущая это странное украшение на своей ноге, я вдруг перестала бояться.

Ведь если я не могу полностью рассчитать события, которые произойдут со мной в ближайшее время, значит, то, что кажется мне концом, вполне может оказаться началом? Значит, не все еще потеряно?..

А еще, немного задумавшись над пройденной дорогой, я поняла, что браслет со мной уже довольно давно. В тот момент, когда я нарочно споткнулась на камнях в пещере, я уже чувствовала металл на своей ноге. Ведь странным толчком, который я посчитала внутренним голосом, был на самом деле толчок в лодыжку.

Могло ли быть так, что браслет как-то связан с зеленоглазым воином, убившим червя? Ведь этот мужчина становился передо мной на колени, когда...

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как меня кидает в жар при одном воспоминании о горячем языке, касающемся кожи.

Но факт оставался фактом: этот мужчина был достаточно низко, чтобы закрепить браслет! И все же я не чувствовала его прикосновений в тот момент.

Впрочем, я тогда вообще мало что чувствовала, кроме обжигающих движений рук и губ. Постаравшись оставить эти мысли до более удобного момента, я сконцентрировалась на невероятном городе, раскинувшемся впереди.

На первый взгляд он казался чудовищно огромным! Стены уходили ввысь, будто в бесконечность, теряясь где-то в непроглядной

черноте. А снизу из странной, почти прозрачно-белой земли, что казалась сухой и безжизненной, стеклянной, будто назло всем росли огромные грибы, многократно превышающие человеческий рост. Из-под шляпок грибов повсюду разливался колдовской желтоватый свет, освещая людей в диковинных одеждах, жутких ящериц размером с лошадь и... изредка снующих то здесь, то там тисовых пауков. Черные с красным брюшком – они были печально известны в Шейсаре как самые опасные и ядовитые твари, что периодически устраивают на город целые нашествия. Потом, впрочем, они снова исчезали и могли не появляться несколько лет.

А здесь эти самые тисовые пауки бродили по дорожкам, лениво перебирая лапками и хвастаясь ярко-красной кожей, а окружающие люди не обращали на них ни малейшего внимания.

– Шевелись, мы уже пришли, кротовое недоразумение, – толкнул меня в плечо Дерваль безо всякого пиетета.

За спиной тут же раздался пространный ответ Ильхамеса:

– Не обижай девушку, не известно, кем она станет завтра.

И вышел вперед, бросая на меня внимательный и острый взгляд каких-то стеклянно-светлых глаз.

Я старательно игнорировала это внимание, словно ничего не замечаю.

– Да кем она там станет? – фыркнул его собеседник. – Слепая курица, не смеди мои седины.

Блондин с косичками ничего не ответил.

– Что вы со мной сделаете? – осмелилась я спросить, когда Ильхамес собственноручно взял меня под руку и повел по узкой, вымощенной круглым белым камнем дорожке.

Пока мы шли вперед, краем глаза я успела рассмотреть пару высоких грибов, из-под которых на землю лился колдовской свет, и заметила в толстой ножке дверь и пару круглых окон. Со шляпки вниз кое-где свисали зеленые лианы, напоминающие обычный паучий плющ. Растение, которое в Шейсаре считается сорняком с дурной славой. Якобы это было растение демонов или вроде того.

Но что самое удивительное, так это мелкие белые цветочки, покрывающие здесь длинные зеленые отростки. А ведь в Шейсаре паучий плющ никогда не цвел!

Впрочем, возможно, я ошиблась с классификацией растения.

– Ничего ужасного, красавица, – ответил Ильхамес. – И можешь звать меня шерш.

– А что значит «шерш»? – тут же уточнила я, не в силах сдержать любопытство.

Все же тайный подземный город видишь не каждый день, а этот был еще и полон жителями. У них были свои законы и правила, и я будто бы попала в новый мир, о котором не догадывалась ни одна живая душа, счастливо прозябающая на поверхности.

– Это значит «зрящий», моя милая, – проговорил Ильхамес, даже не думая что-то скрывать. Боковым зрением я видела, что он идет рядом со мной и улыбается.

В целом пока мне явно ничего не угрожало, и только тонкий сладковато-цветочный запах, распространяющийся от моего спутника, наполнял легкие, заставляя нервничать.

К этому моменту мы прошли мимо уже несколько десятков грибов-домов, и я все ожидала, что мы вот-вот завернем в какой-то из них. Признаться, мне даже почти хотелось это сделать! Подумать только: я искала пиратское сокровище, а наткнулась на подземный город. Это ведь как тысяча тысяч сокровищ одновременно!

Разве что хотелось бы остаться в живых после такой находки.

Когда белая дорожка у нас под ногами свернула в очередной раз, я с удивлением обнаружила скалу, в которую мы благополучно и уперлись. Вот только стоило невзначай приглядеться, незаметно фокусируя взгляд, как оказалось, что в скале выдолблена дверь! И более того, резные наличники украшали вход, над которым полукруглым куполом выделялась каменная крыша в форме спины паука. Восемь паучьих ножек спускались с крыши вниз, и по ним змеились нити все того же цветущего паучьего плюща.

– Вперед проходи, девочка, – проговорил шерш, – осторожно, под ногами твоими ступеньки.

Он помог мне подняться и провел в небольшое помещение, выдолбленное прямо в монолите камня. Здесь было до странного... уютно, несмотря на то, что очень непривычно. Комнаты совершенно не имели углов, сохраняя полукруглые формы, перетекая одна в другую. На стенах тонкими узорами стелились какие-то тонкие кружева, сотканные из чуть поблескивающей черной ткани. На

кружевах кое-где были прикреплены мелкие бусины-камушки разных цветов, создающие невиданный узор.

– А это дочь моя – Лориавель, – продолжил он, когда из-за поворота гладкой стены выскользнула хрупкая улыбчивая фигурка, одетая в узкое тончайшее платье. – Расскажет тебе она о наших порядках.

И не успела я ничего сообразить, как и прежде усиленно пялясь в пустоту перед собой, как оказалось, что шерш Ильхамес просто ушел! Я уже ждала, что он устроит меня в какой-нибудь клетке для зверей или посадит в местную тюрьму. В крайнем случае прикует цепями к стене. А он просто ушел, оставив меня на свою дочь!

Впрочем... и в этом мог заключаться какой-то подвох.

– Паучьего! – воскликнула девушка, подбежав ко мне и подняв вверх ладонь с четырьмя задранными пальцами. А затем и вовсе пошевелила ими.

Как бы сильно ни хотелось мне выпучить глаза от удивления и непонимания, я все же старательно пялилась в пустоту перед собой.

– Что, простите? – выдохнула я, протянув руку вперед, словно пытаюсь нащупать девушку.

– Паучьего дня, я говорю... ой, так слепая ты? – ахнула Лориавель, прикрыв рот рукой. – Прости, я не поняла сразу. Проходи скорее в дом. Ты новенькая ала? У нас так давно не было новеньких, кошмар! Тебе, наверное, страшно жутко, но ты не бойся! Ничего ужасного не происходит у нас тут, – усмехнулась она, подхватив меня под локоть и проводя вглубь помещения. – Хотя я уверена, что ты напридумывала себе уже всякое. Иногда девушки приходят в истерике или их и вовсе обморочных несут. А ты еще ничего, держись, – хлопнула она меня по плечу и усадила за круглый стол, от которого вниз, как со шляпки гриба, «стекали» восемь изогнутых ножек. Как у паука.

Я демонстративно пощупала стол и табуретку похожей конструкции, прежде чем сесть, одновременно отмечая, что ни одного стула в доме не видно, а вся мебель кажется немного ниже привычной.

Слова Лориавель пока с трудом укладывались в голове.

– Получается, ты... часто встречаешь таких, как я, пленниц?... – предположила я, приподняв бровь.

Смотреть во время разговора не на собеседника, а в сторону было ужасно непривычно. Буквально физически тяжело. И все же я продолжала придерживаться легенды, которую мне посоветовал использовать мой зеленоглазый спаситель.

«...и тогда я буду надеяться, что мы никогда больше не увидимся...»

Сердце глухо и почему-то болезненно ударило в ребра. Я сглотнула ком в горле и постаралась сконцентрироваться.

– О да! – радостно закивала Лориавель, а я тем временем мельком по мере возможности разглядывала ее необычную внешность.

Ее волосы были светлыми, почти полностью белыми, и иногда казалось даже, что они отливают голубым. Они были заплетены в две красивые и очень интересные косы, огибающие ее голову, будто гребни диковинного зверя. А в них оказались аккуратно вплетены все те же маленькие белые цветы, что были тут повсюду.

Я уже хотела было спросить, что это за цветы, но вовремя прикусила язык. Вряд ли подобная наблюдательность вписалась бы в мою легенду о слепоте.

– Постоянно, уже много лет! Мне даже кажется, что я делаю это с тех пор, как Великий появился, – поспешно стала объяснять она с таким же немного необычным выговором, как и у ее отца.

Немного подумав, я пришла к выводу, что Лориавель, как и ее отец, принадлежала к неизвестному подземному племени, которое, возможно, однажды отделилось от Шейсары. Весь их странный вид говорил именно об этом. Бледное, лишенное солнца лицо, удивительные голубовато-белые волосы, каких не бывает в Верхнем городе, одежда, подобной которой я не видела никогда в жизни. И язык. Они говорили так же, как я, на Шейсарском. И все же порядок слов был непривычный, а некоторые слова оказались новыми и неизвестными у нас.

По всему выходило, что я очутилась в самом центре скрытой от глаз подземной империи... и, признаться, от этой мысли дух приключений во мне так громко кричал, что было трудно усидеть на месте. Помогало лишь то, что в ходе этого приключения меня могут съесть – эта мысль принуждала вести себя спокойно и взвешенно.

– А что за великий? – уточнила я, стараясь понять, к чему готовиться.

– О! Ты увидишь его, – фыркнула она, махнув рукой. – Ты же новая ала. Хотя... я не припомню, чтобы у Великого айша раньше были слепые алы. Не уверена, что это по правилам. Но другой-то у нас все равно нет! – пожала плечами она. – Так что, уверена, тебя возьмут, не беспокойся.

Я кашлянула в кулак, когда меня бросило в холодный пот от ее слов.

Тем временем девушка поставила передо мной тарелку, полную каких-то скользких кружочков, положила рядом ломоть необычного серого хлеба и дополнила все каменным бокалом с чуть светящейся желтым светом водой.

Под желудком неприятно скрутилось от вида этой странной еды, но, признаться, запах был великолепен.

К тому же, как ни странно, хозяйка дома и перед собой поставила точно такой же набор яств, так что можно было не искать подвох. После этого она подошла ко мне и вставила в одну мою руку изогнутый серебряный прибор, напоминающий то ли ложку, то ли вилку. У него было восемь зубцов, однако изогнут он был будто ложка.

– Жуй, пожалуйста, – проговорила Лариавель. – У нас день сложный впереди.

– Сложный день? – еще больше испугалась я. – Что за сложность? И куда меня должны взять?

– Да ты гриб попробуй! – махнула рукой она, тут же принимаясь за свою порцию, да с таким аппетитом, что позавидуешь. – Это, между прочим, лучшие мясные грибы во всем Стеклянном каньоне!

И начала так быстро есть, что мне и впрямь захотелось испробовать эту диковинку. Ну где еще попробуешь «лучшие мясные грибы во всем Стеклянном каньоне»?

Дух исследователя во мне был ничуть не слабее, чем дух приключений, поэтому, не глядя в тарелку, я в целом довольно легко зацепила один серовато-блестящий гриб, под шляпкой которого оказались ярко-красные, действительно напоминающие мясо пластинки, и положила себе в рот, зажмурившись.

Быстро прожевав, я проглотила скользкий шарик, боясь, что мне может не понравиться. Но, как ни странно, вышло совсем наоборот! По телу разлилось приятное чувство, напоминающее удовлетворение, а голод подскочил многократно.

Гриб и впрямь был отдаленно похож на кусок говядины в сливочном соусе!

– Потрясающе! – воскликнула я, едва не позабыв от восторга свою легенду о слепоте, нанизывая на ложка-вилку еще несколько грибов.

– Ну а я что говорила тебе? – по-доброму усмехнулась Лориавель. – Ты еще сок тираана попробуй, – кивнула она на зеленый каменный бокал с белыми прожилками, напоминающий змеевик.

Но я отставила угощение, с трудом сдержавшись, чтобы не запихнуть за щеку все оставшиеся грибы и уверенно проговорила:

– Сперва ты скажешь мне, куда меня должны взять и почему это так здорово...

Лориавель отложила ложка-вилку, оперлась локтями о стол и подалась ко мне, нависнув над столом.

Крайне трудно было в такой ситуации не взглянуть ей в глаза в ответ. Я даже дернулась, излишне резко отвернув голову в сторону. Ладони вспотели.

– К Великому Айшу, ясное дело! – воскликнула она и начала улыбаться. Стало понятно, что ее эта мысль крайне радует и будоражит. – К между шаррваль и Красной матерью посреднику, к древней великой силы наследнику и к настоящему полубогу! Это же такая огромная часть!

У меня чуть челюсть не упала на стол, хотя, признаться, я мало что поняла из этого ответа.

– А... что я буду делать у этого... наследника?

– Ну, пока что ты к нему ещё не попала, – поправилась Лориавель, откинувшись назад на спинку стула и взяв в руки бокал из камня. – Сперва нужно проверку пройти и одобрение Тираанских мужей получить, то наше жреческое гнездо. Тогда тебя официально признают следующей алой, и ты сможешь к Великому Айшу попасть.

На этом она остановилась, отпила из бокала чуть светящегося сока и, всплеснув руками, закончила неожиданным:

– После меня!

Я закашлялась слюной.

– Так ты тоже эта... как оно у вас называется... ала?

– Да! Представляешь? – Она вдруг хлопнула в ладоши и подскочила с табуретки, забежав по каменной комнате, как сизый

ночной мотылек. Беловато-голубые волосы то и дело взлетали в воздух, придавая ещё большее сходство с маленьким милым насекомым. – Мне только недавно дозволили, хотя я помогаю и готовлю других ал уже лет семь, да и мне самой уже немало. – Она вдруг приложила руки к щекам и неожиданно покраснела. – Таких старых, как я, обычно не берут, – опустила голову задумчиво.

– Таких старых? – удивилась я, оглядывая хрупкую, тонкую фигуру девушки. Почти невесомую и в какой-то мере прозрачную. Казалось, стоит на нее дунуть – и рассыплется. Бледная кожа, узкое лицо и белые волосы. И дать больше двадцати пяти лет я бы ей не смогла. – А сколько же тебе?

В этот момент Лориавель резко подняла голову, а до меня дошло, что я пялюсь на нее вовсе не как слепая.

Огромных трудов стоило просто расфокусировать взгляд, не дергаясь вновь. Это точно привлекло бы внимание.

– Двадцать четыре, – улыбнулась она. – Но в таком возрасте шаррвальки редко остаются девственницами. А мне повезло вот, – ухмыльнулась она, все еще краснея. – Извини ты меня, что рассказываю о себе, не спрашивая про тебя. Но мне особенно не с кем поделиться. Я дочь жреца, мне была уготована жизнь в служении Красной матери. И я привыкла к той мысли, что друзей будет немного. Так что сейчас, когда я узнала, что мои многолетние заслуги в подготовке ал признаны были Тираанскими жрецами, поделиться радостью оказалось не с кем. Ведь меня наградили возможностью самой стать алой! А это большая редкость. В алы берут либо особо отличившихся девушек Стеклянного каньона, либо девушек с поверхности. Так что... вот. Хвастать отцу о том, как я рада, что моим первым мужчиной будет Великий Айш, понимаешь сама, не очень-то правильно, – звонко усмехнулась она, снова приложив ладони к совершенно пунцовым щекам.

– Значит... ты рада стать алой, – констатировала я внезапно охрипшим голосом. – А в обязанности алы входит отдать девственность Великому Айшу, – кивнула, осознав, что мои догадки не слишком-то подтвердились. Я-то, глупая, думала, что они поведут меня на съедение какому-то чудовищу, а они просто искали наложницу для какого-то местного высокопоставленного мужчины, что читится здесь подобно богу.

– Нет, не в том дело! – воскликнула Лориавель поспешно и даже как-то испуганно. – Ала – лишь попытка. Не рабыня.

– Попытка? – не поняла я, округлив глаза.

Все же моя новая знакомая выражалась очень странно и, чтобы ее понять, требовалась некоторая сноровка.

– Попытка стать айяалой, конечно! – воскликнула девушка. – То есть истинной супругой Айша, светоносной царицей, супругой божественного, что поведет род шаррваль к солнцу. Ну... таковы слова свитков древних. Когда ала сумеет забеременеть от Великого Айша, она признана будет истинной айяалой.

– Замечательно, – выдохнула я едва ли не в ужасе. – Значит, не просто секс, а еще и мать детишек.

– Светоносная царица! – поправила меня Лориавель. – Огромная честь! На то, чтобы забеременеть, але дается полгода. Если за этот срок ничего не выходит, алу отпускают, и ее место занимает другая ала.

– Ой, значит, в теории я смогу вернуться домой?! – подалась я вперед, на миг забывая обо всем. Даже о своей легенде.

К счастью, Лориавель в этот момент стояла ко мне вполоборота и ничего не заметила.

– Нет, к сожалению, – покачала головой она, и на ее лице появилось виноватое выражение. – Вернуться домой шаррвальки лишь могут. Шейсарки остаются у нас. Но не бойся! Им дается дом, их кормят. Все в порядке!

– Действительно, – буркнула я, сцепив руки на груди.

Но в этот миг Лориавель перелетела по-мотыльковски с другого конца каменной комнаты и вдруг обхватила меня за плечи.

– Во-первых, у тебя есть еще полгода, пока я буду алой! – успокоила она. – А еще мы надеяться можем, что мне удастся Великому Айшу дитя зачать, и тогда тебе вообще не придется алой когда-либо становиться. Все хорошо будет, видишь?

Как ни странно, но мне нравилось то, что говорила Лориавель, хотя ее энтузиазм и выглядел слегка нездорово.

– И... если ты станешь айяалой, то я все же попаду домой? Наверх?

– Ну... – задумалась девушка. – По словам наших жрецов, айяала вместе с Великим Айшем должна вывести нас всех в новую жизнь.

Поэтому, думаю, я смогу позволить тебе вернуться. Я же буду Светоносной царицей! – Лориавель даже слегка подпрыгнула от радости.

В принципе, если подумать, то кто не хотел бы стать царицей? Может быть, ее желание было не столь уж и странным.

Разве что я лично на трон подземного царства никак не претендовала и хотела домой гораздо сильнее всего остального.

Разве что...

Встряхнув головой, я постаралась отогнать от себя видение о зеленоглазом спасителе и вернулась мыслями к настоящему.

– Давай-ка сока тираана выпей, – все же вспомнила о напитке девушка, поднеся бокал к моим губам. – Не зря же угощает тебя дочь одного из Тираанских жрецов.

Я не успела сказать и слова, как она влила в меня щедрую порцию напитка. Видимо, она была абсолютно уверена, что сама я еще долго буду рыскать по столу в поисках бокала, а потому поторопилась помочь.

Едва не захлебнувшись, я проглотила жидкость, опасаясь, как бы мне их зелье не вышло боком. Если с грибами насилу еще удалось подружиться, то напиток вовсе не вызывал доверия.

– Эй! – воскликнула я возмущенно.

Но Лориавель тут же запихнула мне в рот их местный сероватый хлеб, который на поверку оказался не так уж и плох. Разве что был чересчур травянистым на вкус.

А вот сок тираана был просто удивительным! Он растекался по горлу, сперва обжигая перечной остротой, а затем оставляя на языке кисловато-сладкий привкус. Если вначале я чуть не закашлялась, то, когда все оттенки напитка заиграли во рту, широко раскрыла глаза, с удивлением причмокивая.

– Как ни странно... это вкусно, – выдохнула, изо всех сил стараясь не таращиться на бокал в руках девушки, чтобы изучить внешние качества жидкости получше.

Почему он вообще светится, этот сок?.. Свет очень похож на тот, что излучают огромные грибы-дома, которые я видела по дороге сюда. Может, то и были таинственные тирааны?..

– Ну а как же? – хмыкнула довольная Лориавель и наконец отошла от меня. – Обожаю его! – И хлопнула половину своего бокала

разом, стукнув его ножкой о стол. – Ко прочему всему он еще и здорово расслабляет, усиливая магические способности. Смотри, что я с ним могу!

С этими словами она выбежала на другой конец комнаты и достала там с полки выдолбленного в стене шкафа какой-то горшок.

– Смотри, – протараторила, возвращаясь ко мне, и растопырила над горшком руки.

Я не повернула головы.

– Вряд ли получится посмотреть, Лориавель, – проговорила я, старательно делая вид, что слепа, как земляной червяк.

– Ой, прости! – воскликнула она, замахав руками, и ощутимо покраснела. Даже стало немного стыдно. – Я совсем забыла. Ты такая... живая, с трудом представить могу, что твои глаза не помогают тебе. Очень жалко. Ну, тогда и показывать нечего, – выдохнула, надув губы.

И отставила горшок в сторону.

– Ладно уж, – добавила она тогда задумчиво, когда поняла, видимо, что ничем интересным меня удивить не сможет. – Пойдем в наш целлааш тогда. Думаю, нас ждут уже.

– Целлааш? Это что еще за штука? – напряглась я, когда девушка стала поднимать меня с табуретки.

– Так то дом, в котором жрецы возносят молитвы Красной матери, – объяснила Лориавель. – Там же на алтаре происходит проверка, подходит ли девушка на роль алы.

– В смысле... там проверяют ее девственность, что ли? – сдвинула брови я.

Лориавель густо покраснела.

– Ну... да, и это тоже.

– Я категорически против, – резко отодвинулась я от стола и, нарочно держась за него, будто стараюсь не упасть, отошла в сторону. – И не подумаю участвовать в таких возмутительных проверках.

Уши горели от возмущения и неловкости.

– А что... ты не девственница уже? – проговорила тогда Лориавель, склонив голову набок. – Ведь в этом случае проверка позволит тебе избежать роли алы, которая тебя так пугает.

Девушка подняла руку и коснулась ремешка, что стягивал одну из ее косичек. На его концах болтались два желтовато-медных украшения, напоминающих ограненные ромбы. Те стукнулись, издав тихий звон.

Я замерла, стараясь не обращать внимания на болезненную волну где-то под желудком.

Нужно было что-то ответить. А что? Сказать правду или солгать?..

– Я не девственница, и нужды в вашей проверке нет. Великому Айшу я не подхожу, – попыталась слухавить я, перекидывая на плечо собственную косу и, задумавшись, невольно повторила жест девушки, играя кончиками волос.

Это вышло случайно. Я слишком сильно распереживалась и не заметила, насколько странно это выглядит со стороны. Это почти зеркально отображало действия Лориавель, так, словно я и не слепая вовсе... как и было на самом деле.

Но стоило случайно поймать взгляд собеседницы, тут же скользнувший по моим пальцам, как я поняла свою ошибку.

Стало жарко.

К счастью, дочь жреца снова ничего не заподозрила, мягко улыбнувшись.

– Если и есть так, то уже завтра тебе собственный домик выделят на западе Стеклянного каньона, и будешь ты спокойно жить дальше. Однако сегодня все равно сходить придется в целлааш. Порядок нерушим!

Она пожала плечами.

– Мне жаль... Ой! Кстати, я так и не успела спросить, как тебя зовут? – воскликнула она, схватившись за голову. И заулыбалась, покрасневшись. – Такая рассеянная я. Мысли все в завтрашнем дне.

– Меня зовут Эвиса, – ответила, размышляя, не лучше ли сбежать прямо сейчас, пока жреческая дочка думает, будто я слепая. Ведь это даст мне фору.

Однако самый главный вопрос, который занимал меня с момента начала блуждания по пещере, оставался прежним.

Куда бежать?

Куда?..

Поэтому пришлось вздохнуть и кивнуть. Даже если я начну драться с бедной Лориавель, очарованной мечтами о своем блестящем

будущем, и сумею одержать победу в схватке, мне негде спрятаться. Шерш Ильхамес со своим отрядом завел меня так глубоко в земные недра, что страшно подумать. Прежде я и представить не могла, что тут вообще может быть хоть какая-то жизнь. И теперь становилось ясно, почему меня так легко оставили безо всякой стражи: при всем желании я не смогу покинуть Стекланный каньон без чужой помощи. А помогать мне, видимо, никто не станет.

– Хорошо, пойдем, – покорила я, все же не переставая хмуриться.

– Вот и славно! – всплеснула руками Лориавель. – Да ты не думай, пусть будет это лишь формальностью для тебя, Эвиса. Если я сумею родить Великому Айшу дитя, тебе не придется...

– А почему ты так хочешь сделать это? – перебила я ее, когда она, взяв меня за руку, повела через весь дом к другому выходу. – Неужели ты готова ради золотой диадемы, или что тут у вас вместо символа власти, – махнула рукой я, – рожать ребенка нелюбимому мужчине?..

Не знаю, зачем я это спросила. Наверное, где-то внутри меня зрела уверенность, что уж я бы никогда так не смогла. Что такое деньги и власть, если ты всю жизнь будешь жить с человеком, который тебе не нравится? А что, если он и вовсе будет тебе противен? Поступаться своими принципами, перешагивать через себя ради блеска золота?..

Наверное, кто-то так мог, но я серьезно опасалась, что меня могло бы вырвать при первой же эротической близости. И тогда, боюсь, семейная жизнь могла дать серьезную трещину.

– Потому что он... он... – Лориавель внезапно начала запинаться, ведя меня по длинному темному коридору, который скрывался буквально за легкой шторкой в комнате, где горел один грибоподобный ночник.

Теперь мы шли по узкому проходу, и только влажные капли на стенах таинственно светились розовато-сиреневым светом, показывая дорогу. словно это были и не капли вовсе, а круглые кристаллы или мельчайшие волшебные грибочки.

– Он... – девушка так и не нашлась что ответить. Но на губах ее заиграла задумчивая улыбка. – Понимаешь, он нашего племени надежда. Надежда всех шаррвальцев. Ведь мы ждали его появления множество столетий. И пускай наши жрецы считали, что явиться

должна Красная мать – Светоносная богиня, что повела бы нас к солнцу. Это неважно. Ведь пришел Айш – получеловек-полубог. Тот, в ком возродилась сила Матери! Ибо неизвестны пути богов, а мы лишь следовать за ними можем, всецело вверяя себя в их руки.

По губам Лориавель продолжала блуждать немного пьяная улыбка, и я уже начала опасаться, что рядом со мной фанатичка. В целом это было бы вовсе не удивительно, ведь она была дочерью жреца, а с глубоко утонувшими в вере и религии людьми это случается. Хоть и не часто, хвала богам.

К примеру, я очень почитала Иль-Хайят – богиню, которой поклоняются все мираи. И любила Светлую чету, которой молились люди. Уважала Великое Древо фей, считая его чудом, поражалась и восхищалась огромными статуями змеезавров, которым поклонялись дракайны.

Но... все хорошо в меру. И если бы завтра мне сказали, что Иль-Хайят воплотилась в человека или Светлая чета гуляет на соседней улице, я не спешила бы верить и бежать туда с дарами.

А вот Лориавель, очевидно, верила. И сейчас была совершенно сведена с ума мыслью, что ей предстоит греть постель полубогу.

Ну что за чушь?..

Впрочем, я старалась ничем не показать своего глубокого скептицизма.

– В общем, ты хочешь помочь своему народу, правильно я тебя понимаю? – уточнила я, словно полностью разделяю ее мысли.

– Да! – жарко закивала она. А тоннель впереди начал расширяться, являя нашему взгляду высокое сооружение в самом центре небольшой каменной долины. Мы стали подходить ближе, и мне огромных трудов стоило не разинуть рот от изумления, разглядывая все вокруг глазами размером никак не меньше, чем два блюда.

Металлические полукруглые дуги шли от высоких башен-столбов в центр сооружения, похожего на диковинный храм с блестящей ярко-красной крышей-куполом. Столбы были прозрачными, словно из стекла, внутри которого бурлили пузырьки воды. Эти пузырьки по дугам утекали в центр купола, теряясь внутри храма. А в основании строения, напоминающего грибную шляпку без ножки, росли красивейшие деревья, целиком усыпанные светло-розовыми цветами.

Если прищуриться, могло показаться, что это и не строение вовсе, а огромный паук с кроваво-алой спиной и чудовищно громадными ножками...

– Согласно пророчествам древних, – продолжала Лориавель, подводя меня к этому пугающе-величественному месту, от которого дух захватывало, – настанет день, когда первый Айш произведет на свет наследника. День этот ознаменует начало новой эры шаррваль, в которой наше племя будет переименовано в племя айшей.

Я нахмурилась, совершенно сбитая с толку ее ответом.

Какое еще племя айшей? И в чем отличие от шаррваль?

В общем, понятного мало, пугающего – чересчур много.

Как раз в этот момент мы проникли внутрь божественного храма, который здесь звался целлааш, и я обомлела.

Похоже, к моему приходу тут и впрямь уже все подготовили...

Огромный храм изнутри выглядел словно маленький дворец. Стены уходили ввысь полукруглыми линиями, и прямо с потолка по ним в прозрачных тонких трубочках стекала топазово-голубая вода. Тонкими венками она подходила к медно-золотым кранам в форме переплетенных щупалец какой-то медузы. А те, склонив носики, глядели в широкие каменные раковины-вазы, напоминающие дивные цветы. Эти раковины были установлены повсюду вдоль стен храма. Их было нескончаемое множество, словно они являлись чем-то ужасно важным.

А между ними вверх по устланной трубочками-капиллярами каменной стене росли зеленые вьющиеся растения, с которых гроздьями свисали алые, как брюшко тисовых пауков, ягоды.

В центре храма возвышался пугающий каменный алтарь, вокруг которого уже стояли не менее двенадцати мужчин в странной одинаковой одежде – беловато-серой, с красными пятнами, напоминающими кровь.

Шерш Ильхамес тоже был здесь, и он не сводил с меня глаз.

Проклятье...

Все внутри похолодело. Я даже не могла сказать точно, вертела я головой или нет. Выдала я себя своим дурацким любопытством или нет?

Вперив взгляд в пустоту, я шагнула вперед, делая вид, что ничуть не удивлена и не испугана. Разве что немного обескуражена

происходящим. Однако, когда руки трясутся, словно у заправского пьянчужки, это не слишком легкая затея.

– Да будет Красная мать свидетельницей! – раздался зычный голос отца Лориавель, и я почти не удивилась, осознав, что он был тут главным жрецом.

Стало еще более не по себе.

Если провести параллель с казисом Шейсары – главным жрецом богини Иль-Хайят, – становилось ясно, что передо мной крайне важная фигура. Сравнимая с самим царем!

Впрочем, у этих странных подземных жителей все могло быть и по-другому, но я почему-то в этом сильно сомневалась. Что-то подсказывало мне, что племя шаррваль, как они тут себя называли, имело непосредственное родство с людьми либо нагами Шейсары. Разве что спустились под землю они много веков назад. Так давно, что об этом никто и не помнил уже. А их язык почти ничем не отличался от Шейсарского только потому, что они регулярно крали девушек с поверхности. И, может быть, делали так всегда.

– Пусть нити судьбы сплетутся в рисунок, пусть шорох тысячи лап превратится в музыку! – начал распевать шерш Ильхамес, и остальные жрецы начали тихонько вторить его словам, подняв руки высоко к потолку пещеры-храма.

А откуда-то от стен целая стала раздаваться тихая мелодия.

От этого пугающего напева, поддерживаемого непонятной музыкой, у меня дыбом встали, кажется, все самые маленькие волоски на теле.

Я вслушивалась в голоса жрецов, но слышала и другие. Мужчин тут было всего двенадцать, но голосов... значительно больше! Готова была поклясться, что пел кто-то еще! Будто десятки, сотни людей!

Но никого вокруг не было видно.

Пугающее впечатление усиливал полумрак помещения, что рассеивался лишь от нескольких высоких – выше мужских фигур – свечей, что стояли по кругу, в центре которого оказался каменный алтарь.

– Где все эти люди, которых я слышу? – выдохнула я, невольно схватившись за руку Лориавель. Она хоть и была странной, но, по крайней мере, не пугала и относилась ко мне без злобы. Хотя у нее не было на то никаких оснований.

– Какие люди? – удивилась девушка, чем еще больше начала меня пугать. – Тут двенадцать Тираанских жрецов всего лишь. Среди них и отец мой. Тебе нечего бояться, процедура быстро пройдет. Они всего лишь примут решение, подходишь ты или нет для священной роли алы.

– Но...

– Иди-иди, не надо бояться, – улыбнулась она ободряюще, хотя и знала, что ее улыбку мне якобы не увидеть.

По всему выходило, что улыбалась она от чистого сердца.

Подтолкнув меня в спину, девушка осталась стоять на месте. А я вынуждена была шагнуть к проклятым жрецам, которые тут же расступились. Ильхамес повернулся ко мне той половиной головы, что была с тонкими косичками, и, не улыбаясь, протянул руку.

Мне нужно было вложить в нее свою, и только по острому взгляду глубоких стеклянно-голубых глаз я вспомнила, что не должна видеть эту руку.

А потому я лишь захлопала глазами, протянув вперед ладони, словно пытаюсь нащупать что-то.

Ильхамес приподнял бровь и сам схватил мою кисть.

– Сюда, красавица, – проговорил он, подводя меня к алтарю и помогая на него лечь.

У меня снова начали гореть уши. Я старательно натягивала на колени свое платье и, не имея возможности взглянуть на жрецов прямо, ощущала на их лицах мрачные ухмылки.

Впрочем, мне вполне могло все это казаться. Потому что, когда я уже во всех красках представила, как мне между ног сейчас ползет дюжина мужиков в поисках девственности, произошло нечто совсем иное.

Другой жрец взмахнул тонкой легкой тканью, напоминающей алый шелк, и меня спрятали ото всех прохладным покровом.

– Да будет ночь свидетельницей, да станет первородная тьма покровительницей, да узрит Красная мать нареченную алой, да станет эта дева новой избранницей! – пропел Ильхамес.

Тяжелый камень страха провалился в желудок.

Я все ждала появления под тканью прикосновений мужских рук, но их так и не появилось. Вместо этого я заметила, как что-то над покровом сверкнуло. Ярко, словно где-то в воздухе надо мной зажглась

звезда, а затем ее искры стали разлетаться в разные стороны, напоминая... лапы паука.

Но все это я видела сквозь ткань. И могла лишь догадываться, что происходит на самом деле.

А в следующее мгновение покров исчез, и руку мне снова подал отец Лориавель. Только на это раз он широко улыбался, да и встал ко мне своей лысой половиной.

– Алтарь подтвердил твою чистоту, а Красная мать одобрила тебя, девочка! Поздравляю, теперь ты станешь новой алой сразу после Лориавель, – сказал он и добавил: – Если у нее не получится, конечно.

Бросил какой-то нечитабельный взгляд на дочь и снова посмотрел на меня.

Судя по его лицу, он был крайне счастлив, что их странный ритуал сработал. Только что это было вообще? Неужели они и впрямь зывали к своей богине и она ответила?

Я не могла поверить.

Но тот факт, что я была девственницей, они явно сумели понять безошибочно.

– Даже твоя слепота не стала препятствием, – продолжил Ильхамес благосклонно, провожая меня к дочери. – Я знал, что попробовать нам стоит, и даже слова следопыта Дерваля не принял к размышлению. Нити судьбы тебе в помощь, ала.

С этими словами он передал меня дочери, и мы неторопливо, как и полагается слепой и ее спутнице, вышли прочь из целлааша.

– Поздравляю! – воскликнула девушка, едва мы оказались на воздухе, прохладном и немного влажном, как и могло быть в огромной каменной пещере.

Признаться, меня давно уже колотила мелкая дрожь от низких температур каменных пещер, но ввиду всего происходящего думать об этом было некогда. Тем более что периодически все тело бросало в жар от стыда, и о холоде я на некоторое время забывала.

А вот Лориавель явно совершенно не мерзла. Тонкое платье из этой их странной беловато-серой жреческой ткани, подбитой, как я сейчас заметила, редким черным мехом, словно бы давало ей достаточно тепла.

– Пойдем домой скорее, я покажу тебе комнату, – проговорила она, уводя меня по тому же коридору, откуда мы и пришли. – Настает

время Бледных червей, – добавила она несколько беспокоино. – Нужно дома быть. А завтра, в новый день, ты пойдешь со мной смотреть Великого Айша! Грядет большой праздник, и буду представлена ему я, новая ала.

Она весело улыбнулась.

– Ну а ты поймешь, что бояться нечего, – проговорила она. – Великий, он... он такой...

– Ага, я поняла, – кивнула я, не глядя на девушку, которая начала казаться не столько фанатичкой, сколько слегка... влюбленной.

Лориавель отвернулась и покраснела, отчего ощущение собственной правоты лишь усилилось.

Так мы и добрались обратно до необычного, но вполне уютного каменного домика жреца и его веселой дочки. Затем Лориавель показала мне дальнюю комнатку в их жилище, усадила на кровать, которая стояла прямо на полу, без ножек, и ушла со словами:

– Располагайся. И желательно окна не открывать. Я уж молчу про выход из дома. Конечно, патрулируют каньон красные воины, но никогда не знаешь, откуда ждать появления новых солаанов. Пусть паутина снов опутает тебя сладким нектаром!

С этими словами она исчезла за дверью, а я после ее напутствия поспешила поплотнее закрыть тяжелые металлические решетки на окнах. Изогнутые прутья напоминали переплетенные спирали и были украшены серебристой эмалью. Красиво! Но я надеялась, что еще и функционально. Не хотелось думать, что в любой момент с другой стороны от них может появиться такой же червь, от которого меня спас...

Вот паучи боги! Опять вспомнился мой зеленоглазый спаситель, и в животе что-то сжалось.

Я снова попыталась выкинуть мужчину из головы. Его план не сработал: псевдослепота все равно не заставила Ильхамеса отпустить меня. И все же оставался шанс, что после Лориавель до меня дело и не дойдет. А там уж, предоставленная сама себе, я, может быть, придумаю, как найти выход из бесконечных пещер и переходов Стекланного каньона.

И, может быть, даже снова встречу со своим спасителем...

Впрочем, засыпая на чужой постели, пахнувшей незнакомыми травами, я и подумать не могла, что встреча получится гораздо

быстрее, чем стоило рассчитывать. И окажется она вовсе не такой, какую можно было вообразить даже в самых страшных кошмарах...

Глава 3

«Там люди с глазами изо льда,
А вода – как золотая руда...»

(из уличной шейсарской песенки)

Ночь выдалась почти бесконечной. Я ужасно спала, вдыхая мягкий запах сухой травы, из которой был сделан матрас и сшито даже постельное белье, мне чудились скрипы и шорохи за тяжелыми оконными ставнями и решетками. Создавалось впечатление, что за ними кто-то ходит-ходит-ходит... И ищет. Закрывая глаза, я представляла, как длинные щупальца громадных червей скребут по стенам домов, как просачиваются в щели между створками дверей и окон. Жаждут дотянуться до меня...

Но ничего подобного так и не случилось.

Утро в подземном граде шаррваль, кажется, не планировало наступать никогда. Полумрак, освещаемый лишь светом волшебных грибов, диковинных сталактитов и разнообразных волшебных камушков, вовсе не собирался рассеиваться.

Тут не было солнца. И понять, что наконец-то наступил день, мне представлялось совершенно невозможным.

И все же проснулась я сама, скорее по привычке вставать в одно и то же время, чем по причине того, что началась какая-то утренняя суета. За тяжелой шторой, отделяющей мою комнату от остального дома и впрямь раздавались какие-то звуки, словно Лориавель уже готовит завтрак или вроде того. Чуть попозже я услышала приглушенный голос Ильхамеса, и стало ясно, что жрец тоже дома.

Ко мне никто не спешил приходить, поэтому я встала сама, но, оглядываясь в поисках собственного платья, поняла, что его нигде нет. Вместо него прямо напротив кровати обнаружилась необычная вешалка в форме длинного высокого гриба с тонкой ножкой-стойкой и шляпкой, внутри которой по кругу располагались крючки. На одном из таких висел наряд, явно подготовленный именно для меня. Вот только

когда его принесли, я совершенно не успела заметить, а ведь думала, что всю ночь проворочалась, не сомкнув глаз.

Длинное белоснежное платье, сотканное из очень странных нитей, приковывало взгляд. Я не смогла отказать себе в удовольствии пропустить мягкое полотно между пальцев, с удивлением наслаждаясь странным ощущением, словно трогаю облако. Оно то и дело будто бы норовило испариться прямо у меня в руках, чтобы затем вновь приобрести плотность.

– С ума сойти, – выдохнула я, пытаясь изучить странные свойства ткани. Ведь прямо на лифе этого наряда оказались прикреплены мелкие алые капли камней. Словно ограненные ягоды на снегу... Вот только не было ни следа нитей, что пронзали бы камни. Они крепились будто на клею. Однако, склонившись ниже, чтобы разглядеть тонкую работу неизвестной швеи, я так и не увидела даже малейшего следа клея. А попытавшись оторвать один камушек, потерпела фиаско.

Собственно, поскольку надеть больше было нечего, я глубоко вздохнула и натянула оставленный для меня наряд. Распустила всклокоченную за ночь косу и повертелась в поисках зеркала.

Нигде не было видно ничего подобного. Накручивая на палец кудрявую непослушную прядь, я двинулась вдоль комнаты, чтобы, пока есть время, осмотреть помещение.

Каменные стены были гладкими, словно полированными, а чуть выше уровня глаз в них оказался выдолблен аккуратный рисунок, заполненный серебристой краской, чуть светящейся во тьме. Это были диковинные насекомые, напоминающие бабочек.

Двинувшись дальше, я обнаружила прямо в стене металлическую овальную панель. Она целиком и полностью была испещрена рисунками – концентрическими кругами, внутри которых по краям светились настоящие металлические пауки, покрытые эмалью.

Я хмыкнула, дотронувшись до того, что сидел в самом центре панели. Его стальные лапки блестели чуть меньше остальных, словно его часто трогали.

– Если бы тетка увидела – полдня бы молитвы Светлой чете читала, – проговорила я сама себе, обводя пальцем контуры фигурки.

Шаррваль явно обожали пауков. Мелких ядовитых и многоногих тварей, которые в Шейсаре считались пособниками демонов. Но чем дольше я находилась здесь, тем сильнее мне казалось, что все это

неспроста. Если, скажем, много веков назад шаррваль поссорились с нагами-мираями, навсегда уйдя под землю вместе с пауками, то именно этот факт и мог родить суеверия против пауков, заполнившие город на поверхности.

Получалось, что пауки не пособники демонов. Они пособники шаррваль, которые вовсе не демоны, а всего лишь обычные люди.

Я, в отличие от многих своих знакомых, и в суеверия не верила, и пауков не боялась. Даже любила в некотором роде.

Поэтому, когда под моим пальцем многоногое металлическое украшение пискнуло и вдавилось в пластину, словно кнопка, я взвизгнула от радости, не испытав ни капли страха.

И не зря, ведь панель в стене оказалась подвижной! Скрипнул какой-то внутренний механизм, панель отъехала в сторону, а из глубины стены вышло большое зеркало, по краям украшенное каменными сверкающими наростами. Светящиеся кристаллы облепили ободок, будто друзами, и прекрасно освещали все вокруг, включая мою сонную, помятую после тяжелой ночи физиономию.

Я взглянула в собственное отражение и тихо выдохнула.

На меня смотрела худая девушка двадцати лет, которая... подозрительно напоминала шаррвальку. Никогда прежде я не думала, что моя необычная для Шейсары внешность окажется настолько пугающей.

Почему я была так похожа на них всех?.. На людей, что жили под землей с самого рождения?

Те же тонкие кости, узкое лицо. И светлые волосы, как у Лориавель...

Разве что я была смуглой, потому что под палящим солнцем Шейсары невозможно не загореть. А бешено вьющиеся кудри у меня не отливали странной синевой, как у дочери жреца. Наоборот, с самого детства они были чуть темнее, пепельно-русые. И в целом не сильно привлекали внимание, почти не выделяя меня среди других смуглых и черноволосых людских детей в золотом городе.

Но сейчас... Мне вдруг показалось, что мои волосы стали чуть светлее, теряя грязновато-пепельный оттенок и приобретая какой-то другой.

Я перевела взгляд в серые глаза, которые всегда были под стать волосам, и поняла, что и они кажутся мне чужими.

Встряхнула головой, отгоняя наваждение. Так и до сумасшедшего дома недалеко! В конце концов, в здешнем полумраке, что развеивался лишь светом колдовских камней да грибов, ничего толком разглядеть было нельзя.

Разве что белое платье с алыми каплями камней сидело на мне просто божественно.

Я улыбнулась, отодвинув длинный подол в сторону и обнажив сквозь разрез бедро. И... снова увидела странный браслет, что все еще мягко обхватывал мою лодыжку.

Металлический паук, блестящий, будто чистое золото. Но ведь это не могло быть золото? Украшение, подобное этому, должно стоять целое состояние.

На лапках паука блестела крошка драгоценных камней, спинка была усеяна более крупными самоцветами. Отвести глаза от браслета было просто невозможно.

Я наклонилась, попытавшись снять его с ноги, однако в этот момент тяжелая штора комнаты откинулась в сторону, и я услышала звонкий голос Лориавель:

– Проснулась уже ты! – проговорила она.

И штора упала за ее спиной. Я подняла голову, чтобы улыбнуться и поприветствовать ее в ответ, оставив на потом размышления насчет диковинного паука-украшения, но замерла на полуслове:

– Приве...

Потому что Лориавель выглядела странно. А большие голубые глаза, тщательно подведенные черным, были слегка опухшими и красными.

Это могло бы и не броситься в глаза, ведь дочка жреца старательно улыбалась, глядя на меня. И все же я могла поклясться, что она проревела полночи.

– Что случилось?.. – проговорила я, сдвинув брови, лишь затем сообразив, что вообще-то я «слепая» и не должна ничего видеть.

Девушка широко и почему-то испуганно распахнула глаза, будто не веря, что я заметила. Будто боясь именно этого.

Но почему? Ведь даже зрячая я не стояла у нее на пути к постели Великого Айша.

Прошла секунда, затем другая, в течение которых я старательно глядела в пустоту перед собой, заново вживаясь в роль слепой.

Лориавель глубоко вздохнула, шагнув в комнату. Присела на край моей кровати, опустив голову, и я вдруг поняла.

Нет, Лориавель не меня боялась.

За прошедшую ночь случилось нечто ужасное.

Стараясь не привлекать к себе внимания, я осматривала лицо жреческой дочери, благо оно было опущено. На бледной коже лежал приличный слой белил или какой-то особой снежной пудры, окончательно скрывая под собой истинный цвет лица. Уголок ярко накрашенных губ казался чуть припухшим. Прожилки в белках глаз были красными и яркими.

– Ты почувствовала по моему голосу, да? – тихо, буквально еле слышно спросила она, все еще не глядя на меня. – Слепые часто чувствительнее многих... Но если сумела понять ты...

– Да, я поняла по голосу, – сбивчиво ответила я, готовая поблагодарить всех богов, даже местных, за то, что Лориавель, похоже, полностью верила моей легенде. – Но что конкретно я поняла? Случилась беда?

Вряд ли девушке понравилось бы, узнай она, что с самого начала ее обманывали. Я и так поселилась тут на птичьих правах, недалеко уйдя от роли пленницы. Злить хозяев дома не очень-то хотелось. Поэтому несмотря на то, что план использовать слепоту в качестве избавления от роли алы провалился, я все равно продолжала придерживаться легенды.

– Права ты во всем, Эвиса, права, – проговорила девушка и вдруг всхлипнула. – Я и отцу-то сказать не осмелилась, а ты... сама поняла.

Она вдруг закрыла лицо ладонями, и все ее тело мелко затряслось.

– Эй, ты что, плачешь? – ахнула я, тут же присаживаясь рядом, и, испытывая некоторую неловкость, все же обхватила ее узкие плечи. – А ну-ка, перестань и давай расскажи все своей новой... слепой подруге, – болезненно улыбнулась я, краем глаза замечая удивленный взгляд девушки. – По крайней мере, я сумею выслушать, и тебе точно станет легче.

Лориавель покачала головой и снова уткнулась в распахнутые ладони. Только на этот раз ее всхлипы стали значительно громче, переходя в сдавленный плач.

Нужно было что-то делать. В конце концов, эта красавица – мое спасение от роли алы на ближайшие полгода. Если с ней что-то

случится, мне конец! Поэтому я обязана была по крайней мере попытаться ей помочь.

А то, не приведите боги, решит еще, что Великий Айш ей ни к паукам не сдался, и все! Сколопендре под брюхо весь мой план по спасению!

– Давай-давай, не реви, поверь, все можно решить, – начала увещевать я. – Вот гляди, я слепая, а не унываю! А ты зрячая, красивая... – я запнулась, заметив боковым зрением новый удивленный взгляд Лориавель. – Ну... я уверена, что ты красивая, – поправила я. – И если что-то в твоей жизни идет не так, как надо, мы это поправим. Только расскажи, что случилось.

– Не поправим ничего мы! – выдохнула, пискнув, девушка. – Я не смогу стать новой алой! Уже никогда не смогу! Вся моя жизнь кончена!

И она взвыла, закрывая рот рукой.

А я похолодела.

– Не-не-не, погоди, что значит ты не сможешь стать алой? Почему?

– Потому что... потому... – запинаясь, говорила она. А потом повернулась ко мне и на ухо прошептала: – Ночью этой я получила письмо, в котором значилось, мол, ала Лориавель прийти должна под статую Первой царицы близ поворота на шестую кишку. Там якобы новую алу ждут дивные дары от воздыхателя, чье сердце пленено красотой будущей женщины Великого Айша. Однако, не надеясь жажду сердца утолить, воздыхатель будет смиренно ждать, когда положенный але срок закончится. Тогда он явит свое лицо, надеясь на благосклонность. А пока пусть дивные дары о любви его скажут лучше всяких слов...

Я слушала внимательно, хотя половину не могла понять. Что за кишка? Что за воздыхатель? Откуда слезы и трагедия, если Лориавель написал таинственный влюбленный?

Но совсем скоро интрига раскрылась. И, к сожалению, далеко не самым веселым образом.

Лориавель всхлипнула, но, достав платок из поясной сумочки, украшенной ограненными белыми бусинами, начала осторожно вытирать глаза. Ткань платка оказалась грубоватой, травянистой и пахла просто ужасно. Так, что у меня мигом начали слезиться глаза.

Впрочем, как только девушка убрала платок, продолжив рассказ, неприятное ощущение исчезло.

– Мой отец к тому времени уснул уже, и я не боялась, что он не выпустит из дома. Конечно, выбираться во время солаанов крайне опасно. Но я рискнуть решила, ведь статуя Первой царицы не так далеко от дома располагалась – на одной из площадей главных. Там солаанов почти не бывает, и местность часто патрулируют Красные воины. В общем, что бояться нечего, я решила. И уже через четверть поворота луноворота стояла под статуей.

– погоди, – нахмурилась я. – Правильно я понимаю: ты отправилась ночью на встречу с... потенциальным любовником? В то время как сегодня тебе иди на встречу с Великим Айшем, в постели с которым ты проведешь ближайшие полгода?

Лориавель покраснела, как брюшко тисового паука.

– Ну... Видишь ли... Ведь если я не сумею подарить Айшу дитя... отправлюсь обратно к себе домой. А кому я потом нужна буду, а?... – всхлипнула она и снова отвернулась.

– А что... у вас не девственниц потом замуж не берут? – уточнила я осторожно.

– Да нет, – пожала плечами Лориавель. – Обычных – берут. Да только вот для всех шаррвальцев ала остается алой всегда. Даже если бывшей. Кто-то опасается притрагиваться к Красной матери избраннице. Кто-то не желает и вовсе иметь дело с нами, считая ал кем-то вроде ночных мотыльков.

И добавила, очевидно заметив мой недоуменный вид:

– Дев поведения легкого.

– А, ну да, ясно, – кивнула я.

По всему выходило, что Лориавель все же не так уж наивна, как мне показалось на первый взгляд. Она хоть и восторгалась мыслью отдать себя на полгода в полное и безраздельное владение какому-то мужику, все же понимала, чем это для нее в итоге обернется. Не строила радужных иллюзий.

И все же, учитывая эти факторы, она все равно стремилась к роли алы. И внятной причиной мне виделось лишь одно – приязнь или любовь к Великому Айшу. Может быть, конечно, еще и вкупе с мечтой стать царицей.

– Итак, ты пришла к статуе, – подтолкнула я ее к дальнейшему рассказу.

Но лучше бы я не спрашивала...

– Да, – выдохнула Лориавель, и на ее голубых глазах снова выступили слезы. – Но там не было ни души. И подарков... тоже не было. Только едва я коснулась монумента прохладного, как кто-то надел мне мешок на голову, закрыв рот кляпом и оттаскивая незнамо куда. А потом... потом...

Она все же громко заплакала, прикрываясь рукой. Но слезы текли по бледному лицу нескончаемым потоком, белила размазывались, макияж девушки оказался безнадежно утрачен.

Вот только страшнее было то, что она собиралась сказать дальше. А я теперь уже ее не торопила, чувствуя, что у меня волосы шевелятся на голове от этого рассказа.

Через пару минут, когда всхлипы Лориавель стали все реже, она тихо-тихо проговорила:

– Их было двое. Мужчин, которые по очереди...

– По очереди... что?.. – подавилась я воздухом.

Лориавель посмотрела на меня долго и внимательно. Но, не поймав ответного взгляда, вздохнула и отвернулась.

– То, – проговорила через мгновение. – И теперь нельзя мне алой быть. Никак.

– Но это же возмутительно! – ахнула я, вскакивая с постели и вполне естественно для слепой запинаясь о табуретку.

– Осторожно!

– Кто это был, ты знаешь? Их нужно наказать! – махнула я рукой, не обращая внимания на попытку девушки помочь.

– Не знаю я, – покачала головой она, и ее глаза снова стали влажными. – Они почти не говорили. И голоса впервые слышала я. Но это неважно все. Теперь неважно, – дрожащим голосом добавила она. – Раз не девственница я, то и не быть мне алой... Не увидеть вблизи Великого Айша...

Ее губы дрогнули, и, пока она снова не начала реветь, я резко встряхнула ее.

– Ну-ка, успокойся. Ты будешь алой, – твердо проговорила, стараясь придать себе и ей уверенности.

По крайней мере, я была готова на все, чтобы это случилось. Ведь иначе ее место придется занять мне, а этого я не хотела ни капли.

– Смотри, ты ведь уже одета для церемонии, да? – проговорила я, демонстративно щупая ее ярко-красное платье с оголенными плечами и глубоким вырезом. Подол его делился от бедер на восемь красивых лоскутов, через которые было видно длинные ноги. На шее девушки поблескивало и чуть светилось удивительное и очень странное ожерелье. – Значит, осталось лишь умолчать о том, что случилось. И ты войдешь в покои Великого Айша без всяких препятствий! – воскликнула я, стараясь подбодрить девушку и найти выход из сложившейся ситуации.

Но она только всхлипнула и покачала головой.

– Я оделась утром этим потому лишь, что отцу говорить не хотела. Он... так радовался... Колье ведуньи подарил мне...

Она дотронулась пальцами до ожерелья, вода по маленьким бутылочкам, не больше ногтя, что составляли десяток висящих на нем подвесок. Бутылочки имели форму капли и еле заметно светились разными цветами.

– погоди, но никто ведь не узнает! – воскликнула я, крепко сжимая руку Лориавель.

– Великий Айш, он... бывает пугающим, – отрывисто проговорила девушка, уронив взгляд в пол. – За обман Великого наказание – смерть.

– Да ну, перестань! – фыркнула я. – Ну как он узнает?

Хотя холодок по спине пробежал.

– Говорят, он знает вообще все, – покачала головой девушка.

– Это сказки, – махнула рукой я. – Никто не знает всего. Ну, подумай сама, если у него там перед покоями нет какого-нибудь артефакта, указывающего на девственность, то бояться нечего! В первую ночь с ним тебе так и так будет больно после всего, что произошло. Так что даже имитировать не придется.

Лориавель посмотрела на меня мутным взглядом.

– А если меня казнят? – выдохнула она, внимательно глядя мне в глаза.

Я же в это время старательно пыталась не смотреть на нее в ответ.

– А есть ли артефакт девственности? – уточнила я в свою очередь.

Хоть я о подобном никогда не слышала, но мало ли что выдумали эти шаррвальцы.

Лориавель покачала головой.

– Нет вроде бы. Проверку девушки проводят однократно и только в храме Тираанских мужей.

– Вот и славно! – хлопнула в ладоши я, но все же добавила, очищая совесть: – А если тебя раскроют, скажешь, что это я тебя надоумила обмануть. Мол, проклятая чужачка с поверхности не хотела в постель к Айшу и толкнула тебя на преступление. В конце концов, так оно и есть!

– Но, Эвиса... – пробубнила неуверенно Лориавель. Ее слезы окончательно просохли.

– Ты хочешь стать царицей или нет? – уперла я руки в бока, прищурившись глядя через плечо девушки. Уверена, со стороны это смотрелось крайне забавно.

– Хочу, – кивнула она. – И больше еще хочу быть настоящей женщиной Айша. Но вот получится ли теперь... когда такая я...

Пока она не начала снова всхлипывать, я встряхнула ее опять.

– Ну-ка, давай искать, где тебя умыть, наверняка ведь все лицо заплаканное? Потом принарядим тебя и пустимся в путь. Ведь встреча с Айшем уже скоро?

Девушка кивнула.

– Отлично! – воскликнула я, взбудораженная происходящим не намного меньше самой Лориавель. – Я пойду с тобой и буду поблизости. Буду держать за руку, а в случае опасности приду на помощь. Я... возьму вину на себя. Даю слово.

Это был очень опасный шаг. Я фактически могла подписать себя на смертную казнь. И все же это было необходимо для того, чтобы очередность ал сохранилась. Иначе уже сегодня в постели Великого Айша окажусь именно я.

Что хуже: оказаться любовницей неизвестного полубога шаррваль или рискнуть жизнью, чтобы этого избежать? Ведь в случае удачи я и любовницей не стану, и жизнь сохраню. А в перспективе – вернусь домой!

В случае же, если мне не повезет, я по крайней мере не возьму на душу грех: на моей совести не будет смерти несчастной жреческой

дочки. Потому что именно я подтолкнула ее к нарушению местных законов.

В общем, примерно через четверть часа Лориавель снова была измазана ее белилами, новая помада украшала красивую линию губ, а черная подводка выделяла голубые глаза. Разве что слегка испещренные сеткой капилляров.

– Мы должны прийти на центральную площадь до завтрака, – проговорила девушка, – когда время на луновороте будет равно черному кроту.

Я на несколько мгновений замерла, пытаюсь сообразить, что к чему. Но Лориавель тут же продолжила:

– Это скоро уже. Дело в том, что сегодня, в день Глубокоземных могоеров, новая ала должна соединиться с наследником силы Красной матери. Этот день готовят заранее. И считается, что если пройдет все по воле богини, то завтракать я буду уже с моим Айшем.

Она еле заметно покраснела.

– Ясно, – кивнула я. – Что ж тут не ясного? Глубокоземные могоеры, наследники силы... Давай пойдем уже, – махнула я рукой. – Раньше начнем – раньше закончим.

– И верно говоришь, – улыбнулась Лориавель впервые с момента страшного рассказа о минувшей ночи.

Похоже, она твердо вознамерилась следовать моему плану, за что я была ей безмерно благодарна. Я же планировала подстраховать ее, как и обещала.

В целом из нас вышла отличная команда! Даже наряды у нас подходили друг к другу, словно были созданы подобным образом нарочно. Впрочем, скорее всего, так и было. Ее ярко-красное платье напоминало оттенком спелую вишню... или кровь. Как и красные капли-бусины на моем собственном белоснежном облачении.

Волосы я не стала убирать, оставив их распущенным кудрявым облаком, спускающимся по плечам. Лориавель же закрепила свои белые локоны в высокую прическу с двумя знакомыми косичками, в которые на этот раз были вплетены украшения в виде черных с золотом брошей-пауков. Смотрелось жутковато! Словно драгоценные паучки ползают по голове. Однако это было одновременно невероятно красиво, потому что броши переливались в свете колдовских огней от кристаллов, грибов и сталактитов.

Перед выходом я жутко хотела есть, но Лориавель разрешила мне выпить только стакан того светящегося напитка. Кажется, она звала его соком тираана, обещая, что он успокоит нервы. Необычный островатый вкус был мне уже знаком и пугал значительно меньше, поэтому я выпила залпом предложенное. Другой-то пищи все равно не было! А полноценный завтрак мне обещали сразу после церемонии единения алы и Айша.

Так что я смиренно ждала именно ее, надеясь, что все пройдет по плану. Тогда и Лориавель будет счастлива, и я смогу поесть да начать размышлять о грядущем побеге.

Но, к сожалению, не всегда все идет так, как задумано. И уже через четверть часа все запланированное полетело к демонам в бездну.

Мы шли по широким дорожкам, созданным из мельчайшей полупрозрачной гальки. Ноги в туфлях без каблуков, что подготовили здесь для меня вместе с платьем, слегка утопали в этой каменной крошке, и я невольно отмечала странное сходство Стеклянного каньона с Шейсарой. Посреди темных монолитных стен эти тропинки казались белыми, почти такими же, как в Верхнем городе. А мои туфли отдаленно напоминали легкие бабуши без задников, какие предпочитали носить мирайи в своем человеческом облике.

Впрочем, все остальное отличалось примерно так же, как луна от солнца. Темный город шаррвальцев, обожающих пауков и поклоняющихся Красной матери, и светлое царство мираев, говорящих со змеями и уважающих рубиновую богиню Иль-Хайят.

Всю дорогу Лориавель молчала, глядя только вперед. Но изредка я видела, как она бросает на меня чуть беспокойный взгляд и снова отворачивается.

Я шла по правую руку от нее, и никто не запрещал мне держаться за «благословленную богиней алу», несмотря на то, что весь наш путь выглядел торжественнее некуда. По обеим сторонам от дороги по черным камням двигались музыканты в темно-синих одеждах, которые будто нарочно сливались с окружающим полумраком. И только маленькие красные дудочки в их руках сверкали кровавыми отблесками в свете огромных колдовских грибов. Эти же простенькие музыкальные инструменты издавали громкую стройную мелодию, которая одновременно была веселой и немного пугающей. У нее был совершенно четкий, размеренный такт, будто прямо сейчас

происходило некое таинство, которое вот-вот должно было привести к страшному и величественному финалу.

Впереди Лориавель шел Ильхамес и еще двое жрецов. Но сегодня их одежды не были бело-красными, словно они не должны были затмевать собой блеск и сияние новой алы... и ее последовательницы, то есть меня. Мужчины тоже были наряжены в темно-синие мантии, подбитые мелким черным мехом, и я им некоторым образом завидовала. В Стеклянном каньоне было далеко не жарко. И после раскаленных песков Шейсары я с трудом выносила пронизывающую влажную прохладу.

Однако на это словно бы никто не обращал внимания. Вероятно я, как и Лориавель, обязана была выглядеть красиво. А с меховыми мантиями это, видимо, реализовать не так уж просто.

Впрочем, стоило отметить, что, похоже, дочка жреца не зря влила в меня с утра острый, жгучий горло сок тираана. Я до сих пор чувствовала, как он слегка пощипывает желудок и будто бы разливает по венам приятное тепло. Только благодаря ему и удавалось согреться.

Минут через пятнадцать наша торжественная процессия, поглазеть на которую из дивных грибов-домов выходили местные жители, наконец приблизилась к широкой площади. Это было удивительно: вот ты идешь по тропе, окруженной со всех сторон каменными сводами пещеры, словно то был большой тоннель, как вдруг стены исчезают, а ты оказываешься посреди крупной подземной долины.

В самом центре нее располагалась круглая площадь, окруженная восхитительными деревьями с точно такими же розовыми цветами, что росли возле храма Тираанских мужей. По кругу перед площадью, что была вымощена гладкой и прозрачной, как стекло, плиткой, также была выкопана небольшая траншея. Тонкое кольцо, по которому текла голубая искрящаяся вода.

Со стороны это выглядело просто восхитительно! Словно островок зелени среди черных подземных камней. И все это великолепие оканчивалось с одной стороны стеклянно-белой тропой, ведущей куда-то в сторону конца этой долины. К каменной монолитной стене. Вот только стоило приглядеться, как стало ясно, что это и не стена вовсе! А огромный высоченный дворец, выдолбленный прямо в монолите и уходящий в своды пещеры.

Едва мы остановились перед площадью с розовыми деревьями, как Лориавель склонилась к моему уху и прошептала:

– Это Лунная эспланада, – кивнула она в сторону центра площадки, куда мы, по всей видимости, и шли. – Здесь очень красиво, жаль, не видишь ты.

Я сжала ее руку, потому что издать хоть звук сейчас означало признаться в том, что на самом деле я вовсе не слепая. Здесь действительно было восхитительно прекрасно.

– Эспланаду окружает священный Турмалиновый рододендрон, – продолжала она рассказывать то, что я видела и так. – Растение это живет уже много веков здесь. Но лишь с приходом Великого Айша оно зацвело в Стеклянном каньоне так, как сейчас. И цветет вот уже почти десять лет.

А меня снова укололо ощущение сходства. Ведь рододендрон по сути был... розовым. Как рубин – священный камень Иль-Хайят. Впрочем, тут этот цвет звали турмалиновым, а не рубиновым.

– По легенде, когда тысячелетие назад Красная мать вела своих детей в светлое будущее, ее брюшко розовым было, как переливы драгоценного турмалина, – говорила Лориавель, пока мы перешагивали узкое водяное кольцо перед площадью и ступали на гладкие стеклянные плитки. – Но едва война разразилась между шаррваль и лиссах и вынуждены были мы уйти под землю, как священная мать окрасилась кровью и стала ядовитой.

А я вдруг вспомнила старую легенду о том, как в древности мираи изгнали с земли страшных паучьих демонов – хекшаррасов, навсегда запечатав их под землей. Что-то такое объясняла мне тетка в детстве, когда говорила, чтобы я никому не рассказывала о своем нездоровом интересе к паукам. Похоже, в легенде было гораздо больше правды. Хекшаррасы вполне могли быть и не демонами вовсе, а людьми. Шаррвальцами, навсегда изгнанными из города нагов, друзей змей.

Я задумчиво кивнула. Оставалось понять только одно: знают ли о загадочном подземном племени наши правители? Золотой царь и царица, что уже более тридцати лет безраздельно правили Шейсарой...

– Получается, с тех пор Красная мать и стала красной? А до этого ее как звали? – спросила я, чтобы погасить с каждой минутой все сильнее растущее беспокойство. В этот момент мы оказались в самом центре дивной площади, окруженной рододендронами. Здесь пахло

сладостью, а воздух казался свежее и чище, чем везде. Слышалось мерное журчание воды, отчего меня едва ощутимо лизнуло ностальгией. В Шейсаре было так много воды... А здесь – нет. Почти нигде.

– Не знает никто, – покачала головой Лориавель. – Но однажды, когда благодаря Великому Айшу и его избраннице мы выйдем на поверхность, дав начало новому племени айшей, Красная мать снова станет турмалиновой. И наладится все...

– Наладится? – удивилась я, в очередной раз задумавшись о том, почему вообще Лориавель так хочет, чтобы это произошло. Чтобы появилось какое-то новое племя, чтобы шаррваль вышли на поверхность. – Разве плохо живется вам здесь?

Девушка бросила на меня короткий взгляд и отвернулась.

– Плохо, Эвиса, – ответила она просто и без агрессии, хотя, похоже, я задала крайне глупый вопрос, не понимая чего-то очевидного.

И она вот-вот должна была мне это объяснить.

– Без солнца болеют шаррвальцы. Наши кости слабы, наша кровь холодна. Лишь соки подземных мхов и колдовских грибов позволяют выживать нам без света огненного светила. Но если лекарств не хватает, то мы умираем, не дожив и до сорока лет. Все дозы уходят младенцам и детям, чтобы племя жило. Бывают иногда хорошие годы, когда грибы и мхи растут хорошо, и тогда больше людей выживают. А иногда вода уходит... и тогда гибнет большая часть всего живого. Нам удается лишь на старых запасах протянуть до момента, когда вновь вернется вода и вырастут новые грибы.

– Какой кошмар, – выдохнула я, чувствуя, как волосы шевелятся от ужаса. – А выйти на поверхность вы не пробовали?

– Пробовали, – тихо ответила Лориавель. – Но таких, как мы, на поверхности убивают.

– Да не может этого быть! – бросила я. – Не стал бы царь так поступать! У нас в Шейсаре куча рас, которые живут в мире и относительном согласии, – фыркнула я, вспоминая небольшие стычки, которые иногда разгорались среди мужчин гарпий и златохвостых нагов. У обеих рас гонора выше крыши! Или склоки между женщинами из сирен и тех же нагинь. Тоже красу неписаную им трудно поделить! Но это все были такие мелочи!

– Мы для змеиных друзей – демоны, – покачала головой Лориавель. – Иногда в плохие годы, чтобы не погибнуть, нам удается оставить некоторых детей наших в Шейсаре. Тайно. Их воспитывают ваши люди. Не зная о том, что на самом деле они шаррвальцы. Но нет другого выхода. Иногда нет. – Она вздохнула, и по ее щеке потекла слеза, которую она быстро смахнула.

У меня сердце сжалось. И что-то кольнуло внутри.

Ведь когда-то много лет назад меня тоже подкинули к двери тетки... Она воспитала меня как родная мать, ни в чем не отказывая, но, впрочем, никогда и не скрывая, что я подкидыш. Кроме меня у тети Жильверы было еще четверо детей, так что рассусоливать любовь-морковь было некогда. Мы по большей части работали, помогая ей с хозяйством, и на нежности времени не хватало.

Но я и не жаловалась. Всяко лучше работать как конь, чем умереть от голода в младенчестве благодаря настоящей матери-кукушке.

А вот теперь оказывалось... что моя мать могла быть вовсе и не кукушкой... А шаррвалькой.

Под кожей словно забегали огненные жучки, перебирая цепкими колючими лапками.

– Все, что пытались мы делать на поверхности, – это возродить нашу богиню, – продолжала Лориавель. – Чтобы сбылось пророчество и вывела она нас в новый мир. И десять лет назад у наших воинов, наконец, получилось. Красная мать силу свою отдала, и явился Великий Айш. Теперь дело лишь за малым. Первое дитя Айша новую эру ознаменует...

Больше слова девушки уже не казались мне таким уж бредом.

– Но почему нужно именно дитя Айша? – уточнила я, механически глядя перед собой и видя, как вдали от огромного каменного замка уже отделилась темная фигура. В окружении примерно двух десятков воинов шаррваль странная пугающая тень стала приближаться к нам. Пугающая, потому что она была значительно-значительно крупнее, чем люди, вышагивающие рядом! – Разве не может Великий Айш вывести вас на поверхность прямо сейчас? Если все так сложно с грибами и солнцем, разве нельзя под предводительством вашего этого полубога, – махнула я рукой немного

нервно, видя, как мрачная фигура становится все больше, – просто выйти?

– Нельзя, – выдохнула Лориавель, тоже глядя только вперед. Теперь краем глаза я видела, что на ее лице появился румянец. – Легенда гласит, что коли Айш не сможет родить дитя, то все племя умрет на поверхности.

– То есть вы просто следуете древнему завету какой-то легенды? – ахнула я.

– Пророчество, – пожала плечами девушка. – И пока не обманывало оно, – улыбнулась она. – Сказано было, что Айш придет. И пришел он. Спустя много веков... но пришел.

Я стиснула зубы, покрываясь холодным потом. Фигура в полумраке начала приобретать очертания, и я надеялась, что расфокусированное зрение меня подводит.

Пожалуйста, Светлая чета, пусть зрение меня подводит!

– Скажи мне, Лориавель, – проговорила я осипшим голосом, – а сколько лет вы приводите девушек к вашему Айшу?

Дочь жреца на миг затихла. Даже не поворачивая головы, я поняла, что попала в цель этим вопросом.

– Я же говорила, – ответила наконец она. – Около семи лет ал готовлю я. И до меня еще около двух-трех лет...

– Значит, за десять лет ни одна девственница не сумела зачать дитя от Великого Айша? Но почему?

– Потому что Великий Айш – не совсем человек, – выдохнула Лориавель.

И в этот момент темная фигура, окруженная двумя десятками воинов шаррваль в синих одеждах, сверкающих мелкими черными камнями, вдруг вышла на свет.

А у меня ноги подкосились от ужаса.

В центре круга из шаррвальских стражников стоял *Он...*

Его невозможно было не узнать, перепутать с кем-то другим. Невозможно было сделать вид, что не замечаешь... А еще – теперь я поняла, почему Лориавель называла его полубогом.

Прежде мне хотелось шутить над ее наивной верой в божественное, воплотившееся вдруг на земле. Теперь шутки закончились, потому что передо мной стояло самое страшное чудовище, которое можно вообразить.

Человек, нижняя часть тела которого была телом огромного черно-красного паука.

Но и это оказалось не самым ужасным! Потому что верхней частью этого существа был...

...мой спаситель из каменных пещер под Шейсарой! Таинственный незнакомец с колдовскими зелеными глазами. Но в прошлый раз, клянусь дохлыми сколопендрами, у него были нормальные ноги! Нормальные! А не вот эти вот восемь огромных штуквин, отливающих серебром хитиновых пластин!

Может, у меня от темноты и холода слегка помутился рассудок?..

– Да быть этого не может! – выдохнула я хрипло, отшатнувшись назад и неожиданно упав, но все еще глядя на Великого Айша, перед которым весь народ шаррваль тут же опустился на колени. Даже музыканты, чьи дудочки, наконец, замолкли.

Но едва это произошло, как ко мне с улыбкой метнулся шерш Илхамес, и лицо его было настолько счастливым и довольным, насколько это возможно.

А я поняла, что полностью выдала себя. Теперь он, как и Лориавель, глядящая на меня с изумлением, знали, что я вовсе не так слепа, как хотела казаться.

Проклятье!!!

Да и плевать. Сердце ударило в горло, сжав его судорожным спазмом. Мне было не до счастливого жреца. Потому что в этот миг Великий Айш взглянул на меня горящими и сверкающими в темноте глазами, жгучими, как зеленое пламя...

А я как-то очень отчетливо поняла, что мне вот-вот придет конец.

Глава 4

«Самая страшная тварь –
Кровавый паучий царь...»

(из уличной шейсарской песенки)

Он стоял слишком близко. Настолько, что я могла дотронуться до него, стоило лишь захотеть. Протянуть руку, коснуться пальцами громадной паучьей ноги...

Говорят, маленькие паучки сплошь покрыты мельчайшими волосками, но тело Айша была совсем иным. Блестящее, словно полированный камень, оно казалось таким же гладким и твердым.

А паучье брюшко ярко-красного цвета состояло из шестиугольных пластинок, соединённых друг с другом, как глянцевый драгоценный доспех.

В свете колдовских грибов и камней тело Великого сверкало, будто бриллиант, плавно перетекая из паучьего в человеческое. Чуть ниже живота черно-красная пластинчатая кожа переходила в светло-карамельную. Как если бы смуглый от природы человек был лишён солнца и стал немного бледнее...

Несмотря на шок от происходящего, я все же механически отметила, что обнаженный торс моего незнакомца из пещер был все так же привлекателен, как и при первой нашей встрече. Только сейчас вместо дивного драгоценного наплечника с портупеей и мечом его тело было украшено ювелирным золотом и изумрудами. Тугие мышцы на руках были сцеплены сверкающими желтыми обручами в виде пауков, а паучьи ноги украсили кольца.

– Ну, что, вставать пора, красавица, – проговорил вдруг мне на ухо Ильхамес, вырвав меня из плена мыслей. – Теперь, думается мне, станешь ты гораздо более самостоятельной, не так ли?

Я бросила на него короткий взгляд и отвернулась. А затем встала без помощи протянутой им руки. Ильхамес явно не обиделся, продолжая улыбаться, а затем, не глядя на меня больше, вышел немного вперёд и, низко поклонившись Айшу, церемонно проговорил:

– Да будут лета твои вечны, Великий! По высочайшему благословию Красной матери сегодня, в день Глубокоземных могоеров, привели мы тебе новую алу!

Он взял за руку свою дочку и вывел вперёд. Лориавель покраснела, как алый шейсарский апельсин, и опустила взгляд.

А я взяла себя в руки, постаравшись отбросить ненужные мысли и переживания.

Ну и что, что мужчина моих грез оказался наполовину пауком? Ну и что, что он до сих пор смотрит на меня пылающими колдовскими глазами?..

Вот-вот должна была исполниться моя судьба: Лориавель станет алой, а про меня забудут на полгода, за которые я благополучно и

сбегу.

– Нет, смотрите! – воскликнул кто-то, едва Лориавель присела в лёгком поклоне.

«Это ещё что за?..» – мелькнуло в голове нервное, пока дурное предчувствие усиленно ломилось в двери моего самообладания.

– Эта дева не может быть алой! – воскликнула какая-то женщина из толпы шаррвальцев.

Я повернула к ней голову и увидела простую домохозяйку. Бледноватую, как и все здесь, немного полную и на вид довольно сварливую. Ее брови были сдвинуты, губы выпячены, тело обтягивало простое платье из серовато-зеленой ткани.

– Что значит «не может»? – грозно повернул к ней голову Ильхамес и обманчиво спокойно переспросил: – Знаешь ли ты, что за ложь пред лицом Великого Айша тебя ждёт смерть?

Мерзкая бабища ошутимо взбледнула, несмотря на свою и так внушительную бледность. И все же продолжила:

– Ну так и пугайте алу свою, а не меня! – бросила она, уперев руки в бока. А затем ткнула в Лориавель пальцем и бросила: – Я вчера глазами видела, как прелестница эта с какими-то двумя жеребцами под статуей Первой царицы кувыркалась!

По толпе людей пронеслась волна ропота.

У меня сердце упало в желудок и сжалось там.

Лориавель всхлипнула, и я увидела, как ее губы начали дрожать. Ее взгляд был опущен вниз, поэтому пока что изменения в ней ещё не бросались в глаза окружающим. Но вот-вот все должны были заметить это молчаливое признание.

Нужно было срочно что-то делать.

И только Великий Айш стоял рядом, как древнее изваяние, и молчал, наблюдая за происходящим огненно-зелеными глазами.

Ну, раз он молчал, то говорить нужно было мне.

– Минуточку! – воскликнула я, поворачиваясь к удивлённо вскинувшейся женщине. Даже Ильхамес приподнял бровь, отступив на шаг назад, словно позволял мне говорить.

Ропот толпы сник, у меня по спине прокатилась липкая волна страха. Когда на тебя смотрит столько народу, да ещё и чужого, малознакомого, это заставляет всё внутри сжиматься и нервно трястись.

– А где у вас доказательства, уважаемая? – спросила я, прищурившись и скопировав позу наглой женщины. Уперла руки в бока и стиснула зубы.

Та вздрогнула и начала оглядываться по сторонам. Будто искала чьей-то поддержки.

А мне вдруг пришло в голову, что ее «выступление» может быть вовсе не случайным. Как и произошедшее вчера с бедной Лориавель. Но как это доказать, когда все это лишь предположения?..

– Доказательства – мои глаза! – с вызовом ответила женщина.

– Маловато для обвинения, – фыркнула я. – Может, это вы и кувыркались со своими жеребцами да, перепив местных грибных настоек, малость перепутали с похмелья?

Я понятия не имела, есть ли у шаррвальцев алкогольные или наркотические настойки, но, судя по поднявшемуся гомону, угодила своим предположением в точку.

Люди поднимали в воздух руки и что-то кричали, спорили друг с другом. Женщина возмущённо взвизгнула и заохала.

А Лориавель посмотрела на меня глазами, полными ужаса. Я видела, что она вот-вот готова признаться во всем. Ее фигура была ещё ближе к Айшу, чем я. Лориавель то и дело бросала на него какие-то блестящие безнадёжные взгляды и отворачивалась.

А он...

Проклятье.

Я старалась не обращать внимания на то, куда он смотрит.

Мне казалось, что я уже почти убедила окружающих в том, что верить пустым выкрикам истеричных женщин не стоит. Вот и Ильхамес поддержал меня, неторопливо проговорив:

– Прошу тишины... Красная мать сказала свое слово, ала Лориавель одобрена ее высочайшим благословением. Повторный отбор – это неуважение к богине.

– А нечистая ала разве не неуважение к Великому Айшу? – не унималась та.

Ильхамес стиснул зубы. По всему его виду трудно было сделать вывод о том, что творилось внутри у жреца. Он прекрасно держал себя в руках. Однако стоило чуть приглядеться, как становились заметны напрягшиеся до предела сухие канаты мышц под мантией, горящие яростью глаза под густыми бровями.

– Мое терпение не бесконечно, женщина, – проговорил он с мрачным благородством, и несколько других жрецов вышли вперед словно по команде. Они явно готовились выпроводить нахалку подальше.

Сердце в груди колотилось невероятно быстро. Я и не заметила, как Лориавель осторожно схватила меня за руку, словно ища поддержки, а я сжала ее ладонь в ответ.

Но едва противная дама увидела, что дело плохо и ее вот-вот выведут под белые ручки, а то, может быть, еще и накажут, она дернулась, словно бы даже немного подпрыгнув, и взвизгнула:

– А давайте спросим у Великого Айша! Взгляд истины не обманет никто! И коли я вру, то делайте со мной, что хотите!

Толпа вокруг синхронно выдохнула.

А я поняла, что злобная ящерица заранее все продумала. И то, что она сейчас предложила, явно было каким-то особым фокусом, из которого нам не удастся вывернуться.

Взгляд истины! Что это еще за новая ерунда?

Но момент первого шока прошел быстро, и народ вокруг начал выкрикивать:

– Давайте проверим!

– Великого Айша не обмануть!

– Если ала не лжет, ей проверка не повредит!

И все взгляды вновь направились на громадную мужскую фигуру с паучьими ногами.

А мне мигом стало ясно, что это за взгляд такой особенный.

Глаза Айша горели. Казалось, что в окружающем полумраке от них распространяется легкий зеленовато-огненный дымок, а сами они буквально пылали изумрудным пламенем.

Ярче, чем прежде. Ярче, чем все, что я когда-либо видела. Этот взгляд смотрел сквозь меня, словно вытаскивая все тайные мысли наружу. И скрыться от него не получалось.

– Прошу прощения, о Великий, – опустил перед полубожеством шерш Ильхамес. Его беловолосая голова наклонилась так низко, что пепельно-снежные косички коснулись земли. – Направь взгляд свой на благословенную алу и скажи нам... чиста ли она?..

Огромные паучьи лапы пошевелились, с ловкостью стальных игл переступая по стеклянным плитам аллеи. Серебро хитинового покрова

сверкнуло зеленым, желтым и розовым, отражая магию его глаз, свет грибов и оттенок Турмалинового рододендрона. И он взглянул в лицо Лориавель.

Ничто не отразилось в его собственных глазах. Ни ярости, ни злости, ни разочарования или, наоборот, радости и предвкушения. Он был словно... отстраненное божество, каким его и считали все вокруг. И казалось, что от человека в нем и впрямь ничего не осталось.

Я ощущала странную силу, распространяющуюся вокруг его мощной огромной фигуры, но старалась делать вид, что ничего не чувствую. Было страшно и без того.

Как ни странно, сейчас большая часть угроз, нависших надо мной и Лориавель, исходила вовсе не от этой пугающей и молчаливой фигуры.

Нас могли казнить. В таком случае перспектива оказаться в чьей-то постели уже не так пугала. Хотя я старательно гнала от себя мысли, что постель должна была делиться вот с этим... пауком.

Пауза начала затягиваться.

– Великий?.. – повторил свой вопрос Ильхамес.

Громадную пещеру наполнила гробовая тишина. А затем губы, что я совсем недавно так горячо ощущала на своем теле, приоткрылись.

– Нет, – прозвучал спокойный, но пронзающий насквозь ответ.

И толпа людей резко загомонила. Ильхамес не сдержался и закрыл лицо рукой, задержав дыхание. Лориавель заплакала, едва остальные жрецы резко шагнули к ней и схватили под руки.

– Нет! – воскликнула я, не вполне адекватно оценивая происходящее. Бросившись наперерез жрецам, я оттолкнула несколько рук, заслонив собой девушку и отстраненно обдумывая тот факт, что мой крик практически стал отражением ответа Айша. – Вы не имеете права наказывать Лориавель за то, к чему она отношения не имеет! Она пострадавшая сторона, которая была подвергнута насилию! Немедленно уберите свои ручищи!

Несколько жрецов схватили и меня тоже.

– Вы трогаете следующую алу! – я взвизгнула, пнув кого-то ногой.

Лориавель плакала, не переставая. Толку от нее никакого не было, складывалось ощущение, что она уже смирилась со своей участью. Но

я-то не смирилась!

Не знаю, что подействовало на жрецов, мои ли слова или нечто другое, но они вдруг отошли от нас с Лори на пару шагов назад и сцепили руки за спиной, словно ничего и не произошло.

Ильхамес вдруг выпрямился и под гомон толпы подошел ближе ко мне. Его глаза стали синими-синими. Холодными, словно что-то умерло в них.

– Даже если не виновата моя дочь, она обманула Великого Айша, явившись сюда, – проговорил он, бросив короткий разочарованный взгляд на Лориавель, отчего та зарыдала еще громче.

– Да какое ему дело, вашему Айшу? – выдохнула я, заслоняя девушку спиной и заталкивая ее туда подальше. – Он вон стоит и смотрит на все происходящее, словно в театр пришел!

– Тише, дева, – оборвал меня шерш, вдруг зажав мне рот рукой. – Великий Айш не человек, а полубог. Он мыслит иначе, чем мы. И он может убить тебя за любое неверное слово. Не знаешь ты законов наших, только потому прощается тебе. Но недолго это будет продолжаться.

На угрозу я не поддалась.

– Это я надоумила Лориавель прийти сюда и всех обмануть, – спокойно ответила я Ильхамесу достаточно громко, чтобы мои слова слышали и остальные жрецы. – Давайте, наказывайте за обман меня! И останетесь без алы! Потому что Лори уже не может ею быть, а меня вы казните вместо нее. Кто тогда будет рожать вашему Айшу великого наследника? А? Может, вы и родите?

У меня аж пот на лбу выступил. Ладони стали мокрыми, белоснежное платье с красными камнями прилипло к телу.

Холодно в пещерах? Пф-ф-ф!

Ильхамес выпрямился, отстраняясь от меня, словно я его ударила. На его лбу появилась складка.

Несколько секунд под гомон толпы утекли в тяжелом молчании жреца. Он смотрел на меня не отрываясь, но его взгляд был не тяжелее того, другого, на который я старательно не обращала внимание.

А затем жрец вдруг резко развернулся лицом к Айшу и простер обе руки в воздух.

Тут же, словно по невидимому сигналу, вновь заиграли музыканты, рассредоточившиеся где-то по краям круглой площади из

рододендронов. Дудочки заиграли пронзительно медленную торжественную мелодию, под которую шум толпы тут же стих. И тогда Ильхамес, опустив голову, громко проговорил:

– Примешь ли ты другую алу в этот день, о Великий?

Пульс ударил в виски. Мелодия взяла новый виток и стала звонко-пронзительной.

Я хотела закрыть глаза, чтобы не видеть происходящего. Но не могла оторваться от горящего взгляда Айша. Не могла пошевелиться, когда он шагнул ко мне, перебирая длинными острыми ногами, унизанными огромными перстнями, и вдруг склонился со своей громадной высоты, обхватив рукой мой подбородок.

Он был так близко... что от ужаса сжалась каждая мышца моего тела. Его глаза оказались напротив моих, и казалось, что огонь внутри них меня вот-вот сожжет. Горячая рука держала крепко, словно намертво соединяя наши взгляды.

А еще я не успела задержать дыхание. За миг до того, как мои легкие судорожно сжались от страха, не давая мне вздохнуть, я успела почувствовать тонкий аромат.

Что-то дикое и речное, с примесью золы и пепла. Как дягиль и кувшинки на одиноком побережье, как пылающий костер на стылом берегу... Горячий запах, который я узнала мгновенно. Запах моего знакомого, который я вдыхала, прижимаясь к его груди там... далеко в пещерах. В голове тут же всплыла старая мысль, которая почему-то успокаивала меня прежде: «Когда он рядом, другие враги уже вовсе не страшны...»

Теперь эта мысль работала как-то иначе, кардинально поменяв свое значение.

«Примешь ли ты другую алу в этот день, о Великий?..» – стучал в голове эхом голос жреца.

– Приму, – низким, немного рокошующим голосом ответил Айш, не сводя с меня колдовских глаз.

Его мягкое горячее дыхание коснулось моих губ, и я невольно вздрогнула, словно меня кто-то погладил.

Под кожу нырнула раскаленная волна.

А в следующий миг он меня просто отпустил. Развернулся и ушел прочь под сотни провожающих его взглядов и под шорох упавших на колени людей.

Я смотрела, как легко передвигаются огромные паучьи ноги, невольно ощущая их непередаваемую силу и ловкость, скрытую за медленными движениями. Разглядывая широкую обнаженную мужскую спину, на которой бугрились мощные мышцы, от которых было трудно отвести внимание. И какой-то внутренний диссонанс резал и мучил, не давая слить вместе эти картинки. Заставляя страдать оттого, что они *уже слиты*.

Впрочем, я поняла, что мне больше не страшно.

Мой план удался. Плачущую Лориавель увел под руку отец, а меня любезно пригласили следовать за ними, чтобы «подготовиться перед встречей с Великим».

Похоже, я вот-вот должна была переселиться во дворец Айша, только перед этим, как оказалось, меня еще ждала пара сюрпризов.

На поверхности солнце должно было уже давно подняться высоко в небо. Вся Шейсара сейчас наверняка залита слепящим золотым светом, раскрашивающим купола и крыши богатых мирайских поместий, домов мильеров и людей. А меня в неизменном полумраке Стекланного каньона привели под крышу-шляпку громадного гриба Тираана, и я могла лишь догадываться, сколько сейчас на самом деле времени.

Главный жрец отошел с Лориавель в сторону, едва стражники и другие жрецы покинули нашу церемониальную процессию. Теперь в центре внимания была я, а не Лори. А бедная девушка утирала слезы на бледном лице, пока отец что-то тихо и строго говорил ей, склонившись низко-низко к ее уху.

Под сердцем екнуло, пока я глядела на них, ненадолго предоставленная сама себе. Я боялась, что отец будет ругать дочь за то, в чем она не виновата. Ведь если ее едва не казнили за такое «страшное прегрешение», как секс, да еще тот, на который она не соглашалась, то Ильхамес вполне мог серьезно наказать бедняжку.

Было обидно за нее заранее, хотя я понятия не имела, что жрец ей говорит. Однако, когда через минуту он вдруг крепко обнял девушку и погладил трясущуюся хрупкую фигурку, у меня отлегло от сердца. Лицо главного жреца было хмурым, губы сжаты, но я поняла, что злился он по крайней мере не на Лориавель.

К счастью, успокаивать девушку долго не пришлось. Едва стало ясно, что первая буря опасностей улеглась, Лори утерла слезы и,

повернувшись ко мне, улыбнулась, быстро сокращая между нами расстояние.

– Я новую алу должна подготовить, – проговорила она, взяв меня за руку. – Времени мало у тебя, Эвиса.

– Может, не надо? – нервно спросила я.

– Почему? Это обязательная процедура, – покачала головой она. – После того как официально представлена ала Великому Айшу и принимает ее он, деву готовят для Сердоликовой дороги, что ведет в теларан^[1] – покои наследника божественной силы.

– Тебе, наверное, не хочется готовить меня к тому, чего ты сама так страстно желала, – объяснила я, осторожно коснувшись ее руки.

Девушка улыбнулась, немного болезненно сжав губы, но не переставая улыбаться. Она опустила взгляд и несколько мгновений молчала.

Ее отец за это время успел исчезнуть, вновь оставив нас вдвоем. И только редкие люди, снующие туда-сюда по тропинкам каньона, иногда глазели на нас, словно на диковинку.

– Ты добра, Эвиса, – проговорила она наконец, сжав мою руку. – Пойдем, не нужно тебе думать об этом. Коли не стала я алой, значит, не судьба.

И она с видимым спокойствием подвела меня к ножке гриба, который оказался на ощупь словно и не грибом вовсе. Поверхность его была твердой, как особая порода дерева, белого и гладкого, с легким серовато-голубым отливом.

Подняв взгляд вверх, я попыталась разобраться, откуда здесь льется желтовато-зеленый свет. Но оказалось, что светится вся шляпка с внутренней стороны. Тонкие длинные пластинки, выстилающие всю поверхность этой необычной «крыши», излучали призрачное сияние без каких-либо видимых на то причин. Просто светились, и все.

– Проходи, – проговорила Лориавель, пока я рассматривала дивные вьющиеся растения, укрывающие крышу и спускающиеся с нее, словно живые сосульки. На них росли мелкие белые цветочки, источающие приятный запах, и от них создавалось невольное ощущение праздника.

Дочь жреца толкнула полукруглую дверь в ножке гриба, и мы проникли внутрь.

Здесь было довольно мало места, все внутреннее убранство составляло маленькую комнатку, со всех сторон украшенную цветами и сталагмитами, которые явно были принесены сюда нарочно. Они излучали розоватый свет, и от этого комната приобретала какую-то по-девчачьи волшебную атмосферу.

В центре стоял красивый каменный стол круглой формы и с низкими ножками. А на нем располагался кувшин с бокалом из серебра и еще несколько мисочек, разрисованных паучками, паутиной и украшенных драгоценными камнями.

– Садись, – указала мне девушка на мягкий коврик. Стульев и табуреток тут не было. Наверное, это было не принято, потому что потолок гриба располагался довольно низко и с него тянулись к полу развешенные на веревочках травы, сильно пахнущие венчики и цветы.

Я втянула их аромат и на миг зажмурилась. Где-то в груди родилось странное спокойствие и будто бы легкое предвкушение чего-то. Под желудком сладко сжалось.

Также я отметила, что некоторые веревочки остались пустыми.

– Это мой отец позаботился, – заметив мой взгляд, проговорила Лориавель. – Снял травы, которые тебе не нравятся.

– Мне что-то не нравится? – удивилась я, учитывая, что мне вообще были не известны местные растения.

– Да, – улыбнулась довольно девушка. – Здесь все сделано для удобства алы будущей. Для меня были развешаны цветы вот эти. – Она указала на несколько сухих веточек с дивными голубыми соцветиями, которые показались мне знакомыми. – Это небесные глазки, – улыбнулась Лориавель.

– Правда? – удивилась я, приглядываясь. Ведь эти цветы росли на поверхности. У нас в Шейсаре их можно было встретить только возле пресных водоемов.

– Да, – подтвердила она. – Их собирали для меня наши следопыты, под покровом ночи на поверхность выбираясь. Все для того, чтобы этот праздник запомнился мне...

Она на миг загрустила, но через мгновение вновь улыбнулась.

– Прости, твои любимые цветы нам не известны, а подготовиться не было времени. Но для тебя отец приказал убрать амостреллу, и, пока приближались мы к грибу – Серебряному тираану, в котором мы сейчас находимся, – помощники жрецов унесли ненужные букеты.

– А разве мне не нравится эта... амострелла? – удивилась я.

А Лориавель опять улыбнулась.

– Отец очень наблюдательный. Он занимает свое место не зря, – с гордостью проговорила она. – На платок из амореллы у тебя начали слезиться глаза, когда он нашел тебя в пещере.

А я и впрямь вспомнила тот день, когда упала в каменный тоннель. Мгновение, которое, кажется, было вечность назад, а по факту минуло лишь вчера утром.

– И правда... – выдохнула я. – Что ж... спасибо.

– Если Красная мать будет к тебе милостива, Эвиса, ты должна стать женой Великого Айша, – торжественно проговорила девушка, наливая в бокал чуть светящуюся жидкость из круглого кувшина с узким горлышком. Я мгновенно узнала их местный сок тираана и не слишком впечатлилась.

– Вы всегда пьете этот напиток? – спросила я тогда.

Но Лориавель меня удивила.

– Обычно пьют его лишь те, кто близок к жреческому сословию, или те, у кого достаточно средств, чтобы купить его. Он очень дорогой, потому что, как я уже говорила, нервы успокаивает прекрасно да заодно и магические силы повышает. Но сейчас перед тобой смесь сока тираана и настойки черногриба.

Я пригляделась к новому напитку и заметила, что его цвет и впрямь еле заметно отличается от прежнего. Чуть более тусклым было желто-зеленое свечение жидкости, которая отливала беловатой мутью.

– И зачем мне эта смесь? – скептически приподняла бровь я.

И так ясно, что выпить заставят, если откажусь. Но хотя бы узнаю, на что меня подписывают.

– Она снимет боль и усилит... наслаждение, – скромно улыбнулась Лориавель и покраснела.

Я тоже покраснела.

– А... – Во рту пересохло. – Это свойство понадобится мне уже сегодня? – выдохнула я нервно.

Перед глазами вспыхнули громадные, сверкающие серебром паучьи ноги, и все внутри похолодело. Но буквально через мгновение их место заняли ослепительные пылающие зеленые глаза.

И о холоде пришлось забыть, потому что во рту снова предательски пересохло, а ребра лизнуло горячим.

Лориавель не спешила отвечать, за что мне захотелось ее чем-нибудь пристукнуть. Ну зачем так тянуть? Эдак от страха сердце остановится, пока ждешь.

Впрочем, мое билось сейчас так быстро, что об остановке не шло и речи.

– Сила Красной матери желает рода продолжения, – задумчиво проговорила она. – Поэтому вряд ли Великий Айш будет тянуть с этим. Сила ему не позволит.

Я не поняла ровным счетом ничего. Как будет тянуть его эта сила и куда?

Разве что становилось совершенно ясно, что в девственницах мне ходить осталось недолго.

В голову закралась крамольная мысль: и какого жука я хранила «свой цветочек» так долго? Была бы, как все мои одногодки, пошустрее, поулыбчивее, так давно бы уже лишилась этой ненужной части своей интимной жизни. Однако сколько бы парней ни проходило мимо меня в прошлом, никому не удавалось протоптать дорожку к моему сердцу. И вот теперь, похоже, по нетоптаному кустарнику преспокойненько пройдутся ловкие паучьи лапки.

Я закрыла глаза рукой, задержав дыхание. Щеки начали гореть, в висках застучало.

Я попыталась представить, где у полупаука располагается мужской орган, и потерпела фиаско. Но дышать стало еще сложнее.

– Успокойся, выпей, – протянула мне бокал Лориавель. – Для того этот напиток тут и стоит. Тебе легче станет.

И я не задумываясь выпила. Не хватало еще свалиться в обморок в самый ненужный момент. Впрочем, это, конечно, мог бы быть выход! Упал, очнулся, а все уже сделано!

Но подобный вариант решения проблемы меня все же не устраивал, поэтому я допила напиток с острой перчинкой до конца. На этот раз в нем появился сладковато-кислый привкус, и несмотря на неприглядный цвет я решила, что он вполне сносен.

В желудке стало горячо, и я начала ощутимо успокаиваться. Даже паучьи лапы уже пугали не так сильно.

– Кстати, сказать забыла, – хитро улыбнулась Лориавель. И ее ухмылка мне не понравилась. – Тут еще и легкий афродизиак. Чтобы

тебе понравилось, – подмигнула она, пока я давилась последним глотком.

Но возмущаться было уже поздно. Может, это и к лучшему? Шаррвальцы все продумали, чтобы бедной але ночь с Великим Айшем не показалась такой уж ужасной.

Мне же пришло в голову, что, вообще-то, у меня все еще есть шанс ее избежать. К примеру, лишиться девственности прямо сейчас и заявить об этом.

Правда, в таком случае меня тоже могли казнить, поэтому вариант это был так себе.

А еще я могла договориться с Айшем. Ведь им был мой спаситель! Мой первый знакомый, которого я узнала, едва упав в пещеры. И память подсказывала, что он был вполне адекватен и ничуть не походил на того грозного монстра, чьи глаза горели и даже голос которого звучал хриплым подземным рокотом.

Казалось, это были два разных существа. Человек и полупаук-полубог. Но лица-то у них были одинаковые!

Впрочем, скоро я должна была разгадать эту тайну.

– Теперь масла, – проговорила Лориавель, вставая с колен. До этого она сидела прямо передо мной за столом, а теперь взяла мисочку с каким-то веществом и опустила у меня за спиной.

– Для чего они? – спросила я, пока она отодвигала мои волосы, убирая их на одно плечо.

– Для запаха, конечно, – улыбнулась Лори. – Но много не нужно.

Она дотронулась пальцами до ямочек над ключицами, до затылка и до точек за ушами.

Затем встала и взяла новую мисочку. На этот раз она коснулась запястий и ложбинки груди, размазывая несколько капель масла.

Оно и впрямь пахло очень хорошо. Разве что запах был едва различим и ничуть не напоминал сладкий, цветочный или фруктовый. Он был скорее природным, прохладным и чуть травянистым.

– Любимые ароматы Великого Айша, – проговорила Лориавель.

А меня вдруг пронзила острая и резкая мысль, осознание.

Именно такие духи или похожие предпочитали мираи. Обладая тончайшим обонянием, наги терпеть не могли сладкие запахи, которыми душились люди и иногда мильеры. Для них подобные ароматы были слишком резкими...

А мой незнакомец, кажется, упоминал, что прежде был мираем. Нагом. В таком случае он наверняка пришел сюда с поверхности, но с какой целью?

И куда тогда делся его хвост? А ещё – как вышло, что вместо него оказались паучьи ноги?..

Вопросов было больше, чем ответов. И хуже всего было то, что даже в вопросах я могла ошибаться. И, возможно, Великий Айш никогда не был мираем и не жил в Верхней Шейсаре.

Впрочем, что-то подсказывало мне, что я не ошиблась.

– Кстати, зачем ты прикидывалась слепой? – спросила Лориавель.

– А я все ждала, когда ты захочешь узнать, – виновато улыбнулась я, когда девушка снова села напротив меня.

Но по лицу моей собеседницы нельзя было сказать, что она злится, и это меня успокоило.

– Я надеялась, что вы меня отпустите, если я прикинусь слепой.

– Интересное решение, – задумчиво кивнула Лориавель. – Прежде никто из девушек с поверхности подобного не предпринимал. Но была однажды ала, которая оказалась глухой. Много лет назад. Ее не допустили до храма Тираанских мужей, и она не была богиней благословлена. Кажется, после этого ее и впрямь вернули на поверхность в качестве исключения. Здесь слепым и глухим может быть опасно. Ночью могут убить солааны, и ты должна слышать и видеть. Полагаю, что ее пожалели.

Теперь мне стала более ясна просьба моего спасителя. Что ж, план у него был неплохой, но почему-то не сработал. Либо шерш Ильхамес оказался очень прозорливым и раскусил меня с первого момента, либо...

В перст судьбы верить не хотелось. Ведь это означало, что мне предначертано было попасть в Стекланный каньон и пропасть здесь навечно.

– Жаль, что план не сработал, – проговорила я, не скрываясь больше. И Лориавель неожиданно грустно улыбнулась. – Мне тоже жаль, что не дома больше ты... Но еще я рада, что ты оказалась со мной в такие ужасные дни.

Она опустила голову, не переставая улыбаться, но в глазах ее снова стояли слезы.

Я неожиданно даже для себя самой схватила ее за руку и проговорила:

– Те, кто обидел тебя, будут наказаны. Знай это.

– Но как?.. – удивленно вскинула на меня взгляд девушка. – Никто не видел их, кроме той женщины. Ее уже увели на допрос, но я чувствую, что от него не будет толку.

– А я чувствую, что справедливость восторжествует, – уверенно кивнула я. – В конце концов, не я ли теперь буду любовницей самого Великого Айша? – ухмыльнулась я нервно. – Вот у него и попрошу разобраться и найти виновников.

– Правда? – ахнула Лориавель.

– Правда-правда, – заверила я, с трудом представляя, как буду выполнять эту просьбу, но дав себе слово, что так и сделаю.

– Будь осторожна в просьбах, – все же заметила явно удовлетворенная моим ответом девушка. – Великий Айш не человек. Ему может не понравиться твоя настойчивость.

По спине пробежали колючие мурашки.

Почему не человек? Ведь я видела его вполне в человеческом облике и с человеческими поступками. Он был... нормальным.

А шарравальцы его боялись и почитали, как высшее существо. Впрочем, он и выглядел здесь под стать общему мнению.

Но какова все же была правда? Кем являлся Великий Айш на самом деле? Человеком или монстром?

Ответить на этот вопрос тоже не представлялось возможным. А пока я размышляла, Лориавель вдруг нервно заерзала.

Она потянулась назад, отбрасывая на грудь ручеек светлых волос, и расстегнула ожерелье, которое ей подарил отец.

– Вот возьми, – проговорила она, протягивая мне цепочку с десятком маленьких разноцветных бутылочек, по размеру не превышающих крупные бусины. – Это моя благодарность тебе.

– За что? – ахнула я, отодвигая подарок подальше. Не могла я взять украшение, подаренное девушке отцом! – Я ничего не сделала, да и вообще из-за меня тебя чуть не казнили.

Лориавель покачала головой, раскрывая мою ладонь и вкладывая в нее подарок.

Маленькие бутылочки все еще хранили тепло чужого тела.

– Ты не могла знать наверняка, что за правила управляют Стеклянным каньоном. Но их знала я, и я согласилась на твою авантюру, потому что больше всего на свете желала алой быть. Но обман не удался, и ты заступилась за меня, хотя ничего не должна мне. Я... одна из твоих мучителей, тех, кто держит тебя здесь вопреки воле твоей. И пусть не в моих силах тебя вызволить, положения дел не меняет это. И я хочу поблагодарить тебя за то, что была ты рядом тогда, когда никого больше не оказалось.

Ее губы дрогнули, и эта мелкая дрожь передалась в кисть, которой она все еще сжимала украшение. Затем она распахнула пальцы и убрала руку.

Мне же стало ясно, что если я не приму подарок, то глубоко обижу девушку, которой за последние два дня и так пришлось несладко.

– Спасибо, Лориавель, – кивнула я, сжимая украшение. – Твой отец не будет против?

– Не будет, – покачала головой она. – Я спросила его позволения, и он согласен с тем, что новой але Великого Айша мой подарок может понадобиться больше, чем кому-либо другому.

Под сердцем слегка закололо.

В чем-то Лориавель была права. Я оставалась пленницей в этом месте, и все люди, что меня окружали, являлись ни больше ни меньше тюремщиками. Даже Лориавель, которая непосредственно не участвовала в моем «похищении», никогда не поможет мне сбежать, если я попрошу ее об этом.

Поэтому я и не просила. И все добрые чувства, которые я испытала к ней с момента попадания в подземный город, можно было классифицировать как болезненную привязанность жертвы к агрессору. И хоть Лориавель на агрессора никак не тянула, мое спокойствие от перспективы всю жизнь проторчать в Стеклянном каньоне тоже нормальным не назовешь.

– А что это за бутылочки? – спросила я тогда, пытаюсь справиться с замочком на украшении.

Лориавель подошла ко мне со спины и аккуратно застегнула подарок.

– Сейчас расскажу, – улыbnулась она. – Клянусь, тебе понравится.

Она немного поерзала, словно ее саму процесс изучения бутылочек очень увлекал.

– Вот это, – ткнула она пальцем в крохотный сосуд, внутри которого плескалась прозрачная жидкость с приятным розоватым оттенком, – настойка из священного Турмалинового рододендрона. Она потому редка и почти бесценна, что сбор лепестков этого дерева запрещен. А между тем лишь цветы этого растения способны открыть человеку силу Красной матери.

– Силу вашей паучьей богини? – выдохнула я с легким испугом, мгновенно решив, что этот бутылочек мне точно не пригодится. Если сила Красной матери из моего прекрасного спасителя сделала страшного Великого Айша, то мне такой радости и даром не надо.

– Да-да! – восхищенно продолжила девушка, а затем ловким движением пальцев отсоединила бутылочку от цепочки, протягивая мне. – Здесь одна порция всего, но если будет в твоей жизни трудный момент, когда, кажется, никто уже не будет способен помочь, то выпей это. И Красная мать откроет тебе истинный путь.

– Она сама явится, что ль? – ужаснулась я.

Но Лориавель только хихикнула, покачав головой.

– Никто не знает путей богов. Но если бы обычная настойка из рододендрона могла вызвать Красную мать, то мы уже давно были бы на поверхности благодаря ее священной милости. Но увы.

Я так и не поняла, за какой сколопендрой мне сдалась эта священная дрянь и на что она вообще способна. Но, не желая особенно вдаваться в подробности и оскорблять Лори своим скептицизмом, просто кивнула в ответ. А Лориавель тем временем продолжала:

– Вот здесь у нас чистая настойка черногриба. – Моя собеседница хитро улыбнулась, и ее щеки порозовели. Я мгновенно вспомнила, что буквально пару минут назад это название Лориавель уже упоминала.

В бутылочке плавно переливалась крайне мутная белесая жидкость, напоминающая молоко.

– Как ты, наверное, помнишь после моих слов, этот бутылочек способен поднять наслаждение от любви на небывалый уровень, а заодно голос страсти усилить. И чтобы жидкость подействовала, достаточно употребить всего несколько капель, так что тебе хватит ее надолго.

Теперь уже я покраснела.

Отнекиваться и отдавать подарок не стала: действительно, никто не знает, что там мне предстоит испытать в ближайшие дни. А уж если не удастся сбежать и любовные утехи с местным полубожеством растянутся на обещанные полгода, пожалуй, бутылек может мне здорово пригодиться. Если повезёт, еще и во вкус войду, потом от этого их Великого Айша меня за уши не оттянешь?..

Но как бы я ни пыталась себя успокоить и развеселить, даже сейчас, во время рассказа Лориавель, казалось, что все нервные окончания у меня внутри обострились и мелко вибрируют от страха.

– А вот здесь... – Дочка жреца улыбнулась и слегка выпучила глаза. Я стала ожидать чего-то крайне важного, как она закончила: – Средство от липких мошек.

– От кого? – фыркнула я, трогая пальцем флакончик с зеленоватой водичкой.

– Ну-ка, нюхни! – воскликнула она почему-то с радостью и, откупорив крышку, сунула мне под нос бутылек.

Я не успела отшатнуться, как резкий запах, напоминающий раздавленного клопа, настоянного на горчице, ударил в нос.

– Ни одна мошка не подлетит к новой але, тирааном клянусь! – добавила она, подняв в воздух кулак с торчащим вверх мизинцем.

Я внимательно проследила за этим движением, но, собственно, все равно ничего не поняла. Разве что в данный момент некие «липкие мошки» привлекали меня значительно больше, чем средство против них.

– Этот отвар изготовила сама я, – важно добавила Лориавель, и мне стало гораздо более очевидна причина ее резкого воодушевления. – Он отгоняет вообще любое насекомое, но против мерзких мошек особенно действенен. Жаль только, что варить его тоже очень трудно, а потому он не менее редкий, чем остальные жидкости в этом ожерелье.

Лориавель выглядела ужасно довольной собой, и у меня в мыслях не было ее разочаровывать. Я покивала, поблагодарила и стала слушать дальше.

– А вот эта штука с голубоватым оттенком – сложно-комбинированная сыворотка, что защитить способна от укуса солаана. Крайне дорогая вещь! Яд червя обычно можно нейтрализовать, только лишь если вовремя попасть к медику на стол. Тогда несколько уколов и

переливание крови могут дать шанс на спасение. Хоть и не стопроцентный. Но вот этот бутылек, если выпить содержимое его сразу же, способен поставить на ноги даже самого солаана, если его укусит другой солаан!

Дочка жреца вдруг рассмеялась, явно обрадовавшись собственной шутке.

Я же улыбнулась в ответ и, хотя юмором не прониклась, настойку вполне оценила. Учитывая, сколько, по словам самой Лори, тут кругом водилось солаанов, быстрое противоядие явно не помешает.

Она рассказала еще про пару бутылочек, а я старательно пыталась запомнить все, чтобы в нужный момент не перепутать. Это было непростой задачей, стоит признать.

– Ну... думаю, все, Эвиса, – сказала, наконец, моя собеседница и неторопливо встала из-за стола. – Пора.

А у меня сердце больно ударило в ребра.

– Что, сейчас опять торжественной процессией пойдём ко дворцу? – едва шевеля резко пересохшим языком, спросила я.

– Нет, – покачала головой девушка. – На этот раз лишь я да ты. По Сердоликовой дороге, что ведет в теларан, пройти могут лишь две женщины: ала и та, что готовила ее для Великого Айша.

Лориавель неожиданно поклонилась, еще сильнее нервируя этикетом.

А затем она вдруг шагнула куда-то в сторону, присела на корточки и схватилась за какой-то коврик. Лишь в тот момент, когда коврик откинулся назад, превратившись в крышку люка, стало ясно, что гриб, в котором мы находились, вел куда-то вниз.

– Скорее подходи, – поманила меня дочка жреца. – Уверена, Великий Айш заждался уже.

– Ага, заждался он, – похолодевшими губами пробубнила я, через силу повинуюсь. – Мне-то как не терпится...

Под люком, как ни странно, оказались не простые ступеньки, а будто бы из какого-то удивительного золотого камня. По бокам от каждой ступеньки стоял желтый сталагмит, светящийся изнутри и освещающий прекраснейший тоннель, что вел по направлению ко дворцу Айша.

– Это сердолик, – пояснила Лориавель, – золотой камень, которым наши мужчины дорогу в теларан украсили.

В женском голосе звучало отчетливое уважение к работе неизвестных мастеров. Видимо, она привыкла гордиться своим народом, и изредка в разговоре со мной, шейсаркой, эта гордость проскальзывала.

– Красиво, – подтвердила я, тем более что это была правда. И пускай прямо сейчас мне было не до местных красот, потому что все внутри переворачивалось от страха.

Сердоликовую дорогу мы преодолели почти мгновенно. И едва передо мной выросли высокие, с два человеческих роста, золотые двери, как Лориавель осторожно постучала в них и тут же низко склонила голову, почти коснувшись длинными белыми волосами пола.

В этот миг створки скрипнули и распахнулись. А мое сердце едва не остановилось раз и навсегда.

Глава 5

Он душу твою украдет,
В паутину ее вплетет,
А голод его неземной
Обожжет как вино с беленой...

(из уличной шейсарской песенки)

В меня, словно стрела из огня, вонзился горящий зеленым пламенем взгляд. Глаза, полные колдовского света, подземного голода, немислимой бездны желаний, проникли раскаленным вниманием будто бы через меня, прямоиком сквозь сердце.

И все, о чем я думала еще несколько мгновений назад, ушло в прошлое. Кануло в вечность.

Лориавель слегка подтолкнула меня вперед, позволив сделать те несчастные два шага, после которых сердоликовый тоннель остался позади, а меня поглотила сверкающая темными драгоценностями вотчина Великого Айша – теларан, огромные покои в черном каменном дворце Стеклянного каньона.

Все остальное словно бы умерло. Был только он и я.

Лишь отдаленно я слышала, как за спиной захлопнулись золотые двери, и стало ясно, что теперь, кроме нас, и впрямь не осталось

никого вокруг.

Я шумно сглотнула, стиснув зубы и, наконец, позволив себе опустить взгляд ниже его проклятых, глубоких до бесконечности глаз. Позволив увидеть обнаженную грудную клетку, бугрящуюся тугими, крупными мышцами, широкие плечи и мощные предплечья, украшенные витыми браслетами из красного золота.

Длинные густые волосы цвета древесной коры, что по неведомому принципу становились то светлее, переливаясь золотом, то темнее, переходя в дикую камышовую тьму, слегка падали на лицо. Они бросали на глаза загадочные и мрачные тени, заставляя зеленые радужки светиться еще ярче, почти фосфоресцировать всеми оттенками драгоценных камней: от изумруда и малахита до испещренного огненными прожилками нефрита.

Мой таинственный незнакомец и спаситель от бледного червя солаана был так же красив, как и прежде, а может быть, даже еще красивее. Я не могла понять, что чувствую, потому что большую часть эмоций заволок непонятный страх-предвкушение. Ноющее, пульсирующее чувство, когда до дрожи опасаясь неизвестности, когда не можешь пошевелить и пальцем от сковывающего ужаса...

Но при этом и убежать не можешь. И двигаешься дальше, как замороженная, потому что это ненормальное, стягивающее грудь ощущение пьянит тебя не хуже крепленого вина, настоящего на полыни. Сводит с ума раскаленным свинцом в голове.

Говорят, на страх смерти можно подсесть, как на наркотик, раз за разом возвращая себя к опасности. Рискуя жизнью и получая от этого удовольствие. Прямо сейчас я готова была поверить в это утверждение.

Когда кровь в венах начала стучать настолько быстро, что от испытываемого страха меня бросило в легкую эйфорию, я, наконец, позволила себе опустить взгляд еще ниже. Ниже кубиков стального пресса, ниже удивительного пояса – толстой золотой цепи, инкрустированной ромбовидными камнями и украшенной вставками из фигурок металлических паучков. Прямо к огромным паучьим ногам, что острыми кинжалами росли из крупного паучьего тела, переливающегося глянцевыми хитиновыми пластинами, словно живым доспехом.

Великий Айш словно ждал чего-то. Ждал, пока я приду в себя после первого потрясения. А может быть, изучал меня с ничуть не меньшим интересом, чем я его. Впрочем, наверняка такие эмоции, как у меня, ему и не снились.

Его смуглая кожа, напоминающая светлую карамель, сверкала и блестела, будто полированный янтарь, в свете десятка огней, озаряющих полумрак зала, лишённого окон. В этот момент я заметила, что источниками света здесь служило настоящее пламя, горящее в множестве жаровен, расставленных вдоль стен. В них горели какие-то маленькие камушки, от которых вверх тянулись тонкие раскаленные язычки красивого оранжевого цвета, переходящего в оттенок Турмалинового рододендрона.

– Ну, з-з-здравствуй, В-в-великий Айш, – проговорила я, запинаясь, но постаравшись взять себя в руки и не дрожать. С трудом отвела взгляд и теперь глядела на что угодно, только не на него. На существо, от которого одновременно что-то сжималось внутри и накрывало сбивающей с ног волной жара.

Айш молчал, не двигаясь. И я старалась не думать о том, как сильно он напоминает хищника, приготовившегося к броску. И только глаза его неотрывно следили за мной, как горящие угли в беспросветную ночь. Я чувствовала кожей тяжесть и остроту их внимания, ощущала, когда они скользили по моим плечам, по спине, задерживаясь между лопаток, падали на грудь и бедра...

А я медленно двигалась вдоль помещения, огибая огромную фигуру полубога по невидимому кругу, центром которого было его громадное паучье тело. Я смотрела на статуи женщин и мужчин, что были вытесаны прямо в стенах и торчали из них, вытаскивая вперед то руки, то ноги, то грудь или спину в причудливых позах.

Великий Айш так и не ответил на мое приветствие, сливаясь неподвижностью со статуями в его покоях. Нервируя своим взглядом и неизвестностью, которая не торопилась развеиваться.

Казалось, он чего-то ждет... и это пугало еще сильнее.

Я остановилась у одной из статуй, что на этот раз располагалась не у стены, а прямо посреди широкого пространства комнаты. Это была фигура женщины, что над головой держала цветы рододендрона, а уже сами цветы уходили каменными соцветиями в потолок. Женская фигура в несколько раз превышала мой рост и оказалась абсолютно

обнаженной. Несмотря на то, что вся ее фигура являла собой тот же черный камень, из которого был создан дворец, соски были сделаны из ярко-розового минерала, напоминающего аметист. Из него же неизвестный мастер сотворил и губы девы, глаза же сверкали топазовой голубизной, а треугольничек внизу живота был украшен мелкой, сверкающей белизной крошкой.

Я засмушалась и отвернулась, невольно вновь посмотрев на мужчину, который не отводил от меня глаз. Мужчину, у которого двигалась лишь мощная грудная клетка и изредка опускались и поднимались веки.

Стоило вновь пересечься с пылающим зеленым взглядом, как под ребрами будто зашевелилась стая зубастых мурен, выпускающих яд при каждом движении.

Я громко сглотнула и решила, что пора поговорить с Айшем начистоту. Ведь мог же он разговаривать прежде? Там, в пещере, у него проблем с речью не наблюдалось. Да и вообще казалось, что у моего спасителя проблем и вовсе не было, и тогда я пребывала в наивной уверенности, что он сможет вызволить меня из любой беды.

Сейчас же бедой практически стал он сам...

– Я думала о тебе, – проговорила, сглатывая ком в горле. С трудом шевеля языком.

Как это, оказывается, трудно – говорить, когда организм отказывается подчиняться! От страха, от переживаний, от эмоций, которые сжимают горло.

Как красиво, бывает, пишут в романах: «героиня взяла и высказала все, что думает, несмотря на бурю, бушующую в ее мятежной душе».

А что делать, если в реальности от этой бури ты не можешь связать и двух слов?

– Ты помнишь... меня? – спросила я, неожиданно испугавшись услышать ответ. Мне ведь не приходило в голову, что Айш вообще мог меня забыть. Не приходило в голову, что, может, передо мной вовсе не тот мужчина, которого я встретила пару дней назад.

Но... нет, это просто страх. Наверняка он все помнит! И вот прямо сейчас распахнет свои алые губы, которые...

Проклятье.

...так сладко касались моих ребер, и скажет, что все в порядке! Что он не мог забыть меня, потому что я не выхожу у него из головы вот уже третьи сутки. И вообще, мол, не стоит бояться его странной внешности. Все это лишь обман и морок. А затем передо мной снова появится тот же мужчина с двумя ногами и самыми потрясающими поцелуями во всей Шейсаре. И наверняка во всем Стеклянном каньоне.

Но он молчал. И дикая животная природа его существа продолжала распространять вокруг атмосферу хищной охоты. Страх и голода, от которого все скручивалось в животе узлом, а думать становилось трудно.

В виски громко ударил пульс.

Я стиснула зубы, прикусив губу изнутри, чтобы почувствовать боль. Чтобы вырваться из невидимого липкого плена его взгляда.

Как бабочке – из паутины.

А затем воскликнула, нарочно пытаюсь себя разозлить:

– Ты так и будешь делать вид, что не узнаешь меня? Так и будешь молчать и не шевелиться, чтобы нагнать на меня побольше страха? – фыркнула я, повернувшись к нему всем телом и нарочно сложив руки на груди. Делая вид, что вовсе не боюсь, хотя ноги подкашивались, а руки... Именно они и должны были стать «замком», который отгородил бы меня от сверкающего пластинчатым хитином тела шаррвальского полубога.

Айш склонил голову набок, и мне показалось, что одна его бровь насмешливо приподнялась вместе с уголками красивых губ. Его горящие глаза чуть прищурились, и меня облило очередной волной жара.

Он изучал меня! Смотрел, как я буду себя вести. Какотреагирую...

Но за какой сколопендрой ему это надо? Я не зверушка в клетке, чтобы наблюдать за мной!

– Ну и ладно! – воскликнула я, чувствуя, как краснею с ног до головы. До корней волос, если это вообще возможно. – Знаешь, я тоже тебя впервые вижу, – махнула я рукой, нарочито вставая к Айшу вполоборота, будто он больше не волнует меня ни капли. – Ошиблась! – фыркнула я.

А потом, к сожалению, меня совершенно занесло от страха:

– Конечно, я ошиблась. Не думала я о тебе ни разу! Не гадала, как тебя зовут. Не надеялась снова встретить тебя в ваших дурацких пещерах. Тебя-то я первый раз вижу, потому что такую паучью задницу я бы точно запомнила!

И мир стремительно перевернулся. Лишь краем глаза я заметила в самый последний момент, как на губах Великого Айша сверкнула широкая хищная улыбка, а глаза опасно сверкнули, будто распространяя вокруг колдовской зеленовато-желтый туман.

И меня тут же обволокло паутиной, а земля ушла из-под ног.

В голове мелькнуло: «Это конец. И кто меня за язык тянул?..»

Когда глаза, наконец, сумели сфокусироваться на происходящем, я поняла, что буквально вишу в воздухе, прикованная к потолку какими-то белыми цепями...

Нитями паутины.

Руки развело в стороны, на запястьях зафиксировались мягкие, но прочные, как металл, петли. Лодыжки и колени были связаны подобным же образом.

Сердце едва не остановилось.

Я беспомощно оглядывалась по сторонам, чтобы понять, какого демона произошло. Голова двигалась свободно, но все остальные части тела были жестко связаны либо просто каким-то неведомым образом прилипли к огромной прочной сети, которая была нежной, как пух, но при этом легко удерживала над полом моей вес, не давая пошевелиться.

Фактически я стала той самой влипшей в паутину бабочкой, с которой совсем недавно себя сравнивала. И осознание этого простого факта едва не вышибло из головы все самообладание, разорвав нервы здравого рассудка в клочья.

А Айш стоял напротив меня. Ошеломительно близко. И теперь его лицо, прежде находящееся на недостижимой высоте из-за громадного паучьего тела, сейчас было со мной на одном уровне. Его колдовские горящие глаза смотрели на меня, а губы слегка улыбались, словно он ждал какой-то реакции. Словно... играл. Как кот играет с мышью перед тем, как съесть. Возможно, так и пауки играют с мушками перед тем, как выпить их содержимое, словно бутылку вина, – кто знает?..

Я была готова закричать. Не будет же он меня есть?

Или будет?..

Кто их знает, этих шаррвальских полубогов...

Я должна была что-то сказать, выдавить из себя хоть слово. Попросить не убивать меня, не есть, не кусать, не дегустировать на вкусовые качества. Попросить отпустить. Но я судорожно вздохнула и закрыла глаза, потому что каждая крохотная часть тела дрожала, каждую мышцу свело судорогой ужаса. Нервы натянулись, как проклятая паутина.

Я не хотела видеть, что произойдет дальше. Ведь я уже ощущала его дыхание на своей коже. И стоило закрыть глаза, как это тонкое ощущение стало еще сильнее. Еще отчетливее.

Словно Великий Айш наклонился ко мне...

Кровь начала закипать. Новая порция страха ударила по нервам, тело бросило в жар. А затем начало происходить что-то ненормальное.

Возможно, я все же сошла с ума перед неминуемой смертью, Потому что огонь страха снова отозвался в голове головокружением и новой волной эйфории.

Мне стало жарко, очень жарко.

А затем, когда я уже думала, что мне вот-вот перегрызут горло или что-то в этом роде, основания шеи коснулись раскаленные губы.

Тело прошила судорога. И это была не судорога боли, а вовсе даже наоборот. С растущим беспокойством я вдруг поняла, что напиток из сока тираана и настойки черногриба, похоже, очень даже работает.

Самое малейшее прикосновение Айша вызывало под кожей бурю огня.

Он отстранился в тот же миг, а я распахнула глаза, чувствуя, как меня начинает бить дрожь. И я не могу ее остановить. Страх смешался с огнем и стал чем-то большим. Чем-то совсем иным.

Снова Айш смотрел на меня широко распахнутыми темными изумрудами глаз. И улыбался клыкастой улыбкой, какая бывает только у нагов...

У него были клыки мирая.

Дыхание вырвалось из горла судорожной волной. Я не могла отвести взгляд от него и его губ. От глаз и клыков... чувствуя, как от этого зрелища меня продолжает кидать в лихорадку темного возбуждения.

А полубог внезапно покачал головой. Поднял руку, на каждом пальце которой сверкало по одному черному каменному кольцу. И накрыл мои глаза.

Я попыталась дернуться, чтобы отвернуться, инстинктивно отстраняясь. Но не успела. Потому что уже в следующий момент на глазах оказалась мягкая белая повязка, сквозь которую было совершенно ничего не видно.

Паутина! У меня на глазах была паутина. Но на этот раз она оказалась совершенно лишена липких свойств. Словно по желанию Айша эта странная материя могла менять свои характеристики.

Удивительно.

Но думать об этом не представлялось возможным, потому что едва на меня вновь опустилась блаженная темнота, на этот раз окончательно скрыв от меня облик Великого Айша, как я вновь ощутила на своей шее его губы.

Позвоночник будто прострелила молния. Но прикосновение больше не исчезало, раздувая уголья под кожей в настоящий пожар.

Айш распахнул губы, не отрываясь от меня ни на миг, и провел горячим языком вниз, спускаясь к ямочке над ключицей, ныряя в нее и выводя по кругу пьянящие, сводящие с ума узоры.

Я выдохнула через рот, чувствуя, словно захлебываюсь.

Это снова были *ЕГО* губы. Губы мужчины, что спас меня в пещерах. Он прикасался ко мне точно так же, как и тогда... разве что сейчас это прикосновение стало гораздо более жгучим, полным голода и желания, от которого все органы внутри будто переворачивались и менялись местами.

А потом я ощутила, как талию стискивают его руки. Сквозь тонкую ткань белого платья легко проникал жар его ладоней, отзывающийся в теле мгновенным горячим откликом. Он сжимал меня аккуратно, но сильно, вдавливая пальцы, притягивая к себе... и я уже чувствовала его мощную грудную клетку, прижавшуюся к моему телу, его живот, касающийся моего живота...

Под повязкой-паутиной вспыхнули разноцветные круги. Если бы глаза были открыты, перед ними бы потемнело.

А затем внезапно веревки, стягивающие руки и ноги, пришли в движение. Я тихо вскрикнула, не понимая, что происходит. Но в тот же миг губы Айша стали опускаться с шеи еще ниже, а его ладони

оглушительно медленно двинулись вверх по ребрам, поглаживая, выбивая из груди остатки дыхания. И замерли на кромке платья, одним неторопливым движением опустив мягкий лиф и обнажив грудь.

Я едва успела ощутить прохладу окружающего воздуха, судорожно вдыхая, как один сосок накрыли раскаленные губы, а второй мягко сжали пальцы.

Из горла вырвался тихий крик, превратившийся в отрывистый и жалкий хрип. Тысячи иголок словно начали покалывать кожу изнутри, царапая крыльями огненных мотыльков.

Я потеряла связь с реальностью.

Контраст прохладного воздуха и горячих губ оказался нестерпимо приятным. Мне было стыдно, но отказаться от подобного было невозможно.

О том, что меня там пугало еще секунду назад, я забыла почти мгновенно. В ту же секунду, как Айш слегка сжал зубы, одновременно стискивая в пальцах твердую вершинку.

Позвоночник словно прострелило волной: удар по нервам и сладкое касание языка следом. Мягкая ладонь, скользящая по груди, легким трением погружающая в патоку оцепенения, отрывистого дыхания, жадных всхлипов. И тихий мужской голос, перекатывающийся на границе слышимости, ласкающий хриплыми, таинственно-шипящими нотами:

– *Эвиссаэш ильяни шей...*

Что это значит? Проклятье, что?!

Мозг едва не взорвался от необходимости понять. Словно это было нечто невообразимо важное.

Может, так показалось мне лишь потому, что это была первая фраза, услышанная мной от Великого Айша. Фраза, отличная от холодного слова «согласен», которое он произнес, приняв меня в качестве новой алы. Как вещь или подношение.

А может, я решила, что это важно, потому что от мягкого шелеста его голоса, произнесшего часть моего имени «Эвисса», у меня внутри словно начали расти огненные цветы.

– Как ты сладко пахнешь, – бархатным, грудным голосом добавил мужчина, перейдя на нормальный язык, и от очередной его легко брошенной фразы меня, как проливным дождем, накрыло всплеском жара.

И вдруг мое платье, которое еще секунду назад было целым, разошлось на две половинки.

Разгоряченную кожу обожгла острая прохлада наготы.

– Стой, нет... – одними губами произнесла я, понимая, что не могу контролировать происходящее.

Я была не способна двигаться и ничего не видела. Фактически в моем распоряжении оставались лишь слух и осязание, усиленные многократно. А голос все равно не подчинялся, прирученный удовольствием от ласк незнакомца из пещер.

Ведь теперь за закрытыми глазами я видела только его. Его смуглое лицо с легкой улыбкой, обнаженный торс, украшенный половинным доспехом, как в первый день нашей встречи. Меч, висящий в ножнах на поясе рядом с... человеческими ногами в плотных штанах.

Паука больше не было. Было только нескромное наслаждение, которое вроде бы не должна получать приличная девушка в присутствии едва знакомого мужчины. От его прикосновений, от того, как он носом касается моего живота, шумно втягивая воздух возле моего тела. Как прихватывает губами мягкую кожу, словно хочет укунить или съесть. А я чувствую, как едва заметно царапают меня его клыки...

Все это не должно сводить с ума приличную девушку.

Впрочем, я была готова признать, что тех «счастливиц», которых приносят в дар полубогам, это не касается.

Едва я пришла к соглашению с собственной совестью, как Айш опустил губами к пупку, проникая горячим языком внутрь, дотрагиваясь до какого-то остро чувствительного места, от которого все внутри свело судорогой, начиная болезненно пульсировать, словно прибор, бьющий волнами к основанию бедер.

– Эвиссаэш... – хрипло повторил Айш.

Я тихо вскрикнула, и вместе с этим звуком потеряла остатки воздуха в легких, не в силах больше вздохнуть. Голова закружилась. Перемежая острый стыд и удовольствие, в ней тут же всплыло воспоминание:

«Эвиссаэш – по-мирайски означает „сокровище“».

Он помнил мое имя! Помнил слова, которые сказал мне тогда в пещере! Но почему-то вел себя совсем иначе. Дико, властно, пугающе

горячо...

Однако, пока я пыталась соотнести того мужчину из прошлого и этого – из настоящего, с горящими глазами и совершенно бесстыдными губами, Айш опустил еще ниже и языком прочертил дорожку от основания живота, вдоль выступающих косточек таза к чувствительному треугольничку между ног.

Я хотела сказать что-то возмущенное, что-то недовольное. Но горло сдавило, а все слова вылетели из головы, словно их там никогда и не было. Паутина за моей спиной снова зашевелилась, чтобы привести запутавшуюся бабочку в движение. И... мои бедра совершенно бесстыдно раздвинулись.

Я покраснела с ног до головы, больно прикусила губу, завертев головой, словно это могло помочь вырваться. Бесполезное дело! А откуда-то снизу раздался тихий смешок, словно трепыхание жертвы веселило охотника.

Оставалось порадоваться, что на мне было нижнее белье. Простое и совсем недорогое, из бамбуковых нитей, обработанных гоблинской магией. Иначе подобная поза окончательно довела бы меня до сердечного приступа.

Едва в голове оформился хоть какой-то протест в ответ на действия Айша, как я ощутила горячие губы, прикоснувшиеся к тонкой волокнистой ткани.

Из горла вырвался стон.

– Нет, стой, перес...

Он сжал губы на ткани и тут же отпустил, языком касаясь самого чувствительного бугорка. Снова сжал его, и я почувствовала, что прикосновение сквозь увлажнившиеся трусики едва ли сильно отличается от прикосновения к голой коже. Даже наоборот, каким-то неведомым образом эта преграда искажала и усиливала ощущения.

А белье и впрямь было слишком откровенно... не сухим.

– Пожалуйста, перестань, – всхлипнула я, чувствуя, как нарастает острое безумие между ног, как жарко бьет кровь, ударяя в виски, живот, бедра. Как пляшет по нервам, словно по струнам, пульс удовольствия.

– Тебе нравится... – низким, чуть рокочущим голосом констатировал Айш то, что было очевидно нам обоим. Он придвинулся ближе и обхватил ладонями мои бедра, губами прочно накрыл

полосочку белья, посасывая и надавливая в каком-то темном колдовском ритме, от которого я начала стремительно проваливаться в бездну.

Из горла вырвался короткий крик, который не удалось сдержать. Затем еще один и еще. Отрывистый и сдавленный. Задрожали ноги, прочно связанные нитями паутины.

Я начала задыхаться. Каждый нерв в теле натянулся до предела, а удовольствие переросло в оголодавшую бурю сладкого помешательства.

И в тот момент, когда я уже готова была умереть на месте от разрывающего тело наслаждения, как все прекратилось.

Я жадно хватала воздух распахнутыми губами, не понимая, что происходит. Как рыба, пойманная на удочку ради игры и выброшенная на берег за ненужностью.

Живот скрутило судорогой парализованного желания. Почти до боли. Почти до в кровь искусанных губ.

Но сообразить это все было некогда, потому что едва пьянящие ласки Айша исчезли, как я ощутила на своих глазах его ладонь.

Мгновение – и паутина растворилась, словно состояла из колдовского тумана. А мои бедра крепко обхватили горячие мужские ладони.

– Открой глаза... – хрипло приказал Айш, и я тут же послушалась.

Оглушенная, не вернувшаяся в здоровое сознание. Голодная от его ласк...

Незащищенная.

И утонула в хищных зеленых глазах, пронзающих насквозь, как лезвие меча пронзает сердце солаана.

В тот же миг Айш прижал мои бедра к себе, вдавил меня в свое тело и накрыл меня жадным, властным поцелуем, оставляющим во рту привкус ежевичного вина. Я потерялась в его объятиях, понимая, что никто и никогда не целовал меня так. Так, чтобы от слияния губ, от безумия горячего языка и судорожно стиснутых на моей коже пальцев меня уносило в бесконечность восторга, в беспомыслие дикого наслаждения.

Но стоило нашим телам соприкоснуться, стоило мне ощутить, как его мощная грудь вжимается в мою, а мое влажное белье касается

основания его твердого паучьего тела, аккуратно под золотой цепью, как мужские руки на моих бедрах сжались сильнее. Паутина, сдерживающая мои колени, исчезла словно по волшебству, и, чтобы не упасть, я обхватила ногами Великого Айша.

А в следующую секунду он стиснул меня, словно мотылька, ладонями двигая мои бедра по направлению к себе, заставляя едва заметно скользить, вжимаясь в его тело.

Я хрипло втянула воздух, зажмуриваясь, потому что самые чувствительные точки в треугольнике между ног бессовестно задрожали от наслаждения. Разгоряченные минувшими ласками, они жаждали еще.

И... проклятье... им было нужно совсем немного!

Голова начала гореть, щеки пылали, я не могла сконцентрироваться, когда Айш раздвигал мои губы языком, проникал в меня, как хозяин проникает в место, которое принадлежит ему одному. И одновременно снова слегка толкаясь вперед, скользя моим телом по своему, сплетаясь со мной будто в змеиный клубок.

Бесстыдно.

Жарко.

Еще раз...

Я закричала сквозь поцелуй, невольно выгнувшись дугой от резкой молнии удовольствия, пронзившей насквозь до кончиков пальцев, и только через несколько мгновений поняла, что мои руки тоже давно не связаны ничем. Что я вцепилась в волосы Великого Айша, плотно обхватив мягкие золотисто-камышовые пряди, притягивая его к себе и целуя в ответ не менее исступленно, чем он целовал меня. Что я сжимаю его тело ногами, а мои обнаженные ступни касаются огромной паучьей спины....

– Ох... – только и сумела выдохнуть я, широко распахнув глаза, разглядывая сверкающую пластинками кожу, красивые сочленения хитина и глянцево-блестящие ноги, напоминающие полированный камень.

И только затем сумела перевести взгляд в глаза Великого Айша.

Они все еще горели. Глядели на меня и горели темным зеленым огнем. Только он больше не улыбался. А я не могла понять, что за мысль скрывается внутри их жгучего пламени.

– Я... – мне хотелось поговорить с ним. Прямо сейчас я хотела высказать ему так много всего, что не успела решить, о чем скажу сперва.

О том, что целуется он и впрямь божественно? Или о том, что задница у него хоть и паучья, но, если подумать, очень даже ничего, терпимая? Или о том, что пару секунд назад я впервые в жизни испытала подобное удовольствие и, как ни странно, это совершенно смыло из головы весь страх, так что пусть не пытается меня больше запугивать?

Все еще под впечатлением от случившегося, я не сразу сообразила, что говорить. А Великий Айш вдруг осторожно поставил меня на ноги и, на миг застыв рядом, провел кончиками пальцев по моему лицу.

Он все еще не улыбался, и даже в глазах не было прежнего веселья, как тогда, когда он изучал меня. Напротив, мне почудилось, что его настроение стремительно сменило полюс.

Но почему? Может, я не оправдала его ожиданий?

Это уж совсем наглость. Ну, я, конечно, не абы какой хороший подарок, в конце концов, любовного опыта у меня с муравьиные усики, ну что уж поделаешь? Не напрашивалась я в любимые алы Великого Айша!

А большой палец мужчины тем временем остановился и тут же медленно скользнул по моим губам, вызвав под ребрами взрыв колючих мурашек.

Я уже распахнула губы, чтобы хотя бы в шутку бросить, мол, знакомство удалось или нет? Но не смогла.

Рука Айша исчезла, а сам он развернулся и просто скрылся в полумраке огромных каменных покоев.

Я все думала, что он вот-вот вернется, но этого не произошло ни через минуту, ни через десять. Он оставил меня совершенно одну.

Впрочем, как ни странно, мне быстро нашлось чем заняться.

На изучение диковинных комнат, что переходили одна в другую, мне отвелось не так уж много времени, потому что едва я успела прийти в себя после всего происходящего, как в двери постучали. Хвала всем подземным и надземным богам, разорванное Айшем платье мне удалось заменить на легкий наряд, напоминающий халат без рукавов. На ощупь он напоминал чистый шелк, хотя я готова была

поспорить, что жучки-шелкопряды не имели к странным нитям никакого отношения. Ткань была легкой, как пух, казалось, ее можно разорвать одним прикосновением, однако, как ни странно, все оказалось с точностью до наоборот. Ее прочность была поразительной и напоминала... паутину!

Догадка взорвала сознание яркой вспышкой, и теперь эта мысль не выходила у меня из головы. Все шаррвальские ткани были очень странными, не такими, как в Шейсаре. И теперь казалось, что секрет по крайней мере некоторых нарядов мне удалось разгадать, хотя разгадка и звучала фантастически.

В общем, надев удивительную голубовато-белую накидку и подпоясав ее заплетенной в косичку серебряной веревочкой, я подбежала к двери. Вряд ли Великий Айш стал бы стучать перед тем, как вернуться, поэтому я особенно не беспокоилась.

Так и вышло. За дверью в соседнем помещении стояла светловолосая шаррвальская девушка с подносом в руках.

– Будьте, пожалуйста, как дома, ала, – проговорила она, не поднимая склоненной головы. – Я хотела бы завтрак принести вам и Великому Айшу.

– Айш уже ушел, – пожала плечами я, тут же перехватывая заветный поднос.

Девушка на миг растерялась, но тут же пришла в себя. Посмотрела на меня светлыми зеленовато-голубыми глазами и кивнула. На ее худом бледном лице появилось такое выражение, словно она все понимает.

От этого мне, признаться, стало несколько неловко.

– Вам помощь не нужна ли, ала? – спросила она в шаррвальской манере менять порядок слов.

Впрочем, к местному выговору я уже привыкла и не обращала внимания.

– Спасибо, завтрака вполне хватит, – кивнула я, надеясь, что она не будет развивать тему того, чем закончилась наша встреча с Айшем. А то вдруг у них тут каждый раз отчет отдавать полагается? Мол, так и так, «было три раза на стуле и столе, один – на потолке. Надеюсь забеременеть уже завтра».

Вообще, тот факт, что на самом деле у нас с Айшем фактически ничего еще и не было, меня безмерно радовал. Хотя и оставлял в

недоумении. Ведь Лориавель ясно дала понять, что полубогом движет лишь жажда продолжить род и, собственно, именно для этого ему и приводят все новых и новых женщин.

В моем же случае оказалось, что великий шаррвальский идол вовсе никуда не торопится. В любом случае мне это было на руку, и грех жаловаться.

– А как тебя зовут? – успела я спросить девушку, едва она развернулась, чтобы с поклоном удалиться.

– Я Мириаль, старшая служка теларана и гнезда царицы.

Я оглядела ее, отмечая узкое платье из довольно плотного материала, явно теплого и удобного, обратила внимание на его темный неброский цвет и небольшую вышивку по краям рукавов и подола. Девушка была очень худой и светлокожей, как и большинство шаррвалек.

– Не хочешь позавтракать со мной? – попробовала позвать я ее к себе, чтобы заодно выспросить у местной работницы, как тут все устроено.

Но, к сожалению, девушка быстро замотала головой, испуганно подняв ладони вверх.

– Нет, что вы, благородная ала! Не могу я позволить себе с избранницей божества трапезу делить! Прошу, ала, простить меня. Я приду попозже, поднос чтобы забрать.

Опять поклонилась и попятилась назад, уже через мгновение исчезнув в коридоре.

Мне оставалось только надеяться, что не все в этом дворце будут шарахаться от меня так же, как Мириаль.

Захлопнув за девушкой дверь, я утащила к себе поднос, ломившийся от яств, который мы, судя по всему, должны были разделить вместе с Айшем. Теперь же все гастрономические сокровища достались мне одной, чему я была безмерно рада. Голод не тетка и даже не дядька. Время шло к обеду, а у меня во рту до сих пор не было ни крошки.

Поставив поднос на большой каменный стол, высотой мне по грудь, я не без труда забралась на высокий стул с хрупкой на вид спинкой, напоминающей кружева, вырезанные из чьей-то желтоватой кости. Схватила глубокую зеленую миску с золотой эмалью и глубоко втянула дивный аромат незнакомого блюда. От него шел легкий пар, а

рядом лежала уже знакомая ложечка-вилка, которой следовало блюдо употребить.

Не став дольше тянуть, я зачерпнула ароматное варево, напоминающее необычное жаркое, и положила себе в рот. Вкусные сосочки обожгло резким ярким вкусом, заставившим на миг замереть. Впрочем, уже через мгновение я наворачивала угощение за обе щеки, вспоминая старую поговорку в нашей далеко не самой богатой провинции:

«Тот харчами перебирает, кто аспидами зад подтирает, а коль и контии^[3] тебе не поют, то и ешь что дают».

Тетушка частенько мне это говаривала, когда ставила на стол кастрюлю перловки на воде, потому что ничего больше не было.

С тех пор я привыкла быть не слишком привередливой в еде. К тому же, если уж честно, еда в Стеклянном каньоне хоть и была необычной, невкусной ее назвать было совершенно невозможно! Я умяла тарелку горячего так быстро, что и заметить не успела. И только под конец сообразила, что это было какое-то незнакомое мне мясо с маленькими грибами и зеленью.

Кроме этого на подносе лежал серый хлеб с тертым сыром, тонко нарезанные колбасы нескольких сортов, зеленый травяной паштет, салат из каких-то трав, похожих на разноцветный мох, незнакомые ягоды и три кувшина напитков. Фруктов и овощей не было.

И если подумать, то откуда бы им взяться? Под землей почти ничего не растет. И даже то, что тут есть цветущий розовый рододендрон, было удивительным. Ведь без солнечного света даже мелкие растения не живут. А уж тем более деревья. Однако, видимо, тот самый Турмалиновый рододендрон и впрямь был растением магическим.

Я попробовала все, что было на подносе, после чего запила угощение уже знакомым соком тираана. Дышать сразу стало чуточку легче, и впрямь этот гриб мягко успокаивал расшалившиеся нервы, да и кисло-острый вкус освежал и бодрил. Остальные два кувшина явно содержали какой-то алкогольный напиток, поэтому я не стала им злоупотреблять.

Едва я закончила трапезу, как в дверь постучали и на пороге снова появилась Мириаль.

– Могу поднос я забрать? Понравилось ли угощение ала? – спросила она, потупив взгляд. – К сожалению, нет у нас привычных блюд, которыми питались вы в Шейсаре, уважаемая...

– Нет, что вы, спасибо, было прекрасно! – поторопилась я сказать.

Служанка подняла на меня удивленные глаза и улыбнулась.

– Это прекрасно, ала, рада я, что вы не в расстроенных чувствах.

– С чего бы мне в них быть? – только и успела спросить, уже формируя в голове вопрос, который хотела задать девушке еще в первый раз.

Что-то там она говорила про некое «гнездо царицы», а я совсем не успела уточнить, о чем идет речь. Однако и сейчас момент подобрать не удалось, потому что за спиной служанки появилась еще одна женская фигура, рядом с которой, будто тени, стояли двое мужчин.

– К сожалению, обычно девушки с поверхности не радуются встрече с нашим Великим Айшем и не понимают чести, оказанной им нашим народом, – раздался мягкий голос незнакомки, и звучал он удивительно правильно. Даже как-то непривычно.

И, окинув ее фигуру, облаченную в тонкий, сверкающий камнями наряд, я поняла, что передо мной крайне важная особа. Очень может быть даже, что это была та самая царица...

– Сахашенаас, моя госпожа, – проговорила Мириаль и тут же низко склонилась, подняв обе руки вверх с торчащими мизинцами.

Примерно такой же жест я недавно видела у Лориавель, и теперь становилось ясно, что это какой-то местный ритуал. Слово «сахашенаас» же и вовсе заставило меня нахмуриться и крепко задуматься. Что-то оно мне напоминало.

– Сахашенаас, Мириаль, – ласково кивнула незнакомка, грациозно махнув рукой.

И тут же служанка подхватила мой опустевший поднос и скрылась в коридорах. Я же осталась наедине с этой странной особой, которая явно заинтересовалась моей скромной персоной. Она сделала в мою сторону несколько неторопливых маленьких шажков, затем с улыбкой повернулась к мужчинам, что следовали за ней, словно телохранители, и те отстали на пару шагов.

Я оглядела мужчин внимательнее. На них были черные костюмы непривычного кроя, без рукавов, со стоячими острыми воротниками, уголки которых были отделаны металлом. На поясе болтался довольно

узкий по меркам Шейсары ремень, с которого свисали тонкие украшения-иглы. На ногах плотно сидели штаны, уходящие вглубь мягких сапог.

А незнакомка при ближайшем рассмотрении оказалась молоденькой и хрупкой девушкой с задорным, немного наивным личиком и яркими раскосыми глазами цвета хрустала. Ее радужки были голубыми, но настолько светлыми, что создавалось впечатление, что они и вовсе прозрачные. Лишь черный зрачок внутри горел ярким чернильным пятном.

– Не возражаете, если я пройду, ала? – спросила она осторожно, склонив голову набок и слегка покраснев. – Неловко общаться в коридоре. Впрочем, если я вас затрудняю...

– Нет-нет, что вы, – замахала руками я, тут же освобождая проход в комнаты, которые даже не были моими. – Располагайтесь, пожалуйста. А вы кто?

За девушкой захлопнулась дверь, и мужчины, что ее сопровождали, остались по другую сторону, лишь напоследок бросив на меня несколько острых, цепких взглядов.

Ну точно охрана!

– Меня зовут Фелидархат, – улыбнулась она, подняла тонкую белую ладошку с растопыренными пальцами и пошевелила каждым из них. Со стороны стало казаться, что это паучок, который болтает всеми пятью своими лапками. – Но ты можешь звать меня просто Фели. Я царица Стеклянного каньона.

У меня дар речи пропал. Я снова оглядела молоденькую девушку, почти девочку с виду, и судорожно начала соображать, как мне следует приветствовать такую важную особу.

– Очень приятно познакомиться, – выдавила из себя нервно, поклонилась, а затем не нашла ничего умнее, как повторить жест «дерганье паучьих лапок».

Фелидархат широко улыбнулась, и ее светлые глаза заблестели в полумраке.

– Похоже, тебе у нас нравится, да? – Сложив руки в замок, с благородно выпрямленной спиной она проследовала в комнату так, словно прекрасно знала тут все.

Впрочем, вряд ли царица могла чего-то не знать в собственном дворце. Но, несмотря на этот очевидный факт, под ребрами екнуло,

стоило представить эту хрупкую девочку, бродящую по покоям Айша.

Только с чего бы мне переживать?

Я встряхнула головой, постаравшись отвлечься. А то так грибов наешься, грибного сока упьешься, а потом мысли всякие дурацкие в голову лезут.

– Ну... у вас очень красиво, – не стала скрывать я того, что думала на самом деле.

Царица тем временем села на высокий диван, вырезанный из камня и накрытый огромной черной шкурой. Сверху лежало не меньше дюжины подушек, поэтому на нем наверняка было достаточно мягко.

– Еда необычная, – продолжала я, скромно присев в каменное гнездо, напоминающее кресло, что стояло напротив дивана. Тут тоже гладко вытесанный монолит был укрыт шкурой, но подушек не оказалось. – И вкусные напитки. Я бы сказала, что на улице и в коридорах каньона довольно прохладно, но здесь, в замке, вполне тепло и уютно.

Царица улыбнулась, подняв светлое лицо и простодушно оглядев комнату. В ее глазах словно бы читалась любовь ко всему, что ее окружало в этом месте, и едва она открыла рот, чтобы ответить, как мои догадки оправдались:

– Мне кажется, что Стекланный каньон – самое красивое место в мире, – ответила она, погладив черную шкуру. – Хотя я больше нигде и не была. Но мне понятно, что тебе – девушке, привыкшей жить под светом палящего солнца, – наш город будет видаться мрачным и чужим. Это нормально. Не стоит щадить мои чувства.

– Нет, что вы, Фелидар...

– Просто Фели, – покачала головой она. – К чему эти церемонии? – продолжила, приподняв брови. – Может быть, через полгода ты станешь священной айяалой, женой Великого Айша. Вы вместе начнете род новых людей – тех, кто будет осенен благодатью Красной матери. Твои дети могут стать первыми из народа хекшаррахний – наполовину людей, наполовину пауков!

Меня бросило в дрожь от этой новости. Собственно, что-то такое мне уже говорила Лориавель, но тогда, похоже, большая часть информации не отложилась в голове. А вот теперь все потихоньку становилось на свои места.

– Ты, наверное, не знаешь, – внимательно посмотрела на меня девушка, склонив голову набок, а затем и вовсе покачала ей. – Бедняжка, столько потрясений, и еще я тут со своими рассказами. Прости, я, наверное, пойду.

И она встала, развернувшись и приготовившись исчезнуть где-то в коридорах каменного дворца, как и Мириаль до нее.

– Нет-нет, постойте! – почти взвизгнула я в ужасе от того, что она сейчас уйдет и так мне ничего и не расскажет. – Никакая я не бедняжка, все в порядке! Вы лучше расскажите...

– Называй меня на «ты», пожалуйста, – с виноватой улыбкой проговорила царица. – Тебя же зовут Эвиса, да? Красивое имя. Эвиса, ты можешь стать Светоносной царицей, и все этого очень ждут. И мне хотелось бы, чтобы ты чувствовала себя хорошо, чтобы была как дома. Хотя я и понимаю, что в нашей вечной тьме, наполненной грибами и солаанами, это будет сложно.

От ее слов меня пробрали холодные мурашки. Ведь и впрямь, если получится так, как они тут все надеются, то в промозглых пещерах Стеклянного каньона я буду жить до скончания своих дней.

Ужас!

А как же солнышко? Пение птичек? Как же вечное бормотание моей недовольной тетки?

– Так что там с первыми из народа хекшаррахний?.. – спросила я, сглотнув ком в горле.

Пожалуй, этот вопрос меня пока беспокоил больше всего.

– Ну как... – задумчиво протянула Фелидархат и перекинула на плечо одну из десятка маленьких белых косичек, что огибали ее голову, как гребни, от самого лба до затылка. Она намотала на палец светлый кончик и прикусила губу, словно не знала, что сказать. Или как объяснить мне нечто ужасное... – Великий Айш – уже первый хекшаррахний. Это произошло десять лет назад.

С этими словами она снова села на диван, но на этот раз на самый краешек, придвинувшись ко мне, словно собралась рассказать страшную тайну.

– В Айше поселилась сила Красной матери вследствие священного ритуала, который наконец удалось провести нашим жрецам. Мы молились о том, чтобы это случилось, веками. И вот, наконец, рок смилостивился.

– То есть десять лет назад Великий Айш стал Айшем? – уточнила я. – А до этого он был... кем?

Царица пожалала хрупкими плечиками, которые не скрывало платье. Напротив, их, как бриллиант, плотно обхватывала оправа из серебряной цепи, украшенной зелеными и прозрачными каменными капельками.

Я отметила, что Фелидархат была очень красива тонкой, какой-то эфемерной красотой. Шаррвальская бледность и худоба, созданная отсутствием солнца, в царице превращалась в неземную привлекательность.

– Я никогда не интересовалась. Знаю лишь, что в нем течет кровь повелителей Шейсары. Поэтому полагаю, что когда-то он был мираем.

Она фыркнула и скривилась, словно сказала что-то неприятное, но я не обратила на это внимания, увлеченная собственными мыслями. Ведь мне вдруг стало ясно, что в своих догадках я не ошиблась. Айш был нагом!

– А как же его хвост? – подавшись вперед, спросила я, и царица откровенно неприязненно сжала губы.

– Полагаю, что этот неприятный отросток Иль-Хайят исчез навсегда, – ответила она, слегка приподняв подбородок.

Я невольно выпучила глаза, не ожидая такого ответа. Хотя если подумать, то что странного в неприязни шаррвальской царицы? Ведь и в Шейсаре то же самое можно было бы услышать про паучью задницу Великого Айша.

И все же у меня не укладывалось в голове, что Фелидархат так не любит змеиные хвосты. Мне, выросшей фактически в городе змей, это было удивительно. И пускай мираев я видела крайне редко, чаще встречаясь с мильерскими расами, вся культура Шейсары так или иначе крутилась вокруг змей.

В Стеклянном каньоне же было все наоборот. И, похоже, змей здесь ненавидели так же, как у нас терпеть не могли пауков.

– То есть Айш теперь всегда выглядит так... как полу... бог... – отрывисто констатировала я, пытаюсь понять, кого тогда видела в пещерах. С человеческими ногами.

– Нет, отчего же? Вовсе нет, – покачала головой царица, снова улыбнувшись. – Великий Айш частенько принимает человеческий облик, чтобы снизойти до нас, простых людей. Чтобы нам было

привычнее. Айш – очень благороден и милостив к своим верным слугам.

– Вот как? – нахмурилась я, сама не заметив как.

Получалось, что сегодня ночью он вполне мог сменить свою паучью задницу на ноги, но решил этого не делать? Так, что ли?..

Внутри что-то возмущенно перевернулось и запульсировало ядовитым язычком пламени.

– Да-да, – закивала царица, а потом ее лицо расстроено вытянулось. – А что, с тобой он был как хекшаррахний, да? Бедняжка, тебе, наверное, тяжело пришлось?

Она подняла руку и коснулась моего плеча, осторожно погладив. Но тут же убрала.

– Ну что делать, тяжела доля алы, – вздохнула она, не дождавшись моего ответа, пока я мысленно представляла, как душу своего зеленоглазого спасителя. – Хотела бы я тебе помо...

За дверью что-то бухнуло, и царица нервно обернулась и замолчала. Затем виновато улыбнулась и поднялась с дивана, поторопившись к выходу.

– Что... ты куда?

– Прости, Эвиса, мне нужно идти: дела, – сказала она, затем постучала в дверь, и та тут же распахнулась. За порогом ее уже ожидала охрана. Однако царица нашла мгновение, чуть наклонилась и шепнула мне, подмигнув:

– Надеюсь, мы еще не раз поболтаем. Не скучай!

Я несколько ошарашенно кивнула, и царица исчезла в переходах дворца. Мне же ничего не оставалось, как вернуться в покои Великого Айша, откуда меня никто не выгонял.

Едва я оказалась одна, как поспешила исследовать оставшиеся в моем распоряжении комнаты.

Здесь было очень красиво! И я ни разу не обманула Фелидархат, когда говорила, что Стекланный каньон мне нравился. Я отродясь не бывала нигде, кроме своей провинции Нижней Шейсары. А тут, под землей, все было словно в ином мире!

Красивые статуи, драгоценные камни, стрелы хрустальных цветов, стоящие в вазах вдоль стен, каменная мебель и столы в форме грибов. Дойдя до самой крайней из полукруглых комнат Великого

Айша, я обнаружила спальню с поистине громадным круглым ложем, выстланным периной, напоминавшей облако.

Я мгновенно покраснела, представив, как в этой постели легко помещается целиком крупная фигура Великого Айша вместе со всеми его паучьими ногами. И мое маленькое тельце также легко притулилось бы рядом с ним...

Меня бросило в жар, стало не по себе.

Я отвернулась от постели и подошла к высокому камину в виде распахнутой клыкастой пасти какого-то зверя, подозрительно напоминавшего солаана. Каменные зубья торчали вверх и вниз в таком невероятном количестве, что невольно подумалось: если у этой твари в жизни столько же зубов, то смерть в них должна быть просто кошмарной.

Собственно, больше ничего особенно интересного обнаружить не удалось. В этот день мне ещё дважды принесли поднос с едой, и так стало ясно, что дело подошло к вечеру.

Поскольку почти все это время я нервничала и переживала, опасаясь нового появления Великого Айша, то после ужина меня начало стремительно клонить в сон. Устроившись на громадном круглом ложе в блаженном одиночестве, я стала засыпать, провалившись в мягкую перину, будто в облако. И сама не заметила, как в комнате кроме меня появился кто-то ещё...

Глава 6

Позабудешь монистовый звон,
Трели птиц и свистящий муссон...

(из уличной шейсарской песенки)

Еле слышные шаги казались осторожными, тихими буквально на грани различимости. Словно их и не было вовсе и это лишь шорох сновидений, накрывших меня тяжелым ватным куполом.

Я долго не могла вырваться из плена ночных образов, пока, наконец, ощущение чужого взгляда не стало нестерпимым.

Тело бросило в жар. Тонкая мягкая простыня, которой я укрылась вместо одеяла, начала прилипать к коже, душить.

Я вертелась на кровати, пытаюсь найти более прохладное место, но безуспешно. Кто бы мог подумать, что в холодных пещерах Стеклянного каньона может быть так жарко!

А затем я все же открыла глаза.

Знакомый полумрак чужих комнат медленно поднимал со дна липких сновидений. Огонь все так же потрескивал в камине-пасти, но его язычки стали почти неразличимы. Оранжево-красные угли выглядели словно язык каменного солаана и слабо освещали пространство помещения, выхватывая из тьмы контуры женской статуи: грудь, один сосок, бедро, улыбку в уголке рта...

В постели я лежала все в том же мягком наряде без рукавов, разве что ремешок для удобства сняла. И теперь от жары ткань задралась и прилипла к телу, голые ноги и торчащие бедра поблескивали в том же тусклом свете, как полированный камень. Глубокое декольте сдвинулось, почти обнажив грудь.

Ужас-то какой!

Я покраснела, стоило представить, что в таком виде мою скромную персону застал бы Великий Айш... или еще кто-нибудь.

Я быстро подскочила на кровати, стремительно поправляя наряд и подпоясываясь ремешком-веревочкой. Как раз в этот момент взгляд упал немного в сторону, туда, где с потолка спускалась тяжелая штора, отделяющая ваннные комнаты. В них я еще не успела побывать, потому что не особенно интересовалась их содержимым. Я еще чувствовала себя недостаточно комфортно в каменном дворце для того, чтобы обнажаться для мытья. Так и представляла, что стоит мне только намылить голову и закрыть глаза, чтобы в них пена не попала, как через дверь проникнет какой-нибудь детеныш солаана и вцепится доброй сотней своих зубов в мой блестящий зад.

Собственно, невнимательность сыграла со мной злую шутку. Я до последнего момента не глядела в сторону тяжелой алой шторы, а именно там, как оказалось, прятался *Он*.

– Что вы там делаете... ты! – воскликнула я, ткнув пальцем в моего незнакомца из пещер, и тут же вскочила с постели. – Это снова ты!

Прижавшись плечом к каменной колонне, из которой торчали изысканно вырезанные цветы рододендрона, на меня смотрел мой спаситель... и одновременно обладатель верхней части тела Великого Айша.

К счастью, нижняя часть сейчас снова принадлежала человеку, и поэтому я испытывала значительно меньше беспокойства.

– Я, – кивнул мужчина совершенно невозмутимо.

Его руки были сложены на груди, и от этого и без того широкие плечи казались еще шире, а бицепсы значительно выступали, привлекая внимание.

На мужчине были надеты только штаны диковинного кроя. Замшевые, с кучей каких-то ремней и цепей. На руках блестели золотые браслеты в виде спиралей и пауков, а грудную клетку от плеча до пояса стягивала португепя из трех кожаных полос, инкрустированных изумрудно-зеленой крошкой.

На поясе висело то же украшение, что было и у Великого Айша... Круглые звенья, с которых вниз свисали зеленые и прозрачные капли камней.

Почему-то я шумно сглотнула и покраснела.

– И это все, что ты собираешься мне сказать?! – воскликнула я, снова ощутив все то раздражение, что вспыхнуло после слов царицы.

Он мог стать человеком вчера... но не захотел!

На миг он опустил взгляд. Всего на один короткий миг, во время которого мне показалось, что он о чем-то сожалеет. А затем вновь посмотрел на меня острым, пронизывающим взглядом исподлобья, и в обжигающе-зеленых глазах снова не было ничего похожего на раскаяние.

Конечно! В чем же тут раскаиваться? Девушку ему привели, в личную собственность на полгода оформили. А сам он будто бы и не причастен к случившемуся ни капли. Идеально!

– Я так понимаю, что моим советом ты решила не пользоваться, да? – спросил он нарочито спокойно. А меня едва не подкинуло в воздух.

Это он еще будет мне претензии предъявлять?..

– Как это не пользовалась? – ахнула я. – Как это?! Да я почти двое суток чувствовала себя кротом! Хлопала глазами и делала вид, что знать не знаю, что происходит. А толку?

Мужчина сдвинул брови и задумчиво прикусил изнутри нижнюю губу.

– Получается, что тебя повели в жреческое гнездо несмотря на слепоту? – задумчиво спросил он, и его лицо помрачнело. – Или ты не

слишком хорошо играла?

– Отлично я играла! – возмутилась я еще сильнее, чувствуя, что он вот-вот доведет меня до белого каления. – Плевать было Ильхамесу на мои недостатки! Тащил на алтарь вашей богини, никого не слушая, как будто сокровище откопал.

Я фыркнула и сложила руки на груди, нахмурившись не хуже, чем мужчина напротив.

А он вдруг изменился в лице.

– Сокровище... – тихо повторил, разглядывая рисунок на ковре.

По его лицу пробежала тень улыбки, а потом он повернул голову ко мне.

Стало жарко, а в памяти так некстати прозвучало чуть хрипкое и бархатистое:

«Эвиссаэи – по-мирайски „сокровище“»...

Хозяин комнат смотрел на меня, не отрываясь, и казалось, что его зеленые радужки медленно приобретают огненные отблески.

Как у Великого Айша...

Под кожу будто пробралась стая ядовитых паучков, щекоча меня изнутри раскаленными лапками.

Впрочем, почти сразу наваждение исчезло, и мужчина снова помрачнел.

– Шерш не упустит возможной выгоды, – внезапно кивнул он в ответ и добавил, скорее разговаривая с самим собой, чем адресуя это мне: – Получается, что-то изменилось в позиции жрецов, раз они хватают всех подряд, кто может подойти. Плохо.

Его слова насторожили меня, но не настолько, чтобы забыть обо всем остальном.

– В общем, так себе совет ты мне дал, господин Тонкие Ножки.

Мужчина приподнял бровь, и на секунду мне показалось, что он вот-вот улыбнется. В уголках красивых, чуть изогнутых губ словно застыл... свет.

По спине прокатились мурашки, и клянусь, я чуть не улыбнулась в ответ, несмотря на далеко не веселую ситуацию. Это как будто была какая-то непонятная мне магия.

– Тонкие ножки? – хмыкнул он. – Не боишься пауков?

Я пожала плечами и отвернулась, бросив взгляд в камин. Нужно было взять себя в руки, но, ощущая горячее и тягучее, как мед,

внимание этого странного получеловека, я сбивалась с мысли.

– Не боюсь, – почему-то призналась в ответ.

Перед глазами мигом вспыхнули бессчетные случаи в прошлом, в которых мне приходилось лгать, будто я не люблю этих мохнатоногих существ. Когда тетка ругалась, обзывая сборщиков налогов паучьими выродками, или когда соседские парни играли в гвардиаров, защищая вымышленного царя и лупя палками выдуманных врагов: культистов, идолопоклонников, демонов-хекшаррасов и ядовитых, якобы разумных пауков, которым почему-то вздумывалось напасть на человеческую деревню.

Да, это неоспоримый факт, что стаи тисовых пауков раз в несколько лет появляются из ниоткуда. Но они никогда не бывают организованны. Их мохнатый океан бестолково наводняет всю Шейсару тысячами своих особей, а затем исчезает в неизвестном направлении. И, к сожалению, после этого чаще всего остаются человеческие или мильтерские трупы. Человеческие чаще, потому что мы оказались самой неустойчивой к ядам расой.

Смешно подумать: люди – исконные жители золотого города, в котором столько ядовитых тварей, что плюнешь с закрытыми глазами – и обязательно попадешь в одну из них. В змею, скорпиона, сколопендру, паука... или нага. С таким соседством отравы должна течь у нас в венах вместо крови. Но увы! Не течет.

И пауки вместе с их смертельными укусами, к сожалению, попали в верхнюю строчку списка не только самых ядовитых монстров, но и в список тварей, проклятых самой Иль-Хайят – священной богиней-прародительницей мираев.

А мне было наплевать. Всегда.

Стоило дать этот простой ответ, как губы мужчины дрогнули.

– Это необычно, – проговорил он. – Но хорошо. Многие на твоём месте реагировали... хуже.

– То есть ты теперь радуешься, что не напугал меня вчерашним представлением? А нельзя было сразу прийти на двух ногах, а не на восьми? И не было бы никаких проблем!

Я сжала губы, ожидая ответа, а по лицу мужчины пробежала тень. Он отвел взгляд, мазнув изумрудным огнем по алой шторе, и тяжело вздохнул. Оперся спиной о стену, из которой выпирала какая-то округлая статуя, и несколько мгновений молчал.

Сейчас, когда он не смотрел на меня, внимание само собой переключилось на изучение его фигуры. На рельефные кубики пресса, напрягшиеся под португеей, на мощные плечи и мышцы рук, на жесткую волевою линию подбородка, красиво обрамленную прядью волос, упавшей на лицо...

Я сглотнула ком в мигом пересохшем горле.

А тишина в помещении становилась звенящей.

Почему он не отвечал? Нарочно пугал меня, разжигая напряжение в воздухе до нестерпимой температуры?.. Но оно и так уже было на грани.

Сердце глухо ударило в ребра.

– Я не мог прийти на двух ногах, – ответил он через бесконечно долгое время, когда я уже почти взяла себя в руки и открыла рот, чтобы бросить очередное обвинение, которое, надо отметить, было бы значительно жестче предыдущих.

Потому что ко всему прочему мне было *стыдно*. Стыдно за то, какой он должен был меня запомнить.

Ведь мне понравилось то, что он делал со мной.

Получается, приличным Шейсарским девушкам при виде огромной полубожественной твари нужно бояться и трепетать, как лист на ветру или шерстинки на ногах паука... А я не то что в обморок не упала, так еще и...

Стыдно. И голова горела, как в огне, стоило взглянуть в красивое мужское лицо, которое уже давно вошло в мою память так, словно кто-то вырезал его там кинжалом.

А теперь, когда я услышала его ответ, все мысли в голове смешались.

Он не мог.

Значит, он и Великий Айш действительно два разных существа?.. Но...

– Как это может быть? – выдохнула я.

Однако именно в этот момент мужчина легко отодвинул алую ткань шторы, закрывающей вход в купальни, и просто скрылся за ней, не глядя на меня больше и не произнося ни слова.

А мне что предполагалось делать? Остаться здесь после того, как он остановил разговор на таком остром моменте?

Ага, размечтался!

Сколопендру мне в тапки, если я останусь тут и буду ждать, пока он выйдет.

Сжав ладони в кулаки, я шагнула вперед и резко отодвинула тяжелую штору. Лицо окутала волна пара.

Оказалось, что, пока я размышляла, что делать и мысленно ругала мужчину на все лады, он уже успел привести в движение таинственные и малопонятные мне вентиля. И теперь глубокая ванна, что была утоплена в пол на манер небольшого натурального водоема, сама собой наполнялась водой.

А мой полубог лежал внутри, раскинув руки по округлым бортикам цвета травяной зелени. Камень пола и самой купальни напоминал змеевик перемежающимися вкраплениями темных и светлых оттенков. Блестящая шелком смуглая кожа моего спасителя сочеталась с этим цветом, сверкая в полумраке нескольких напольных свечей, словно драгоценность.

Он лежал в купальне спиной ко мне. Я не видела его лица, лишь распущенные каштановые волосы, что, как змеевик, то уходили в камышово-темный, то блестели гречишным медом.

Во рту вдруг пересохло, и я на миг остановилась, рассыпав все мысли по каменному полу, как порвавшуюся нить жемчуга.

В этот момент мужчина повернул голову вполоборота, отмечая, что заметил мое появление. Мне же открылся его точеный идеальный профиль, умная линия высокого лба, прямой нос и четко очерченные яркие губы, словно только что их хозяин целовал кого-то... Или эти губы просто-напросто с самого начала были созданы для поцелуев.

Я встряхнула головой, чувствуя, как щеки нестерпимо горят.

Что-то я отвлеклась от намеченной цели.

– Хочешь присоединиться? – спросил невозмутимо мужчина.

Словно не предлагал ничего особенного!

Я вспыхнула еще сильнее.

– Ага, сейчас! Уже раздеваюсь! – воскликнула возмущенно.

А этот нахал демонстративно подвинулся в сторону, освобождая место:

– Вот и молодец, в воде думается лучше. Проходи.

У меня дар речи пропал.

– Не полезу я к тебе! – выдавила через силу, бросив взгляд в прозрачную, как хрусталь, воду, которая ничего не скрывала. И,

конечно, его божественность сидел там совершенно голым.

Мужчина ничего не ответил, только тихо хмыкнул перед тем, как отвернуться и принять прежнее положение. Уголки губ приподнялись.

Мне показалось, что этот тип меня нарочно доводит, потому что мгновенно стало ясно: он прекрасно знал, что никуда я не полезу.

Не знаю, что на меня нашло, но от возмущения перед глазами заплясали разноцветные круги. Мне было уже настолько жарко, что и впрямь захотелось скинуть одежду и...

– Ну что ж, раз в воде тебе думается лучше, давай по-твоему, – сквозь зубы бросила я, подняла полы платья, шагнула к бассейну и прыгнула в него прямо в одежде. Затем передвинулась на противоположную от мужчины сторону и оперлась о каменную стенку, которая, как оказалось, нарочно имеет уклон, словно у кресла.

В купальне оказалось ужасно уютно! Теплая, почти горячая вода, что прибывала все сильнее, обволакивала тело, обнимала, успокаивала... и разогревала что-то внутри...

Мужчина в ответ на мой финт ушами приподнял бровь, оглядывая меня с ног до головы, но ничего не сказал. Однако в его изумрудных глазах отчетливо сверкали веселые искры.

Я расположила руки по бортикам бассейна, скопировав его позу и стараясь не смотреть на то, что было под водой.

– Итак, почему ты не мог прийти на двух ногах? – вернулась я к едва не забытому разговору.

Мужчина на миг изменился в лице, сжал губы, глядя на меня задумчивым и тяжелым взглядом. Но на этот раз не стал молчать.

– Так было нужно.

– Нужно? Кому? – не поняла я. – Это часть ритуала?

Брови Айша чуть приподнялись, словно он обдумывал, нравится ли ему такой вариант или нет. А потом он просто кивнул.

– Да, можно сказать и так.

– Если ты думаешь, что это сейчас был хороший ответ, то ты сильно ошибаешься, – нахмурилась я.

Вода тем временем достигла ребер, и мужчина напротив начал выглядеть не так бесстыдно, как прежде. И все же звенящее напряжение ситуации никуда не исчезло.

Я видела, как пар оседает на его груди, как блестят алмазные капли на крупных тугих мышцах, и мне совершенно серьезно было не

по себе. Я бы даже сказала, что меня слегка лихорадило, но я надеялась, что это из-за жара купальни. А вовсе не по иной причине.

– Тебе нужно немного расслабиться, – проговорил он тогда и вдруг схватил под водой мою ногу.

Я успела только коротко вскрикнуть, как моя ступня уже лежала на его горячем теле, а его пальцы заскользили по мокрой коже.

Рот беззвучно открылся и закрылся. Хотелось вырваться, подергать ногой, чтобы отпустил. Но... Сердце ударило в горло, а я прикусила губу. Это было слишком приятно.

Мужчина улыбнулся одним уголком губ и опустил взгляд на мою ногу. А я тихо вздохнула и, силясь не закрыть глаза, спросила:

– Как тебя зовут?

– Джерхан, – ответил он как-то особенно мягко. И от звуков этого имени в грудной клетке будто развернулся какой-то пушистый и горячий зверь, задевая мягким мехом рёбра.

– Вот и познакомились, – прошептала чересчур хрипло. Кашлянула в кулак, чтобы скрыть смущение, и отвела взгляд.

Зелёные угли мужских глаз словно прожигали во мне отверстие до самой души.

Чтобы немного отвлечься, я взглянула на ожерелье, висевшее на мужской шее. Эдакий странный чокер с крупным черным пауком в середине, чуть левее центра грудной клетки. Его лапки отбрасывали на карамельную кожу темную тень, и от отсутствия симметрии в посадке подвески казалось, что паук настоящий. Что он сидит возле ключиц Джерхана, поблескивая ярко-красным каменным животом, и вот-вот вопьется в плоть мощными жвалами...

Впрочем, это странное пугающее украшение почему-то очень шло Джерхану.

А он тем временем чуть поднял руки вверх, двигая по моей ноге выше, и остановился, огибая пальцами таинственный браслет, о котором я так легко забывала последнее время. Браслет, появление которого оставалось загадкой.

– Кто подарил тебе это? – спросил негромко мой собеседник, продолжая поглаживать меня и одновременно изучая диковинное украшение.

Стало ясно, что он не имеет к появлению браслета никакого отношения. А ведь когда-то я думала, что именно пещерный спаситель

оставил мне этот подарок.

Сердце подскочило к горлу.

Откуда же тогда взялся подарочек?

– Понятия не имею, – выдохнула, резко выпрямляясь в попытке подтянуть ногу и снять украшение.

Но Джерхан не позволил. Он продолжил крепко удерживать меня, а когда я бросила на него удивленный взгляд, невозмутимо покачал головой.

– Когда появился этот браслет? – продолжил расспрос Джерхан, качнувшись ко мне, коснувшись ладонью моей груди и надавив так, чтобы я снова расслабилась и уперлась спиной в камень.

Я была готова сопротивляться, но недолго. Когда обнаженная мужская фигура оказалась от меня на расстоянии полусогнутой руки, как-то резко захотелось очутиться хоть немного подальше. От такой близости голова совершенно отказывалась соображать.

– Я не помню. Кажется, еще в пещере. Примерно тогда же, когда мы с тобой познакомились, – призналась я. – Сперва мне даже казалось, что это твой подарок.

Сказала и тут же покраснела от неловкости. Потому что с чего бы ему дарить что-то незнакомой девчонке из тоннелей? А я тут, видишь ли, размечталась.

Но Джерхан отчего-то не рассмеялся, и даже улыбки не появилось на его лице. Пока его пальцы скользили по моей ступне, заставляя кровь бежать по венам быстрее, он задумчиво взглянул на дивной красоты украшение чуть выше моей лодыжки и покачал головой.

– Такой подарок я тебе сделать не смог бы. Даже если очень захотел бы. Эта вещь крайне редкая, и сперва я даже решил, что ее на тебя надел Ильхамес или кто-то из жрецов, чтобы следить за... В общем, чтобы обладать всей необходимой информацией о твоих передвижениях. И то, что это не так, крайне радует.

– Так через браслет за мной могут следить? – ахнула я, в очередной раз подсакивая с расчетом содрать с себя таинственную вещицу.

Но и на этот раз Джерхан не отпустил, и теперь мы оказались друг напротив друга настолько близко, что при желании можно было столкнуться лбами... или еще чем-нибудь.

Вода тем временем поднялась к груди, почти полностью скрывая наши тела, и мое легкое платье с широченным декольте стало колыхаться в ней, как мягкие крылья, то и дело очерчивая то одну часть тела, то другую. И периодически демонстрируя то, что должно быть спрятано под ним.

Я чувствовала себя голой.

Однако Джерхан будто нарочно не смотрел на то, что могло легко открыться его взгляду, глядя только мне в глаза. Так близко, что дыхание перехватывало.

– Я должна снять эту штуку, – проговорила я, отчего-то боясь шевельнуться и отвести взгляд.

– Нет, – качнул головой он, и я почувствовала на влажной от пара коже его мягкое дыхание. – Если этот паук пришел к тебе сам, то я крайне не советую с ним расставаться.

– Пришел сам? В смысле? – удивилась я, даже на миг забывая о том, что лежу в одной ванне с обнаженным мужчиной.

На миг... не больше.

Потому что Джерхан вдруг замолчал, а затем его взгляд упал на мои губы.

Меня как молнией прострелило и бросило в жар с головы до ног.

Но почти сразу же он отвернулся, слегка стиснув зубы и всколыхнув волны воды. Потянулся куда-то к бортику, взял неизвестно откуда появившуюся губку и пиалу с чем-то приятно пахучим.

– Потри спинку, а я тебе расскажу, – бросил весело через плечо, а мне не оставалось ничего другого, как забрать предложенное. Пиала могла вот-вот упасть в воду!

От наглой просьбы я, признаться, слегка опешила, но едва в моих руках оказалась мягкая губка, похожая на шапку гриба, как тут же захотелось исследовать ее свойства. Да и широкие, блестящие карамелью мужские плечи, признаться, вызывали недвусмысленное желание прикоснуться.

Поэтому я опустила губку в воду, обнаружив, что грибная шапочка прекрасно впитывает, хотя и впрямь слегка попахивает мхом и лесом, нанесла на нее густой состав из мисочки и, втянув мягкий аромат, неожиданно напоминающий запах морского побережья Шейсары, опустила ее на мужскую спину.

– Ну, давай рассказывай, – сказала как можно более невозмутимо, хотя внутри все вспыхивало и переворачивалось.

Джерхан кивнул и начал говорить так легко, словно мы были знакомы всю жизнь, а то и больше:

– Возможно, ты слышала когда-то о дивных существах, живущих в Шейсаре, но встречающихся до крайности редко, – о хельшахах?

– Конечно, – выдохнула я. – Кто же не слышал о волшебных змеях, которые столь же умны, как и красивы? Которые скрывают на спине маленькие колдовские крылья, чья чешуя подобна золоту с россыпью драгоценных камней, а яд способен убить даже мирая? – с жаром принялась рассказывать я о созданиях, которых никогда в жизни не видела, но с которыми всегда хотела подружиться. А кто бы отказался? – Поговаривают, они были первыми, кто населял Шейсару, когда по ее золотым пескам еще не ступала нога ни человека, ни мирая, ни мильера.

– Вижу, слышала немного, – хмыкнул Джерхан, чуть повернув ко мне голову, и я успела заметить улыбку на его губах.

– Эй! – слегка толкнула я его в спину. – Я слышала много! Говорят, эти существа способны обращаться в драгоценные украшения и на долгие годы не слезать с запястья или шеи своих счастливых владельцев. При этом они охраняют их, дарят свою защиту. Вроде бы у царя Торриена и царицы Иллианы есть собственные ручные змеи из рода хельшах.

– Царь... до сих пор Торриен? – вдруг сбился с разговора мужчина, и по его лицу пробежала тень.

– Конечно! – кивнула я, намыливая его спину, но при этом подмечая любое изменение в поведении своего неожиданного соседа по ванне. – Кто же еще?

– Я думал... неважно, – дернул головой он. – А царица?

– Иллиана, – снова кивнула я, осторожно отводя длинные густые волосы мужчины вперед и освобождая шею.

Мои пальцы скользили по гладкой коже Джерхана, и периодически мне казалось, что сквозь их подушечки в меня проникают раскаленные светлячки и, задевая светящимися крылышками, продолжают порхать где-то в легких.

– Хорошо, – выдохнул мужчина и отвернулся.

Узнать, что он имел в виду этим опросом, не представлялось возможным. Хотя, возможно, он был лично знаком с царем и царицей? Конечно! Ведь Фелидархат сказала, что Великий Айш раньше принадлежал царской семье Шейсары! Получается... он был царевичем?..

Как же спросить так, чтобы он ответил?..

– Итак, ты кое-что знаешь о хельшахах, – продолжил мой собеседник так, словно ничего не произошло. – Тогда тебе будет проще понять, что такое «хельсарх».

Он неожиданно обхватил под водой мою ногу, украшенную браслетом, и притянул к себе.

Я едва успела ахнуть, как получилось, что он прижимается ко мне мощной спиной, а я обхватываю его талию одной ногой...

– Ох... – вырвалось тихое, пока я жевала губу. Щеки горели так сильно, что голова начала слегка кружиться.

Джерхан провел ладонью по ступне, касаясь маленьких пальчиков, и спокойно продолжил разговор, словно ничего сверхъестественного не происходило:

– Хельсарх – это то же самое, что и хельшах, только вместо змеи – паук.

– Что? Но как это может быть? – широко распахнула глаза я. – Ведь хельшахи родились на заре Шейсары, они были первыми... Откуда же взяться этим?.. О них даже никто и не слышал.

– Увы, – задумчиво покачал головой мужчина. – Полагаю, что мы многого не знаем об истинной природе Шейсары. Меня тоже с детства учили, что мираи – дети богини Иль-Хайят, священные существа, которые породнились со змеями – основателями Шейсары. Но, попав в Стекланный каньон... я узнал много нового, Эвиса.

Его ладонь пробежала по моей икре к колену, и пальцы на миг качнулись выше, к бедру...

Но едва меня окатило новой волной лавового жара, как пальцы исчезли, будто мазнули по разгоряченной коже случайно.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь восстановить дыхание, взяла ещё мыла из мисочки и стала вытирать его в мощную обнаженную шею.

Мне безумно хотелось понять, что чувствует мужчина, сидящий передо мной. Не знаю, зачем мне это было нужно. Для чего я вообще связалась в эту игру с мытьем, но она мне нравилась. Если прежде я

хотела добиться от Великого Айша правды, приняв его правила, то теперь напрочь увязла в самом процессе общения с ним. В купании, которое мало походило на выяснение отношений едва знакомых людей.

Поэтому, чуть наклонившись влево, я взглянула в мужское лицо и с ураганом мурашек на пояснице поняла, что он закрыл глаза.

– Значит, ты думаешь, что у меня на ноге легендарный хельсарх, о существовании которого в Шейсаре не ведают?

– Именно так, – кивнул он, пока я проводила пальцами по пульсирующим артериям, то спускаясь вниз, то поднимаясь вверх. А затем через силу позволила себе провести пальцами вперед, к ключицам и небольшой ямке под выпуклым кадыком... по которому вдруг захотелось пройти губами.

Встряхнула головой и шумно сглотнула.

– Но откуда у меня взялась бы такая диковинка? К тому же она и не двигается вовсе, – тихо проговорила я, слегка подрыгав ногой в мужских руках. – Это простой браслет... только я не знаю, откуда он взялся.

Джерхан хмыкнул, не размыкая глаз, и улыбнулся, проведя рукой по голени и скользнув пальцами между металлических лапок паука-украшения.

– Коли так, тебе позавидовали бы все женщины Шейсары и Стеклянного каньона... Виданное ли дело: украшения появляются сами собой! Лег спать нищим, а проснулся в бриллиантовых серьгах. Уснул с медным колечком на пальце, а утром вместо него рубиновый перстень.

Я покраснела.

– Ну... нет, просто...

Мне и впрямь было трудно понять, откуда мог взяться браслет. Но в волшебного паука-хельсарха верилось еще меньше, чем в появление драгоценности на пустом месте.

– Вспомни, не бродил ли рядом с тобой какой-нибудь излишне любопытный паук? Может быть, он казался странно дружелюбным или наоборот? А потом пропал так, словно его и не было? – предположил Джерхан.

А меня вдруг осенило:

– Да! Был такой паук! Я с ним и провалилась в пещеры, – поспешно заговорила, вспоминая день, когда искала сокровища, а

затем упала в скрытую нору. – Он меня напугал, а затем пропал. Зато через некоторое время я заметила на ноге браслет.

Джерхан улыбнулся и кивнул.

– Вот и ответ. Поздравляю.

– Значит, этот браслет снова может стать живым ядовитым пауком? – осторожно спросила я, не зная, что и думать. Бояться или, наоборот, радоваться. Все же неизвестно, что там у этого паука на уме.

– Может, конечно, – ответил мужчина. – Но хельсархи не такие общительные, как хельшахи. Они вообще не слишком разговорчивы, никто не знает, почему они выбирают того или иного человека, чтобы его сопровождать. И, говорят, могут годами не проявлять свой разум, оставаясь лишь украшением. И все же это считается большой удачей. В Стеклянном каньоне есть легенда, что счастливых, снискавших доверие хельсархов, благословила Красная мать и они никогда не будут знать бед и потерь.

– Красная мать... это та богиня, которая... – голос резко осип.

Я хотела сказать: «Та, которая сделала тебя наполовину монстром». Но почему-то сил договорить не хватило.

– Да, – ответил тихо Джерхан, несмотря ни на что поняв, о чем я говорю.

Он больше ничего не сказал, но я почувствовала, как каждая мышца в его теле напряглась.

Это напряжение передалось и мне. Но я должна была узнать остальную правду и потому глубоко вздохнула, набираясь смелости.

– Так ты действительно был мираем? И очутился здесь, хотя раньше жил на поверхности? – выпалила я на одном дыхании, решив взять быка за рога.

Ничего, пускай минуты странного, безумно приятного купания останутся в прошлом и я разозлю своего собеседника, но главное – узнать, что к чему.

Я ждала правду.

Джерхан медленно повернулся ко мне, обхватив одно колено раскаленной ладонью, скрыв его полностью под длинными красивыми пальцами. И взглянул мне в глаза.

Его зеленые радужки были темными, почти черными. В них больше не блестело изумрудного золота.

– Да, был. И да, я жил на поверхности. Но сейчас моя вторая ипостась – паучьи ноги хекшаррахния. И мирайский хвост исчез навсегда.

– Но... – слова застряли на кончике языка, столько скрытого и невысказанного плескалось в глазах цвета ночной зелени.

Эти глаза будто резали меня. Как и небрежно, почти с вызовом брошенные фразы.

Однако за прозвучавшими словами я неожиданно почувствовала нечто совсем иное. Как бы агрессивно и холодно все это ни звучало, истина была в другом...

– Тебе больно, – проговорила я, не в силах отвернуться от этих глаз, которые будто вонзали в меня два раскаленных кинжала. – Ты не можешь стать тем, кем был когда-то...

Джерхан отвернулся. А затем резко поднялся из ванны, несколько не стесняясь своей наготы и остатков мыла. Выбрался из бассейна и тут же накинул длинный тяжелый халат из зеленой ткани. У него не было рукавов, как и у моего платья, зато был широкий золотой пояс.

– Я ни о чем не жалею, – холодно проговорил он. – Я Великий Айш, во мне кровь и сила Красной матери. И я делаю то, что велит долг.

– Чей долг? – бросила я ему в спину и стала стремительно выбираться из ванны вслед за ним. – Это же не твой долг. Как ты стал Айшем? Ты сам выбрал этот путь или тебя сделали таким?

Я видела, что ему не нравится этот разговор, но мне нужно было узнать правду до конца. Даже если потом он разозлится и решит наказать меня в теле полубога с восемью ногами.

Зато я буду знать правду!

Джерхан же обернулся ко мне и склонил голову набок, словно изучая.

– Я не выбирал свою роль, – ответил он спокойно, и я вздрогнула от того факта, что мне удалось попасть в цель своими словами. Ведь я могла ошибиться! Он мог по доброй воле стать полупауком и сейчас хохотать над моими наивными романтично-книжными фразочками о долге и пути. – И все же я тот, кто я есть. Не жди, что я помогу тебе выбраться из Стеклянного каньона. Это невозможно. Не жди, что тебе удастся сбежать.

Слова звучали отстраненно и жестко. И только в самом конце Джерхан вдруг тихо добавил, заставив меня ощутить изнутри покалывание тысячи морозных иголочек:

– Поздно.

Почти неслышно, одними губами. И только глаза смотрели на меня, не отрываясь. И горели... горели...

Потом он отвернулся, взял еще один сухой наряд с вешалки в форме обнаженной статуи и бросил мне, не глядя. А затем направился в комнату, откуда мы только что пришли.

Вот только я и не подумала ловить халат, торопясь следом за беглецом. Наш разговор еще не был закончен.

– Эй, а ну-ка, подожди! – возмущенно воскликнула я. – Ты так и не сказал мне, почему не пришел вчера на двух ногах! А ну-ка, вернись, я с тобой не закончила! Скажи мне правду!

Я бежала так быстро, что не сумела заметить в полумраке, как Джерхан вдруг остановился. Он больше никуда не шел. Обернулся ко мне, и не успела я сделать и нескольких шагов, как ударилась в его тело и оказалась во власти сильных, как стальные тиски, рук.

– Кто ты, чтобы я говорил тебе правду? – вдруг тихо, но угрожающе спросил он, склонившись к самому моему лицу. Его ладони стиснулись на моих предплечьях, и я не могла двинуться с места, слыша, как колотится сердце в горле, глядя на вспыхнувшие в темноте огненно-зеленые озера.

Джерхан сжал руки чуть сильнее, а я почувствовала, как мокрая ткань платья стремительно остывала, прилипая к коже. Как пить дать под ней очертились изгибы всего тела, что оказалось прижатым к теплему, мужскому.

– Откуда мне знать, могу ли я доверять тебе, Эвиса?..

От нового укола страха в ногах появилась слабость.

И все же если он рассчитывал сбить меня с толку этим «нападением», то сильно ошибался.

Несколько мгновений я смотрела в его горящие глаза и пыталась сконцентрироваться. Понять что-то, что не давало покоя. Прямо сейчас, когда я не могла отвести взгляд от его лица, от мягких губ, которые вовсе не были агрессивно сжаты. От тонких мельчайших морщинок под глазами, что не увеличились и не углубились, как могли

бы. Нет, его мимические мышцы не натягивались от раздражения! Они были спокойны.

Джерхан выглядел... не злым. Он казался все так же притягательно красив, и даже его опасно горящие радужки не вызывали внутреннего отторжения.

По всему выходило, будто мой собеседник просто проверял меня, запугивая! И все его резкие слова лишь формальность!

Едва эта мысль устаканилась в моей голове, как все тело окатило волной жара.

Проверка...

Его можно было понять, ведь если Джерхан и впрямь не управлял своим телом в ипостаси Великого Айша или хекшаррахния, то, вероятно, и проведать об этой особенности не должен был никто!

– Не проверишь – не узнаешь, – тихо ответила я, начиная потихоньку замерзать в мокрой одежде.

От камина было слишком далеко, и казалось, будто тепло в помещении куда-то выветрилось за то время, что мы провели в купальнях.

Темная бровь Джерхана приподнялась, а сам он чуть склонил голову набок.

С замирающим сердцем я поняла, что этого ответа ему недостаточно. И прямо сейчас он решает, довериться мне или нет.

Если я не пройду испытание, может быть, так и останусь простой алой, одной из многих, что были до меня.

Рассказывал ли он им правду? Знали ли они о том, что таится в сердце бывшего мирая, когда-то принадлежавшего царской семье Шейсары?..

Я хотела знать.

– Мне не удастся доказать тебе, что меня стоит воспринимать всерьез, – покачала я головой, не сводя с него напряженного взгляда, почти забывая о том, как дышать. – Не удастся доказать, что... мне стоит доверять. Но одно можно сказать абсолютно точно...

Я на миг затихла, наблюдая, как медленно сужаются глаза Джерхана. Стало ясно, что он слушает меня напряженно-внимательно и следит за изменениями на моем лице так же неотрывно, как я следила за ним.

– ...я все та же испуганная девочка из пещер под Шейсарой, – продолжила я тихо, – девочка, которую ты спас от ужасного червя, чью рану пытался избавить от яда, хотя этим ядом там даже не пахло...

Не знаю, должна ли была моя сдавленная, полная невысказанных эмоций речь произвести на него хоть малейшее впечатление. Не знаю, имело ли смысл говорить о том, что произошло с нами будто бы в другой жизни. Ведь это для меня наша встреча имела такое огромное значение. А для него, возможно, то был скучный вторник.

Но внезапно я заметила, как уголки губ Джерхана едва различимо приподнялись, а кисти, почти до боли сжимавшие мои предплечья, слегка расслабились.

– Не «ужасный червь», а солаан, – вдруг ответил он, и губы окончательно изогнулись в улыбке. – Причем не самый крупный. И да, ядом и впрямь не пахло, считай, ты меня уела.

С этими словами он отпустил меня, и я едва не упала от неожиданности, когда стало ясно, что никто не держит мое брненное тельце.

Джерхан развернулся и двинулся обратно в ванные комнаты, чтобы уже через пару мгновений вернуться с халатом.

Он встал напротив, вытянув руку с одеждой и расслабленно глядя на меня.

– То есть ты чувствовал по запаху, что яда в ране нет? – ахнула я, когда до меня вдруг дошло, что он только что сказал.

Джерхан иронично приподнял бровь и в нарочитой задумчивости скопил взгляд к потолку.

– Ну, как тебе сказать...

– Ты просто так решил, – я запнулась, краснея с ног до головы.

Я уже почти слышала в ответ:

«Да, детка, я просто так решил провести языком по твоему телу, начертив горячую линию до самой груди. Жаль, до нее-то и не достал!»

Но Джерхан ответил совершенно спокойно:

– Давай так. Я предложу тебе два варианта, а ты скажешь, какой тебе нравится больше. Идет? – А затем, не дожидаясь моего ответа, шагнул ко мне и, коснувшись моего подбородка, низким, бархатистым голосом проговорил: – Первый вариант: я просто хотел дотронуться до твоей кожи... Ты так прекрасно пахла, что я потерял голову...

Его голос просочился в меня, как отравы, настоянная на меду. Голова закружилась.

– Второй вариант, – тем временем тихо продолжил Джерхан, вдруг проведя большим пальцем по моим губам. Коротко, быстро, на миг задержавшись в уголке, чтобы почти сразу исчезнуть, будто этого и не было вовсе. – Я не чувствовал запаха яда из раны, но цена ошибки была слишком велика. И лучше было показаться опасным пещерным извращенцем, чем увидеть через несколько минут красивый женский... труп.

Я вздрогнула на последнем слове, словно меня ведром воды окатили. А Джерхан отошел на шаг назад, предварительно всучив мне несчастный халат.

– Одевайся. И я расскажу тебе то, что... посчитаю нужным.

С этими словами он демонстративно ушел в соседнюю комнату, словно ему было вовсе не интересно, что у меня под мокрым платьем и как вообще я буду переодеваться.

Каков нахал!

У меня все еще стучала в висках кровь, словно я пробежала марафон. Всего пара коротких фраз Джерхана абсолютно лишила меня способности нормально соображать, разжигая в груди очередную шаровую молнию. А он просто взял и ушел!

Обуреваемая праведным возмущением, я демонстративно скинула с себя мокрое платье, не сходя с места, стоя посреди комнаты. А затем спокойно натянула теплую мягкую ткань без рукавов, зато с длинными полами и пушистой подкладкой.

Посмотрела в проем соседней комнаты – и ничего. Не заглянул ни разу! Нахал!

Я сжала губы и раздраженно выдохнула, злясь на саму себя за странное и совершенно ничем не объяснимое поведение.

Это все местные грибочки, как пить дать! Делают из девушек развратных хищниц, а те и рады.

Я коснулась рукой платья, стараясь успокоиться. На ощупь ткань снова напоминала те самые колдовские волокна паутины, которые могли быть одновременно нежными, как облако, и прочными, как металл. На этот раз платье-халат было фиалково-голубым, и мне стало позарез необходимо посмотреть, как я в нем выгляжу.

Заозиравшись по сторонам в поисках зеркала, я, к сожалению, ничего похожего не обнаружила. Зато из соседней комнаты вдруг донеслось:

– Зеркало справа от тебя. Нажми на брюшко каменного паука.

Я быстро повернула голову в проход, но Джерхана там не было.

Открыла было рот и тут же закрыла, так ничего и не сказав, и направилась в указанном направлении. Зато теперь на губы сама собой прилипла дурацкая улыбка, которую не удавалось убрать, как я ни старалась.

Он все-таки смотрел.

Я все же нашла чуть в стороне возле стены того самого каменного паука, о котором говорил Джерхан. Это было крупное изваяние примерно в половину человеческого роста, круглое и, как водится, с восемью аккуратными лапками, удерживающими вещь на полу. Само брюшко же напоминало столешницу, сделанную из дымчатого раух-топаза или чего-то очень похожего. Поэтому я и не сразу сообразила, что паук может быть зеркалом.

Подойдя ближе, сперва долго выискивала на «брюшке» какую-нибудь кнопку, и только потом до меня дошло попробовать просто надавить на всю поверхность.

Получилось!

Брюшко неожиданно пришло в движение, а лапки зашевелились. Передние накренились, словно паук готовился к прыжку, а задние, наоборот, вытянулись в вертикальные иглы. Таким образом таинственный столик приобрел стойку, как у зеркала. Но раух-топазовая поверхность все еще не показывала отражение.

Тогда я толкнула брюшко снова, и вдруг оно перевернулось! А из глубины идеально ровной поверхности на меня взглянула я сама.

Было приятно впервые за последние дни посмотреть на себя спокойно, без спешки и утайки. Разглядеть знакомые черты лица, в которых, кажется, неуловимо что-то изменилось. Рассмотреть, как сидит на мне дивный шаррвальский наряд без рукавов.

А еще – заметить, что в отсутствии солнца, в окружении каменных стен, освещаемых лишь дрожащим пламенем камина, я стала ужасно напоминать одну из местных жительниц каньона.

У меня всегда были светлые волосы, серовато-русые, но сейчас казалось, будто с них смывалась «пыль». Пряди вдруг начали

приобретать дурацкий голубоватый оттенок, как у Лориавель и царицы Фелидархат.

Может, это от местного воздуха происходило? Какая-нибудь химия витала в пещерах и прилипала к волосам?..

Впрочем, если припомнить, у служанки Мириаль волосы хоть и были светлыми, но голубым не отливали.

Изменения мне не нравились. Оставалось радоваться только тому, что кожа все еще была смуглой, излюбленной жарким солнцем Шейсары. Я отличалась от шаррвалек хотя бы этим.

При этом мои глаза, насыщенные и яркие, немного напоминающие морскую волну, прежде не казались похожими на небесно-шаррвальские. Но теперь и этот факт вызывал сомнения. Радужки не были чисто зелеными, как у Джерхана, но не были и чисто-голубыми, как у Лориавель.

Ни хвост, ни клешни – как любила говаривать моя тетка, которая вовсе и не моя на самом деле.

С каждым днем мне казалась все более реальной мысль о собственном рождении в Стеклянном каньоне. Меня могли отдать на поверхность, чтобы сохранить жизнь. И тогда где-то здесь, должно быть, обитали родители...

Впрочем, если им пришлось отдать меня, возможно, они уже были мертвы.

Сердце болезненно сжалось.

Я резко отвернулась от зеркала и шагнула в комнату, где на широком низком диване восседал довольный Джерхан, а на его коленях уже стоял откуда-то взявшийся поднос с фруктами.

Хвала богам, что он там стоял! Потому что мужчина сидел, широко расставив ноги и закинув одну руку на спинку, приняв настолько вальяжную и расслабленную позу, что я начала кусать губы от зависти... и неловкости, потому что халат на Джерхане давно распахнулся и слегка сполз.

– Ты за мной подглядывал! – воскликнула я, решив, что лучшая защита – это нападение.

Наглый тип перевел на меня насмешливый взгляд глубоко-нефритовых глаз и изумленно приподнял бровь.

– Я? Ни в коем случае.

И закинул в рот крупную виноградину.

На блестящих от сока губах не было улыбки, но я видела, что его глаза смеялись!

– Как это нет? – уперла я руки в бока. – Ты видел, что мне нужно зеркало. А значит, следил, как я переодеваюсь. Возмутительное бесстыдство!

Сказала и сама покраснела. Потому что бесстыдство было скорее с моей стороны, когда я и не подумала спрятаться куда-нибудь.

Но Джерхана, видимо, так легко было не смутить.

– Дорогая Эвиса, я лишь предвосхитил твои желания, – сказал он серьезно, и его глаза распахнулись чуть шире, – я ни в коем случае не посмел бы повести себя столь бестактно и недостойно. Если ты не веришь, можешь изучить вдоль и поперек стену, чтобы отыскать глазок или что-то в этом роде. – Он безразлично махнул рукой и взял с подноса сочный инжир, вонзив в него зубы.

У меня рот наполнился слюной.

– Но знай, что твои жестокие слова ранят меня в самое сердце, – проговорил он чисто по-мирайски. У меня даже на миг создалось впечатление, что я попала в царский дворец в Шейсаре и со мной разговаривает какой-то благородный наг.

Впрочем, я ни во дворце никогда не была, ни даже в Верхней Шейсаре, так что, как на самом деле разговаривают приближенные к царской семье, не имела понятия.

Однако отрицание Джерхана меня слегка уело, и я еще добрый десяток минут шарила по комнате, изучая смежную с моей стену.

В конце концов, к моему ужасному разочарованию, оказалось, что и впрямь нигде не было ни намека на отверстие или просвет.

По всему выходило, что у меня мания преследования или же я просто замечталась. Надеялась, что стану интересна бывшему миру, принадлежавшему царской семье Шейсары.

Царской семье!

Стало вдруг жутко обидно, а потом я чуть не хлопнула себя по лбу за глупость. Ну где это видано: меня отдали нахалу в качестве рабыни для секс-утех, а я вместо благородного возмущения расстраиваюсь, что не пришла к нему по вкусу...

И все равно это было обидно!

Возможно, если бы на месте Джерхана был какой-то другой мужчина, типа Ильхамеса, я бы спряталась в самый дальний угол

покоев, забилась куда-нибудь между кроватью и полом, прикрывшись шторами. Но с Джерханом было все по-другому. Он мне... нравился! С первого дня нашего знакомства.

И теперь в голове боролись лед с пламенем, решая, кто сильнее.

– Что, не нашла? – уточнил тем временем Джерхан, прикончив еще несколько инжиров. – Тогда, может, присядешь, отдохнешь? Я расскажу тебе что-нибудь интересное про Стекланный каньон, а ты расскажешь мне про Шейсару, – невинно предложил он так, словно мы с ним сто лет знакомы.

Это впечатление возникало у меня уже не впервые, и теперь оно лишь крепло. В компании Джерхана мне было спокойно и уютно, несмотря на то, кем он был на самом деле...

Об этом я старалась не думать.

– Откуда тут фрукты? – вместо ответа спросила я, приняв предложение и усаживаясь на другую сторону дивана. Мягкий и удобный, даром что каменный, предмет мебели был оккупирован моим собеседником практически полностью.

Джерхан улыбнулся.

– Фрукты здесь – это действительно редкость, – кивнул он. – За ними поднимаются на поверхность по каким-то особым праздникам. Вроде назначения новой алы.

С этими словами он взял один плоский розовый персик и протянул мне. Я перехватила дивный фрукт, который рос только в Верхней Шейсаре, в садах мираев. В нашей провинции его если и продавали, то по бешеным ценам. Тетка никогда не покупала.

Я осторожно откусила кусочек и зажмурилась. Вкус был потрясающим. Сладким, как мед с легкой фруктово-кислой ноткой.

Теплый сок брызнул в стороны, стекая на подбородок.

Но не успела я попытаться вытереться, представив, что выгляжу со стороны поросенком, дорвавшись до вкусенького, как ощутила на своей коже прикосновение мужской руки.

Открыла глаза и замерла, когда большой палец Джерхана скользнул чуть ниже губ, ловко стирая мокрую каплю. А уже через мгновение этот же палец оказался у него рту.

У меня потемнело перед глазами, кусок персика застрял в горле.

Зеленые радужки Джерхана искрились изумрудным огнем, и я не могла оторвать от мужчины взгляд.

Сумасшествие какое-то...

Но стоило моргнуть, как наваждение исчезло. Мой собеседник отвернулся как ни в чем не бывало и проговорил:

– Ты хотела узнать, почему я не пришел на своих ногах вчера. Отвечаю, как и обещал: я не мог. Трансформацией в тело Айша и обратно я почти не управляю.

– Что? – ахнула я. – Как это может быть? Ведь мираи все перевоплощаются по желанию, я думала...

– Когда-то я мог, – кивнул он спокойно, но на меня больше не смотрел. Его глаза глядели в пространство, словно он видел перед собой не пустоту, а что-то иное. Возможно, прошлое... – Но с годами сила Великого Айша набирает все большую и большую мощь. И теперь я почти ничего не помню из того, что происходит после перевоплощения.

– Ты поэтому не хотел сперва рассказывать, да? – выдохнула я тихо, замечая, как Джерхан ставит поднос на диван рядом со мной, а сам берет с соседнего столика кувшин и два бокала из расчерченного прожилками оникса. – Не хочешь, чтобы шаррвальцы об этом узнали?

Он кивнул, и легкое журчание незнакомого напитка наполнило комнату.

Мой собеседник протянул мне бокал и тут же отпил сам, продолжая рассказ:

– Для шаррвальцев моя паучья ипостась – это олицетворение божественной воли, которая поведет их к процветанию. К Великому Айшу они прислушиваются, исполняют его приказы беспрекословно. Фактически он занимает место царя при живой царице, которая, вообще-то, официально правит каньоном. Это удивительно.

Он на секунду сделал паузу, кивнув мне на бокал. Я послушно отпила, ощутив, что на этот раз мне таки довелось попробовать местный алкоголь.

Вкус был пряным и ягодным. Оставалось лишь догадываться, из чего сделан напиток.

– Почему это удивительно? – спросила я тогда.

– Ну, представь, что в Шейсаре при живой и здравствующей царской семье появился бы какой-то тип, которого стали бы слушать и которому подчинялись бы наравне с царем.

Я нахмурилась и кивнула. Теперь до меня дошло.

– Так вот, и в человеческом теле пока что для всех я остаюсь Великим Айшем, – продолжал Джерхан. – Всем известно: мираи что с хвостом, что без хвоста являются одной и той же личностью. Но если станет ясно, что со мной это не работает, моя судьба может оказаться гораздо хуже твоей.

– А почему же с тобой не так? – выдохнула я, широко распахнув глаза. – Что это за одержимость такая? У тебя в голове живет Красная мать, их богиня? Или какое-то иное существо?

Джерхан хмыкнул, но как-то невесело, залпом допив весь напиток из бокала и налив себе еще.

– Нет, Эвиса, я не слышу голосов. В этом плане я достаточно вменяем, не бойся, – вяло улыбнулся он. – Ночью не наброшусь на тебя.

– Я и не боюсь!

К щекам почему-то прилила краска.

– Только как же ты можешь быть уверен, что не набросишься, если не управляешь собой? – скептически приподняла я бровь.

Джерхан вздохнул.

– Как правило, я становлюсь Айшем по собственному желанию. То есть смена ипостаси на паучью происходит так же, как и с хвостом когда-то. Но вот что происходит потом, я почти не помню. Все как в тумане. И вернуться обратно в человеческую форму становится крайне сложно.

– Правда? Какой ужас, – выдавила я, откидываясь назад на спинку дивана и отпивая разом полбокала. – Действительно так себе перспективка.

Я не заметила, как оказалась настолько близко к Джерхану, что его рука, распростертая по спинке, стала почти обнимать меня. Наше необычное положение сделалось очевидным лишь тогда, когда горячая мужская ладонь коснулась моих влажных распущенных волос на затылке и стала тихонько перебирать их.

Я же задумчиво делала вид, что пью и полностью увлечена этим процессом.

– А как насчет царицы? Ее устраивает тот факт, что ты перехватил власть, которая принадлежала ей? – спросила я, полностью употребив сладкий напиток и чувствуя, как в теле появляется приятная легкость и даже какое-то легкомыслие. Захотелось играть и шутить.

В конце концов, раз для появления паучьей задницы Джерхану ее нужно сперва позвать, то опасаться уж точно нечего. Нужно просто не перевоплощаться!

Разве что была еще какая-то тайна, о которой я не знала...

Джерхан пожал плечами, и, повернувшись, я вдруг наткнулась на его горящий взгляд. Он отставил бокал, проник глубже пальцами в мои волосы и вдруг мягко сжал их.

Под кожей завывала жаркая, пустынная метель, раскаленные искры просыпались на голые нервы.

А в следующий миг Джерхан скинул поднос на пол и вдруг поцеловал меня, опрокинув на мягкие подушки.

Жар лизнул ребра, поднялся по шее, щекоча и обжигая, а затем рухнул в основание живота лавиной раскаленной магмы.

Тело утонуло в шелковых тканях, а руки сами собой погрузились в длинные, беспорядочно упавшие на лицо волосы Джерхана.

Он был горячим, а прикосновения его кожи к моей вызывало внутри бурю... проклятый ураган, причину которого невозможно было объяснить.

Мне просто нравилось, и все. Я сходила с ума от движений его губ, от языка, который проникал в меня с силой и голодом – чувствами, которым невозможно было не покориться, которыми нельзя было не заразиться...

Я хотела, чтобы он касался меня. Чтобы его руки вот так блуждали по моему телу, жарко, жадно, чтобы забирались под платье-халат, опаяя бедра, живот, выпирающие тазовые косточки, от которых так близко было до бесстыдного...

И все же я не понимала, что происходит. Почему он целует меня? Почему сейчас?

Неужели потому, что я теперь его ала и так все и должно быть?..

– Что ты делаешь? – через силу выдавила я прямо в целующие меня губы.

И едва не начала ругаться.

Ну что за курица? Ну подумаешь, «долг» Великого Айша заставляет заниматься любовью с новой алой, мне-то какое дело, если так приятно?..

И все же сердце точил зубастый червячок тоски.

У меня никогда не было мужчины, и прежде мне казалось, что первая ночь любви должна случиться с тем, кто будет мне дорог. С тем, с кем я хотела бы провести если не всю жизнь, то хотя бы просто продолжительный промежуток времени.

А не с малознакомым типом, кому меня подарили на полгода, а он вроде как и не против.

– Хекш... – выдохнул вдруг Джерхан, перестав меня целовать и взглянув мутным взглядом, в котором медленно проступала осмысленность. – Прости, я... на меня что-то нашло...

Он выпрямился, отсаживаясь на другую сторону дивана и глядя на меня таким взглядом, словно это я накинулась на него, а не наоборот. Брови сдвинулись, а горная вершина кадыка на его горле напряженно дернулась, словно он сглотнул.

И все равно в ярко-зеленых глазах я видела все то же изумрудно-нефритовое пламя, которое его хозяин прямо сейчас пытался запрятать в самые темные глубины.

– Нашло? – чуть хрипло переспросила я, краснея. Невольно стало грустно и обидно.

Я обхватила себя руками, чтобы сделалось хоть чуточку теплее внутри.

– Ты знаешь, я... – начал он, потирая пальцами лоб и не переставая хмуриться, – ты не захочешь это слушать.

И вдруг резко встал с дивана, ленивым движением запахивая свой халат, который, оказывается, давно открылся полностью.

– Прости, этого больше не повторится, – проговорил он, поворачиваясь ко мне.

– Но я не... – едва успела сказать, но закончить он мне не дал.

– Ты можешь спать в соседней комнате, где расположена огромная кровать. Я буду спать на другом конце покоев и не потревожу тебя.

– Но я...

– Я надеюсь, что мне еще долго не придется перевоплощаться в Великого Айша, – снова перебил он, серьезно глядя на меня. – Но иногда это приходится делать. Часто это бывает неожиданностью для меня, иногда нет. Например, когда экстренно созывается совет жрецов или министров или штатно – по большим праздникам. Во все эти дни... тебе лучше уходить из теларана и из дворца вообще.

Я прикусила язык и решила, что буду молчать как рыба. Не хочет слушать меня – ну и не надо!

Тоже мне... Запугивать он меня решил! Если ему страшно, то пусть сам и валит из дворца.

Я сложила руки на груди и насупилась.

А Джерхан, наконец-то замолчав, так и не услышал от меня в ответ ни слова. А вот нечего было перебивать!

Прождав несколько мгновений в полной тишине, он проговорил:

– Еще раз прости.

А затем развернулся и ушел.

Ушел он, паука ему под халат!

Я так разозлилась, что еще минут десять кружила по комнате, раздумывая, что бы такого разбить, чтобы полегчало. Но все вокруг оказалось таким красивым, что в итоге у меня рука не поднялась.

А затем я просто успокоилась и крушить все вокруг расхотелось. Как раз в этот момент в дверь теларана постучали, и, поспешив открыть, я увидела на пороге улыбающуюся Лориавель.

– Ну что, прошло как? – выдохнула она, схватив меня за руку. – Понравилось тебе? Должно было понравиться, черногриб для того весьма хорош!

И я тут же вспомнила, что перед встречей с Айшем Лориавель напоила меня своими чудо-настойками, повышающими сексуальное желание.

Из горла вырвался судорожный вздох.

Что ж, будем считать, что именно эти настойки и заставляли меня чувствовать всю эту сумасшедшую смесь эмоций к Джерхану – мужчине, о котором я совершенно ничего не знаю и к которому не могла испытывать что-то особенное.

Ну не могла же?..

Зубастый червячок под ребрами выгрыз очередной кусок мяса из моего сердца и пробубнил что-то насчет того, что могла. Но я мысленно затолкала червяка поглубже, делая вид, что не слышу. Пусть грызет печень, ее не жалко.

– Нормально прошло, – кивнула я, пропуская девушку в комнату. – Рассказывать не буду. Приличные мусьоры о таком не распространяются.

– Мусь... кто? – склонила голову набок девушка.

– Так обращаются к человеческим женщинам в Шейсаре, – пояснила я, но увидела, что она не понимает. Кажется, в Стеклянном каньоне похожего обращения не существовало, потому что жили тут исключительно люди. Не было ни нагов, ни дракайнов, ни фей, ни гоблинов, ни огров, ни василисков... Никого у них не было.

Зато, похоже, очень скоро может появиться народ хекшарракий, наполовину паучков...

– А, не бери в голову, – махнула я рукой в итоге. – У тебя какие-то новости или ты пришла поболтать?

Лориавель вдруг покраснела, перехватив длинную бело-голубую косу, заплетенную от самого затылка, и начала накручивать кончик на палец.

– Ну... вообще-то, поболтать хотела я. Но если нет времени у тебя...

А я вдруг вспомнила рассказ дочки жреца. Рассказ о том, что ей не с кем общаться, и до меня, похоже, у Лориавель подружек не было.

Возможно, в чем-то девушка преувеличила, в любом случае мне тоже нравилось болтать с ней обо всем и ни о чем. Других хороших знакомых среди шаррвальцев у меня не появилось пока. Разве что подождать возвращения Великого Айша? Кажется, с ним мы почти нашли общий язык!

Я покраснела до корней волос и прикусила губу.

– С удовольствием поболтаю с тобой, мне совершенно нечего делать! – горячо заверила я Лориавель, и ее улыбка тут же растянулась от уха до уха.

– А я хотела тебе дворец показать и окрестности. Прогуляемся давай? – предложила она весело.

Я была, конечно же, не против. И чуть позже Лориавель впрямь удалось меня удивить.

Глава 7

Затухнет под ребрами пламя,
Чтоб зажглось ядовитое знамя...

(из уличной шейсарской песенки)

Понятие дня и ночи окончательно смешалось у меня в голове, и я с трудом соображала, сколько сейчас времени. Лориавель вела меня темными коридорами дворца, освещаемыми маленькими чадящими лампадками, что были расставлены по всему периметру тоннелей на достаточно внушительном расстоянии друг от друга. Огонь давал мало света, а колдовских кристаллов тут совсем не было. На вопрос: «Почему так?» – Лори ответила, что жрецам шаррваль не подчиняется огонь, как мираям. И зачаровать камни на свет невозможно. Однако они научились справляться с помощью тираанских грибов, что излучали призрачное фосфоресцирующее свечение, и с помощью жира червей-солаанов.

Оказалось, что на этом жире работает множество шаррвальских изобретений, в том числе огромная штукавина, расположившаяся на крыше дворца. Один из темных коридоров вывел нас на балкон, с которого по моим представлениям должна быть видна половина подземного города. Однако, как оказалось, балкон выводил куда-то вглубь дворца и демонстрировал двор каменного дворцового комплекса. Здесь не шастали простые люди, вход сюда разрешался только приближенным царицы, жрецам и Великому Айшу, само собой.

И вот с этого самого балкона я увидела высоко-высоко наверху громадное изобретение – металлическое ядро, окруженное дугами-кольцами, что медленно вращались, не останавливаясь ни на секунду. Ядро изредка вспыхивало и светилось, и становилось ясно, что некоторые пластины в нем сделаны из прозрачных камней или слюды, внутри которых горел огонь.

– Что это? – восхищенно ахнула я, поражаясь масштабу конструкции. Ничего подобного в Шейсаре не существовало. Большая часть изобретений там работала с помощью магии и по этой же причине имела маленький размер. А здесь передо мной развернулось нечто невероятное.

– Его зовем мы «луноворот», – ответила Лориавель, довольно улыбаясь. – Именно он время показывает нам и сообщает, или день сейчас, или ночь.

– Ух ты... То есть это... аналог солнца? – вдруг поняла я, когда огонь внутри изобретения снова вспыхнул и ядро зажглось, будто огромный факел.

– Мы предпочитаем считать, что это луны аналог, – пожалала плечами девушка. – Издревле луна управляет нашим самочувствием, настроением, движением вод подземных и даже степенью ядовитости желез паучьих. А солнце для нас бессмысленно. Здесь, в Стеклянном каньоне, нет разницы никакой, светит солнце или нет. Оно не греет нас, не приносит урожай. Бесполезно, в отличие от луны.

Я согласно покивала головой. Конечно, бесполезно.

Затем еще несколько мгновений пялилась на удивительное сооружение, по которому, кстати сказать, так и не удалось определить время дня, а затем уронила взгляд вниз. Там расстилалась широкая площадь, которую наполняли десятки красивых мостиков, перекинутых через узкие водяные ручейки. Эти мостики напоминали дуги и кольца луновороты, составляя с ними восхитительный комплекс. Еще между тропинками рос все тот же пушистый розовый рододендрон, и наверняка там, внизу, в густой растительности вполне можно было потеряться.

С нашего же плацдарма прекрасно просматривались все тропинки и дорожки, на одной из которых мы и увидели царицу Фелидархат.

Хрупкая женская фигурка прогуливалась по чистым полупрозрачным плиткам, которыми были вымощены тропинки, а позади нее шла стража из пяти мужчин.

– Зачем царице так много охраны, если она гуляет в собственном же дворце? – удивилась я, изучая красивое платье Фелидархат. Оно все сплошь состояло из прозрачно-голубых бусин, и в свете высоких масляных фонарей, которых здесь было огромное количество, девушка казалась алмазной каплей, сверкающей гранями.

Красивая – глаз не оторвать. К своему ужасу, я даже немного позавидовала ее воздушности. Наверняка в нее были влюблены десятки мужчин.

Может быть... и Джерхан?..

– Традиции дань, – легко ответила Лориавель. – Никогда не знаешь, кто может пожелать зла. Да и тоннели каньона небезопасны. В момент любой появиться может солаан или парочка его мелких детенышей. Яд этих червей смертелен, поэтому рядом с нашей царицей должны всегда быть защитники. Правильно это, я считаю.

– Понятно, – кивнула я.

И в этот момент с другого конца тропы к царице вдруг стала стремительно приближаться мужская фигура с наполовину лысой головой, которую невозможно было не узнать. Другая ее половина поблескивала бледными косичками, что при каждом шаге тряслись и покачивались.

– Смотри, твой папа, – кивнула я, и Лориавель заметно напряглась. – Интересно, какие у него дела к царице?

– Ясно какие... – глухо выдохнула девушка.

Я сдвинула брови, а потом до меня вдруг дошло:

– Что, неужели нашли тех, кто... ну... кто тебя этсамое...

Я кашлянула в кулак, в горле слегка пересохло.

Лориавель покачала головой.

– Не нашли. И женщина та, что кричала в толпе, сказала лишь, что видела несколько мужских теней да меня, бесстыдницу, в их центре.

– И все? – возмутилась я. – Да она же врет, как пить дать!

– Это не известно никому, – снова покачала головой Лори. – Может, и впрямь просто не повезло мне. Не поделаешь ничего, Эвисса.

Ильхамес тем временем там, внизу, начал что-то говорить царице. Та остановилась и, кажется, внимательно слушала его. Мужчины за ее спиной замерли, словно статуи.

Фелидархат кивала головой и в какой-то момент даже положила жрецу руку на плечо.

– Успокаивает, – выдохнула Лориавель. – Да будут долгими ее годы, сахашенаас. Царица всегда пытается помочь, но не все в ее силах, к сожалению.

– Ну если уж царица не сможет помочь найти двух козлов, то я не знаю тогда, кто сможет, – проговорила я мрачно.

– Козлов? – широко раскрыла глаза девушка. – Это не козлы были, простые люди, честное слово.

Я на секунду замерла, вглядываясь в изумленную девушку, а затем просто покачала во избежание недоразумений.

– Я не имею права тебя просить о чем-то, но, может быть, ты спрашивала у Великого Айша о деле этом? – вдруг робко спросила Лориавель.

А мне стало неловко. Потому что просьбу девушки я хоть и не забыла, но все же отложила до поры до времени в долгий ящик. Да и

что может сделать огромный паук в такой ситуации? Наплести колдовской паутины, чтобы в нее попадали только преступники?..

– Нет, Лори, – проговорила я тихо, но не успела прибавить еще что-то, как дочка жреца стремительно закивала.

– Ничего-ничего, понимаю я, не нужно беспокоиться...

– Лориавель, я поговорю! – перебила я ее. – Обещала – значит, скажу.

Девушка немного нервно сжала губы, дернувшись, чтобы улыбнуться. И кивнула снова. Один раз.

– Пойдем, – потянула она меня дальше по каменному коридору, в котором пахло маслом и огнем.

– Куда на этот раз?

– Покажу тебе поляну красивую.

И она снова повела меня перепутанными тропами, петляющими тоннелями и переходами, в которых элементарно можно было заблудиться. Но что меня удивило больше всего, так это наклоны пола. Никогда прежде я не видела, чтобы хоть в каком-то доме они шли под значительным углом. Угол, конечно, был недостаточным для того, чтобы упасть или начать скатываться, но его вполне хватало на то, чтобы я запыхалась, поднимаясь вверх, и чтобы сердце замирало, пока я шла вниз.

Невероятная особенность – делать такие горы и склоны вместо лестниц. Сейчас мы с Лориавель двигались по тоннелям, которые были выдолблены прямо в земной тверди, и, может быть, дело просто в том, что их строили не люди, а гигантские подземные черви.

Однако в какой-то момент Лориавель резко выставила передо мной руку и проговорила:

– Стой.

От неожиданности я запнулась и чуть не упала. И зря! Потому что в двух шагах впереди обнаружилась пропасть. Коридор дворца неожиданно закончился обрывом, и продолжался проход лишь через несколько метров впереди. Получалось, чтобы продолжить путь, нам теперь нужно было преодолеть около пяти шагов... двигаясь над бездной.

– Это еще что за ерунда? – выдохнула я, с замирающим сердцем заглядывая в черную каменную пропасть, внутри которой уже не светили чадающие лампы. Однако, к моему изумлению, чем ближе я

подходила к краю и чем глубже заглядывала в пропасть, тем отчетливее становились мелкие желтовато-зеленые и розоватые огоньки, устилающие камень. По стенам провала таки росли местные светящиеся грибы! Этого тусклого света хватило, чтобы оценить глубину бездны.

Дна ее видно не было.

– Это... ну... провал, – пожалала плечами Лориавель и хитро посмотрела на меня. – Нам надо туда. Что делать будем?

Я несколько раз хлопнула ресницами, чувствуя себя испуганным страусом, которого поставили на вымощенную плиткой тропинку.

– Я... могу повернуть назад, например, – предложила, надеясь, что не выгляжу слишком глупо.

Похоже, чего-то я не понимала в местных правилах.

– Знаешь, – проговорила тихо Лориавель, прикрывая глаза, – я люблю очень этот фокус. Даже на жителей каньона производит он впечатление, а уж о тех девушках, что из Шейсары прибывали к нам, и вовсе говорить нечего. Правда, мне редко похвастаться удастся так.

С этими словами она подняла руки и зашевелила в воздухе пальцами. Словно плела невидимую паутину.

В ушах глухо застучало. Мне почудилось, что я слышу едва различимый звон. Где-то на границе слышимости. Тонкий, как писк комара, как скрип ногтя по струне лютни...

А затем я различила голос, но сколько ни вглядывалась по сторонам – кому он принадлежал, так и не смогла понять. Ведь губы Лориавель были плотно сомкнуты. Как и глаза.

«Открой мне двери,
Сплети дорогу,
Мой голос – ветер
Я искра бога...»

При этом я готова была поклясться, что произнесенных слов так и не услышала. Но голос продолжал издавать эти странные звуки, и я будто бы понимала, о чем они. Не слышала слова, лишь шелест. Но все понимала!

И когда дочь жреца снова открыла глаза, ткнув вперед пальцем, я, наконец, увидела нечто удивительное.

С другой стороны провала зашевелился... камень. Я отшатнулась назад и едва не упала, пронзенная резкой стрелой ужаса, потому что из тьмы коридора к провалу шагнул гранитный голем.

Прежде его не было видно, но сейчас тусклый свет лампад упал на рубленые, словно вытесанные топором, углы его тела, на мощную, но маленькую голову с дырками вместо глаз. И на огромные руки, одна из которых поднялась и опустилась на незаметный прежде рычаг.

В тот же миг раздался скрип и треск, затем скрежет и грохот, а откуда-то из провала под нами начал подниматься тяжелый каменный мост.

Голем тем временем шагнул назад, прислонился к стене и снова замер в неподвижности.

Я не могла издать ни звука, наблюдая одновременно за застывшим диковинным существом, подобные которому, как я думала, существовали лишь в легендах, и за небольшим переходом, который наконец замер и полностью заполнил собой бездну, превратившись во вполне широкую тропу.

Я представления не имела, с помощью каких механизмов эта тяжеленная штукавина держится в воздухе и не падает. Было страшно.

– Ну, пойдём? – спросила довольная Лори и смело шагнула вперед.

Девушка вся светилась от радости. Видать, выражение изумления на моем лице было столь велико, что это компенсировало все дурное настроение дочки жреца.

Я глубоко вздохнула, стараясь придать себе уверенности, и почти так же смело двинулась следом за своим провожатым.

Разве что каменного голема я обошла по широкой дуге, боясь, что его глаза вот-вот зажгутся огнем и он меня пришибет одним легким движением ручищи.

– Не надо бояться, – покачала головой Лориавель. – Он сейчас снова стал просто камнем. В нем нет искры жизни.

А у меня в голове всплыли слова, которые никто не произносил:

«Мой голос – ветер
Я искра бога...»

Интересно, слово «искра» в данном случае было лишь совпадением или тот голос, который я слышала у себя в голове, на самом деле принадлежал Лори? И она колдовала непонятным мне способом?..

В магии я не разбиралась, потому что у меня ее никогда не было. Но и спрашивать о своих догадках я не торопилась. Тетка с детства приучила меня не афишировать свои «фантазии», чтобы не сойти за сумасшедшую. Если повезет, сумею вывести дочку жреца на откровенность и другим способом.

– Значит, это ты только что оживила голема? – спросила я, когда мы прошли в тоннель дальше. Прикоснувшись к одной лампадке, Лориавель чем-то щелкнула, и тут же все остальные лампадки в коридоре тоже начали зажигаться по очереди с таким же щелчком. Похоже, она привела в действие какой-то механизм, который запустил серию однотипных действий – высечение искры из кресала. А затем эти искры зажигали фитили.

– Ага, я, – довольно кивнула Лори. – Это древняя магия шаррвальских жрецов. Жаль только, что мои способности малы очень... Но я могу рассказать интересную историю тебе.

Я поспешно закивала, потому что с некоторых пор всё, что касалось подземного племени, стало для меня ужасно интересно.

– Считается, что веков много-много-много тому назад наши предки обладали Великой силой. Они с камнем умели разговаривать, голоса пауков слышали и управлять землёй имели способность. Поговаривают, что особо сильные жрецы могли заставить сойти с мест своих высокие горы. Они были подобны богам! Однако коварные лиссах убили всех до единого. И с пор тех племя наше обескровлено. Практически не сохранилось никого, в жилах чьих текла бы древняя сила. А потому и новых колдунов почти не рождается...

– Подожди-подожди, – прервала я её, нахмурившись. – Что ещё за племя лиссах?

В это время мы всё дальше и дальше продвигались по каменному коридору, и впереди уже начала виднеться маленькая удивительная поляна, со всех сторон окруженная водой. Там вдали было очень светло, хотя я никак не могла понять, откуда в глубине каменных пещер, буквально в недрах земли, может быть такое светлое пространство.

Лориавель бросила на меня короткий взгляд через плечо.

– Звали прежде так людей, что впоследствии стали народом мираев.

Я ахнула, зажав рот рукой. Ничего подобного никто и никогда не слышал на светлой земле Шейсары. Это было нечто из ряда вон выходящее, чушь, ересь и глупость. Невозможное.

– Ты хочешь сказать, что Мираи убили всех ваших колдунов? Ну зачем бы им это делать? И почему у нас не сохранилось ни капли информации об этом? Вообще, о Стеклянном каньоне в Шейсаре никто не знает! Слово вас и нет вовсе.

Лори пожала узкими плечами.

– Наверное, история геноцида чужого народа – не то, что хочется передавать изо рта в рот, – неловко выразилась она. – И не то, что можно оставить в качестве наследства детям.

Мы уже успели дойти до светлой пещеры, и я с изумлением поняла, что сверкает здесь сама вода. Свет шел откуда-то снизу, как будто под топазовой гладью спрятались огненные кристаллы.

В самой середине озера оказался небольшой островок, в центре которого распустился один-единственный толстый и древний розовый рододендрон.

– Пойдём со мной, – проговорила дочка жреца и ступила на узкий мост, который лежал прямо на воде.

Я охотно пошла вслед за девушкой, с радостью окунувшись в красоту диковинного места. Но не забывала и про наш разговор.

– А почему племя лиссах напало на твоих предков? Наверное, была какая-то причина?

Всё же, несмотря на жестокие слова Лориавель, я не верила, что всё могло произойти вот так вот просто. Никто не станет убивать целый народ без повода.

– Неизвестно это мне, к сожалению. Лишь факт остаётся фактом: сейчас в наших рядах так мало рождается магов, что каждый новый колдун – это сюрприз и всегда праздник большой.

– Значит, ты редкая птица среди шаррвальцев?

Лориавель улыбнулась.

– Да. Мой отец – тоже носитель магии. Однако в нём сила настолько слаба, что почти не проявляется. Благословение уже то, что наследственность его передалась мне и стала сильнее. Я могу двигать

камни на расстоянии, могу приказы отдавать на паучьем языке. Это все вообще огромная редкость. Хотя говорить на паучьем мой папа тоже умеет, за что среди других жрецов ему и был присвоен высокий статус. Говорят, отец имеет особую связь с пауками.

В это время девушка подвела меня к огромному дереву, от которого веяло древней силой. Я думаю, что вообще от любого растения, которое имело бы размеры этого рододендрона, веяло бы чем-нибудь подобным. Потому что дерево было поистине громадным.

А ещё вблизи оказалось, что у него совершенно изумительная изумрудно-зелёная кора. Казалось, она и впрямь сделана из какого-то драгоценного камня.

– Это древний Хризопразовый рододендрон, – пояснила Лориавель, аккуратно присаживаясь среди мощных высоких корней. – Сердце Красной матери. Говорят, веков много-много назад, когда наше племя было изгнано в земные недра, Красная мать не дала нам погибнуть. Она приказала детям своим, и вместе с нами в разломы земной коры ушли тисовые пауки, которые впоследствии помогали нам строить город, шить одежду и приготавливать снадобья, которые одинаково успешно могли убивать и сохранять жизнь.

Лориавель кивнула куда-то мне за спину, и, неловко обернувшись, я увидела, что среди высоких мхов, устилавших землю вокруг старых корней, торчат десятки круглых блестящих глаз.

Здесь было очень мягко! А теперь ещё немножко страшно, потому что остров, на который привела меня дочка жреца, был домом для десятков маленьких черных пауков с красными брюшками. Для тех самых, которые раз в несколько лет совершали нашествие на Шейсару, всегда в обязательном порядке оставляя после себя некоторое количество уничтоженных человеческих жизней...

Сейчас они казались маленькими и милыми, в отличие от крупных, размером с собаку, – тех, которые выбирались на поверхность и несли смерть. Но красные брюшки означали однозначное: эти крохотные товарищи, блеском глаз напоминающие драгоценности, так же смертельно ядовиты, как и их взрослые сородичи.

Я не сказала бы, что пауки когда-либо пугали меня. Однако такое огромное скопление насекомых, способных убить в мгновение ока, не внушало мне чувства спокойствия.

А ещё я начала слышать тихий шёпот...

– Бояться не надо, – продолжала тем временем Лориавель, видимо заметив мой взгляд. – Неопасные они. По крайней мере, для нас. Тисовые пауки – наша семья.

– Они, может быть, и ваша семья, но я-то не уроженка Стеклянного каньона, – ответила, нервно поежившись.

Казалось, что мелкие паучишки подбираются ко мне со всех сторон.

Лориавель покачала головой.

– Бояться не надо, – повторила она. – Теперь ты живёшь с нами и, как бы ни хотела вернуться домой, к сожалению, назад путь закрыт для тебя. А это означает, что теперь одна из нас ты. Знаю я, что пауки пугают шейсарок. Реакция твоя – одна из лучших среди тех, которые я видела. Другие девушки... в основном кричали.

– Ты приводила сюда ещё кого-то? – удивилась я. Хотя, впрочем, особо удивляться нечему: не я первая рабыня для их паучьего божества и не я последняя.

– Никого не приводила, – вопреки моим размышлениям ответила она. – И с тобой я пришла сюда только потому, что нравишься мне ты.

Дочка жреца мягко улыбнулась, а затем нашла среди мха три аккуратных маленьких камушка и зажала их в ладони.

– Это место священо, и мало кто допущен до него. Именно сюда впервые спустились те, что остались в живых после бойни. Здесь первые шаррвальцы основали каньон, а Красная мать вырастила древо это.

Она на миг замолчала, а затем продолжила:

– Да и сама ты видела, что попасть сюда не так-то просто. Лишь обладатели магии способны на это.

С этими словами Лори раскрыла ладонь прямо передо мной и, сжав губы, вся напряглась.

Снова я безуспешно вглядывалась в её лицо, но так и не увидела ни намёка на то, что моя собеседница произнесла хотя бы звук. И несмотря на это вокруг раздался отчётливый голос, в котором на этот раз мне почудились знакомые нотки голоса самой Лориавель:

«Пусть камень и твёрже льда,
В руках моих он – вода...»

Едва она это произнесла, в тон ей зашептали десятки голосов:
«Красиво... Правду говорит... Колдунья... Наша...»

Меня проняло мурашками с головы до ног. Я старалась не оглядываться, потому что на этот раз была уверена: шёпот принадлежал паукам.

Зато едва прозвучали слова заклятия, которые, судя по всему, мысленно произносила моя собеседница, как камушки в её руках вдруг поднялись в воздух и начали танцевать, крутиться по кругу, словно живые маленькие птички. Только крылышек не хватало.

Я задержала дыхание, не веря своим глазам. Никогда не видела ничего подобного. В Шейсаре ни один человек, мирай или мильер не обладал подобной магией. Или мне об этом не было известно. Но даже гоблины, которые по чуть-чуть владели всеми видами волшебства, кажется, не умели такого.

– Это удивительно, – воскликнула я и, не сдержавшись, захлопала в ладоши.

Лориавель широко улыбнулась, а затем резко выдохнула, словно сбрасывая с плеч невидимый тяжеленный груз. Едва она это сделала, как три камушка, кружащиеся в воздухе, тут же упали.

– К сожалению, надолго не хватает меня, – улыбнулась она.

– Ну это уже восхитительно! – заверила собеседницу. – Я вот совершенно не обладаю магией, а, признаться, когда-то в детстве мне этого очень хотелось.

– Может быть, попробуешь поколдовать, как я? – вдруг предложила Лориавель. – Всегда хотела учителем быть. Знаешь, ведь может статься, что у тебя шаррвальские корни.

Я шумно сглотнула, стараясь не показывать, насколько меня беспокоили её слова. Ведь она говорила ровно то же самое, о чём и я думала все последние дни.

Не успела я ответить, как Лори продолжила:

– Да, может показаться, что это странно. Однако много наших детей спрятано наверху. – Она ткнула в потолок пещеры. – А ты... похожа на нас.

Я на секунду замерла, а затем, резко выдохнув, спросила:

– А если окажется, что ты права, можно ли будет найти моих настоящих родителей среди вашего народа?

Лориавель сдвинула брови и на секунду замолчала.

– Попробовать можно. Но это будет трудно. Придётся ведь отсчитать твой точный возраст и поднять книги двадцатилетней давности, выискивая там людей, которые переживали трудный период в жизни и отдали своих детей. Возможно, придётся поднять некрологи. Имен и точных мест, куда уносили младенцев, у нас не записано. Да и записи сами вполне могли отсыреть и сгнить. Но я обещаю тебе, что сделаю всё, что в моих силах. Сахашенаас, мы найдем их, – пообещала она.

С этими словами она коснулась моей ладони, уверенно глядя в глаза. Такой теплый и дружеский жест, что мне стало не по себе.

Но едва я начала чувствовать себя неловко, как она перевернула мою кисть и закинула туда три камушка.

– А ну-ка, давай, тебе нужно сделать совсем немного! Закрой глаза и произнеси:

«Felissa ihveta neht,
Losc rashes vert fjessen bjeht»

И несмотря на то что её губы произносили слова на неизвестном мне языке, я всё равно слышала в голове совсем иное. Это было уже похоже на сумасшествие.

– Это паучий язык? – уточнила я нервно.

Лориавель кивнула.

– Но ты не произносила ничего подобного.

– С первого раза сложно начать говорить на паучьем, – пояснила она, вдруг протянув руку в сторону и положив на мох. В ту же секунду по ее ладони взобрался маленький паучок и уселся там, довольно потирая лапки. – У них иная речь. Нет у них человеческих связей, и слова, которые ты произносишь, являются лишь человеческой интерпретацией языка этих существ прекрасных. Без подготовки не сможешь ты заговорить с ними, ведь не приспособлена ты к их речи.

Я кивнула, не став спорить. И повторила все, что просила Лориавель: закрыла глаза и с некоторым трудом, но произнесла:

«Felissa ihveta neht,

Losc rashes vert fjessen bjeht»

И снова у меня в голове мелькнуло то, что это значит:

«Пусть камень и твёрже льда,
В руках моих он – вода...»

От переживаний сердце застряло в горле.

Осталось лишь распахнуть глаза, увидеть, пришли ли в движение камни... и узнать наверняка, являюсь ли я уроженкой Стеклянного каньона...

Но ничего не произошло.

Я хлопнула ресницами и с легким разочарованием поняла, что мелкие голыши так и остались лежать на ладони неподвижно.

– Хм... – протянула Лори. – Ну, это еще не значит страшного... – неуверенно говорила она, а у меня под ребрами разрасталось что-то тянуще-тоскливое.

Видимо, мне все же ужасно не хотелось думать, что я обычная брошенка. Ненужная родителям собачонка, которую выставили на улицу. И, возможно, хотелось надеяться, что они еще живы.

Ведь с детства я привыкла считать, что нерадивые мама и папа, обычные люди из какой-нибудь бедной провинции Шейсары, просто подбросили меня к многодетной незнакомке на порог. Та приютила чужую малышку, потому что хоть и жила в нужде, но не могла бросить ребенка. И с тех пор я росла в чужой семье, помогала, отработывала свой хлеб и думать не думала о том, что когда-нибудь встречу с настоящими родителями. Зачем они мне были нужны, если я сама им оказалась без надобности?..

Но теперь-то все могло выйти иначе.

Не вышло.

– Ты не должна расстраиваться, ведь не может с раза первого получиться все!

– А ты не должна меня успокаивать, – спокойно проговорила я, положив камни обратно в мягкий мох. – В конце концов, я никогда не мечтала оказаться шаррвалькой, хотя, может быть, это и было бы... забавно...

Оказывается, меня вовсе не пугала перспектива отдаленно породниться с Лориавель, я готова была принять тот факт, что шаррвальцы поклоняются Красной матери, и даже вполне не против жить бок о бок со стаями ядовитых тисовых пауков!

Впрочем, задумавшись об этом странном факте, я не заметила, как один из этих самых пауков подполз ко мне слишком близко, а затем и вовсе перелез на кисть, перебирая пушистыми лапками.

Кажется, я вскрикнула, дернувшись от неожиданности и скинув многоногого бедолагу в мох.

Тот засеменял своими тощими палочками и скрылся за деревом. Откуда-то издали донеслись несколько призрачных шелестящих голосов, в одном из которых мне почудилась обида.

Стало стыдно.

– Не бойся, – тут же воскликнула Лориавель. – Они разумные. И если не будешь ты их обижать, они тоже тебя не обидят.

– Да я и не боюсь, – выдохнула я, бросив короткий взгляд на свою ногу, на которой поблескивал таинственный браслет-хельсарх. Когда-то паучок, который теперь якобы стал моим украшением, ни капли не напугал меня. Я была вполне готова поболтать с ним в пустой пещере и даже расстраивалась, что он исчез. Впрочем... первая-то наша встреча тоже не удалась. Я так испугалась, что свалилась в скрытый провал. – Пауки никогда не пугали меня, – призналась я. – Просто... это странно, когда их так много. Когда они вроде как думают о чем-то... переговариваются... Странно, что есть некое божественное существо, которое тоже паук. И люди поклоняются ему. И невероятно трудно принять, что и человек может быть наполовину пауком... Вот это действительно пугает.

Перед глазами встала огромная фигура Джерхана в образе Великого Айша. И все внутри словно покрылось мелкой корочкой льда.

– Могу тебя понять я, – кивнула Лори. – Но подумай сама, что же в этом странного?

– Как что? – ахнула я, опершись спиной об огромный ствол рододендрона. Изумрудная кора была мягкой и словно слегка грела спину. – Пауки – это существа, которые впрыскивают яд в тело жертвы. Затем яд превращает ее внутренности в кисель, который радостно и выпивают. И полдела, если пауки едят мух. А если они

достаточно огромны, чтобы съесть человека?.. А эти их лапки, которых так много, словно это... чьи-то пальцы. А глаза, которых, кажется, тысячи?..

Шелестящий шум голосов стал чуть громче и немного возмущенней. А затем стих. И, обернувшись, я увидела, что на поляне больше нет ни одного паука.

И мне стало еще более стыдно, чем прежде. Ну вот кто меня за язык тянул? Вот говорила же Лориавель, что эти пауки – разумные! И зачем нужно было их обижать, если они не сделали мне ничего плохого?

В конце концов, свой внешний вид никто не выбирает. Что с того, что боги сделали их такими, а не другими? Их вины в том нет.

А лапки на самом-то деле меня вовсе и не пугали. Это было даже немного мило, когда они щекотали кожу, ползая по ней. А еще у паучков была мелкая шерстка, как у котов или хомяков. А глазки блестели, словно драгоценные камни.

И большая часть сказанного мной скорее повторение того, что я слышала от подружек в Шейсаре. От тетки, которая ужасно боялась пауков. А я... просто привыкла повторять то, что говорят другие.

Лориавель тем временем вдруг осветила вопрос совсем с другой стороны. С той, с которой я никогда и не подумала бы посмотреть.

– А чем лучше наги? Мирай, издревле которые занимают Шейсару и себя считают творения венцом? – спросила вдруг она, приподняв бровь. – Разве люди, что наполовину змеи, лучше остальных? Они вас красивее, сильнее и умнее?

Я нахмурилась. Так-то Лориавель попала в точку. Несмотря на то, что в Шейсаре давно законодательно установлено равноправие между людьми, миряями и мильерами, все же самой богатой и уважаемой прослойкой населения являлись наги. Хвост фактически был пропуском в богатую жизнь. А змей не боялись, а скорее уважали именно по этой причине.

Но ведь они тоже были ядовиты, тоже опасны и тоже, в общем-то, ничем не лучше пауков.

– Не умнее, – ответила я единственное, что пришло в голову. – Но у мираев вроде как... красивые хвосты. Они блестят, как золото и драгоценные камни... Так говорят.

Это тоже были слова моей тетки. А еще – соседской девчонки, которая мечтала выйти замуж за мирая.

– А ты видела Великого Айша? – выдохнула Лориавель, широко распахнув глаза. – Ведь его тело блестящее, словно обсидиан полированный, обрамляющий каплю рубина... Ведь он красивее тысячекратно, чем хвостатые наги, чешуей покрытые! Чьи хвосты стелятся на многие метры и задушить могут в один миг! Айш никого не может задушить. Зато... на нем можно покататься! – воскликнула она и едва не подпрыгнула. – А ты вот можешь покататься на мирае? Да ни в жизни.

Я на мгновение лишилась дара речи.

– И что, часто Айш кого-нибудь... катает? – спросила я с нервным смешком, и щеки начали малость гореть.

– Ну... – протянула Лориавель и тоже слегка смутилась. – Вообще-то нечасто.

– Насколько нечасто? – приподняла бровь я, и девушка перехватила кончик своей голубовато-белой косички и начала наматывать его на палец.

– Ну... никогда. Так это ведь потому, что Великий Айш еще не нашел свою Айяалу! А когда найдет, покатает ее наверняка.

Она несколько раз быстро кивнула и перестала краснеть, явно полностью уверенная в своей правоте.

– В случае любом паук – и вполонину это не так страшно, как змеюка. Маленькая, холодная и скользкая, – добавила она, поморщившись.

И я поняла, что переубеждать ее нет никакого смысла. Впрочем, у меня и желания такого не появилось. Для меня что паук, что змея – одинаково обычные животные Шейсары. Я не испытывала отвращения или страха ни к тем, ни к другим.

Предрассудки – это всегда плохо, но не потому, что они приносят окружающим дискомфорт. Упасите боги! В этой жизни каждый сам себе злобный койот. Но дело в том, что предрассудки приносят дискомфорт в первую очередь самому их хозяину. Так мужчина, до дрожи опасющийся пауков, может при виде маленького многоногого бедолаги от испуга, скажем, поскользнуться и упасть, подвернув лодыжку. А трепетная дама, ненавидящая змей, может кинуть в мирно

проползающую рядом гадюку палку и схлопотать смертельный укус просто из-за своей ненависти.

А еще ненависть и страх не позволяют увидеть чужую красоту...

Придя к таким размышлениям, я снова смутилась. Перед мысленным взором мелькнули горящие зеленым огнем глаза, а где-то под желудком разлилось раскаленное озеро. Так, словно я только что выпила кипящего отравленного вина.

– Слушай... – вдруг проговорила я, кусая изнутри щеку. Предполагать то, что мелькнуло у меня в голове, было стыдно и неловко, и все же я не могла не спросить: – А если я все же стану этой вашей...

– Айяалой? – подсказала Лориавель. – Супругой Великого Айша, которая подарит дитя ему?

Ее голубые глаза блестели.

– Ну да, – согласилась тихо. – Если я стану Айяалой, разве тебя это не расстроит? Ведь я могу занять твое место.

Лориавель медленно опустила глаза и улыбнулась, задумчиво выводя пальцем рисунки на мшистом ковре.

– Не расстроит, Эвиса, – покачала головой она. – Клянусь Красной матерью. И не нужно тебе беспокоиться об этом. В конце концов, моя вина в том, что я не сумела сохранить себя в безопасности до дня встречи с Айшем. И если бы не появилась ты в Стеклянном каньоне, может статься так, что Великий Айш надолго остался бы без алы вовсе. Новая ала – всегда праздник и для всего племени надежда. Надежда на то, что мы наконец выйдем на свет солнца. Так что если Айяалой, что поведет нас наверх, окажешься ты, я буду счастлива. На все воля Красной матери, сахашенаас.

Несколько бесконечных мгновений мы провели в тишине, пока я пыталась справиться с неловкостью. А потом все же положила руку на ладонь девушки и проговорила:

– Я могу сказать лишь одно. Не знаю, что будет дальше, но ты не должна винить себя в том, что не стала алой. Это вина других...

Дочка жреца взглянула на меня блестящими голубыми глазами и кивнула.

Мы провели у священного шаррвальского дерева еще некоторое время, и я была готова признать, что огромное, шелестящее ветками растение и впрямь обладает какой-то силой. Рядом с ним было

спокойно, внутри будто бы наступал какой-то мистический колдовской штиль. А тонкий сладковатый запах цветов настраивал на романтический лад.

Чуть позже Лориавель вернула меня в теларан Великого Айша, где мне снова принесли по очереди несколько подносов с едой, прежде чем пришло время ложиться спать. Это стало ясно по тому факту, что во всем каменном подземном дворце вдруг разом потухли почти все огни. Лампады не горели, свечи тоже. А выглянув вниз с большого каменного балкона, я увидела, что колдовские грибы, растущие повсюду на улице, тоже перестали распространять свой призрачный свет. Словно кто-то их выключил.

Это было удивительно. И только алое излучение огромного механического ядра, что крутилось под потолком дворца и называлось луноворот, еще немного освещало площади Стеклянного каньона. Да еще нарочно зажглись странным красным огнем высокие столбы-фонари, которые прежде горели, как и грибы, приятным желтовато-зеленым.

Получалось, что ночь у шаррвальцев имеет пугающе красный цвет...

Сперва этот факт меня серьезно напугал, но уже спустя несколько дней я привыкла. И, признаться, красная ночь казалась мне гораздо более приемлемым вариантом, чем черная, когда луна не может проникнуть сквозь толщу камня и осветить каньон, а фонари и грибы тухнут и теряются в кромешной тьме. Попадая иногда в закрытые неосвещенные коридоры или тоннели, лишённые колдовских грибов, я вспоминала, что такое истинный мрак. Когда не видно даже собственной руки, протянутой вперед.

Так я прожила в теларане Айша несколько дней. Меня никто не трогал, Джерхан появлялся незаметно и исключительно ночью, каким-то хитрым способом проникая в свою комнату и засыпая в своей постели. Об этом я узнавала только утром по смятым простыням. Сам мужчина так же незаметно исчезал, словно был призраком.

Меня это начало напрягать. На третий день я уже даже решила, что в этот раз просто лягу спать на его кровати, а не на огромной круглой постели Великого Айша, где мне отвели место то ли как хозяйке, то ли как рабыне. В итоге Джерхан будет вынужден прийти и

обнаружить меня на своей кровати, после чего ему таки придется со мной поговорить и перестать прятаться.

Однако я вовсе не рассчитывала, что на третью ночь вместо Джерхана в покои теларана придет сам Великий Айш.

Глава 8

«Не слушай, не верь, не зови,
Его голос – в твоей крови...»

(из уличной шейсарской песенки)

Он зашел тихо. Словно хищник, который крался к своей жертве. Разве что Великий Айш явно не имел цели нарочно скрываться. Просто передвигаться незаметно было в его природе.

Я лежала на постели Джерхана поверх одеяла, чтобы не нарушать личное пространство мужчины. Повернулась на бок, глядя, как догорают поленья в огромном камине, который здесь был в форме все той же пасти, только принадлежащей словно немного другому зверю. Вроде и тот же солаан, но немного другой масти. Или, может, у меня в комнате была девочка, а тут мальчик.

Мне не удалось заметить, в какой момент Великий Айш оказался возле меня на расстоянии вытянутой руки. Я лишь почувствовала, как в помещении разом будто замер сам воздух. Если мгновение назад он колыхался от моих движений, от жара, исходящего из камина, и легкого прохладного дуновения, что всегда блуждало по теларану, то в одну секунду все будто остановилось.

А затем чьи-то руки резко подняли меня с кровати, и я лишь успела заметить, как каменный потолок стремительно приближается.

Из горла вырвался сдавленный крик. А потом я увидела ЕГО.

Смуглое от природы лицо, которого солнце не касалось уже много-много лет. Горящие в полумраке зеленые глаза, как самые темные изумруды, как... колдовской нефрит с огненными прожилками. И длинные волосы, обрамляющие лицо волнами цвета камыша, который кое-где присыпали золотой пылью.

И мне не нужно было опускать взгляд вниз, чтобы понять, что вместо человеческих ног у моего соседа нынче ноги паука. Я глядела в

знакомое лицо и видела совершенно другого человека. В нем не было неуверенности или шутливости. Он не испытывал мук совести за какие-то прегрешения, которые сам себе и надумал. Его губы были расслаблены и едва заметно улыбались, а взгляд горел темным пламенем, от которого меня мгновенно бросило в жар.

– Джер...хан? – выдохнула я, стараясь сдержать дрожь в голосе.

Но Великий Айш ничего не ответил. Или не откликнулся на это имя.

Он прижал меня к своему горячему телу и молча понес куда-то. Лишь через пару мгновений я поняла, что мы снова в соседнем помещении, которое было его собственной спальней. С огромной круглой кроватью, застеленной алым постельным бельем с красиво вышитыми по краям цветами рододендрона. Кроватью, на которой мне было так страшно и неловко спать...

Айш ловко содрал с постели покрывало и уложил меня в самый центр осторожно, словно я была жемчужиной на подушечке радужной морской раковины.

Уложил на живот... И едва я захотела перевернуться, как он ладонью придавил меня к постели, мягко, но настойчиво удерживая в одном положении.

Сердце ударилось в горло.

Я бросила все попытки к сопротивлению. В конце концов, меня привели сюда быть игрушкой. Вряд ли попытки вырваться возымели бы какое-то действие. Ведь я была забавой не простого человека, а... Великого Айша. Хекшаррахния – как они называли тут помесь человека с пауком.

А если вспомнить повадки пауков, то можно прийти к неутешительным выводам. Чем больше мушка бьется, попав в паутину, тем быстрее ее обнаруживает хищник и тем активнее заматывает бедняжку в силки. Именно движение-сопротивление заставляет паука действовать.

Поэтому я решила по возможности сделать вид, что меня тут вообще нет.

Едва я перестала дергаться, как рука со спины исчезла.

Несколько мгновений в комнате было оглушительно тихо. Я слышала лишь потрескивание огня в камине и ощущала, как тяжелое

тело Айша слегка продавливает пышную перину на постели совсем рядом со мной.

Моя голова была повернута в противоположную сторону от мужчины, и я не видела ни его ног, ни его лица. И последнее, признаться, меня расстраивало.

Потому что, несмотря ни на что, одно желание продолжало сохраняться и расти внутри меня. Я хотела понять, что творится внутри у Великого Айша. Кто он на самом деле: мирай, лишившийся хвоста из-за чудовищного пророчества, или неведомое божество, следующее лишь инстинктам и зову крови?..

Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоить разбушевавшееся сердце, чтобы перестало нервировать и стучать как сумасшедшее. И в этот момент ворот платья на спине слегка натянулся, и я почувствовала легкое прикосновение мужских рук. А затем натяжение платья вдруг исчезло под легкий треск разрезаемой ткани.

Из горла вырвался тихий вздох. На одно короткое мгновение стало страшно, потому что я отчетливо ощутила, как кожи коснулось прохладное лезвие. А затем все пропало. Вместе с платьем, которое раскрылось в разные стороны, как та самая раковинка, явив миру обнаженную жемчужину.

Меня начало слегка потряхивать от беспокойства, которое таки пробралось под кожу, проскользнуло в плоть, в нервы. Отравило мысли.

А еще было немного стыдно лежать голой под мужским взглядом, который я ощущала каждой клеткой тела. Так, словно то было физическим прикосновением.

Я ожидала чего угодно. Но не того, что сперва одна горячая рука, а затем и вторая опустятся на мою спину и начнут мягко поглаживать. Сначала осторожно и невесомо, будто нарочно, чтобы не пугать. А затем все уверенней вжимая пальцы в мышцы, растирая уставшую плоть, разгоняя кровь и принося просто чудовищно приятное чувство. Удовольствие, распространяющееся по мышцам, по венам, играющее на нервных окончаниях, как на струнах.

Мужские руки двигались уверенно, и с каждой секундой их движения казались мне все более желанными... чувственными. Их хозяин знал, как прикасаться, знал, какие точки на моем теле будут отзываться на его воздействие лучше всего. Шея, плечи, ребра,

маленькие ямки на пояснице... бедра и их внутренняя часть... все выше и чувствительней.

Я не заметила, как закрыла глаза и стала дышать глубоко и тяжело, уткнувшись лицом в подушку. Как хрипло выдохнула, когда горячая рука вдруг осторожно, будто случайно, скользнула между ног и исчезла.

– Ты так красива, ала, – раздался в этот момент низкий, грудной голос Великого Айша. Колдовской, темный... опасно мягкий... – Тебя нельзя не касаться...

Я еще сильнее прикусила губу. Меня словно бросило в жерло вулкана.

Какого хекша происходит?..

Помнится, несколько минут назад я думала о том, что мне страшно. Что я рабыня в чужой постели, собственность чудовища и нужно вести себя тихо, чтобы меня не оплели паутиной со всех сторон и не съели на ужин.

А теперь думаю, как же прекрасно то, что он делает со мной...

Снова.

Я все еще не смотрела на него, но сейчас мне казалось, что он улыбается. Не знаю, как это можно почувствовать, но я была почти уверена.

И все же не поворачивалась.

А горячие руки продолжали двигаться. В какой-то момент я почувствовала, как по моей спине разлилось что-то мягкое и теплое. Почти жгучее... А затем кончики пальцев заскользили по коже десятикратно легче, вдавливаясь в мышцы и с новой силой разнося по телу огонь с помощью ароматного, пощипывающего кожу масла.

В воздухе запахло чем-то тонким, едва различимым, но очень вкусным. И снова я с удивлением поняла, что аромат масла не был привычным – сладким или цветочным. Таким, какой никогда не стали бы использовать мираи. В аромате смешалось что-то травянистое, с нотками речных кубышек, которые пахли не как цветы, а скорее как нечто дикое и пьянящее, будто русалочье колдовство. А еще в нем проскользнули нотки вина и полыни.

Я начала чувствовать себя слегка пьяной. От прикосновений, от запаха, от ощущений, которые были так далеки от ужасных пыток, что могли бы выпасть на долю рабыни.

В голове все путалось. Жар смешал мысли, сделал плоть податливой, голодной. Затуманил разум и обострил чувства.

И мне уже было не страшно представлять, что там, за поворотом головы, не совсем человек. В конце концов, мало ли нечеловеков я видела в Шейсаре с самого детства? Хвостатых нагов, крылатых дракайнов и гарпий, носатых гоблинов, смертоносных сирен или пугающих огров. Чем один отличался от прочих?.. Разве что отсутствием у меня привычки.

Но теперь в голове впервые мелькнула мысль, что я хотела бы повернуться, коснуться кончиками пальцев длинных паучьих ног... Кажется, они блестели, словно полированный камень. Интересно, и на ощупь они такие же гладкие, словно драгоценность?..

Но долго раздумывать об этом мне не удалось, потому что ладони Великого Айша то и дело перемещались вниз. И если одна уверенно вдавливала меня в перину где-то в районе лопаток, расслабляя мышцы и невозмутимо касаясь каждого позвонка, то другая уже полностью оккупировала то, что было пониже спины.

С каждым мгновением в комнате словно становилось все более душно. Жарко, горячо. Простыня сбилась, платье, от которого я не могла избавиться, прилипало к телу, мешало, сдавливало руки, будто превратившись в путы, прочно удерживающие меня в одном положении. И лишь спина и бедра оставались обнаженными под властью мужских рук.

Одна из них снова скользнула в ложбинку бедер, вырвав из горла сдавленных хрип. Я прикусила подушку зубами, чувствуя, как бесстыдно движутся пальцы Джерхана по самому чувствительному бугорку, проникая между влажных складочек легко и непринужденно. Словно так и должно быть.

И мне уже было трудно дышать. Руки, сжавшие ткань, подрагивали. Мне было не просто трудно повернуть голову, но теперь еще и стыдно оттого, что прикосновения Айша мне так нравились. Оттого, что я не могла поговорить с ним, словно боясь взглянуть, но не могла и оттолкнуть. Даже попросить не трогать меня была не в состоянии, потому что не хотела просить!

Меня все устраивало.

И едва эта мысль проникла в затуманенный разум, как молния, как выстрел из колдовского жезла, принося небывалое понимание правды,

как меня накрыло ураганным удовольствием. Тело выгнулось дугой, я задрожала, тихо выстанывая что-то в искусанную подушку. И, кажется, лишь через бесконечность времени сумела успокоиться, восстановить дыхание и способность более-менее нормально соображать.

Только руки Великого Айша продолжали скользить по телу. Он все еще касался меня, поглаживал. Теперь медленно и нежно, и каждое его движение, как ни странно, уже не смущало. Успокаивало.

Он не перестал трогать меня, и это рождало внутри удивительное ощущение... гармонии.

Поэтому я собралась с силами и заставила себя повернуться.

И поняла, что мне не страшно.

В полумраке комнаты, в танцующем свете огня из пасти каменного солаана на меня глядели раскаленно-зеленые глаза.

Я осторожно сглотнула, стараясь не выдать беспокойства, застывшего на кончиках подрагивающих пальцев, на губах, искусанных, припухших. И наверняка – в глазах.

Айш смотрел на меня, присев на край кровати огромным паучьим телом. Большая часть его ног стояла на полу, но одна оказалась перекинута через меня...

Я медленно моргнула, боясь сделать хоть одно лишнее движение. Наверное, со стороны это смотрелось ужасно. Но я опасалась произвести еще более отвратительное впечатление, боялась, Джерхан подумает, будто вот такой он мне... отвратителен.

А ведь это было не так! И как, должно быть, ужасно думать, что твое тело отвратительно. Как ужасно видеть в глазах окружающих ненависть, отторжение и страх. Видеть и не иметь возможности хоть что-то изменить.

Я не хотела, чтобы он думал, будто я такая же, как и остальные Шейсарки. Я никогда не была такой же.

Так почему же теперь мне так трудно?..

Я глубоко вздохнула, потому что поняла: мужские руки больше не касаются моего тела. Великий Айш смотрел на меня, а я смотрела на него, и мы были как два зверя, которые ждали, кто же сдастся первым. Только Айш явно ждал, что я испугаюсь, закричу. А я... ждала, что вот-вот сдуру сделаю ему больно.

Возможно, Джерхан и не вспомнит того, что тут происходило. А существо, с которым я нахожусь рядом, не может испытывать

эмоциональную боль, кто знает?..

Но я не хотела проверять. А потому, пересилив врожденное чувство опасности, протянула руку и... коснулась блестящего, как жидкий обсидиан, тела Великого Айша. Его острой, как игла, паучьей ноги, перекинутой через меня.

Кожа хекшаррахния оказалась такой же гладкой и твердой, как и выглядела. Черная хитиновая пластина напоминала нагретый на солнце камень или драгоценный доспех с идеально подогнанными друг к другу ромбовидными сочленениями.

Неожиданно я поняла, что его хотелось... трогать. Как хочется провести по чему-то очень гладкому, будто в инстинктивном желании найти хоть одну шероховатость, убедиться, что поверхность не столь идеальна.

Но она была идеальна.

Я перевела взгляд на лицо Джержана и вздрогнула. Он следил за мной, не отрываясь. И его глаза утягивали, жгли огнем, который казался слишком нереальным, ненастоящим.

Тогда я решила хоть как-то прервать затянувшееся молчание. И, может быть, не совсем к месту, но у меня было что сказать Великому Айшу:

– Я хотела попросить тебя найти мужчин, что изнасиловали Лориавель, дочь жреца Ильхамеса. Ты же знаешь такую?..

Он ничего не ответил. Ни сразу, ни через несколько бесконечных мгновений, пока я ждала от него хоть слова.

Ну и что с того, что мне пришло в голову спросить о том, что совершенно не подходило к моменту? В конце концов, не о сексуальных же предпочтениях Айша мне спрашивать? Это он планировал делать со мной детишек, а не я. И у меня не было ни малейшего желания распалать его фантазию, подталкивая к дальнейшим действиям.

Да, мне нравились его прикосновения, и в общем-то, если подумать, рядом с ним я чувствовала себя вполне в своей тарелке. Но это не значит, что я была готова смириться с фактом, что меня сделали его рабыней, и покориться судьбе!

А потому я старательно уводила Айша от мыслей о сексе, хотя, похоже, он не очень-то поддавался, потому что с его губ так и не сорвалось ни звука.

Он продолжал смотреть на меня горящими нефритами глаз и молчать.

Я поерзала на кровати, начиная ощущать растущую неловкость. Я же все еще была полуголой!

– Почему ни одна ала, что была прежде, до меня, не забеременела? – спросила я тогда, попробовав подойти с другой стороны.

И снова тишина.

Я прищурилась, уже решив было, что Айш надо мной издевается. В уголках его губ застыла тень улыбки, а сам он чуть склонил голову, глядя на меня. Как на диковинного зверя в клетке. А вообще-то диковинным тут был он!

Я чуть нервно прикусила губу.

В этот момент Айш чуть наклонился вперед и вдруг коснулся моих волос, растрепавшихся по подушке и упавших на глаза. Накрутил на палец один сероватый локон, который в этих каменных пещерах стал казаться значительно белее, и чуть потянул, вызвав взрыв колючих искорок под кожей, от загривка к основанию спины.

Я на миг зажмурилась и тут же вздрогнула, широко раскрыв глаза.

Он будто околдовывал меня.

– Ты знаешь, что обращаешься в человека? – спросила я резко, когда Айш оказался настолько близко, что я невольно испытала сдавливающее чувство беспокойства.

Он и прежде был ко мне близко... но раньше ведь я на него не смотрела.

Я уж думала, он опять не ответит, но он вдруг улыбнулся чуть шире, мрачной темной улыбкой, из-под которой неожиданно слегка блеснули клыки, и проговорил немного хрипло:

– Знаю.

Мурашки пробежали по коже.

– И тебе это нравится? Ты помнишь себя в тебе человека? – выдохнула я, даже чуть приподнимаясь на локтях от удивления, что все же получила ответ.

Улыбка перестала сходиться с губ Айша... и он снова начал меня гладить.

Я решила, что это хороший знак.

Его рука отпустила прядь и зарылась в волосах на затылке.

Я с трудом подавила ненормальное мурлыканье, рвущееся из груди. Но все же, моргнув, задержала глаза закрытыми чуть дольше.

Проклятые колдовские руки...

– Я это и есть он, Эвис-с-са, – ответил неторопливо Айш, и от его голоса все внутри сжалось и напряглось, чтобы тут же расслабиться, как бывает, если по коже провести павлиньим пером. – Просто Джерхан этого пока не понимает.

До меня вдруг дошел смысл того, что он говорил, и я слегка нахмурилась.

– Тогда почему он теряет контроль, когда появляешься ты? – выдохнула я.

Рука в моих волосах на миг замерла, а затем скользнула вниз по спине. Провела горячую линию по позвоночнику и замерла, так и не коснувшись основания спины.

Он молчал, а я вздрагивала, боясь и, кажется, одновременно желая, чтобы он снова дотронулся до меня... по-другому.

– Ты отвечаешь только на те вопросы, которые тебе нравятся? – спросила я тогда, сжав губы оттого, что разозлилась сама на себя. Почему я не могу определиться с тем, чего на самом деле хочу?..

Но получилось, признаться, резковато.

Великий Айш приподнял бровь, глядя мне в глаза, но ничем не показал, что мои слова ему не понравились.

– Когда ненавидишь себя, сложно управлять хоть чем-то, верно? – низким, немного рокочущим голосом ответил он, и меня будто встряхнуло.

Сперва показалось, что он говорил про меня, но спустя мгновение я поняла, что он о Джерхане.

Это было очень важно, его слова... но я ни хекша не понимала, пока он меня трогал!

Джерхан... Джерхан ненавидел свое паучье тело, и это было логично. Кто на его месте был бы рад? Ведь божественное проклятье или «благословение», как тут принято говорить, отобрало у него змеиный хвост.

Что делала бы я, если бы вдруг лишилась ног? И вместо них появился хвост или, скажем, лошадиные копыта?

Да я была бы в бешенстве, даже если бы весь мир твердил мне, что это подарок судьбы! Я мечтала бы вернуть свои ноги.

Как и Джерхан.

Айш сказал, что, когда ненавидишь, трудно управлять хоть чем-то. Получается, он должен перестать ненавидеть?

Здорово придумал... Это же совершенно невыполнимая задача!

Я бы не смогла. А потому не смогу попросить об этом и Джерхана.

Сама не заметила, как я начала нещадно кусать губы. Зато вернулась в реальный мир, когда горячий палец Великого Айша вдруг коснулся моего рта, мягко проведя по нижней губе, освобождая ее от плена укусов.

От этого прикосновения меня в очередной раз бросило в дрожь. Жгучую и сладкую одновременно. И я спросила, на этот раз тихо и хрипло, не узнавая собственный голос:

– Почему ты не... занимаешься со мной любовью? Ведь это то, ради чего меня прислали к тебе?..

И тут же покраснела. С головы до ног и, кажется, изнутри.

Вот кто меня за язык тянул? Но, безусловно, кто-то тянет. Стоит только оказаться с этим мужчиной рядом, как из головы все выветривается, и туда, как одуванчиковый пух, налетает что-то новое.

– А ты этого хочешь, да? – вдруг улыбнулся Айш, и в его лице проскользнуло что-то расслабленно-веселое. Неожиданное! Мне даже почудилось, что передо мной тот же Джерхан, с которым мы непринужденно болтали всего три вечера назад. Который был без паучьих ног и не имел привычки отмалчиваться и запугивать молоденьких девушек внушительной фигурой и темным колдовским взглядом.

Впрочем... глаза-то у них были одинаковые...

Однако через мгновение наваждение ушло, и я уже не рискнула бы думать, что рядом со мной простой человек.

В Великом Айше было мало человеческого, как бы странно хорошо я ни чувствовала себя рядом с ним.

– Ну... тебе же нужен наследник? Или я что-то не так поняла? – глухо спросила я, снова бросив взгляд на громадную глянцево-черную паучью лапу, перекинутую через мое тело.

Айш перестал улыбаться. Точнее, даже не так: улыбка все еще застыла на его губах, но на этот раз как приклеенная, а вот темно-

зеленые глаза стали серьезными. Что-то сверкнуло в них, разливаясь внутри огненными изумрудами. Что-то, напоминающее... тоску?

А затем в воздухе прозвучал тихий ответ низким грудным голосом хекшаррахния:

– Цветок рододендрона не даст семян, коли с дерева его сорвать...

Паучья лапа надо мной поднялась и медленно уперлась в пол, покрытый ковром с высоким ворсом. Великий Айш отвернулся и... ушел. А я видела лишь его, кажется, бесконечные ноги, утопающие в ковре и не издающие при движении ни единого звука. Да еще мощную смуглую спину, рельеф мышц которой переливался гляncем в свете камина.

Я осталась одна. Опять.

Джерхан в эту ночь так и не появился, и утром, встав с круглой постели Айша, я увидела, что его кровать так и осталась нетронутой.

Окон в теларане не было, поэтому о наступлении утра было трудно судить. Однако присутствовал здесь, как оказалось, один широкий балкон, на котором при необходимости могло поместиться несколько Айшей. Вход в него скрывался за толстыми портьерами, на концах которых висели утяжелители – золотая бахрома из настоящего драгоценного металла в форме капель. Я отодвинула ткань и выбралась наружу, с изумлением оглядывая огромное пространство каньона, раскинувшееся внизу.

Это была та самая площадь, на которой росли рододендроны и где по кругу сверкали желобки с журчащей топазовой водой.

Хотелось кушать, но завтраком пока даже не пахло. По здешней традиции его должны были принести на подносе, но что-то служанка запаздывала.

У меня появилось время хорошенько обдумать случившееся. Получалось, что Джерхан и Айш – это две части одного существа. Много лет назад что-то случилось с миром из царской семьи, что подарило ему паучье тело вместо змеиного хвоста. Возможно, он стал частью древнего ритуала шаррвальцев – это не суть важно. Но в итоге это расколело его разум надвое.

Видимо, Джерхан, как и любой на его месте, не смирился с тем, что с ним случилось. И отверг свою вторую половину. Она начала жить отдельно от его сознания, хотя и являлась его частью.

По всему выходило, что у моего вынужденного соседа что-то вроде раздвоения личности. И Великий Айш даже подсказал, как все исправить: всего-то-навсего полюбить себя такого, какой он есть.

Что может быть проще?

Люди и со своим собственным телом не всегда любят себя такими, какие есть. Кто-то и до самой смерти не может смириться с тем или иным недостатком. Полюбить себя... и просто, и сложно одновременно.

Я встряхнула головой. И внутри вдруг вспыхнула короткая и острая мысль: а нужно ли мне вообще, чтобы Айш стал единым целым?

Зачем я вообще думаю об этом? Основной моей целью должен был стать побег из этого страшного мира. Из древнего Стеклянного каньона, в котором камень старых тропинок подобен россыпи бриллиантов, вместо солнца – колдовская машина из слюды и металла, а смертоносные черви-солааны – не выдуманные чудовища, а так – скучный вторник?..

Я должна была думать о том, как выбраться отсюда. Но думала о зеленых глазах, в которых плескалось изумрудное золото и горел нефритовый огонь.

В этот момент я услышала, как на другом конце теларана раздался стук в дверь. Видимо, служанка все-таки принесла поднос с завтраком. Пospешив открыть, я вовсе не ожидала, что вновь увижу Лориавель.

Девушка широко улыбалась и держала в руках вождеденный поднос с разносольными грибами в разных соусах, напитками и странным серым хлебом, к которому я уже успела привыкнуть и немного пристраститься.

– Паучьего утра! – воскликнула дочка жреца, перехватила поднос так, чтобы освободить одну руку, и пошевелила всеми пальцами на манер дрыгающихся паучьих ножек.

Я улыбнулась в ответ и повторила жест, который сперва вызывал у меня недоумение, а теперь начал даже нравиться. Веселый!

– И тебе. Ты сегодня вместо Мириаль? – удивилась я, пропуская подругу.

– Нет, просто поднос у нее забрала, чтобы поболтать с тобой, – проговорила она, быстро забега в теларан и захлопывая за собой дверь.

С некоторых пор Лори очень нравилось приходить ко мне, а я была и не против. Как я поняла, других подруг у нее не было вообще.

– Я все хотела спросить, ты общаешься с другими алами? Которые были до меня? – начала я, когда Лориавель уселась за высокий стол в форме гриба и замахала мне рукой, чтобы я составила ей компанию поскорее.

Девушка пожала плечами и отрицательно покачала головой.

– Не особенно, к сожалению, – ответила она, взяв себе одну латунную тарелку и положив порцию голубоватых грибов с пышным сиреневым облаком из маринованного мха. Странное блюдо, но вкусное! Мох напоминал яичный белок и прекрасно утолял голод. А грибы были острыми и пряными, освежая и заставляя кровь бежать быстрее. – Прощлые алы в отдельном замке живут отсюда довольно далеко. Их специально отселяют, чтобы не сформировалась духовная связь между Айшем и его бывшими женщинами. Иначе новая ала не сможет до сердца его добраться.

– Жестоко, – заметила я. – И что, никого нет здесь поблизости, чтобы можно было поговорить?

Лориавель запихнула гриб за щеку и задумалась.

– Кажется, была одна ала... одна из первых. Или и вовсе первая. Я еще не была знакома с ней. Поговаривают, что живет она неподалеку от дворца, но не знаю я. Никогда ее не искала.

Я кивнула. В голове галочкой на листочке отметилась очередная цель – найти первую алу и поговорить с ней. Листочек отправился в анналы памяти до лучших времен.

– А у меня для тебя сюрприз! – проговорила тем временем Лориавель. И я удивленно взглянула на подругу.

Глава 9

«Лишь шелест тысячи ног
Обовьет тебя словно вьюнок...»

(из уличной шейсарской песенки)

– Через три дня вечером торжественный ужин состоится в честь тебя! Это праздник большой, и называется он «Ночь цветка

рододендрона».

– В честь... кого?.. – переспросила я разом осипшим голосом.

– В честь алы новой, которую Айш признал своей, – закивала Лори, закидывая в рот еще несколько грибов. – Этот праздник ночь знаменует, в которую ала расцветает, будто цветок!

А у меня аппетит едва не пропал. А в голове мелькнуло:

«Цветок рододендрона не даст семян, коли с дерева его сорвать...»

Получается, сказанное Айшем таки имело какой-то четкий смысл, а вовсе не являлось красивой метафорой, как я сперва решила? И что же, цветок рододендрона – это я, что ли?..

После этого мне показалось, что ни кусочка еды в горло не полезет, но нет, как говорится: Айш Айшем, а завтрак по расписанию.

Налила себе полный стакан сока тираана и осушила залпом половину. Чуть острый вкус обжег горло, и мысли потихоньку встали на место. Кончики пальцев едва заметно закололо, а кровь по венам побежала быстрее.

– Разве Айш не признал меня в тот день, когда ему меня представили? – спросила я, тыкая вилкой фиолетовый мох и обозначая его годным к употреблению.

– Нет, конечно! – ахнула девушка. – В тот день тебя лишь представили ему, а теперь Айш как бы... официально признает, что ты можешь алой быть.

– А разве бывает иначе? – не поняла я.

– Конечно! – фыркнула девушка. – Некоторые алы в обморок падали от каждого появления Айша, другие могли просто не понравиться Великому. Тогда праздник не устраивался, и алу могли даже отослать раньше срока. Да и вообще это редкость большая, что Ночь цветка случается так рано! Обычно она бывает месяца через два после представления алы. А тут прямо сразу! Выходит, ты Айшу очень понравилась, – покивала Лориавель со знанием дела, а затем ее лицо стало ужасно хитрым. Она наклонилась над столом и подмигнула мне со словами: – Я слышала, как Айш сегодня утром сказал моему отцу, что тобой восхищен и твоя красота способна осветить весь Стекланный каньон, будто луноворот.

Вот тут я все же подавилась.

Выходит, Великий Айш, покинув теларан, пошел болтать со жрецами, а заодно отметил между делом, что я пришлась ему по

вкусу?..

Я кашлянула в кулак и, краснея, спросила:

– А он был с паучьими... ну...

– Ногами? – тут же поняла дочка жреца. – А, нет. Великий сегодня решил принять человеческий облик, к сожалению, – вздохнула она и доела последний кусочек фиолетового мха.

Я снова чуть не подавилась от этого ее «к сожалению», зато история стала складываться как-то лучше. Выходит, с Ильхамесом все же болтал Джерхан. А то Айш-то разговорчивостью не отличался, и было сложно представить, как он между делом отмачивает мне комплименты.

И Джерхана в этой роли было сложно представить, но все же чуть полегче.

– Значит, именно из-за слов Айша и было решено устроить праздник?

– Ага, – кивнула Лори. – Правда здорово? Ты выйдешь ко всему народу как символ того, что цветы Турмалинового рододендрона распустились. Это иносказательно, конечно. Но считается, что сперва ала должна распуститься и лишь после этого ее цветы могут семена дать.

«Тьфу ты...» – мысленно выругалась я. Опять все к детям сводится... с паучьими ножками...

– Отказаться, конечно, нельзя? – приподняла бровь я, с ужасом представляя, как мне придется выходить «ко всему народу».

– Нет! Это же огромная честь! Завидую тебе ужасно, – выдохнула Лори и мечтательно закатила глаза к потолку. – Будешь стоять рядом с Айшем и на весь-весь каньон смотреть! Как царица!

Я хлопнула себя по лбу и поежилась. А потом вдруг спросила:

– А царица где будет?

– Фелидархат? – словно нехотя спустилась с небес на землю Лори, удивленно хлопая глазами. Похоже, о царице ей хотелось думать в последнюю очередь. – Так не царицы это праздник. Но, конечно, она тоже присутствовать будет.

– Вдохновляет, – иронично пробурчала я, допивая свой сок и представляя, как будет рада царица увидеть, что все почитают меня, а не ее. Вот радость-то – врага нажать!

После завтрака я стала себя значительно лучше чувствовать. От этих их странных грибов в теле появлялась бодрость и хотелось скорее что-нибудь сделать.

– Ой, ну, не переживай. Зато тебе новое платье соткут, по твоим меркам будут трудиться сами Хрустальные пауки!

Лориавель всплеснула руками и, растопырив пальцы, сделала тот самый жест паучьих ножек.

Мне под кожу словно просыпали ведро со швейными иглками.

– Для меня будут шить пауки? – выдохнула я нервно.

Лориавель стремительно закивала головой.

– Это приказ царицы самой! – воскликнула радостно девушка, словно рассказывала мне нечто великолепное. – Она услышала, как Айш восхищен тобой, и решила, что в этот раз для новой алы должны шить ее личные царские пауки, которые испокон веков ткут одежду лишь роду Каракурт.

– О боги, это что еще за род? – взвыла я, когда Лори вскочила на ноги, схватила меня за запястье и потянула к выходу.

– Каракурт – это род царицы. Так и зовут ее – Фелидархат Каракурт. Да только, к сожалению, последняя она из рода. Отец и мать, прошлые царь с царицей, погибли много лет тому назад, оставив лишь одну дочь. Но то грустная история, не будем об этом.

Мы уже добрались до выхода из теларана, и я едва успела натянуть домашние мягкие туфли, прежде чем Лори вытянула меня в прохладные коридоры дворца.

– А как зовется твой род? – спросила я тогда.

Дочка жреца бросила на меня веселый взгляд через плечо и ответила:

– Моя семья из простых жителей каньона. Мы никогда не имели рода имени. Но когда у отца моего обнаружился дар, что по наследству мне передан, царь Джафари, земля ему паутиной, пожаловал ему имя рода – Кругопряд.

– Получается, ты Лориавель Кругопряд? – улыбнулась я, удивляясь тому, как интересно складываются имена у шаррвальцев.

– Да, и если ты станешь Айялой и обретешь магию, тебе тоже пожалуют имя рода, – продолжала девушка, активно увлекая меня в сеть каменных коридоров.

Я фыркнула.

– А разве я не должна буду взять имя рода Великого Айша? Какое оно у него, кстати?

Лориавель хитро улыбнулась.

– Нет. Великий Айш – первый хекшаррахний. И у него нет имени рода, потому что он... ну... полубог?.. Наверное, имя появится когда-нибудь, когда он сможет его кому-нибудь передать. Все мы к тому времени будем уже жить на поверхности, есть сочные фрукты и на солнышке плясать.

Девушка весело улыбнулась.

– Ты думаешь, мы так проводим свободное время на поверхности, да? – хмыкнула я.

– Конечно, – усмехнулась она и подмигнула мне, касаясь рукой какой-то тяжелой каменной двери.

– Кстати, куда ты меня привела? – наконец сообразила я спросить, несколько подзабыв, с чего началась наша утренняя прогулка.

И очень зря.

– В пещеру Хрустальных пауков, конечно! – всплеснула руками Лориавель, и неподъемная гранитная дверь с треском стала отодвигаться в сторону.

Я задержала дыхание. Хотела зажмуриться и попятиться назад, а потом и вовсе скрыться где-нибудь в недрах темных тоннелей. Но что-то подсказывало, что от Лориавель так просто не избавиться.

– Проходи-проходи! – потянула она меня за собой, а я наконец решилась поглядеть, где мы оказались.

И... это было удивительно. Я не могла поверить своим глазам, потому что передо мной раскинулось огромное пространство, напоминающее диковинную подземную шахту, со всех сторон сверкающую тончайшими нитями паутины. Но паутина эта была непростой.

Мельчайшие волоски блестели и переливались в свете тираанов, что росли на стенах. Здесь не было ни одной масляной лампы, и лишь колдовские грибы освещали пространство. Правда, приглядевшись, я увидела высоко под потолком дивные сталактиты, опутанные все той же паутиной. Сталактиты сияли, и казалось, что это светят коконы хрустальных нитей поверх них.

– Огонь нельзя зажигать здесь, паучкам чтобы не повредить, – пояснила дочка жреца, словно читая мои мысли.

Я кивнула, а потом заметила, что по полу и тонким искрящимся дорожкам-нитям бегали десятки белых, как снег, пауков размером не больше ладони.

У меня волосы зашевелились, и я все же попятилась назад.

– Эй, куда ты? – ахнула Лори и быстро пресекла мои попытки к бегству. Хлопнула рукой по тяжелой каменной двери, и она поехала обратно, затворяя проход.

Все – не выбраться.

Я набрала в легкие побольше воздуха, стараясь заставить себя успокоиться и снова повернуться к армии бледных пауков.

«Ничего-ничего, это всего лишь простые насекомые... паукообразные, животные... кто они там...» – перебирала я в голове слова, стараясь привести расшалившиеся нервишки в порядок.

В этот момент браслет на ноге стал едва заметно теплее. Может быть, мне это показалось. Скорее всего, так и есть. Однако я наклонилась и проверила, дотронувшись до блестящего золотом драгоценного металла.

Казалось, он полностью повторяет температуру тела. Рубиновое ограниченное брюшко красиво сверкало в свете пещерных огней, как и пара десятков волшебных каменных глаз, переливающихся жемчужным блеском.

Я уж думала, может, таинственный хельсарх даст о себе знать, очнется от волшебного сна и станет ясно, что все рассказы Джерхана не ложь.

Но браслет оставался неподвижен и больше ничем не привлекал к себе внимания.

– Что случилось? – наклонилась ко мне Лори и тоже взглянула на украшение.

– Показалось, – выдохнула я, выпрямляясь. – Не бери в голову.

Однако эти несколько мгновений неожиданно помогли мне прийти в себя, и сейчас, глядя на стаи белых многоногих созданий, я больше не боялась.

Ведь я никогда не боялась их! Стало ясно, что страх у меня вызывает именно ненормально большое количество пауков. Как вызвало бы страх громадное скопление муравьев, жуков или даже бабочек.

Но прямо сейчас, когда способность адекватно соображать вернулась, я заметила, что те самые белые паучки, от которых меня чуть в ужасе не сдуло в коридоры дворца, остановили свои дела и смотрели на меня.

Без преувеличения – тысячи блестящих красных глазок, напоминающих рябиновые ягоды на снегу, замерли и устремили на меня свое внимание.

А я начала слышать... Шепот, шорох, проникающий через уши внутрь меня, в плоть, в мясо. Я не понимала ни слова, но казалось, что вся пещера внезапно наполнилась шелестом низких тихих голосов.

Это было уже похоже на сумасшествие. Но с некоторых пор я начала думать, что со мной все в порядке. Впервые за много лет голоса в голове не стали казаться манией или шизофренией, как говаривала тетушка. И я готова была поверить, что слышу шепот пауков.

Но почему же тогда я не понимала, что они говорят? Почему до моего сознания добирались лишь некоторые слова, и то не всегда?..

Да и шаррвальское колдовство мне не удалось, а ведь будь я наследницей местных жрецов, могла бы уметь и то и другое.

Впрочем, может быть, мое наследие совсем слабенькое, буквально полкапли на литр крови, кто знает? Ведь, по легенде, всех паучьих жрецов вырезали...

– Смотри, они тебя изучают, – проговорила тем временем Лори. А я поняла, что кроме пауков здесь есть и люди.

Из полумрака хрустальных нитей вышла женщина. Она была худой, как и большинство шаррвалек, а ее волосы напоминали ту самую паутину, что была развешена здесь по всему пространству пещеры. Длинные прямые пряди спускались ниже спины, и где-то в области бедер их перехватывала тугая цепь-заколка, украшенная голубоватыми топазами.

Белое платье женщины касалось пола и полностью скрывало ноги. Зато красные капли-камни то здесь, то там украшали дивную ткань так, словно это были глаза Хрустальных пауков, что глядели на нас прямо с удивительного наряда.

– Кого привела ты нам, Лориавель Кругопряд? – церемонно проговорила эта женщина, и я поняла, что ни капли не нравлюсь ей.

Это было... необычно. С первого дня моего появления в Стекланном каньоне на меня все смотрели с улыбками. Я ощущала

люющуюся отовсюду доброжелательность, хотя не имела оснований на нее рассчитывать.

И все же мне тут были рады!

А вот эта необычная женщина в число моих доброжелателей определенно не входила.

– Эвиса это, – коснулась моей руки подруга. – Эвиса, это Неями Агриопа, она – мастерица Хрустальных пауков.

Лориавель склонила голову, и я поспешила повторить ее жест.

Таинственная Неями производила впечатление женщины, наделенной властью и уважением. А еще наличие у нее паучьей фамилии дало понять: передо мной была еще одна редкая шаррвальская магичка.

Впрочем, кто еще мог бы зваться «мастерицей Хрустальных пауков», если не колдунья?..

Неями бросила на меня снисходительный и чуть презрительный взгляд. А затем кивнула.

– Я предупреждена о приходе вашем, – развернулась и махнула рукой, чтобы мы двигались за ней.

А сама пошла вглубь пещеры.

Нам не оставалось ничего другого, как последовать за ней.

При нашем движении пауки расступались, но я продолжала ощущать на себе цепкое внимание крохотных рубиновых глазок. И слышала шепот... отовсюду.

«Эвис-с-са...»

Я оглядывалась по сторонам, заставляя себя всматриваться в десятки и сотни глаз, блестящих, будто ограненные драгоценные камни или... капли крови. Мне хотелось, чтобы они видели, что я не боюсь. Отворачиваться было бы слишком малодушно и некрасиво, ведь, в конце концов, я пришла к ним в гости.

Однако чем больше я глядела на них, изучая приподнимающиеся передние лапки, пытаюсь понять настроение этих существ, тем громче становился их шепот. И тем сильнее в нем начинали проступать слова, которые просто не могли не пугать. Насколько бы смелой я ни старалась быть, но десятки пауков твердили мое имя... Хором. И не только его.

«Эвис-с-са... Эвис-с-са... Эвис-с-са...»

В какой-то момент мне показалось, что я даже слышу отголоски какой-то песни:

«Ала – та, чрево чье – колыбель,
Айя – солнца искрящийся хмель...»

Я схватила за руку Лориавель, не в силах сдержаться, и спросила:

– Ты слышишь? Они что, поют?

– Кто? – ахнула девушка, удивленно взглянув на меня.

– Ну... пауки? Ты же должна слышать их. Ты дочь жреца Ильхамеса, та, что понимает пауков, – уверяла я скорее себя, чем ее. Ведь если сейчас окажется, что Лориавель ничего не слышит, значит, у меня все же галлюцинации.

Как я и боялась, девушка посмотрела на меня с нескрываемым удивлением.

– Не слышу никаких песен, – покачала головой она. – Да и вообще не припомню я, чтобы пели пауки. Хотя, наверное, это здорово было бы!

Я глубоко вздохнула, закрыв глаза на миг. Холодные пальцы разочарования сжали горло.

Значит, все же тетка была права.

– А тебе кажется, что поют они? – все еще удивленно спрашивала Лориавель, будто прислушиваясь. – Странно как...

Так мы и шли вперед за мастерицей Неями. И только один раз мне показалось, что худая женщина с волосами почти до самых колен бросила на меня странный взгляд через плечо. Станный, потому что не раздраженный, как прежде, а... недоверчивый?..

Точно – у меня поехала крыша.

– Встань здесь вот, – проговорила наконец Неями, когда мы вышли в самый центр пещеры, где располагалось возвышение, со всех сторон опутанное мягкой паутиной.

Со стороны оно напоминало большую белую перину, с которой по бокам свисали капельки драгоценных камней. Разноцветные: розовые, зеленые, голубые и желтые, они светились, украшая постамент, будто диковинное ложе. Однако в самой сердцевине имелось твердое место для ног и можно было стоять.

– Ее Стеклоанное величество царица Фелидархат повелела, чтобы было сшито для тебя прекрасное платье, – говорила с легким презрением Неями, оглядывая меня со всех сторон. – И мои пауки это сделают. Но сейчас должна ты будешь стоять неподвижно и придержать свои шейсарские привычки при себе.

Я даже опешила в первый момент.

– Шейсарские привычки? – переспросила я.

Лориавель смотрела на меня, выпучив глаза и всячески намекая, чтобы не спорила.

Неями приподняла тонкую черную бровь и нахмурилась.

– Если ты оскорбишь священных Хрустальных пауков своим гонором, они убьют тебя в тот же миг, не поглядев на то, что ты новая ала Великого Айша. Паукам нет до этого никакого дела. И не подумаю я им помешать.

От такого заявления я лишилась дара речи.

– А они что... ядовитые? – только и сумела выдохнуть я.

Арахнофобия, которой я никогда не обладала, стремительно протягивала ко мне тонкие лапки. Вместе с белыми паучками, которые становились все ближе.

– Конечно, Хрустальные пауки ядовиты, – фыркнула Неями. – Как и все пауки Стеклоанного каньона. Как и Великий Айш, да плетутся годы его бесконечно, как паутина богов.

Под кожу проскользнули ледяные осколки ужаса.

Внезапно вспыхнули перед глазами тонкие белые клыки, показавшиеся на миг из-под красивых губ Джерхана... Айша.

«Цветок рододендрона не даст семян, коли с древа его сорвать...»

Проклятье.

Я встряхнула головой, и из горла уже готовы были вырваться слова: «Обойдусь без платья, всего хорошего».

Но я стиснула зубы и приподняла подбородок, твердо посмотрев на Неями. И даже, наверное, вызываяюще.

Ведь это всего лишь пауки! И всего лишь обычное платье. Что будет, если я не справлюсь с такой мелочью?

Мастерица будет презирать меня заслуженно. Ведь получится, что я такая же, как и остальные. Возможно, такая же, как другие шейсарки, что были до меня. Что падали в обморок при виде пауков, что

бледнели и сходили с ума от облика Великого Айша. Получится, что я такая же, как те, что ненавидели шаррвальцев и считали их пособниками демонов.

– Давайте закончим побыстрее, – бросила я, не сводя взгляда с холодных голубых глаз Неями.

– Что, так неприятно находиться в нашем обществе, прекрасная ала? – фыркнула мастерица над пауками, сцепив руки на груди.

– Нет, с чего вы решили? – спросила я.

А затем, стараясь ничем не показать неловкости, опустилась на колени и протянула руку к самому ближайшему белому пауку из тех, что уже подбирались ко мне со всех сторон, словно я была чем-то очень привлекательным для них. Вроде завтрака.

Паук глянул на меня десятком своих красных глазок, и мне показалось даже, будто он моргнул. Хотя моргать им там было нечем. А в следующий миг он подскочил, быстро перебирая лапками, и забрался мне на руку.

Я не смогла сдержать улыбку. Он был мягкий, как кот. Или маленький хомячок.

Паук несколько раз поприседал на моей руке, будто принаравливаясь или присматриваясь, не скину ли я его за эту вольность, а затем споро забрался по предплечью к шее, потрогав лапками щеку.

Я улыбнулась шире. А затем и вовсе засмеялась, когда он начал бегать по мне и щекотать.

– Эй, перестань! – воскликнула, не переставая смеяться, едва до меня дошло, что он нарочно меня щекочет. – Ты что творишь?..

Пауки так не должны делать. Это просто не по-настоящему! Они же неразумные!

Но паучок терся о меня брюшком и щекотал лапками. Потом отползал куда-нибудь на локоть, чтобы я не могла его достать, и там весело приседал, будто... смеялся!

А я начала слышать громче:

«Эвис-с-са... Эвис-с-са... Эвис-с-са...»

Но это уже не пугало.

– Кажется, понравилась им ты, – поджав губы, проговорила Неями, наблюдая за происходящим. – Тогда приступим.

Она взмахнула рукой и бросила Лориавель:

– Отойди в сторону. А лучше сядь у стены, чтобы священному таинству не мешать.

Дочка жреца послушно склонила голову и, посмотрев на меня, подмигнула, показав жест дрыгающихся ножек. Похоже, это должно было означать, что все идет хорошо.

Неями подошла ко мне вплотную через облако паутиной перины и мягко, но непоколебимо заставила встать с колен. В тот же миг по ее указке несколько десятков белых пауков ринулись ко мне со всех сторон.

Я задержала дыхание, но лишь на миг. А затем увидела, что мастерица смотрит на меня, не моргая. Остро, жестко. Отслеживая каждую мельчайшую мою реакцию.

И тут же до меня дошло: она ждала, когда я начну кричать. Когда покажу страх. Возможно, и впрямь после этого меня можно было бы убить. Пауки укусили бы ненавистную шейсарку, и все. Невероятное приключение Эвисы в Стеклянном каньоне подошло бы к концу.

А Неями затем сказала бы, что не виновата в случившемся, ведь эти шейсарки ужасно припадочные, и к священным паукам их и вовсе допускать не следует.

Вот же вредная мастерица!

Я вернула ей ее тяжелый взгляд и широко улыбнулась. Клыков у меня, конечно, нет, но должно было получиться зловеще. По крайней мере, я на это надеялась.

Неями дернулась, как от пощечины, и прищурилась.

А пауки тем временем продолжали бегать по мне, щекоча маленькими лапками и пушистой шерсткой, как у домашних питомцев. Я даже подумала, что было бы здорово, если бы у меня в детстве был хотя бы один такой питомец. А что? Он мягкий, веселый, умеет шутить. А еще, если вдруг вся одежда пришла бы в негодность и новую купить оказалось бы не на что, такой товарищ быстренько сшил бы по моим меркам новое платье или плащик. И кормить его не надо! Выпустил на улицу, он себе мух наловил – и готово. Сплошная выгода!

Что-то такое, видимо, отразилось на моем лице, потому что Неями окончательно отвернулась от меня, скривившись.

Зато паучки ползали все быстрее и быстрее, и я начала замечать в их движениях какую-то последовательность. Они словно снимали мерки!

– Раздевайся, – приказала тогда мастерица над пауками, отойдя на шаг назад.

– Зачем? – опешила я в первый момент.

– Как зачем? – переспросила Неями так, словно у меня мозгов как у маринованного тираана. – Если пауки сошьют платье поверх твоего халата, то наряд сидеть не будет как надо.

Пришлось раздеться под неприятным, шершавым взглядом мастерицы. Похоже, она надеялась, что хотя бы от ощущения собственной наготы меня прорвет криками и стенаниями, но план не удался.

Пауки стали бегать по обнаженному телу, и щекотку сдержать было уже совершенно невозможно. Я хохотала, чесалась, стараясь не задеть маленькие пушистые комочки, но это было трудно.

Неями кривилась.

– Никакой дисциплины, – бурчала она себе под нос. Но, как ни странно, меня больше не ругала и не запугивала.

Зато мое тело стремительно обрастало тонкими белоснежными нитями, выстраивающимися в такие удивительные узоры, что никогда не создашь руками.

А еще, немного расслабившись и привыкнув к происходящему, я начала замечать, как странно меняется направление внимания в голубых глазах Неями, когда она смотрела на пауков. Сперва мне казалось, что она просто следит за работой дивных созданий. Но стоило посмотреть внимательнее, как я услышала в голове, где-то в глубине сознания, отрывистый шепот:

«Рукава... подол... длиннее... здесь хризолитовые капли... нет, хризопраз нельзя. Лишь Айяала достойна камня Красной матери и Великого Айша...»

Меня словно ударило молнией.

– Ты говоришь с пауками? – тихо спросила я, кусая губы оттого, что вынуждена обращаться к злобной мастерице.

Но я не могла сдержаться. Мне нужно было понять, что происходит на самом деле. Где кончается моя шизофрения и начинается здравый смысл?

Ведь это она сейчас говорила! Не могла же я все выдумать?

И может ли быть так, что Лориавель в чем-то ошиблась и правду знает мастерица пауков?..

Неями перевела на меня холодный снисходительный взгляд. Сперва я думала, что ответа мне так и не узнать. Однако через несколько мгновений женщина вздохнула и ее лицо неожиданно смягчилось.

– Конечно, я говорю с пауками. Как иначе мы сделали бы платье?

– Но... мне кажется, что... – я запнулась, ужасно нервничая.

– Ты слышишь мои слова, – кивнула мастерица, будто сама себе. – Ты слышишь то, что говорят пауки, даже если их голос не предназначен для ушей твоих. Это сложно, но так бывает.

– О чем ты? – не поняла я, но сердце сжалось, словно в тисках.

– Пауки не могут говорить так, как мы, – начала вдруг спокойно объяснять она, касаясь паутины на моем теле, что превращалась в дивный наряд, будто по волшебству. Маленькие ткачи вплетали в нити драгоценные камни, подкрашивали белый цвет крохотными каплями порошков, и наряд на глазах обретал светло-розовый оттенок, как у цветов рододендрона. – У них нет нам привычной способности к речи. И потому голоса их проникают сразу в разум, в самое сердце тех, кто способен «слышать». Они могут проноситься и через камень, потому что камень – плоть Красной матери, а лунный свет – ее кровь.

– Я сейчас ничего не поняла, – проговорила, рискуя вызвать гнев мастерицы, но не в силах вникать в хитросплетения ее речи. Мне нужно было понять все четко и твердо.

Слышу я пауков или нет? Есть ли во мне магия шаррваль?..

Неями поджала губы, но все же через мгновение ответила:

– Обычно пауков слышат лишь те, к кому они обращаются. Если в человеке есть паучья кровь и способен он говорить со священными посланцами богини, то ощутит мысленный призыв пауков, когда те обратятся именно к нему. Так слышит Лориавель и большинство других слышащих, чья сила слаба. Однако есть и те, кто способен паучий язык различать так, словно он человеческий. Это могут лишь самые яркие наследники погибших жрецов народа нашего. Те, в ком магия оживает сильнее, чем в других.

У меня мурашки пробежали по спине.

– Так могу я. Так можешь и ты, – закончила Неями, чем повергла меня в глубокий шок.

Впрочем, мастерица явно не собиралась праздновать счастливое событие – обретение в моем лице давно утерянной землячки. Она

просто отвернулась и снова стала говорить со своими пушистыми подопечными.

И теперь я и впрямь отчетливо слышала ее «паучий» голос!

«Галия уже... рисунок извивается, как ручьи искрящейся воды... шире декольте... турмалин на рукавах...»

И пауки шептали в ответ:

«Турмалин... хризолит... гематит... халцедон...

Лунный свет их в нити вплетет,

Минет ночь – цветок расцветет...»

Браслет на ноге снова нагрелся. Теперь уже и это не казалось мне случайностью или галлюцинацией. Нет, похоже, драгоценное украшение подавало мне какой-то знак.

Но какой?

Я бросила беспокойный взгляд на Лориавель, что сидела так далеко и так близко одновременно. И ее глаза горели, когда она смотрела на меня.

Дочка жреца не могла слышать ничего из того, что сказала мне мастерица Хрустальных пауков. Она еще не знала, что во мне все же есть магия шаррваль. А я не знала, стоит ли ей об этом говорить.

– Почему ты объяснила мне правду? – спросила я у Неями, когда все паучки наконец закончили свою работу и стали медленно отползать от меня, будто устали. – Могла бы солгать презренной шейсарской девчонке.

Я тоже устала, хотя ничего не делала, кроме как стояла с растопыренными в стороны руками. Они, кстати, отваливались так, словно я полдня таскала из колодца полные ведра воды.

Мастерица протянула ладонь, и по ней тут же поднялись несколько десятков пауков, облепив ее со всех сторон.

Секунда – и маленькие существа стали живой тканью, сливаясь с очертаниями ее тела. Едва сделав это, они замерли, и теперь белая поверхность получившегося наряда невероятно сильно напоминала то самое платье жрицы, что пряталось под паучьими телами: пушистая белая ткань с красными каплями драгоценных камней-глаз.

Пауки стали настоящей одеждой!

Я задержала дыхание, не веря своим глазам. На мне тоже был совершенно умопомрачительный драгоценный наряд, но гораздо больше восхищал не он, а его создатели.

Хрустальные пауки оказались просто волшебными.

– Мои маленькие друзья приняли тебя, – с неожиданной теплотой ответила Неями, глядя на меня на этот раз без злобы или пренебрежения. – А это значит, что ты не такая, как другие.

И больше ничего. Она просто развернулась и ушла прочь, и стаи белых снежинок с красными глазами ушли вместе с ней, спрятавшись в мягких коконах паутины.

«Спасибо», – шепнула я напоследок про себя. Не жрице.

Паукам.

Не знаю, слышали ли они. Но я просто не могла не поблагодарить маленьких существ, которые сотворили чудо и ничем не обидели меня.

Едва я это сказала, как мне показалось, будто один белый паучок мелькнул из полотна паутины. Обернулся и посмотрел на меня красными капельками глаз, но тут же скрылся в толпе своих собратьев и исчез.

– Ну что, пора возвращаться? – всплеснула руками Лориавель, подбежав ко мне. – Платье восхитительное просто!

Она водила рядом с ним руками, боясь притронуться и одновременно желая пощупать его со всех сторон.

А я смотрела вслед исчезнувшей мастерице и ее маленьким питомцам. Страх уже давно не было, и в груди поселилось странное, немного щемящее чувство.

Браслет на ноге был теплым.

– Пойдем скорее, – потянула меня назад Лори. – Еще много нужно подготовить. Да и перекусить не помешает! Мы тут провели несколько часов!

А я и не заметила, что прошло так много времени.

Как мы вернулись в теларан, я даже не запомнила. Лориавель о чем-то болтала всю дорогу, а я думала только о маленьких белых паучках, которые вместо того, чтобы пугать, щекотали меня и веселились. Думала о родителях, которые и впрямь, похоже, много лет назад жили в Стеклянном каньоне. Думала о том, что если бы меня не подбросили на порог теткиного дома, то я могла бы сейчас быть

частью этого мира. Подземного, таинственного и пугающего, но, безусловно, чарующего.

Что бы изменилось тогда внутри меня? И как вышло, что спустя двадцать лет Рок вернул меня туда, где, похоже, я родилась?..

Трое суток до праздника в честь Цветка рододендрона пролетели почти мгновенно. До этого момента я не видела в теларане ни Джерхана, ни Великого Айша. Они словно нарочно не приходили, чтобы свести меня с ума или... дать привыкнуть к своей новой роли.

Но когда подошел назначенный день и я уже стояла в комнате в полном облачении, дверь распахнулась, и на пороге появился Великий Айш. В своем удивительном паучьем облике, к которому я теперь почему-то относилась не вполне так, как прежде...

Глава 10

«И челюсти в белом яде
Пронзят в колдовском обряде...»

(из уличной шейсарской песенки)

Он вошел в теларан, как царь. Нет, как недостижимое божество, облаченное в золотые браслеты и драгоценные камни. Его длинные камышовые волосы до середины спины лежали волнами. В них играли медные и красноватые блики от лампад в руках слуг, что рассредоточились в коридоре позади.

Айш пришел со свитой. Шаррвальцы в церемониальных одеждах склонили головы и ждали-ждали-ждали.

А у меня все застыло внутри. Я не могла сдвинуться с места и видела только горящие зеленые глаза, глядящие на меня через все пространство комнаты.

– Эвиса, должна ты встать рядом с Великим Айшем, – в который раз шепнула мне на ухо Лориавель, что обещала сопровождать меня на всех важных мероприятиях. – Не бойся, я же говорила, что недолго это. Всего-то нужно показаться Стеклянному каньону.

Да-да... Всего лишь показаться. Дать понять всему народу шаррвальцев, что я приняла уготовленную мне участь. Что я согласна быть алой – надеждой для подземного племени.

Как после этого я смогу сбежать? Оставить их?..

Еще вчера праздник цветка рододендрона мне казался и впрямь простой формальностью, очередным поводом вкусно покушать вечерком. А сейчас, стоило увидеть сверкающую фигуру Великого Айша и людей, что стояли у него за спиной и смотрели на меня, как на очередное чудо, все внутри начало обмирать от ужаса и несогласия.

Я не хочу быть чьей-то надеждой! Я хочу домой!

Браслет на ноге так некстати нагрелся, словно намекая, что, вообще-то, судя по словам мастерицы Неями, мой истинный дом на самом деле здесь.

Я скривилась. Драгоценный паук хельсарх не говорил ни слова. Даже не шевелился, застыв у меня над лодыжкой как влитой. Вшитый в мышцы. И все же, стоило мне самой для себя признать, что во мне есть кровь шаррваль, как стало казаться, будто я понимаю его – понимаю металлический браслет!

Абсурд... Я сходила с ума в этом месте. В громадном каменном мешке с тысячами нор, вырытых солаанами, со светящимися грибами, от которых мутился рассудок. С Великим Айшем – наполовину человеком, наполовину пауком, который уже не казался мне чудовищем. Он не казался мне даже странным! Словно его паучьи ноги – просто интересная особенность.

Я сходила с ума!

– Давай подойди к нему, – уже настойчивей зашептала Лориавель. – Ты должна сама встать рядом, порядок такой.

Я наконец услышала, что люди за спиной Айша не только смиренно ждут моего выхода, удерживая в руках лампы, красиво украшенные цветами и гроздьями светящихся грибов, но и напевают что-то. Какую-то тихую песню.

Глубоко вздохнув, я шагнула вперед, стараясь не думать, выкинуть из головы все мысли, от которых стало слишком громко. Душно.

Светло-розовое, как цветочный пух, платье, сшитое пауками, стелилось по полу у меня за спиной, капли камней на ткани блистали в желтоватом свете, делая меня похожей на какую-то драгоценность... на звезду, упавшую с неба и сверкающую в темноте тоннелей.

Еще шаг – и я стала слышать мягкую мелодию дудочек: в коридоре стояли музыканты и сопровождали мой выход.

Я должна была просто встать рядом. Большого от меня не требовалось. Так мы с Айшем и должны были прошеествовать по коридору цветов – одному из восьми коридоров, что вел к центру – теларану, образуя собой переплетение подземных ходов в форме паутины.

Теларан – по-паучьему именно это и означало. «Паутина». Но смысл названия стал мне ясен лишь сейчас. Паутина переходов и нор, а еще – дом для Великого Айша, самого большого паука.

Так мы и шли по алому ковру, вышитому цветами, под музыку и пение, пока впереди не показался один из широких балконов. Тот, с которого была видна громадная площадь перед дворцом. И сейчас эта площадь была целиком наполнена шаррвальцами.

Шум толпы стал слышен еще издалека, накладываясь на шум у меня в голове. А потом я увидела сотни, тысячи людей. Они теснились в огромной пещере, освещаемой лишь светом гигантских тираанов. Что-то кричали, подкидывали в воздух маленькие поясные сумочки, что иногда крепились к одежде местных жителей.

Некоторые даже умудрились залезть на шляпки громадных грибов и кричали что-то оттуда.

А еще я заметила, что через толпу то и дело прорывались мужчины и женщины в одежде дворцовых слуг. Они носили на шее крупные бурдюки с каким-то напитком и наливали всем желающим.

– Это водяная настойка на десяти грибах, в том числе на тираане, – шепнула мне на ухо Лориавель, что не покидала меня ни на секунду, стоя за спиной на расстоянии шага. – Раздают ее жителям каньона бесплатно в честь праздника, традиция такая.

Традиция мне понравилась. Кажется, в Шейсаре никогда и ничего не раздавали бесплатно.

Как только мы застыли на широком, украшенном свечами балконе, толпа зашумела. Люди поднимали в воздух руки, усиленной кидали сумочки.

Они были рады. А мне было стыдно. Обжигающе стыдно за то, что я занимала чужое место...

Но разве я должна была беспокоиться о том, к чему меня принудили насильно?.. Это хорошо, что дома, на поверхности, у меня не осталось ничего такого, по чему можно было бы особенно скучать. А если бы это было не так?

Что, если бы у меня там было десять детей, любимая змея и больная мать с отцом? Что, если бы там остался муж?..

«Но у тебя нет ни мужа, ни детей... – шепнул внутренний голос. – И мать с отцом, может быть, где-то здесь...»

– Приветствуйте Великого Айша и его алу, благословенную Красной матерью и лепестками рододендрона! – провозгласил вдруг голос Ильхамеса, неизвестно откуда раздающийся.

Я вздрогнула. Толпа заревела еще сильнее.

– Да будет свидетелем священный глаз Стеклянного каньона, что цветок распустился!

Шум в ушах перекрыл все вокруг.

Повернув голову в сторону, я заметила блестящий взгляд царицы Фелидархат. Она сидела чуть правее нас с Айшем в кресле, кажется сделанном из чистого золота. Несколько служанок обмахивали ее большими меховыми опахалами, и маленькая повелительница каньона выглядела просто сногшибательно в платье, сотканном из тонких цепочек, звенья которых перемежались с крохотными зелеными камнями.

«Хризопраз», – мелькнуло в голове. Зеленый камень – божественный и священный, как сердце Красной матери.

Как глаза Великого Айша...

Я видела под платьем идеальное тело царицы. Даже ее маленькие полные груди с ярко-красными ареолами и твердыми вершинками сосков...

Царица казалась тысячекратно красивее меня в церемониальном наряде от волшебных Хрустальных пауков, хотя и мое платье выглядело неземным по своей красоте. И все же вызывающий вид царицы не позволял оторвать от нее взгляд.

Сама она вальяжно развалилась в кресле-троне и с легкой улыбкой следила за церемонией, будто не предполагая, насколько привлекает взгляды всех окружающих. Заметив мое внимание, она едва заметно кивнула и улыбнулась шире. Мне даже казалось, что она вот-вот поднимет руку и подрыгает пальцами, как это всегда делала Лориавель.

Но Фелидархат осталась неподвижна, а затем и вовсе отвернулась, с улыбкой глядя с балкона вниз. Она казалась веселой и невозмутимой.

Вот кому этот праздник был как рыбе – вода.

Не мне.

– Отныне и навеки да будет Красная мать свидетельницей, – продолжал вездесущий голос Ильхамеса – жреца, которого так и не стало видно, – и да продлится союз Великого Айша и его алы вечно!

У меня помутилось перед глазами.

Это было уже похоже на свадьбу.

«Тебе нужно всего лишь пару минут постоять рядом», – мелькнул в голове голос Лориавель.

И вдруг Великий Айш взял меня за руку.

Это было как гром среди ясного неба. Вроде бы ничего ужасного не произошло, но я поняла, что порядок церемонии был нарушен, потому что толпа вдруг замолкла. Мгновенно по огромной площади разлилась гнетущая тишина. И только десяток дудочек в руках служителей все еще продолжали изливать на нас свою тихую мелодию.

А затем Айш медленно притянул меня к себе. Одна его рука опустилась на мою талию, вторая коснулась подбородка, заставляя меня поднять голову и глядеть только на него.

Хотя я и так не могла больше смотреть хоть куда-либо. Я видела перед собой только его красивое лицо, только жгучую нефритовую зелень его глаз, пылающую в полумраке пещеры ядовитым огнем.

А потом он меня поцеловал. Наклонился, зарывшись рукой в моих распущенных и уложенных для церемонии волосах, и коснулся губами так... что я перестала помнить, где нахожусь.

Толпа где-то далеко-далеко за спиной начинала потихоньку оттаивать, шум медленно, по нарастающей наполнял громадную пещеру, отражался от стен. Но я не понимала его, не слышала. Что это был за звук: ярость или радость? Нравилось ли шаррвальцам то, что они увидели, или, наоборот, это их разозлило?

Я не знала. Потому что чувствовала на губах горячие губы, ощущала, как сильные пальцы сжимают мои волосы на затылке, а язык медленно вторгается в мой рот... Ослепляюще, оглушающе медленно, словно растягивая удовольствие, рассыпая его раскаленными искрами по моему сознанию, проносясь по нервным окончаниям рассекающим ударом хлыста.

Я таяла и разгоралась в его руках. И это было ни с чем не сравнимое ощущение. Никогда прежде я не испытывала ничего подобного.

И осознание этого простого факта вдруг стало для меня громом среди ясного неба.

Мне было хорошо с ним. С Великим Айшем или с Джерханом – неважно. Несмотря на то, что я почти не знала этого мужчину, и уж тем более не понимала всего того, что составляло его диковинную полубожественную сущность, я все же хотела быть с ним рядом.

Он увлекал меня, интриговал и принуждал кровь в венах кипеть. Он заставлял меня чувствовать себя так, как я не чувствовала себя рядом ни с одним мужчиной до него.

А это означало одно: выход из Стеклянного каньона я искать уже не буду. И пусть это глупо или странно. Пусть кто-то скажет, что я смирилась со своей участью жертвы или и вовсе мой разум помутился из-за длительного пребывания в пещерах демонов.

Я знала, что это не так. Поняла только что – под громкий рев толпы, который наконец вывел меня из умопомрачения вместе с поцелуем, который внезапно разорвался.

Пульс стучал в ушах. Айш смотрел на меня огромными зелеными глазами, горящими в полумраке, и казалось, что один этот взгляд говорит больше, чем тысячи слов, которые он мог бы сказать.

А затем он развернулся вместе со мной к шаррвальцам, прижал меня к себе и несколько мгновений просто смотрел вниз. Туда, где беснующаяся толпа вытворяла нечто невероятное. Люди прыгали, залезали друг другу на плечи, подкидывали в воздух уже не только сумочки, но и все, что принесли с собой. Стаканы, фляжки с водой, кто-то снимал одежду и подбрасывал ее.

У меня горели щеки.

Судя по всему, положенное время пребывания на балконе прошло, и Айш развернулся, не выпуская меня из своих объятий, а затем повел обратно по коридору к теларану.

Все внутри у меня кипело.

Я шла совсем близко к нему, где-то между первой паучьей лапой и второй, а сам Айш опустился почти к самому полу, чтобы иметь возможность касаться меня.

Только дудочки продолжали играть тихую пронзительную мелодию, а наши сопровождающие шли в полном молчании. Но я видела взгляды, которыми они обменивались и которые периодически

кидали на нас. В них был какой-то скрытый восторг и радость, восхищение, от которого становилось не по себе.

Впрочем, после того, как мне стали ясны собственные чувства, именно они смущали гораздо сильнее всего остального.

Когда мы вошли в теларан, двери за нами захлопнулись, и вся толпа осталась позади. Каменная перегородка отрезала от окружающего мира, и, пройдя чуть глубже в первую комнату, я обнаружила, что для нас накрыли совершенно шикарный праздничный стол!

В центре него стояли низкие вазы с розовым рододендромом и другими маленькими соцветиями белого, голубого и прочих оттенков этих цветов. В них были воткнуты красивые толстые свечи, от которых едва заметно пахло розами, а по бокам красовались маленькие гроздья светящихся грибочков.

Из блюд я успела заметить и шкварчащее на сковороде мясо, и грибы в самых разных видах, и ягоды, и даже какие-то восхитительные десерты с кремом. А ведь в Стеклянном каньоне не было ни молока, ни сливок! Из чего все это великолепие создавалось, можно лишь гадать.

А еще на столе призывно поблескивали несколько кувшинов вина и два бокала, окованных серебром и золотом.

Несмотря на то, как я была смущена происходящим, в желудке заурчало.

Но гораздо хуже было другое!

Глядя, как Великий Айш неторопливо подходит к высокому столу-грибу, я невольно протянула руку к шее...

Мне в голову вдруг пришло такое, от чего еще пару дней назад бросило бы в ледяную дрожь.

На шее было пусто. Но мысль, мелькнувшая в голове, не давала покоя.

Великий Айш тем временем расположился у стола и, призывно махнув рукой, предложил мне сделать то же самое. Я беспокойно улыбнулась и устроилась напротив, не без труда взгромоздившись на высокий стул.

Стол, накрытый на две персоны, оказался в таком необычном месте, что теперь, когда мы сидели за ним, казалось, что статуи, наполняющие теларан, со всех сторон смотрят именно на нас.

Слева каменный потолок подпирала громадная женская фигура, и на этот раз, когда благодаря необычному стулу я оказалась значительно выше от пола, чем прежде, стал лучше виден ее немного ироничный взгляд.

Справа стена поворачивала, образуя закуток, в котором мы и находились, а из его торца на нас глядела уже мужская фигура. Прежде я не обращала на нее внимания, потому что никогда не останавливалась в этом закутке целенаправленно. Теперь же наше положение оказалось таково, что обнаженный каменный мужчина будто бы глядел именно на меня. Стоило повернуть голову, и я встречалась взглядом с замершими, вытесанными из гранита глазами, инкрустированными... зеленым нефритом.

Быстро схватив бокал, я налила себе из кувшина немного прохладной настойки и тут же выпила.

Щеки горели.

Каменный мужчина был прекрасен, казалось, что он смотрит на меня с недвусмысленным интересом, но почему-то смущало не это. А то, что этот интерес будто воспламенял изнутри и... заставлял думать про Великого Айша.

К нему самому я, кстати, тут же и повернула голову, к своему стыду заметив, что он смотрит на меня не отрываясь. Вряд ли от него могло укрыться мое внимание к голой статуе.

Однако Айш, как всегда, молчал. Его губы были скрыты каменным бокалом, окованным драгоценными металлами, и взгляд из-под тьмы бровей становился еще более пронзительным.

– Что будет после ужина? – спросила я вдруг, и этот вопрос своей двусмысленностью как звоном битого стекла разорвал тишину.

Я покраснела еще сильнее.

Айш улыбнулся.

Из-под мягких губ, окрасившихся в темно-алый из-за цвета напитка, блеснули кончики мирайских клыков.

Неями сказала, что Великий Айш так же ядовит, как и любой паук. Это не должно было особенно пугать, ведь наги тоже были ядовиты, и в Шейсаре это считалось чем-то в порядке вещей.

Но меня почему-то эта мысль чрезвычайно будоражила.

– А чем бы ты хотела заняться после ужина? – тихо переспросил Великий Айш. Его низкий голос прокатился внутри меня мягкой

волной.

Вопрос задан, отступить было уже поздно.

– Мне трудно понять ваши шаррвальские правила, – начала я неторопливо объяснять, сглотнув слюну в пересохшем горле. – Не знаю, зачем ты представил меня всему Стеклянному каньону, не понимаю, почему поцеловал на виду у всех. А ещё я не имею ни малейшего представления, каковы будут твои дальнейшие действия.

– Ты боишься, – констатировал мужчина, никак не среагировав на мою тираду. На его губах больше не было улыбки, и маленькие острые клыки перестали быть видны. – Тебе не стоит бояться, ала. Я не трону тебя... и когда закончится ужин, я уйду. На сегодняшний день для тебя хватит потрясений.

Что-то глухо ухнуло в желудок.

Самым болезненным оказалось то, что я вовсе не хотела, чтобы он уходил. И та острая невероятная мысль, что поселилась у меня в голове несколько минут назад, сейчас вспыхнула ещё ярче.

Айш не должен был уходить.

Мне вдруг стало предельно ясно, что всё его предыдущее поведение – это попытка приручить меня, сделать так, чтобы я перестала бояться огромного чудовища с паучьими ногами. Он не брал меня силой, но укрощал, доставляя удовольствие.

Однако правда была в том, что я никогда не боялась его по-настоящему, а теперь исчезли даже самые крохотные опасения.

А потому я хотела, чтобы он остался. Хотела узнать его лучше, понять, из какой паутины соткана его душа, мечтала дотрагиваться до него, видеть его глаза, направленные на меня... и, чего греха таить, жаждала ощущать поцелуи на своём теле.

Почему-то именно сейчас мне показалось, что если бы Айш остался, я смогла бы не только почувствовать его, но и понять.

Возможно ли, что ни одна девушка до меня так и не забеременела как раз потому, что Айш щадил их чувства так же, как мои? А может быть, наоборот: имея печальный опыт с другими, он решил не притрагиваться ко мне как можно дольше?

Был шанс все это узнать.

В любом случае я решила, что сегодня из теларана не выпущу Айша до тех пор, пока он не ответит на все мои вопросы... а может, и ещё дольше.

С осторожной улыбкой я встала, обошла стол по кругу и разлила нам в бокалы ещё немного настойки. Айш неотступно следил за моими движениями, но не думал мешать или комментировать.

Впрочем, к его немногословию я почти привыкла. Мне это даже начало нравиться.

– Скажи мне, Великий, со всеми ли девушками ты был так обходителен, как со мной? – спросила я тогда, отставляя кувшин и будто случайно наклоняясь чуть ближе.

Я снова оказалась совсем рядом с его громадными паучьими ногами, блестящими чёрной сталью и украшенными драгоценными золотыми браслетами. Будто невзначай провела по гладкой поверхности хитиновых пластин, замечая, как вспыхивает огонь в глубине ярко-зелёных глаз.

Великий Айш не двигался, словно замороженный. А мое сердце билось так быстро, что, казалось, от его стука можно оглохнуть.

– Не со всеми, Эвиса, не со всеми, – тихо ответил Айш и вдруг схватил меня за руку, медленно поднеся кисть к губам.

В висках застучало, мгновенно стало на несколько градусов жарче.

– Но недавно я понял, что торопиться не стоит. Ночь сменяет день, осень следует после лета, и таков порядок вещей, сокровище, – продолжал он невозмутимо.

А меня буквально встряхнуло от этого его рокочущего «сокровище».

Не знаю, сказал он это случайно или нарочно, но я вдруг ощутила на себе магию его слов, от которых все вокруг менялось, становилось горячее, насыщеннее.

– А скажи мне, – медленно проговорила я, замирая напротив него и не торопясь уходить обратно к своему стулу. – Могу ли я звать тебя Джерханом, или ты предпочитаешь другое имя?..

В этом вопросе крылось так мало и так много одновременно.

Айш замер, не отпуская мою руку, которую только что целовал. А затем медленно склонился ко мне, скользнул щекой по моей щеке, заставляя сердце ещё сильнее ускорить бег. И коснулся губами уха:

– Ты можешь звать меня так, как пожелаешь, Эвис-с-са, – низко проговорил он.

Воздух вырвался из лёгких, ударив снопом мурашек по шее, вдоль позвоночника и вниз. И из груди вырвался еле различимый звук...

Я не хотела, правда. Так вышло само. Просто глаза вдруг закрылись от горячего дыхания, что обожгло кожу, от лёгкого прикосновения губ, и я потеряла связь с реальностью.

Но он услышал.

– Мрак, Эвис-с-са... – хрипло выдохнул вдруг Айш, опрокинув меня на стол и закрыв собой все вокруг.

Воздух выбило из лёгких, жар ударил в голову, а под желудком будто разлилось озеро огня.

Паучьи боги, как же, оказывается, я хотела ощутить его прикосновения!

Айш прикусил меня за мочку, а затем опустился по шее вниз, касаясь носом разгоряченной кожи и хищно, дико втягивая... запах.

Я почти не замечала, что стаканы на столе упали, один кувшин выплеснулся на ковер.

– Но как бы ты ни звала меня, я тот, кто я есть, – проговорил Айш хрипло, целуя меня, прикусывая основание шеи и одновременно вдавливая пальцы в мои бедра, между которыми внезапно оказался сам.

Я чувствовала, как прижимается его тело к моему, как жар проникает сквозь тонкое платье, которое, казалось, просто жизненно необходимо снять.

Я хотела его. Хотела, чтобы он был со мной, *во мне*. Чтобы сводил меня с ума поцелуями и шептал мое имя своим низким, грудным голосом. Хотела, чтобы он стал первым мужчиной в моей жизни.

И полупрозрачной перегородкой нижнего белья, которое для меня также сшили Хрустальные пауки, я ощущала, что Айш хочет того же самого.

В обычной своей полубожественной ипостаси человеческое тело Великого переходило в паучье так, словно первичных половых признаков у него вовсе не было, а основание живота и пах устлали хитиновые пластины. Точно так же, как было и у мираев, разве что у последних там была золотистая змеиная чешуя.

Однако в возбуждённом состоянии становилось ясно, что хитиновые ромбики скрывают что-то совершенно недвусмысленное.

И мне от этого становилось только горячее.

Айш целовал меня исступленно, жадно, и его голод в полной мере передавался мне. А возможно, мой собственный был ещё сильнее. Я не верила сама себе, не верила, что меня и впрямь ничего не сдерживает. Что я не стремлюсь больше ни на поверхность, ни домой. Ни сбежать, ни скрыться.

Я хотела быть здесь. И с ним.

Однако Айш оказался верен своему слову. В какой-то момент он вдруг резко отстранился, выпрямившись на руках, упёртых в стол, и тихо выдохнул:

– Нет...

Этим одним коротким словом окатив меня как ведром ледяной воды.

Затем он неторопливо отодвинулся, тяжело дыша, и, подав мне руку, помог слезть со стола. Даже платье поправил!

У меня горели щеки, грудь, все тело. Я ещё ощущала на себе жар его губ, но уже не чувствовала их. И это сводило с ума.

Огромные паучьи ноги выпрямились, делая Айша значительно выше меня, почти недосягаемым.

Он собирался взять и уйти!

Я не заметила, как до крови прокусила губу.

Если бы он ушел, это было бы правильно. Ещё не хватало мне переспать с полубогом и забеременеть от него маленькими симпатичными паучками! И это после первой же ночи с мужчиной в моей жизни! Нет уж!

И все равно мне страшно не хотелось его отпускать. Меня впервые в жизни так сильно раздирали противоречивые эмоции, что я не выдержала и бросила:

– Почему ты уходишь? Может, я не нравлюсь тебе? Может, я недостаточно красива для полубога?

Пальцы на руках, спрятанных за спиной, подрагивали, но я не замечала. Все мое внимание было направлено только на Айша, который не сводил с меня темных глаз.

И вдруг стало страшно. Вдруг я и впрямь недостаточно привлекательна?..

На Кожевенной улице квартала Моллюсков, где располагался домик моей тетки, я никогда не считалась видной красавицей. На меня никогда особенно не обращали внимания, да и времени на встречи с

парнями я не чень-то имела. Все уходило на работу по дому и помощь в хозяйстве.

А теперь... может, на самом деле в этом и было дело? Ведь не только але должен понравиться Великий Айш, но и наоборот!

Может, я просто ему не нравилась?..

Пока я мучилась от стыда за произнесенный вопрос и за собственные мысли по этому поводу, Айш наклонился ко мне, мягко обхватив пальцами подбородок.

– Ты самая красивая из всех, Эвис-с-са... – в его голосе проскользнул едва заметный шелест, словно воспоминание о змеином языке. Шелест, от которого у меня на секунду потемнело перед глазами. – И поэтому я не хочу пугать тебя. Не хочу торопить день... Рано или поздно ночь настанет сама...

С этими словами Айш отпустил меня, и я поняла, что он вот-вот уйдет.

А я была к этому не готова! Нет и не сейчас!

Острая и сумасшедшая мысль воплотить в жизнь невероятный план стала почти нестерпимой.

– Постой! – воскликнула я, и от страха за исход авантюры меня бросило в жар.

Ладони вспотели.

Великий Айш обернулся и с лёгкой улыбкой приподнял бровь.

Мышцы на его обнажённом торсе перекачивались в свете янтарных свечей, золото на браслетах и кольцах горело огнем.

– Давай выпьем напоследок по бокалу, а потом пойдешь, а?

Не знаю, кто меня за язык дёргал. Наверное, всё подземные демоны. Хотя если учесть, что, кроме шаррвальцев, под землёй никого нет, то, видимо, и на демонов сваливать бессмысленно.

Все, что произошло дальше, было результатом лишь моих действий. И моего жгучего, как яд, желания.

– Хорошо, – покорно кивнул Айш и неторопливо подошёл обратно к столу.

– Сейчас, я только новые бокалы возьму! – воскликнула я, когда Айш наклонился, чтобы поднять старые, так кстати упавшие на пол.

Скрывшись в соседней комнате, я ринулась к стене. Там стоял высокий, встроенный в камень комод, окованный медью и

напоминающий сундук, что держала в лапах большая выдра или какой-то бурундук.

Я быстро откинула крышку и достала оттуда ожерелье, что подарила Лориавель. Отстегнула одну бутылочку, содержимое которой было мне прекрасно знакомо, и ринулась к шкафу с бокалами и столовыми приборами.

«Эта настойка способна наслаждение любви поднять на небывалый уровень и голос страсти заодно усилить...» – звучал в голове голос дочки жреца.

«Всего пары капель хватит...»

На всякий случай я вылила в бокал десять. Десять капель концентрированной настойки черномгриба. Ведь работать ей предстояло не с человеком, а с полубогом! Может, и махнула лишнего, но думать было уже поздно.

Быстро отнеся бокалы к столу, где меня до сих пор ждал Айш, залила капли одним оставшимся в живых кувшином настойки. Другой-то расплескался по полу.

От страха у меня подгибались ноги. Я уже десять раз пожалела, что решилась на эту авантюру!

Айш взял протянутый бокал и с тихим звоном ударил им по моему. Затем стремительно поднес напиток к губам, сделал большой глоток и... замер.

А затем медленно, оглушительно медленно поставил бокал на стол, не сводя с меня глаз, что начали светиться в полумраке.

И мне как-то вмиг стало ясно то, чего я не понимала прежде. Что Великого Айша должно быть очень трудно обмануть с содержимым напитка, ведь он бывший миррай, наг! А значит – обладатель на редкость острого обоняния!

Получалось, что я секунду назад опоила полубога, и прямо сейчас он это прекрасно понял.

Вот же я попала!

Это было по-настоящему пугающе. Когда Айш выпрямил острые лезвия обсидианово-черных паучьих ног и медленно вышел из-за стола. Обогнул его и подошел ко мне, надвигаясь с неизбежностью бури. Так бывает, когда ты видишь издали, как страшно темнеет небо на горизонте и антрацитовая тьма становится все ближе.

Дыхание становится рваным, прерывистым. Пульс зашкаливает, от подскочившего давления перед глазами вспыхивают мелкие разноцветные точки.

– Я... – вырвалось у меня из горла, когда он оказался слишком близко и, опершись одной рукой о стол, склонился к моему лицу. Вся его огромная фигура, полубожественная, получеловеческая, от которой, будто шлейф духов, распространялась аура власти и скрытой магии, почти касалась меня.

Но Айш ничего не говорил. Я лишь видела – сейчас прямо напротив своего лица – его огромные, широко распахнутые зеленые глаза, внутри которых будто пробуждался живой огонь. Голодный и дикий. Он вспыхивал внутри изумрудным ядом, всполохами жажды, то и дело вырывающимися за черту темного ободка радужки. Будто этот огонь вот-вот хотел заполнить собой все пространство благородного голубовато-белого белка его глаз, превратив лицо Айша в настоящее ожившее божество.

Я сама не заметила, как вцепилась руками в основание стула, и в этот момент Айш вдруг обхватил мой подбородок рукой. Одновременно неторопливо и резко, так, как двигался бы паук, если бы хотел поймать мотылька: сперва всполохом молнии двинулся к жертве и лишь затем замер, когда она оказалась бы целиком опутана его смертоносной паутиной.

Именно так Айш медленно склонился к моим губам, запечатлев на них короткий обжигающий поцелуй.

Горячую печать...

Я забыла, как дышать.

А затем он отстранился на миг. Но уже через секунду, не выпуская моего подбородка из своих пальцев, прошептал низко и хрипло в самые губы голосом, от которого все внутри перевернулось и вспыхнуло пламенем самой глубокой бездны:

– Ты хотела этого сама...

И мир вспыхнул, чтобы взорваться вспышкой чудовищной жажды, когда после этих слов Айш резко обхватил меня, подняв в воздух легко, как подушку, набитую пухом и перьями. И прижал к себе, удерживая за бедра, вдавливая в свое тело и заставляя невольно обхватывать себя ногами. Его губы снова накрыли мои, но на этот раз в

этом движении уже не было осторожности, только пылающий, разъедающий все вокруг голод.

Его язык проник в меня страстно, горячо, присваивая, подчиняя, одновременно с тем, как одной рукой Айш зарылся в мои волосы, стягивая их и еще сильнее вжимая меня в собственные губы.

Я уже не видела ничего вокруг. Чувствовала только его тело, сплетенное с моим, его обнаженный торс, горячо сминающий мое колдовское платье, сшитое дивными Стеклянными пауками.

Желание почувствовать животом, грудью прикосновение к его коже стало почти нестерпимым. И когда Айш вдруг дернул прочную ткань, заставив ее разорваться и буквально растаять в его руках, я была почти счастлива, хоть и не понимала, как это произошло.

И одновременно с тем мне никогда еще не было так сильно жаль наряда.

Впрочем, гораздо больше меня беспокоил нервирующий страх, застывший шаровой молнией под желудком, от которого было пьяняще-горячо, но при этом мои пальцы, впившиеся в твердые как камень мужские плечи, продолжали подрагивать.

«Что я натворила?..»

«Как хорошо, что я это натворила...»

В голове крутились тысячи мыслей, переходя одна в другую, убивая меня страхом и возрождая заново поцелуями Айша.

«Не хочу быть матерью для паучьего племени».

«Хочу, чтобы ты касался меня...»

«Ты меня пугаешь».

«Пожалуйста, останься со мной навсегда...»

Большую часть этих мыслей я не понимала, не отдавала себе в них отчета, но они все равно горели, оставляли ожоги внутри.

В какой-то момент я слишком неожиданно поняла, что полностью голая в объятиях огромного полупаука, который исступленно целовал меня, оставляя на коже сладкие алые отметины.

Грудная клетка Айша двигалась тяжело и быстро, его мышцы казались будто налитыми сталью, и каждое его прикосновение отзывалось нереализованным желанием, которое грозило вот-вот разорвать на части нас обоих.

– Эвис-с-са... – тихо прошептал он, на короткое мгновение отстранившись от меня и взглянув в глаза.

А у меня сердце едва не остановилось. Напряжение скрутилось внизу живота тугой спиралью, которая неожиданно натянулась еще сильнее, когда я посмотрела на Айша в ответ.

Зеленые радужки полностью заполнили глаза.

Это было довольно пугающе, но почему-то страх меня больше не брал. Я лишь еще сильнее пьянела от темного предвкушения, от странного, застилающего все вокруг исступления и желания ощутить Айша так, как никогда прежде.

Я уже не видела его паучьих ног и видела одновременно. Для меня он был просто мужчиной, которого я хотела больше всего на свете.

Айш прижал меня к стене, одним движением выбив воздух из легких, и при этом мы оба продолжали неотрывно глядеть друг на друга, будто между нами шел мысленный разговор. И тут же он сделал оглушительно медленное движение вдоль моего тела, сжав мои бедра.

Между ног, прижатых к нему, по обнаженным и самым чувствительным местам скользнула выпуклая гладкость блестящих хитиновых пластин, которые вдруг показались невероятно горячими.

Я тихо выдохнула и тут же задержала дыхание, когда по нервам ударило пряное удовольствие. Перед глазами потемнело.

Желание поднялось на какой-то совершенно невероятный уровень. Мне было тяжело дышать. Свинцовая тяжесть внизу живота отдавала сильной ноющей пульсацией, которая с каждым мгновением усиливалась от скользящих движений.

Я отдаленно понимала, что внизу уже вся мокрая. Но почему-то мне не было стыдно. Туманная дымка заволокла взгляд, и сквозь нее я видела только горящие, целиком наполненные зеленым огнем глаза Айша. Глаза, в которых читался голод и... восторг? Словно он глядел не на меня, а на что-то, что ему очень нравилось.

Этот взгляд наполнял меня внутренним пламенем, уверенностью, от которой становилось тепло. Силой, в которой хотелось раствориться.

В какой-то момент сладкая пытка медленными движениями стала почти невыносимой, и я не сумела сдержать себя, еле слышно прошептав:

– Джерхан...

От испуга я распахнула глаза, боясь, что Великого Айша разозлит имя, которое принадлежало миру – другой его половине. Не ему.

Но произошло нечто странное. Его глаза распахнулись чуть шире, а в глубине зеленого огня мелькнул черный вертикальный зрачок.

Я глядела на него как замороженная, одновременно чувствуя, что пластины там, внизу, бесследно исчезли. И вместо них меня теперь касается твердое как камень, сводящее с ума мужское желание.

– Скажи еще раз, – вдруг хрипло попросил Айш, и из-под его губ мелькнули знакомые тонкие клыки, которые, казалось, сейчас стали чуточку длиннее. Создавалось впечатление, что теперь, если бы он попытался их спрятать, у него ничего бы не вышло.

– Джер...хан... – с придыханием проговорила я, не в силах оторвать взгляд от этих клыков и чувствуя, как скользит по влажному огню у меня между ног горячая твердость.

И едва я это произнесла, как Айш закрыл глаза, одновременно склонившись к моей шее и оставляя на ней горячий поцелуй. А затем вдруг его огромный член в последний раз скользнул по моим раскрывшимся складочкам, уперевшись в слишком плохо защищенное природой место.

Я задержала дыхание, зажмурившись, каждая мышца в теле натянулась.

И Айш толкнулся в меня, раз и навсегда сделавшись первым мужчиной в моей жизни, растягивая меня до предела, наполняя собой так сильно, что казалось, будто это и вовсе невозможно.

Но что самое невероятное – одновременно с этим поцелуй на моей шее сменился вонзившимися клыками.

Я едва успела распахнуть глаза от испуга и удивления, как ощутила вошедший в вены яд.

Огонь разошелся по крови так быстро, что боли от потери невинности я не ощутила даже минимальной. Все тело обьяло пьянящим жаром, и плоть Айша, теперьдвигающаяся во мне резко и ритмично, сильными толчками вбивающая меня в каменную стену за спиной, с каждым мгновением разжигала пожар все сильнее.

Прежде я не могла и представить, что бывает вот так...

Из горла вырывалось сдавленное дыхание, окрашенное в крик. Я не могла контролировать себя. Не понимала, что происходит.

Лишь когда ощутила, как мир разорвался на калейдоскоп осколков, а горячая плоть внутри меня начала пульсировать, распространяя внутри отраву удовольствия, я немного начала приходить в себя.

Айш поставил меня на ноги и несколько мгновений удерживал в своих руках, пока я не восстановила дыхание. Он гладил большим пальцем мое лицо, а я чувствовала тепло, распространяющееся от его тела, согревающее в полумраке комнаты...

Все внутри меня странно... радовалось. Остаточное удовольствие заставляло губы подрагивать в улыбке.

Мне хотелось думать, что мгновение назад случилось нечто невероятное. Может быть, Джерхан сумел соединиться с Великим Айшем? Может быть, отныне он сможет себя контролировать и вспомнит все, что произошло?..

Спросить было страшно. Но осторожные прикосновения Айша, его ласковые руки и губы, что осторожно прижимались к моему виску, заставляли мое сердце биться чаще.

А затем Айш вдруг вновь обхватил мой подбородок и заставил посмотреть на себя.

Его глаза сделались нормальными. Они больше не горели страшным и завораживающим зеленым огнем, у них не было вертикального зрачка. Обычные человеческие глаза с немного фосфоресцирующей изумрудной сердцевиной.

– Никогда не делай так больше, Эвис-с-са, – проговорил он мягко, и его красивые губы слегка улыбались.

Я не смогла не улыбнуться в ответ.

– Хорошо, – кивнула и покраснела, неожиданно вспомнив, что у меня еще больше двух третей флакона настойки черномгриба. После этого я хитро решила, что со стороны Айша ждать выполнения обещаний от молоденькой девушки очень даже глупо.

– Ложись спать, Эвиса, – сказал тогда Айш, отпуская меня.

– Ты уходишь? – выдохнула, не в силах сдержать разочарование.

Айш улыбнулся чуть шире. Длинные паучьи ноги распрямились, делая его почти недосыгаемым для меня. Черный хитин ног и красный – брюшка сверкали в неровном свете камина.

– Так надо...

Однако не успел он развернуться к двери, как в нее же и постучали.

А у меня в груди отчего-то вспыхнуло дурное предчувствие.

Но я не успела открыть и посмотреть, кто пришел к нам в такой поздний час, когда весь Стекланный каньон был в курсе, где мы и чем занимаемся. Конечно, наверняка никто не мог знать, что именно сегодня между нами произойдет некая эротическая связь, однако после прилюдного поцелуя об этом наверняка догадывались.

Зачем же тогда пожаловали?..

Великий Айш открыл дверь раньше меня.

На пороге оказалась хрупкая маленькая фигурка царицы Фелидархат. Ее полупрозрачное платье, сотканное, кажется, лишь из одних драгоценных камней, переливалось в свете лампад, что горели в коридоре, а сквозь отверстия в плетении виднелась ее гладкая молочная кожа и розовые ареолы сосков.

Белые волосы падали на грудь десятками косичек, на концах которых оказались привязаны маленькие черные хвостики из натурального меха.

Фелидархат была прекрасна с ее идеальным макияжем, украшениями и большими глазами, полными испуга и восхищения при виде Великого Айша. На ее фоне я почувствовала себя ужасно некрасивой. А ещё запоздало вспомнила, что, вообще-то, я голая!

Тихо взвизгнув от неожиданности, я метнулась в ванную комнату в поисках халата. Платье-то мое попросту растворилось в руках Айша! Видимо, это была какая-то особая малопонятная паучья магия, потому что от него остались лишь разноцветные камушки, разбросанные по полу.

Было жалко, что не слышно, о чем разговаривают Айш с царицей, но я торопилась как могла.

Может быть, случилось что-то важное, о чем она пришла сообщить?..

Однако, пока я гадала, на весь теларан прозвучал звонкий душераздирающий крик.

Меня подбросило от ужаса, ладони мгновенно стали влажными, кончики пальцев похолодели.

Поспешив к выходу из теларана, я уже не знала, на что рассчитывать.

На дворец напали солааны, пока я тут совращала полубога настойкой черногриба? Может, кто-то умер? А что, если погибли Ильхамес или Лориавель? Это же будет ужасно!

А может, случился какой-нибудь подземный потоп?

В общем, не знаю, как я не поседела за те несколько секунд, что ноги несли меня к двери. Вот только стоило добежать, как глазам предстало нечто ужасное.

Великий Айш возвышался в полумраке коридора рядом с Фелидархат, зажавшей рот от ужаса. Он сжимал в руке шею какого-то мужчины... А пол возле них медленно заливало кровью.

Я не могла понять, что происходит, пока не пригляделась. И вот тогда перед глазами потемнело.

Оказалось, что мужчина в руках Айша – это один из охранников царицы, и прямо сейчас он уже был мертв. У него было бледное до синевы лицо, а в живот вонзилась вторая рука Великого...

Айш резко дёрнул ее, вызвав невольный прилив тошноты. Переплетение органов, как змеи, вывалилось на пол, ещё сильнее заливая пол алой жижой. Затем Айш отряхнулся и невозмутимо отбросил труп.

На его лице не читалось ни единой эмоции. Только рука была по локоть красная...

Меня замутило.

Черные паучьи ноги распрямились, и Айш, просто развернувшись, скрылся в коридоре дворца.

Фелидархат упала в обморок на руки двух служанок, что стояли позади нее, почтительно склонив головы перед удаляющейся фигурой полубога.

Я осталась одна со все сильнее растекающейся на полу багряной лужей.

Глава 11

«Старых богов отвергая,
Ты встанешь нагая, другая...»

(из уличной шейсарской песенки)

В чувство меня привели тоненькие всхлипывания Фелидархат. Она присела на пол, прислонившись к стене, и рыдала, закрыв рот рукой. Взгляд ее голубых остекленевших глаз был направлен только в одну точку – на тело бывшего охранника.

Я поспешила подойти к ней, минуя страшное красное пятно. И... остановилась.

Нужно было что-то делать, но я не знала что. Труп на пороге теларана выбивал меня из равновесия, руки дрожали, а мысли мутились.

– Ох, Эвиса, как это все ужасно! – схватила меня тонкой ручкой царица, и в этот момент неожиданно стало заметно, что она и впрямь младше меня.

Правительнице Стеклянного каньона было около шестнадцати лет, но обычно ее возраст не бросался в глаза из-за аккуратной, но яркой косметики и потрясающих нарядов. Однако сейчас испуг на лице девушки сделал ее как никогда юной.

– Не стоит так переживать, – проговорила я обычную для успокоения фразу и подавилась словами.

Как уж тут не переживать?..

С помощью меня и двух подросевших служанок Фелидархат поднялась на ноги и тут же засеменила в сторону теларана. Дошла до ближайшего дивана и упала в подушки, как в последнее спасение.

– Прошу, закройте двери! – взвизгнула она одной из девушек. – И сделайте так, чтобы все это исчезло до того, как я отсюда выйду!

Служанок как ветром сдуло, а царица достала откуда-то аккуратный платок и приложила к лицу.

– Что случилось? – решила я наконец спросить. – Почему Великий Айш убил этого мужчину? Он хотел напасть на него? Или на вас?

– Ох, кто хотел напасть? – выдохнула удивленно царица. – Джезил? Да никогда, клянусь паутиной жизни!

– Джезил – это... погибший стражник?

Фелидархат кивнула, и ее губы снова дрогнули. Из глаз полились крупные слёзы.

– Он служит... служил моим личным охранником уже шесть лет, – начала она, то и дело всхлипывая. – Джезил был предан идеалам шаррваль и никогда не напал бы на Великого Айша. Он верил в то, что

Айш приведет нас к процветанию и новой жизни. А тот его... – она громко запищала, – убил!

Я осторожно похлопала царицу по плечу, находясь в полностью спутанных чувствах.

Судя по всему, мои надежды на то, что Джерхан соединился со своей паучьей половиной и стал единым целым, не оправдались. Вряд ли совершил убийство именно он. Нет, то была дикая сущность подземного полубога. Сущность, которая лишь похожа на человека, но понять до конца ее невозможно.

– Но почему Айш это сделал? – хмурилась я, стараясь отогреть похолодевшие ладони.

От ощущения смерти, что прошла рядом, начало слегка знобить.

– Не знаю, – пожала худенькими плечами Фелидархат. – Может, потому, что ревновал?

Я нахмурилась ещё сильнее. Ладони перестали мёрзнуть, меня даже слегка в жар бросило.

– Ревновал? – выдохнула я.

– Не знаю, что тебе известно о нашей жизни, Эвиса, – медленно проговорила царица, нервно теребя влажный платок в руках, – но ты ведь понимаешь, что до твоего появления в каньоне у нас тоже шла какая-то жизнь. У Айша были другие любовницы, – махнула она рукой, – многие из них его обожали, почитали как совершенное существо. За всем этим я следила с раннего возраста. Как и он... следил за мной.

От ее слов сделалось ужасно не по себе. Особенно в свете того, что я уже считала Джерхана только своим собственным и больше ничьим. Хотя, конечно же, у меня не было на это никаких оснований.

Под желудком словно свилась кольцами раскалённая змея.

– Я видела, что нравлюсь Айшу, ещё много лет назад. И мы могли быть прекрасной парой. Но... мою кандидатуру в алы не одобрила Красная мать. – Царица выдохнула и опустила взгляд. – Не знаю, почему это произошло, ведь в то время я была чиста и невинна, как цветок паучьего плюща. Но время шло, я смирилась. Среди числа моих охранников оказался новенький, Джезил из рода Птицеед, и, признаюсь честно, я влюбилась в него с первого взгляда!

Она всхлипнула, закрыла лицо руками и разревелась. А я ничего не могла понять. Только неприятное чувство в груди все сильнее

разрасталось.

– И что было дальше? – спросила я тихо.

– А дальше ты видела все сама, – выдохнула царица. – Только недавно я решилась и дала понять Джезилу, что он мне нравится. Ведь много лет он считал меня ребенком. И едва мы признались друг другу в чувствах, как... Айш его убил!

– Но зачем ему это делать, если вы не можете быть вместе? – не поняла я, чувствуя, что окончательно запуталась.

– Не знаю, – покачала головой несчастная царица. – Видимо, он имел на меня какие-то планы, ведь я часто замечаю на себе его взгляды. Ты понимаешь, женщина всегда это чувствует...

– Да, наверное, чувствует, – пробормотала я нервно.

– Ладно, не будем больше об этом, – вытерла глаза царица и встала с дивана. – Надеюсь, там уже все убрали. Спасибо, что выслушала меня в такую трудную минуту, я никогда этого не забуду!

Она улыбнулась и порывисто обняла меня.

– Давай прогуляемся как-нибудь вместе, покажу тебе каньон. Но сегодня у меня ужасно много дел. – Она чмокнула меня в щеку и осторожно подошла к двери. Заглянула за нее и, выдохнув, скрылась в коридоре.

Видимо, все и впрямь убрали.

А я осталась одна, не в силах сомкнуть глаза всю ночь. Лишь под утро меня сморило беспокойным сном, но ненадолго. Глаза распахнулись сами собой, когда коридор донес до меня через дверь очередное гулкое эхо.

Спала я рядом с выходом прямо на диване, в потому слышала всех, кто проходил возле теларана.

Сразу же захотелось кушать, но служанка с завтраком не появлялась. Преодолев страх увидеть за дверью кровавое пятно и труп, я выскользнула в каменный тоннель, так и не обнаружив ничего, что могло бы напугать. А затем двинулась вперед в поисках кухни. Заодно я планировала проветрить мозги и изучить получше коридоры дворца.

Но каково же было мое удивление, когда за одним из поворотов я обнаружила каменную комнату, в которой шумно разговаривали какие-то мужчины. И одним из них оказался Джерхан! В человеческом обличье!

Я скрылась за поворотом стены, прижавшись спиной к холодному камню. Сердце глухо ударило в рёбра, влажный пот выступил на ладонях. Что-то подсказывало мне, что если меня заметят, то ничем хорошим это не закончится.

– Хватит ждать уже, ждали мы столько, что скоро от народа нашего уже ничего не останется! – говорил неизвестный мужской голос.

– Сотни лет гнием в этих пещерах мы, – вторил ему другой. Затем послышался гулкий удар, словно кто-то шлёпнул кулаком по столу. – Я согласен с Заргишелем. Собрать надо людей.

– Я считаю, безумие это, – проговорил третий голос. И несмотря на то, что он был спокойным и негромким, всё же в низких нотах чувствовались властность и умение приказывать. Получалось, что в Стеклянном каньоне правила не одна царица Фелидархат, которой тут, кстати говоря, и не было вовсе. Вероятно, вес имело мнение совета военачальников или кого-то в этом роде. И именно этот совет сейчас и проходил на моих глазах. – Как верно сказал Секхириш, ждали сотни лет мы и можем подождать ещё. Сейчас, когда цель наша так близко, не можем мы провалить всё. Сейчас, когда Великий Айш с нами! Когда богиня наконец наш народ благословила. Мы все испортить просто не имеем права!

– Мы уже десять лет ждем, Винлавещ, – возразил ему первый из трёх мужчин, тот, которого, кажется, звали Заргишель. Впрочем, в именах я уже начала путаться. Слишком странными и непривычными они были для моего уха. – И за срок этот Великий Айш не принёс народу нашему долгожданное дитя. Пророчество не сбывается, а значит это, что, возможно, мы поняли его неправильно. Возможно, сами мы должны на поверхность под стягом войны выйти. И под предводительством слышащего Красную мать – Великого Айша! И лишь тогда, уже на поверхности, сумеем возродиться в племени хекшаррахний. Там, а не здесь!

После этих слов в зале сперва наступила гнетущая тишина, но уже через несколько мгновений она стала наполняться жужжащим шумом. Он становился всё громче и громче, потому что все присутствующие теперь рьяно обсуждали сказанное и спорили.

А я заглянула за поворот стены, снова рискуя быть обнаруженной, и всё для того, чтобы понять, где Джержхан и почему он молчит?

С каждым мгновением я начинала всё сильнее нервничать, ведь до меня доходила страшная правда. Военачальники Стеклянного каньона собирались начать войну с Шейсарой! И сейчас они обсуждали именно это: как выйти на поверхность, с огнём и мечом прокладывая себе путь к солнцу!

Меня обуял едва ли не священный ужас.

Шейсара никогда не вела ни с кем войну! Огромный древний город, полный песка и золота, находился на материке, с нескольких сторон окруженном высокими горами. К нам иногда приплывали торговцы с соседних островов, они предлагали свои товары в обмен на наши, но не более того. И так было издревле, испокон веков. Но нападать на Шейсару было попросту некому, ведь на много дней пути по воде не встречалось ни одного достаточно большого острова или материка, на котором нашлось бы государство, по размерам похожее на наше.

Легенды гласили, что спустя месяцы пути на юг по бушующим морским волнам можно найти волшебное королевство, где живут русалки. А если двигаться на север, то где-то за чертой чёрной полосы рифов, чертой, которую запрещено пересекать, есть страшный водоворот, уносящий в неведомые дали. Может быть, даже в царство мертвых.

Поговаривали, что тот самый пират Кушвир, чьи сокровища я когда-то мечтала найти, как раз путешествовал по неизведанным морям. Якобы он побывал и у русалок, и у проклятого водоворота, заглянул за черту жизни и смерти. Но я все же подозревала, что все это на самом деле лишь красивая сказка. Правда же была в том, что древняя Шейсара была наполнена волшебством сама по себе, и нападать на неё было просто-напросто некому. Все войны и стычки загорались внутри неё самой.

Так как же, интересно, шаррвальцы решили поработить такое сильное государство? Ведь у них не было толком ни магии, ни достаточного количества войск, сравнимого с количеством гвардиаров золотого города.

Едва эта мысль пришла мне в голову, как я резко успокоилась. Как бы страшно ни звучали слова дерзких военачальников Стеклянного каньона, вряд ли они могли что-нибудь противопоставить армии царя Шейсары.

И, похоже, Джерхан думал так же, как и я, хвала богам! Он сумеет их отговорить!

– Это самоубийство, – продолжал он спокойно, сложив руки под подбородком в замок.

Джер сидел за круглым столом вместе со всеми оставшимися мужчинами, и сперва казалось, будто их роль в этом обсуждении равноценна. Однако если приглядеться, то можно было заметить, что он разместился не на обычном стуле, напоминающем гриб со спинкой, как у всех остальных, а на некоем подобии трона, что смотрелся чуть выше и несколько массивнее. А часть стола, на которую опирался локтями Великий Айш в своем человеческом обличье, была инкрустирована блестящими золотыми камушками, перемежающимися с изумрудными. Весь остальной стол оставался простым чёрным, с зелёными разводами.

Едва Джерхан сказал свои коротенькие два слова, как все остальные замолкли. Тогда он обвел всех присутствующих спокойным взглядом и продолжил:

– Нас мало, наши воины едят мало мяса, наши женщины слабы для перехода, – говорил он неторопливо и уверенно. – Мирайская армия сожжёт нас в пепел ещё при подходе к Золотым вратам. Наги обладают магией огня, если вы забыли. А среди нас колдунов настолько мало, что об этом не стоит и упоминать.

Мужчины в зале выглядели мрачно.

Однако следующие их слова меня удивили.

– Не забыли ли вы, о Великий, что наш народ обладает своими секретами? – прозвучал голос чуть в стороне.

Я аккуратно повернула голову, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, и обнаружила в углу помещения ещё одного мужчину, на этот раз одетого как жрец Красной матери. Примерно так же одевался Ильхамес, которого, к моему удивлению, здесь тоже не оказалось.

– Мы имеем возможность заглушить проклятую мирайскую магию, – продолжал этот жрец, а меня от его слов бросало в дрожь.

Как это они могут заглушить мирайскую магию? Это что ещё за новый фокус? Никогда не слышала ничего подобного!

– Если вы помните, паучий плющ лишь в наших пещерах цветёт, и именно его аромат полностью лишит магии способен наших врагов, –

продолжал этот жрец, медленно обходя по кругу стол с военачальниками. – Конечно, не сможем разбросать цветы плюща мы по всей Шейсаре. Однако, если тщательно операцию спланировать, послужат цветы серьезным подспорьем в бою. Мерзкие наги не будут ожидать того, что не поддастся им огонь.

– Кроме огня гвардиары царя имеют ещё длинные сабли, которые, поверьте, остры до неприличия, – проговорил с легкой, едва уловимой иронией Джерхан, бросив на жреца колючий жёсткий взгляд. – И это не единственное оружие, которым учили драться защитников города. В их распоряжении цепи, яды, порошки и прочая прелесть, одно прикосновение к которым убивает. Кроме того, в Шейсаре помимо нагов уже не один десяток лет живут и здравствуют другие расы. Гарпии, дракайны, огры и гоблины. И у каждого из них есть своя особая смертоносная способность. Уж я молчу о том, что численность шарвальцев очень далёка от необходимой для боевого вторжения.

Прямо сейчас я хотела расцеловать Джерхана во все доступные места. Из приличных... Наверное...

– Понимаю страх ваш, о Великий, – с поклоном проговорил этот жрец, – счастлив я видеть беспокойство о жителях Стеклянного каньона в голосе вашем. Однако вы забываете, какой силой наша великая Красная мать и ее паутина обладают. У нас есть бойцов несколько сотен, обладающих способностями творить паутину в таком количестве, что ею будет можно опутать и нейтрализовать червей шейсарских тысячи, что окажутся на передовой. Нужно лишь нашим магам поддержку оказать и защитить их от лезвий острых да яда змеинового. Также есть у нас несколько сотен сильных колдунов, умеющих управляться с камнем. Да, это не тысячи, конечно, однако знаю я, когда земля задрожит, когда овраги и каверны разверзаться начнут под ногами наших врагов, погребая их заживо, это даст нам преимущество серьезное и пошатнет уверенность мираев в силах своих. А когда к шейсарцам выйдет сам Великий Айш в своём божественном обличье, когда явит силу свою, способную двигать горы и видеть саму душу, они проиграют. Взглянув в его глаза, они на колени падут. Уверен, мы победим, сахашенаас!

За столом снова поднялся шум, но на этот раз военачальники восхваляли Красную мать.

А меня опять объял ужас. Я спряталась за стеной, тяжело дыша.

Получалось, они и впрямь могут напасть на Шейсару! И, даже несмотря на свою малую численность, могут победить?..

Одна мысль об этом сводила с ума. Получается, от решения этого совета зависела жизнь всех, кого я знала! Зависело, смогу ли я вообще хоть когда-нибудь вернуться в привычный мне мир!

Нет-нет, надо успокоиться. Ведь гвардиары царя – обученные воины. Армия Шейсары – мощная и сильная, ее не одолеть с наскока!

– А кроме того, забывать не стоит и о наших тисовых пауках, – продолжал еще какой-то мужчина, поддерживая жреца сквозь гвалт голосов. – С помощью их сотрем мы с лица земли потомков лисшах, а память о них из паутины жизни!

Спазм ужаса сажал горло.

Нашествие тисовых пауков – бич Шейсары. Что, если шаррвальцы смогут управлять этими стаями ядовитых существ?.. Что, если они уже ими управляют?

Судя по всему, так оно и было. Ведь жрецы шаррваль умели говорить с любимыми пауками.

Я развернулась и побежала прочь по коридору, не зная, от кого убегаю. Ведь за мной никто не гнался. Никто, разве что страшные мысли.

Вернувшись в теларан, я ещё долго пролежала на большой круглой кровати, напоминающей паучье гнездо. Я с трудом успокаивала разбушевавшиеся мысли, тяжело дыша и уткнувшись лицом в подушку. Казалось, прошло не меньше нескольких часов, а затем спины коснулась чья-то рука.

– Давно ты тут лежишь? – спросил Джерхан, едва я дернулась будто ошпаренная.

Я взглянула в его мрачные зеленые глаза, невольно отмечая чуть сдвинутые брови и напряженную линию красивых губ.

Джерхан был обеспокоен. И все равно я не могла не отметить невольно, насколько он красив. Сейчас, когда у него не было паучьих ног, ничто не мешало просто смотреть в его глаза без затаенного беспокойства, без страха, без желания разглядывать хитиновый покров-доспех.

– Ты в порядке? – спросил он, и в его голосе проскользнуло отчетливое беспокойство, которое меня слегка удивило.

– Конечно, в порядке, что со мной сделается? – махнула я рукой, не сводя с него взгляда. – А ты как? Обратился в человека вчера ночью?

– Сегодня рано утром, – ответил он, чуть нахмурившись, и, развернувшись, опустился в кресло, что стояло рядом. Оно было сплошь выстлано шкурами какого-то черного зверя, и в обрамлении меха цвета обсидиана Джерхан выглядел... царем. На нем не было того огромного количества драгоценностей, как на Айше, однако на правой руке сверкал один золотой браслет, а на шее висело удивительное украшение в виде цепи с застывшим тисовым пауком.

– Здорово, – проговорила я задумчиво, уже предчувствуя наступление неловкой паузы.

Джерхан ощущал себя не в своей тарелке, это было очевидно и слепому. А еще он явно не горел особым желанием говорить на тему своего перевоплощения из Великого Айша в человека. Вот только для меня это было важно. Очень.

И я не собиралась давать ему шанс отмолчаться.

– Скажи, – проговорила я неторопливо, подбирая слова, – ты помнишь, что...

Несмотря на всю показную смелость, которой я сама себя мысленно наполняла, как бокал – вином, никакой смелости у меня на самом деле не было. Я покраснела.

– Ты помнишь, – повторила, кашлянув в кулак, и снова не смогла закончить фразу.

– Что происходило в Ночь цветка рододендрона? – прохладно проговорил Джерхан, не сводя меня заострившегося взгляда.

Зеленые глаза переливались жидким металлом.

Я поежилась под этим взглядом, но не позволила себе отвернуться. Я должна была окончательно понять, показалось мне, что этой ночью я видела перед собой Джерхана, а не Великого Айша, или нет.

– Да, – кивнула в ответ. – Помнишь ли ты, что было в Ночь цветка рододендрона?

– Нет, – сказал он резко.

И тоже не отвернулся.

Наш разговор выглядел странно. Я сгорала от неловкости, но не показывала этого, а он не хотел признавать свою слабость. А может,

даже презирал ее, но все равно делал это с гордостью истинного миряна.

– Значит, ты не помнишь, как... – начала было я, но Джерхан перебил, впрочем, не резким, а вполне спокойным и даже немного усталым голосом:

– Нет, Эвиса, к сожалению, я понятия не имею, зачем убил Джезила.

Сказал и закрыл глаза, потирая рукой нахмуренный лоб.

Я глубоко вдохнула, чтобы сказать, мол, вопрос заключался не в убийстве, а в нашей связи, и... промолчала. Потому что вдруг поняла, что наша связь оказалась для меня важнее смерти личного охранника царицы.

Вот что со мной не так?..

– Значит, понятия не имеешь, – кивнула я, тоже нахмурившись, словно и впрямь собиралась спросить именно это. – И нет никаких предположений?

Джерхан пожал плечами.

– Я ничего не помню, какие уж тут предположения, – сказал и вдруг добавил: – Но ты ведь помнишь, что об этом не стоит распространяться, верно? Сегодня утром мне уже довелось выслушать немало вопросов от теларанских тысячников.

В голове мигом сложилось, о ком он говорил. Видимо, те мужчины, что советовались друг с другом насчет войны с Шейсарой, и были теми самыми теларанскими тысячниками.

– Выходит, Айшу так просто сойдет с рук убийство? – проговорила я, в очередной раз задумавшись о местных законах.

– Хочешь, чтобы меня посадили в клетку? – спросил неожиданно Джерхан, чем изрядно меня встряхнул.

Я вздрогнула, подняв на него удивленный взгляд, и заметила иронично приподнятую бровь.

Под кожей словно запорхала стая раскаленных бабочек.

– Нет, конечно! – воскликнула я после небольшой недоуменной паузы. – Просто я удивляюсь тому, насколько шаррвальцы любят Айша, то есть тебя, что готовы простить даже убийство.

Джерхан хмыкнул.

– Не все любят, Эвиса, к сожалению, далеко не все. Великий Айш для них икона, идол. Но все это до тех пор, пока он исполняет их волю

и волю богини, которую преподносят народу жрецы. Когда эта воля изменится, Великий Айш обязан будет следовать ей вместе со всеми остальными.

– А сейчас воля говорит начинать войну? – резко выдохнула я, и Джерхан резко подался вперед.

– Откуда ты знаешь? – спросил он, а меня от его жесткого внимания мурашки пробрали с головы до ног.

Поднятая тема была очень острой, об нее почти можно было обрезать. И она задевала интересы огромного количества людей и нелюдей. Могла оборвать их жизни...

Но меня вдруг как молнией поразила мысль о том, что я сижу слишком далеко от Джерхана. И из-за этого меня тянет к нему как клещами. Я вдруг вспомнила его руки, скользящие по моим ребрам в первый день нашей встречи, его глаза и губы...

Стоило признать, что, похоже, я влюбилась в него уже тогда. С первого взгляда, с первого касания. А все остальное уже было последствиями.

Ведь, даже попав в Стекланный каньон в качестве слепой чужачки, вероятно, я нарочно инстинктивно играла свою роль не слишком хорошо. Все, чтобы остаться здесь... чтобы увидеть его вновь.

Поэтому, когда прозвучавший вопрос повис в воздухе, что все сильнее наполнялся напряжением, я встала с кровати, медленно направившись к креслу Джерхана.

Время будто замедлилось.

Не знаю, почему это происходило. Кажется, что мы вели простой разговор, но стоило перед моими глазами пронестись событиям нашей первой встречи, как в комнате будто начало становиться жарче.

И Джерхан, кажется, мгновенно улавливал происходящие изменения. Он откинулся назад в кресле, неотступно глядя на меня, как хищник отслеживает приближающуюся жертву.

Вот только хищником сейчас хотела быть я.

Он не сказал больше ни слова. Лишь дождался, когда я окажусь к нему максимально близко, чтобы посмотреть, что же я буду делать дальше.

Он даже чуть приподнял голову, глядя на меня снизу вверх, и снова одна его бровь изогнулась.

Я почти слышала:

«И что же ты будешь делать дальше, Эвиса?..»

Это было очень странно – пытаться соблазнить заново мужчину, с которым у меня ещё этой ночью случилась первая в моей жизни страсть. Но, похоже, я планировала именно это.

– А что, если я слежу за тобой с самого утра, Великий Айш? – спросила я вкрадчиво, оказавшись совсем рядом с ним и садясь на подлокотник кресла.

Он оказался довольно твердым, но для меня это не имело никакого значения. Я видела мгновенно вспыхнувшие глаза напротив, и все остальное меркло вокруг.

А еще он наконец-то стал достаточно близко ко мне, чтобы мое сердце, заходясь, стучало в ребра.

– Скажу, что я был бы этим фактом крайне удивлен. Особенно учитывая, что сегодня с утра я обнаружил себя полностью голым в теларанском саду, – хмыкнул он, с легкой насмешкой глядя на меня. – Там ты тоже за мной наблюдала?

Я слегка покраснела, но тщательно старалась скрыть смущение.

– Очень может быть, Джерхан.

– А я в этом сильно сомневаюсь, Эвиса, – резко выдохнул он, качнувшись ко мне. Я едва успела втянуть воздух распахнутыми губами, как Джерхан обхватил меня за талию и потянул на себя, заставив сползти с подлокотника прямо себе на колени.

Огонь запульсировал в висках.

Джерхан казался таким горячим... Даже сквозь плотную ткань теплого теларанского платья, которое я надела этим утром, я ощущала жар, исходящий от его полуобнаженного тела.

Он не носил рубашек или жилеток. Никакой верхней одежды, кроме штанов, плотно облегающих сильные бедра... на которых я так бесстыдно сейчас сидела. И совершенно не хотела слезать.

Мне было хорошо! Паучьи боги, как же мне было хорошо рядом с ним!

И к сожалению, я понятия не имела, что думал обо мне сам Джерхан, когда не был в ипостаси могучего полубожества.

Великий Айш говорил, что они одно целое. Вот только сам Джер так вовсе не считал.

Может, я и не нравилась ему совсем?..

– Почему же ты в этом сомневаешься? – с легкой улыбкой спросила я, словно ничего необычного не произошло. Ну подумаешь, я сижу на нем и чувствую каждой клеточкой тела, как вздымается его грудная клетка, как бешено бьется сердце совсем рядом со мной. И как его мягкое дыхание касается моей кожи, щекоча и нервируя.

– Потому что ты, маленькая скромная змейка, среагировала бы сейчас совсем иначе, если бы тебе было что вспомнить, – улыбнулся он, вдруг коснувшись кончиком пальца моего носа. – Уползла бы от меня так быстро, только хвост бы мелькнул.

Я не смогла не улыбнуться в ответ, перехватывая его руку, которую он уже собирался убрать.

– А вдруг я не слишком скромная змейка? – выдохнула я, чувствуя, что пульс так сильно повысился, ударяя в горло, что я едва не начала задыхаться.

Зелень переливающихся металлом мирайских глаз стала ярче, отдавая по краям в изумрудное золото.

Джерхан перестал улыбаться.

– Признаться, это сильно удивило бы меня, Эвис-с-са, – до дрожи привычным шепотом протянул он, и его лицо оказалось в паре сантиметров от моего.

Взгляд Джерхана начал темнеть, и где-то в его глубине я заметила знакомые огненные всполохи, грозящие выйти за черту радужки.

Он опустил глаза к моим губам, и воздух окончательно покинул мои легкие.

Я так хотела, чтобы он меня поцеловал!

Но он не двигался. Просто замер, сжимая меня в своих объятиях, в какой-то момент коснувшись своим носом моего.

Снова посмотрел на меня, моргнув, и глаза стали обычными, человеческими. Только темными, как дикий лес в ночном мраке.

Я могла бы сделать едва заметное движение, преодолеть последний сантиметр горячего воздуха, чтобы поцеловать его.

Но у меня не хватало сил. Я видела его глаза, полные глухой болезненной тьмы, и почему-то не могла.

То, что тревожило Джерхана, было невозможно устранить. Этот яд не таял, не растворялся лишь от одного моего желания.

Я хотела, чтобы он тоже хотел...

Поэтому мы продолжали смотреть друг на друга, как замороженные. Дышать одним воздухом, сплетаться телами...

В какой-то момент моя рука сама поднялась, чтобы дотронуться до него. Убрать темную прядь волос, поблескивающую золотом в свете камина.

Кончики пальцев закололо, когда я коснулась его кожи, убирая прядь за ухо. И когда не хватило сил убрать руку обратно.

Я провела по смуглому бархату, очерчивая резкую линию подбородка, большим пальцем застыла на шее, нащупав горячую пульсирующую венку, до которой вдруг ужасно захотелось дотронуться губами...

У меня темнело перед глазами.

Джерхан стиснул зубы, глядя на меня широко распахнутыми глазами, но не двигаясь. Словно боялся чего-то... спугнуть трепетную змейку?..

Предположение показалось смешным, но улыбаться не хотелось.

Рука Джерхана, лежащая на подлокотнике, вдруг дернулась, словно он хотел поднять ее, перехватить мою руку. Но он снова не стал, лишь сильнее сжав пальцы на укрытом мехами камне.

А я задержала дыхание, боясь, что странный момент, в котором само время, кажется, остановилось, вот-вот прервется.

Скользнула большим пальцем по шее вниз и вдруг наткнулась на глубокую рваную линию шрама.

Ладони мгновенно стали влажными, кожа будто покрылась колючей изморозью.

Прежде я этого шрама не замечала. Возможно, большую его часть скрывал крупный драгоценный амулет – тисовый паук на толстой золотой цепи.

Я провела пальцами по шраму, чувствуя, как все сворачивается внутри. Как становится одновременно холодно и жарко. Оттянула золотую цепь, осторожно приподнимая тонкие черные лапы паучьей драгоценности. И провела до конца по рваному кольцу, остановившись у ключицы.

– Что это? – спросила я тихо, чувствуя, что меня начинает потряхивать от напряжения, растущего внутри.

Прикосновения к Джерхану наполняли меня внутренним огнем, пламенем, которое невозможно было потушить. Я сгорала рядом с ним

и больше всего боялась, что он не испытывает и капли того же, что и я.

В этот момент я почти с ужасом осознала, что почти нестерпимо хочу коснуться этого шрама губами. И уже едва держу себя в руках.

– Это память, – проговорил тихо Джерхан, и в голосе просквозили хриплые нотки, проехавшиеся по моим нервам как металл по стеклу. – О моем детстве.

– О детстве? – ахнула я, почувствовав, будто меня ведром воды окатили. – Этот шрам из детства?

– Да, – кивнул он уже чуть спокойнее. Его голос выровнялся, и мне стало проще с ним разговаривать. – Когда-то я был мираем... и меня звали бастардом черной крови. Не все считали, что это благородное прозвище, – ухмыльнулся он немного криво и отвел взгляд, словно вспоминая.

– Бастард черной крови? – переспросила я, нахмурившись.

Это имя вспыхнуло в памяти тусклым огоньком, напоминая о чем-то, что я давно забыла. Как-то так звали одного из членов семьи золотого царя. Но, признаться, я никогда не считала нужным изучать родословную священного мирайского рода Эннариш, из которого происходили все повелители Шейсары. Потомки этого рода, по преданиям, были потомками самой змеиной богини Иль-Хайят, но меня мало интересовали и они, и сама богиня.

Где я, простая человеческая девчонка, а где высокородные наги?..

– Это имя я носил незаслуженно, – проговорил задумчиво Джерхан, к моей радости охотно открывая мне правду о себе, – но об этом почти никто не знает и по сей день. Надеюсь, что и не узнают, но суть не в том. Шрам мне оставили отпрыски благородных мирайских домов, когда узнали, что рядом с ними поселился проклятый богиней бастард.

Я похолодела.

– Тебя пытались убить? Тебя, родственника царя?

Один уголок губ Джерхана саркастически приподнялся, когда он взглянул на меня. Зато я была рада, что он больше не хмурился. Тьма почти исчезла из его глаз.

Видимо, прошлое все же казалось ему гораздо более светлым и притягательным, чем настоящее. Несмотря на те ужасы, о которых он прямо сейчас и рассказывал.

– Как ты думаешь, много ли уважения вызывает мирай, носящий мое прозвище?

Я не смогла ничего на это ответить, и Джерхан продолжал:

– Мне было примерно десять, когда несколько подростков выследили меня неподалеку от сада, в котором мы жили с матерью. За территорию особняка мне запрещено было выходить, потому что считалось, что со мной там может произойти нечто ужасное. И я не выходил. Почти.

Джерхан вздохнул и, кажется, незаметно даже для самого себя взял мою руку в свою. Он не глядел на нее, и на меня не смотрел тоже, но его пальцы стали осторожно перебирать мои, словно это его расслабляло.

А у меня по спине к пояснице прокатилась лавина лавы, застывающей острыми колючими камушками.

Он меня гладил...

– Однажды в один из таких дней, когда я вышел, они поймали меня и связали наточенными цепями. Та, что была на шее, оказалась облита кислотой.

– Какой ужас, – выдохнула я, холодея от страха.

Джерхан мягко посмотрел на меня и проговорил:

– Хочешь, не буду дальше рассказывать?

– Нет, пожалуйста!

Он кивнул, не улыбаясь, и посмотрел в пустоту перед собой.

– Они задушили бы меня. Не знаю, возможно, это и не входило в их начальные планы, но в процессе, пока они избивали меня родительскими хлыстами, планы явно поменялись. Я истекал кровью и едва не умер, пока меня не спас дед, случайно приехавший в нашу провинцию именно в этот день.

– А откуда у подростков было такое оружие? И яд? – ужаснулась я. – Почему они вообще хотели тебя убить? Мало ли у кого какое прозвище? Меня вот в детстве тетка звала Талькой. Сказала, что вышивала мне это имя на кофточках. Талька, Тальк...

Я вдруг вздрогнула, вспомнив, что моя тетка не очень-то любила шить. И не шила вовсе. С чего бы ей вышивать мне кофточки именами? Мне, подкидышу?..

Впрочем, речь не обо мне.

– Они были детьми царских гвардиаров, которые ушли на заслуженный отдых после службы, – ответил Джерхан. – А в арсенале гвардиаров много смертоносных вещей. Раны от ударов на мне зажили, а вот рана от удушающего захвата ядовитой цепи – нет. Такое было невозможно залечить даже с помощью продвинутой медицины. С тех пор я сказал, что больше не буду бояться и скрываться, и стал выходить на улицы без страха. Потому что те, кто хотел бы, убили бы меня все равно. А жить в каменных стенах всю жизнь... я не хотел.

На последних словах он вдруг понизил голос и посмотрел по сторонам. Словно определяя этим, что его кошмар все же воплотился, хоть и спустя много лет. Он оказался в каменных стенах без возможности выбраться.

– А почему они хотели убить тебя? – тихо спросила я, пока Джерхан перебирал пальцы на моей левой руке, растирая их и вызывая у меня одну волну мурашек за другой.

– Потому что в их глазах я был омерзительным существом, – легко ответил он так, словно это не было чем-то ужасным. Затем посмотрел мне в глаза и продолжил: – Они считали меня плодом кровосмешения брата и сестры. При этом моим отцом был Дарьеш Сапфировый змей, убийца Аджансара Кровавого полумесяца. Моего деда и предыдущего царя Шейсары. В общем, моя родословная их слегка не устраивала, – усмехнулся в конце Джерхан, взглянув на меня.

Но его глаза не улыбались.

А у меня все внутри покрылось коркой льда от сожаления и ужаса. Это же надо, чтобы ребенку так не повезло!

– Но ты же не виноват в том, какие у тебя родители! – воскликнула я.

И Джерхан вдруг улыбнулся. По-настоящему!

Я так и не поняла, что его так порадовало, но его глаза внезапно потеплели, а руки на моей кисти чуть сжались.

– Мало кто знает, но моя настоящая мать вовсе не сестра Дарьеша, не мирайя, с которой я прожил все детство, – покачал головой он. – И хвала Иль-Хайят, что это так. Моей матерью была человеческая женщина. Но это принято скрывать. Я сам так решил. Не бери в голову. Поэтому прозвище не совсем верно.

– Но как же так! – возмутилась я, не веря своим ушам. – Тебя же из-за этого чуть не!..

– Не бери в голову, – повторил он, улыбнувшись. – Такая красивая головка не должна быть забита всякими глупостями.

С этими словами он вдруг коснулся моей ноги, перекинутой через его, и дотронулся пальцами до металлического браслета.

– А что, хельсарх так и не оживал?

– Даже и не думал, – покачала головой я, кусая губы.

Все ещё ужасно хотелось его поцеловать, но приходилось делать вид, что ни о чем подобном я и не помышляю.

Было стыдно даже представить, как он среагировал бы на мои несдержанные поползновения, если я ему ни капли не нравилась. Впрочем, когда он вот так проводил кончиками пальцев по моей коже, как сейчас, перебирая лапки золотого паука, когда гладил мои руки, как минуту назад... мне казалось, что он тоже что-то чувствует...

Но это могло лишь казаться. В конце концов, сколько таких девушек у Джерхана было до меня?

Я старалась об этом не думать.

– Надо его как-нибудь разбудить, – проговорил тогда он, стараясь подцепить пальцем браслет.

Пауку от этого было ни горячо ни холодно. А меня вот в жар бросало...

– Может, это всё-таки просто браслет? – чуть прикусив губу, спросила я.

– Ага, драгоценный браслет, который появился сам по себе. С алмазами и рубинами, – хмыкнул мужчина, и его губы красиво изогнулись.

Поежившись от щиплющих спину мурашек, я поняла, что мне ужасно нравилось, когда он улыбался. – Вроде мы с тобой это уже проходили. Драгоценности не появляются на миленьких девушках сами по себе, даже если эти девушки не просто миленькие, а даже чересчур.

Я краснела до этого? Нет, то была ерунда. На самом деле по-настоящему я покраснела только сейчас.

Не знаю, ждал ли он от меня какого-нибудь ответа, но я так и не смогла выдать ни слова. А затем Джерхан продолжил:

– Хельсархи – существа дикие и непредсказуемые. Молчаливые, в отличие от змей. Тем-то только дай поболтать, – улыбнулся он, словно вспомнил что-то. Как оказалось, я не ошиблась: – У моего дяди, царя

Торриена, был хельшах, большая редкость. И у его жены, как ни странно, тоже в свое время появилась змея этого древнего вида. Больше ни у кого из живых членов рода Эннариш хельшахов не было. Но пару раз я случайно становился свидетелем их «оживления» из металла. Это казалось удивительным ровно до тех пор, пока те не начинали болтать и подтрунивать над своими хозяевами. Впрочем, кто кому хозяин, хельшахи могли бы и поспорить, ведь живут они значительно дольше нашего.

Джерхан сделал небольшую паузу, взглянув на меня, а затем продолжил:

– С хельсархами немного другая история. Они тоже долгожители, никто не знает их истинного возраста. В Стеклянном каньоне поговаривают, что они были основателями Шейсары, пока не приняли решение уйти с земли золотых песков в каменные недра вслед за народом шаррваль. Ну это старая песня. Кто-то был прав, кто-то виноват в конфликте двух народов. Змеи приняли сторону мираев – или лисшах, как наш народ звался прежде, – а пауки последовали за шаррваль. Вот только, к сожалению, среди последних слишком мало осталось тех, кто был способен понимать паучий язык. И по этой причине хельсархи почти перестали разговаривать.

– Как это грустно, – протянула я, невольно расстроившись. – Получается, бедняжкам и поговорить было не с кем много веков?

– Да, – кивнул Джерхан, обводя пальцем рубиновое брюшко паука. Оно сверкало и переливалось десятками граней, а в мужской руке, что осторожно поглаживала его, касаясь моей кожи, оно словно немного теплело.

– Но почему же сейчас они не говорят? Ведь среди шаррвальцев уже появились колдуны. Многие из них понимают язык пауков! Та же мастерица Неями вообще говорит сразу с несколькими десятками, и ничего!

– Да, маги стали рождаться и у шаррвальцев, но, увы, хельсархов это почти не разбудило. Они слишком привыкли молчать, – покачал головой Джерхан. – Но мне удалось разговорить моего! – вдруг добавил он и хитро взглянул на меня. – Смотри.

И не успела я удивлённо ахнуть, как он снял со своей шеи цепь с черно-красным пауком, так напоминающим его самого в обличье Великого Айша, и, положив на ладонь, дунул на него!

Вот только у себя в голове я тут же услышала его тихий голос:

«Проснись, Иннуиорааэсти! У меня для тебя сюрприз!»

Несколько мгновений ничего не происходило, но с лица Джерхана не пропало хитрое и веселое выражение. Он явно был в восторге, и я невольно проникалась его энтузиазмом.

«Просыпайся, я тебе говорю, ты меня позоришь перед красивой девушкой», – звучал у меня в голове его голос, ставший немного свистящим и капельку щелкающим. На последних словах Джерхан даже бросил на меня насмешливый взгляд, словно проверял, понимаю ли я его слова.

«Просыпайся, а то замотаю тебя в паутину – и твою блестящую задницу никто больше не увидит!»

Я прыснула со смеху, закрыв рот ладонью, а глаза Джерхана удивлённо расширились. Разве что с губ улыбка никуда не делась.

– Ты понимаешь! – ошеломленно воскликнул он и покачал головой. – Тогда тем более понятно, почему твой хельсарх выбрал именно тебя. Шейсарка, слышащая пауков, – это... как звезда, упавшая с неба прямо тебе в руки. Но не будем отвлекаться, – добавил он, расположив пустую ладонь над той, где лежала его драгоценная подвеска. – У каждого хельсарха свой характер. Нащупав его, ты сможешь немного управлять им, давить на чувствительные точки. Мой хельсарх, например, ужасно самолюбив. Даже нарциссичен. Обожает смотреться в зеркало и всем демонстрировать, какой он красавчик. Впрочем, для девочки это простительно, да?

Джерхан улыбнулся, а затем произошло нечто удивительное!

С кончиков его пальцев прямо на паука начали сыпаться тонкие белые нити! Быстро-быстро они складывались в маленький рисунок перекрещенных линий, пока почти целиком не превратились кусок белой ткани, скрывшей под собой драгоценность!

Я не могла поверить своим глазам.

– Это паутина! – выдохнула я, наконец отмирая и выхватывая прямо на лету несколько липких нитей. – Настоящая!

Пальцы склеились так быстро, словно я засунула их в свежесваренный гоблинский клей.

Джерхан хмыкнул, внимательно изучая мою реакцию.

– Ну а то. Конечно, настоящая. Я же Великий Айш, ты забыла? Полубог, полупаук и вообще довольно страшная тварь, наделённая

чудовищной силой Красной матери.

Я фыркнула, безуспешно пытаюсь второй рукой разделить пальцы.

– Никакая ты не тварь, не говори ерунды. Была б у меня в детстве такая паутина, я бы братьев и сестер к кроватям прилепляла по утрам. Чтобы не вредничали. А соседскую собаку вообще бы к будке примотала, чтоб не высовывалась, а то ж стоит только мимо пройти, как чудом ноги уносишь!

Джерхан вдруг так заливисто рассмеялся, откинув голову назад, что я даже опешила на миг, прекратив разделять пальцы безнадежно слипшихся рук. Затем он коснулся комочка моих кистей, и паутина в них растаяла как дым, впитавшись в его кожу.

– Слушай, потрясающий фокус, а что ещё ты умеешь? – выдохнула я, по-настоящему восхищенная.

А Джерхан, все ещё улыбаясь, недоверчиво и молчаливо смотрел на меня в ответ.

– Что притих, отвечай девушке! – вдруг раздался неторопливый голос откуда-то снизу, и мы оба, синхронно опустив головы, обнаружили копошащегося в липкой паутине ожившего черно-красного хельсарха, чье имя, кажется, было невозможно запомнить.

– Потрясающе! – воскликнула я, прижав ладони к губам. – Он ожил, правда ожил! То есть она! Это же она?

Джерхан улыбался, хитро глядя на меня и одновременно наблюдая за тем, как его паучок отряхивается от паутины.

Пара мгновений, и все было чисто. Хельсарх избавился от липкой ловушки так же быстро, как это делал Джерхан.

– Приглядишься внимательно, дитя, разве похожа я на самца? – властно проговорила маленькая паучиха, медленно выговаривая каждое слово вполне по-настоящему! Не где-то у меня в голове, а вслух, передвигая острыми иголочками на основании глазастой мордочки. – Зовут меня Иннуиораэсти, – мягко и совершенно неповторимо прощелкала она, а затем повернула к Джерхану россыпь своих красивых капелек-глаз, напоминающих зерна граната. – И если ты, Нефрит, будешь заматывать меня в паутину, я уйду, клянусь сердцем пустыни.

Джерхан усмехнулся, почесав бочок стропливой паучихи:

– Никуда ты не денешься, ведь только на шее Великого Айша ты можешь оказаться на виду у всего Стеклянного каньона. Где ещё ты

найдешь такое место, с которого на твою красоту будет любоваться весь народ шаррваль?

Паучиха словно бы вздохнула. Ее передние лапки приподнялись и тут же опали.

– Ты прав, Нефрит, ты прав...

У меня дыхание перехватило от восторга.

– С тобой не надо говорить по... этому... по-паучьи? – выдохнула я, не понимая до конца, что вообще происходит.

Ведь пауки общались на каком-то ином уровне слышимости. Почти мысленно, словно бы задействуя иной орган воспроизведения и поглощения звуков.

– Инну произносит слова, но понять их может лишь говорящий с пауками, – пояснил Джерхан, с улыбкой почесывая свою питомицу, которая охотно подставляла ему одну лапку за другой и, повернув ко мне блестящие глазки, с легким высокомерным интересом разглядывала. – А вот чтобы отвечать ей, тебе не нужно переходить на паучий. Точно так же, как с хельшахами, можно говорить на родном языке. А обычные пауки не произносят звуков в привычном понимании, здесь ты права.

– Это... у меня нет слов, – призналась я, мучимая отчаянным желанием погладить паучиху, чьи сверкающие металлические лапки стали вполне живыми, и теперь казалось, что их поверхность лоснилась, как бархат.

– Конечно, – важно кивнула та, – такой и должна быть реакция при встрече с великим хельсархом. Эта дева мне нравится, – одобрила она. – Можешь отвести ее к алтарю, так и быть, я скажу в ее защиту свое слово.

– Эм... – проговорил Джерхан, виновато улыбаясь мне, – мы пока не дошли до этого вопроса, Инну. Не торопи события и не пугай мне Эвису.

– Ее зовут Эвиса? – немного удивленно проговорила паучиха и, не дожидаясь ответа, вдруг невероятно ловко соскочила с руки Джерхана, перепрыгнув мне на колени.

Колючие прохладные иголки беспокойства вонзились в кожу, но я заставляла себя сидеть неподвижно. Я не должна была пугать древнего хельсарха! Хотя, признаться, это было не так уж и просто.

И пусть Хрустальные пауки уже успели преподать мне первый урок спокойствия среди многоногих существ, я явно нуждалась в еще нескольких. Поэтому, когда паучиха быстро перескочила по моему животу на грудь, затем на плечо, по волосам и на самую макушку, я все же прикусила щеку изнутри, широко распахнутыми глазами глядя на Джерхана.

Он наблюдал за происходящим, слегка сдвинув брови, будто был готов в любой момент стащить с меня свой оживший амулет.

Нет, нужно было терпеть и не подавать виду, что я смущена и нервничаю от происходящего!

А потом я глубоко вздохнула и медленно выдохнула, едва паучиха вдруг накинула мне на лицо тонкую прозрачную паутину. Мне казалось, сеть вот-вот опустится на кожу липким пологом, тканью, сквозь которую будет трудно различить что-то. Может, даже трудно вздохнуть.

Но паутина вдруг коснулась кожи и... впиталась намертво. Растворилась, как туман, словно ее и не было.

– Как странно, – протянула паучиха, перебирая лапками и двигаясь в сторону моего лба.

Я старалась не зажмуриться.

– Инну, ты пугаешь мою алу, – хмуро сказал Джерхан, протянув к ней руки. – Прекрати, что ты делаешь? Кому понравится, если ему на голову заберется малознакомая дамочка, даже такая красивая, как ты?

Паучиха, как ни странно, сопротивляться не стала. Но сперва она сползла к основанию моего лба и заглянула мне в глаза россыпью своих.

Уверена, со стороны это смотрелось крайне забавно. А вот мне было не смешно.

– Сокровище... – протянула паучиха, перебираясь на руку к Джерхану. – Поздравляю, Нефрит, ты нашел сокровище.

– Я, конечно, с тобой согласен, но что ты имеешь в виду? – спросил он, с беспокойством глядя то на меня, то на хельсарха. Будто я вот-вот сорвусь и выкину какую-нибудь глупость.

В ответ на это я улыбнулась, словно ничего не произошло.

– Ничего такого, чего ты не узнаешь, когда придет время, – ответила паучиха, поднимаясь по руке Джерхана к его шее. – А мне хочется спать. Я слишком много говорю сегодня.

Она обхватила лапками мужскую ключицу возле шрама и начала стремительно застывать, покрываясь металлическим блеском.

– Эй, погоди! – воскликнул Джерхан, откидывая назад водопад чуть волнистых камышовых волос, под которым почти скрылся хельсарх. – Инну, как нам разбудить хельсарха Эвисы?

Но, к сожалению, мы так и не дождались ответа, паучиха застыла полностью, слившись с золотой цепью.

– Ай, солаана мне в... – начал Джерхан, но, взглянув на меня, кашлянул в кулак и не стал заканчивать. – В общем, сегодня она уже не проснется просто так. В следующий раз надо сразу начинать разговор с твоего хельсарха, а то опять ничего не добьемся.

Я не смогла сдержать улыбку. Это было что-то потрясающее, и я до конца не верила, что это происходит со мной.

Несколько мгновений мы просто смотрели друг на друга, вероятно одновременно вспомнив, что я все еще сижу на его коленях. Что мы настолько близко друг к другу, что стоит всего лишь чуть наклониться...

– Мне нужно идти, – проговорил тогда Джерхан, едва не вырвав у меня из груди стон разочарования. – Совещание теларанских тысячников вот-вот продолжится. И надеюсь, ты больше не будешь подслушивать, – немного улыбнулся он, но уже не слишком весело.

Он аккуратно приподнял меня и встал, поставив, пошатывающуюся, словно шарнирную куклу.

– Но ты же придешь?.. – вырвалось у меня из горла, словно вытолкнул кто-то.

И тогда улыбка на мужских губах уже стала настоящей. Зеленые глаза на миг вспыхнули темной колдовской зеленью.

– А ты бы хотела?

Я покраснела, но взгляда не отвела.

– Конечно, – кивнула я невозмутимо. – Это же твоя спальня, разве нет? – приподняла я бровь. – Не хотелось бы, чтобы я выгоняла хозяина из его же дома. Да и ты еще не все рассказал мне из того, о чем я хотела бы спросить.

Джерхан кивнул, все еще улыбаясь.

– Приду. Это ведь и впрямь моя спальня, – проговорил он, затем вдруг взял мою руку и, перевернув... поцеловал точку, где стучал пульс в венах. Не сводя с меня глаз.

Горячие искорки тут же защекотали кожу, распространяясь по всему телу от места соприкосновения его губ.

А затем он развернулся и пошел прочь, и лишь у самой двери я все же осмелилась его окликнуть.

Мне ужасно хотелось, чтобы он остался. Чтобы сказал мне еще хоть что-нибудь.

Ну какая глупость! Он ведь еще придет? Он ведь обещал?..

И все равно я крикнула:

– Почему хельсарх называла тебя «Нефрит»?

Джерхан обернулся в дверях и, задумчиво взглянув на меня, ответил:

– Когда-то меня звали Нефритовым змеем. Инну знает. Она видит насквозь, в курсе даже того, о чем ей никогда не говорили. Такова особенность хельсархов, и поговаривают, что и Великого Айша.

Улыбки больше не было на его губах, как и всегда, когда речь заходила о том, что было для него утрачено.

Сердце болезненно защемило.

– Отдыхай, Эвиса... – проговорил он и скрылся за дверьми.

А я осталась одна, стараясь понять, что все это значило. И в особенности, что имела в виду паучиха Инну, когда сказала, что я настоящее сокровище? Что-то аллегорически прекрасное или же в этих словах крылся какой-то смысл, ведомый лишь ясновидящему взгляду хельсарха?..

Глава 12

«Ты тихо шагнешь за дверь,
И сердце утащит зверь...»

(из уличной шейсарской песенки)

Когда Джерхан ушел, я еще долго пыталась понять, в чем причина того скрытого беспокойства, что оставили на душе его слова. И хотя мне, бесспорно, было очень приятно оказаться каким бы то ни было сокровищем, все же червячок напряжения точил изнутри и никак не желал уползать восвояси, подсказывая, что здесь скрыта какая-то тайна. И не факт, что приятная, ведь в обратном случае Инну не стала

бы скрывать, что имела в виду под словами «Узнаешь, когда придет время».

В очередной раз я глубоко вздохнула и потерла виски.

Отвлечься от пустых раздумий, которые наверняка не имеют под собой никакой почвы, помогла интересная мысль. Лориавель так же, как и Джерхан, рекомендовала мне найти подход к паукам. Дочка жреца говорила, что стоит подружиться с маленькими многоногими созданиями, чтобы не пугать их и не бояться их самой. А Джер пояснял примерно то же самое о хельсархе, который никак не собирался просыпаться, намертво прицепившись к моей ноге.

Но что, если путь и к простым паукам, и к заколдованным один? Что, если это – паучья магия, которая никак не дается мне?

Морально я уже признала, что, скорее всего, в глубоком детстве меня вынесли из Стеклянного каньона и подложили под дверь тетки. Та меня приютила, за что честь ей и хвала, дала кров и пищу. Но она же научила опасаться пауков, рассказала о подземных демонах и наполнила меня страхами и легендами Шейсары, в которых пауки были исключительно созданиями тьмы.

Может, это заблокировало во мне все способности к паучьему колдовству?

Конечно, возможно, у меня их и не было вовсе... но вдруг?

Хотелось надеяться на лучшее.

Хотя оставалась еще возможность, что я в корне ошибаюсь. И шаррвальская кровь во мне напрочь отсутствуют. Тогда мои вымышленные родители бросили меня не по причине голода, болезней и общего бедственного положения, а просто потому, что я была им не нужна... И тогда я не потеряшка, которая благодаря широкой длани судьбы нашла свой дом, а просто девчонка, возмнившая о себе невесть что.

Стараясь не думать о плохом, весь оставшийся день я пыталась пробудить у себя спящие способности к колдовству. Я решила, что у меня они есть, – и на этом точка! Никаких сомнений! Если сомневаться, то уж точно ничего не получится.

Выставив ногу с хельсархом перед собой, я пыталась говорить с золотым пауком. Разглядывала его длинные тонкие ножки, ловко обнявшие место над лодыжкой, поглаживала камушки, украшающие

тело, терла черную спинку, пытаюсь разглядеть брюшко, плотно прижатое к моей коже.

Оно, кстати, было ярко-зеленое, но этого почти совсем не было видно, потому что сверху хельсарх был черным, и лишь мелкие камушки изумрудной крошкой украшали лапы. Круглая россыпь глаз блестела, будто капли воды или гроздь зерен граната. Но они имели серовато-жемчужный цвет, блестящий, словно ртуть.

– Проснись, вставай, – шептала я сперва мысленно, а затем, вспомнив, как Джерхан говорил с Инну, начала шептать вслух: – Я покормлю тебя вкусными фруктами или грибами! Впрочем, пауки вряд ли едят фрукты, – добавила уже для себя, пытаюсь понять, чем тут кормятся местные многоногие, учитывая, что мухами в каньоне и не пахло. Лориавель как-то заикалась о неких «липких мошках», но я пока не встретила ни одно насекомое, что было бы похоже на это описание. Но посулить мошек хельсарху не мешало!

– Проснись, я наловлю для тебя липких мошек, – обещала я на все лады.

К вечеру даже стих начала сочинять, пытаюсь подловить хельсарха на нарциссизме, как Инну:

«Ты очнись, мой милый друг,
Отпусти меня ты вдруг,
Пусть ты просто мой паук,
Ты красивей всех вокруг!»

Не знаю, понимал ли что-то блестящий браслет, но казалось, что к лести он равнодушен, как и к обещаниям вкусной еды.

Когда служанка принесла поднос с местными деликатесами, я предложила пауку все, что было на тарелках. Затем от обиды, что ничего не получается, даже вымазала его в грибном соусе и полила сверху забродившей настойкой из тираана с какими-то редкими цветами.

Но и от этого хельсарх не проснулся. Пришлось мыть ногу. И пока я это делала, заодно приняла ванну, которая, кстати, в теларане Великого Айша была просто восхитительно красивой и уютной. Даром что находились все эти необычные удобства под землей, устроены они были лучше, чем у моей тетки в Нижней Шейсаре.

После ванны, пока никто не видит, я пробовала стрелять паутиной. Мысленно выпускала с кончиков пальцев липкую субстанцию, представляла, как наматываю ее на хельсарха.

Бесполезно. Пальцы даже не зачесались.

Но меня это ничуть не расстраивало! Лориавель говорила, что не все колдуны шаррваль обладают одинаковыми способностями к магии. Кто-то умеет говорить с пауками лучше, кто-то хуже. Кто-то не умеет вовсе, однако хорошо управляет паутиной, способен плести из нее одежду, как Хрустальные пауки. Другие не умеют и этого, зато их слюна настолько ядовита, что из нее можно делать медицинские лекарства и отраву против солаанов.

В этот момент я впервые возблагодарила местную любимицу – Красную мать – за то, что у меня такой слюны не было. Иначе еще в детстве перетравила бы всех вокруг случайными поцелуйчиками или облизанными столовыми приборами.

Еще Лориавель как-то рассказывала, что есть у них особенно редкие маги, умеющие менять облик, целиком копируя внешность другого человека. К сожалению, их ничтожно мало, буквально единицы, и один был убит десять лет назад, когда они пытались подарить жизнь Красной матери. Страшная потеря! Какая-то там была долгая история, в которую я не вникала. Зато эта история привела к тому, что я еще час стояла перед зеркалом, пытаюсь превратить себя сперва в свою тетку, потом в Лориавель, царицу Фелидархат и в конце даже в самого Джерхана. Вот бы он удивился, если бы у меня получилось!

Впрочем, у меня не получилось.

И едва я не потеряла последнюю надежду, как ближе к ночи вспомнила про еще одну способность шаррвальцев – управлять камнем, как это делала Лори, проводя меня в священную пещеру дворца.

Благо камня в теларане было полно. Из него тут было сделано буквально все! Я разыскала вазу для цветов, мисочку из-под супа и какую-то фигурку каменного паука, поставила перед собой и стала напряженно на них глядеть.

Кто увидел бы меня со стороны – смеялся бы до коликов. Я выпучивала глаза, напрягалась, махала руками, чтобы заставить камни двигаться. Даже прыгала вокруг них, приплясывая.

Все без толку.

Пока не вспомнила, что вообще-то, кажется, перед тем, как заставить камень ожить, Лориавель мысленно на паучьем языке произносила какую-то фразу. Я тогда еще подумала, что мне все это чудится.

Что же она там говорила?..

Я закрыла глаза, и губы сами собой сложились в правильной форме, когда из горла вырвалось тихое:

«Открой мне двери,
Сплети дорогу,
Мой голос – ветер
Я искра бога...»

И что-то произошло.

Нет, каменные предметы не взлетели в воздух, не начали вращаться друг вокруг друга. Но я готова была поклясться, что эмалированная миска из-под супа зашевелилась. Едва заметно дернулась, словно ее кто-то толкнул, а затем снова встала на место.

– Неужели получилось?.. – выдохнула я, не веря своим глазам, и тут же повторила заклинание про себя.

На этот раз дернулась и замерла ваза.

Это уже не могло быть случайностью!

У меня сердце едва не остановилось от восторга. У меня получалось! Я колдовала!

В Шейсаре было принято считать, что люди к магии не пригодны. И лишь изредка встречались сайяхасси – носительницы утраченной сотни лет назад змеиной силы. Они якобы слышали голоса змей и могли с ними разговаривать.

Но я не могла и мечтать стать когда-нибудь настоящим магом, потому что слышала только камни... и пауков. Слышала, но старалась не обращать внимания, делая вид, что мне померещилось. Только в глубине души всегда знала, что со мной что-то не так.

А теперь вот в моих руках двигались предметы! Ну и пусть они лишь едва заметно покачивались, но ведь покачивались!

И даже, как назло, поделиться радостью было не с кем.

До самой ночи я продолжала раскачивать мисочки и вазочки, а каменный паук-статуэтка и вовсе под конец передвинулся по столу на расстояние ладони! Со стороны могло показаться, что он ожил и пополз, но, конечно, это была всего лишь иллюзия.

Но я была счастлива! Ведь случилось действительно невероятное. Но, как ни странно, фанфары не заиграли, конфетти не посыпалось с потолка и никто не захлопал в ладоши. Мое чудо прошло в полнейшей тишине, но оно не сделалось от этого менее прекрасным.

Это было мое чудо, только мое.

А когда за окном Стеклянного каньона начал опускаться искусственный мрак – волшебные грибы перестали излучать свет, как и колдовские кристаллы, – меня, сидящую в кресле среди мехов, там же, где еще утром сидел Джерхан, почти сморил сон. Оказалось, колдовство – ужасно изнуряющее занятие!

В этот самый момент дверь теларана, глухо скрипнув и высекая искры из камня, открылась, пропуская внутрь Джерхана – бывшего Нефритового змея. Я едва разлепила глаза, подскочив, чтобы рассказать ему о своем невероятном открытии, о способностях, которые не давали мне покоя весь день, но замерла. Потому что еще с порога стало ясно, что с моим соседом что-то не так.

Нет, он был в человеческом обличье, и казалось бы, бояться совершенно нечего. Сердце привычно пропустило удар, когда я увидела в полумраке его смуглое лицо, обрамленное немного растрепанными камышовыми волосами. Но едва я заметила дикие, горящие зеленым огнем глаза, как под кожей будто зашевелился переплетенный клубок раскаленных змей.

Джерхан двигался неторопливо, но сегодня как-то странно, словно с грацией подземного хищника. Некоторые движения были слишком резкими и быстрыми, другие нарочито плавными.

А еще он был зол.

Но едва я оказалась возле него, встретившись с кипящей кислотой его взгляда, как стало ясно, что, похоже, Великий Айш сегодня ночью еще и был... пьян.

– Джерхан? – выдохнула я удивленно, ощутив в воздухе тонкий сладкий запах ягодной настойки, в котором улавливались знакомые нотки местных грибов.

При этом алкогольных паров не витало вокруг даже в мельчайшем количестве. Это меня немного насторожило, и на мгновение я даже решила, что ошиблась.

– Эвиса? – скопировал интонации моего голоса мужчина и ловко обогнул меня по дуге, направляясь в соседнюю комнату.

Он явно собрался от меня сбежать!

На его лице застыла холодная каменная гримаса отстраненности и скрытого бешенства. Вот только так просто от меня было не скрыться. Это в теларане-то, где и двери ни одной не было!

– Не вздумай уходить! Что случилось? – воскликнула я, когда Джерхан отдалился от меня на шаг.

– Ничего. С чего ты взяла? – не оборачиваясь, бросил он, пошевелив обнаженными плечами, словно разминал спину. Затем наклонил голову к правому плечу, назад и по кругу, зарывшись рукой в волосах.

Огненная пасть камина-солаана, что не потухала в теларане ни на миг, осветила перекатывающиеся под карамельной кожей мышцы.

Я сглотнула ком в мигом пересохшем горле.

Он был красив. Даже сейчас, злой и явно малость невменяемый, он был ужасно красив и притягателен. К нему хотелось прикоснуться, даже опасаясь, что он откусит тебе руку.

– Я же вижу, что что-то случилось, не надо обманывать меня, – бросила я, направляясь за ним.

Джерхан резко остановился у плавного поворота каменной стены, где широкую тяжелую штору будто бы придерживала обнаженная статуя женщины, чье тело было с ног до головы покрыто изображениями пауков. За этой шторой-дверью была та самая спальня, которую и занял мой сосед, любезно оставив мне другую, с огромной круглой кроватью Великого Айша.

Теперь мы стояли рядом втроем: я, он и голая изогнутая статуя, чей плоский живот с инкрустированным в пупке зеленым камушком оказался прямо напротив моего лица.

Однако мрачное лицо Джерхана со сведенными бровями беспокоило меня теперь куда сильнее, чем обнаженные, вытесанные в камне чужие тела.

– Ты больно быстро изучила меня, Эвиса, тебе не кажется? – вдруг резко и ощутимо недовольно спросил мой сосед, и я снова

ощутила запах все той же ягодной настойки без капли алкоголя.

Захотелось приподняться на цыпочки и коснуться его губ... чтобы попробовать, не осталось ни ли на них этого сладкого вкуса...

Голова слегка закружилась.

– Чем от тебя так приятно пахнет? – выдохнула я, не обращая внимания на раздражение своего собеседника.

Пускай бесится сколько влезет, я все равно узнаю, что мне нужно. И хочет не хочет, а он расскажет мне все.

От неожиданного вопроса Джерхан замер, его ядовито-зеленые глаза стали чуть шире, буквально затягивая в свою беспрестанно циркулирующую зеленой магмой глубину.

А затем на мягких губах мелькнула улыбка. Не добрая, как это бывало обычно. Жесткая, хлесткая улыбка, наполненная жгущей его самого внутренней отравой.

– Это «Кровь солаана», настойка на двенадцати ядовитых грибах Стеклянного каньона. Хочешь попробовать?

Теперь стало немного яснее его состояние.

– Какой дурак будет пить настойку на отравленных грибах? – ужаснулась я, лихорадочно вспоминая, что большинство ядов не действуют на мираев. А Джерхан все же бывший мирай.

Мягкие губы сжались.

– Только такой дурак, как я, которому «посчастливилось» официально получить титул Хризопразового маршала и стать верховным главнокомандующим в войне с Шейсарой.

– Что-о-о? – ахнула я, надеясь, что мне послышалось.

И в этот момент Джерхан шагнул в свою комнату, а тяжелая штора упала между нами, отделив меня от него будто мягким лезвием.

– Ничего! – раздалось с другой стороны. – Возвращайся к себе и не вздумай следовать за мной. Маленьким девочкам давно пора спать.

– Ага, сейчас! – возмущенно воскликнула я, отдергивая штору, проходя дальше и погружаясь почти в кромешный мрак.

Камин-пасть в комнате Джерхана почти полностью потух.

– Что это за новости про войну? А ну, рассказывай скорее! – прищуриваясь и привыкая к темноте, бросила я, выставив вперед руки.

Я видела очертания предметов, но все расплывалось перед глазами.

– Я что, непонятно изъясняюсь? – раздался вдруг тихий и опасный голос совсем рядом, вызвав взрыв и россыпь ледяных иголок у меня под ребрами.

А затем сильные руки обхватили мои плечи, крепко сжав.

Я подняла голову, разглядывая в темноте расположенное совсем близко ко мне лицо... но ничего не видела. Только огненно-зеленые глаза едва заметно фосфоресцировали во мраке.

Пугающе.

Завораживающе...

А если ещё вспомнить, что он перепил какой-то грибной настойки, так и вовсе сердце начинало бить с перебоями.

– Джер... хан... – выдохнула я, ощущая на своей коже его обжигающе горячее дыхание и так некстати пьянея от этого. – Ты же понимаешь, что я все равно не уйду?

Хотелось закрыть глаза и вдохнуть поглубже. Тонкий, еле уловимый запах, напоминающий вечернее озеро... дягиль и кувшинки, дикий черный омут, из которого невозможно выбраться...

В почти кромешном мраке показалось, что мужчина наклонился ко мне, а затем я почувствовала, как его щека скользнула по моей. Шею полоснул жар.

– А ты понимаешь, где и рядом с кем находишься? – вкрадчивым шепотом спросил он, заставляя меня невольно то ли шарахаться назад, то ли продвигаться к нему ещё ближе.

Я не знала, что делать. Только чувствовала, что не могу и не хочу уходить.

– До этого момента думала, что рядом с тобой, – проговорила я в ответ так тихо и жалко, что едва ли услышала себя сама.

В ушах застучал пульс.

Не знаю, на что я рассчитывала, делая то, что делаю. Но руки сами собой распахнулись, и... я обняла его. Прижалась щекой к горячей груди, в которой оглушительно громко билось сердце, и все же закрыла глаза. Зажмурилась, стараясь ни о чем не думать, заглушить ноющее и рвущееся пополам под ребрами.

Он меня выгонял. А я не придумала ничего лучше, чем обнять его.

На миг Джерхан замер, раскрыв ладони, выпустив меня из них, словно в ошеломлении. Его неподвижная фигура застыла каменным изваянием, одним из десятков таких же, что наполняли теларан.

Словно он не знал, что делать с такой прилипчивой мошкой, как я. Я тихо усмехнулась, в глазах отчего-то защипало.

– Почему ты смеешься? – глухо спросил он, так и не пошевелившись.

Его руки безжизненно лежали вдоль тела, будто он не желал ко мне прикасаться.

Только сердце под моим ухом стучало как бешеное, путая мысли, совершенно не увязываясь своим стремительным бегом с окружающей неподвижностью.

– Потому что у тебя нет настойки против липких мошек от Лориавель... – проговорила я, с трудом выталкивая из сжавшегося горла ставшие будто квадратными слова. Выплывая их из улыбающегося рта, натянувшегося в спазме. – У тебя нет, а у меня есть...

Я все еще улыбалась. Только кончики пальцев, сомкнувшиеся на мощной спине Джерхана, отчего-то предательски дрожали.

Джерхан резко выдохнул, а потом... обнял меня в ответ. Осторожно сжал руки, одной укрывая мои плечи, а второй касаясь волос.

И я не могла вздохнуть, боясь, что мне все это кажется. Теперь уже широко распахнутым глазам стало мокро. Но я быстро проморгалась, отгоняя непрошеную и глупую слабость.

Так мы и стояли в темноте, кажется, бесконечно долго.

– Как ты не понимаешь, Эвиса, – раздался наконец тихий, немного хриплый голос, и горячая рука зашевелилась в моих волосах, едва заметно поглаживая. Заставляя меня забывать саму себя, щуриться от мурашек, пробегающих по шее до самой поясицы.

– Я все понимаю, – упрямо прошептала я в ответ, пугаясь собственного голоса. – Это ты не понимаешь.

Но Джерхан не засмеялся в ответ, как сделал бы это в другой момент. Он чуть отстранился, и снова в темноте засветились его зеленые глаза. Они были пугающе яркими, и внутри колдовских радужек то и дело вспыхивал темный огонь, грозящий вырваться за их черту. Но словно что-то мешало ему.

– Ты понимаешь, что завтра или послезавтра я могу уничтожить два мира? – спросил глухо Джерхан.

Огонь мелькнул и исчез.

Ледяная лавина ухнула по позвоночнику вниз.

– Почему... уничтожить?

Джерхан опустил руки по моим плечам, скользя по коже, словно случайно... словно продолжал гладить. А затем обхватил мои ладони, утягивая за собой.

Лишь когда мы остановились где-то, а затем тяжелая штора отскочила в сторону, я поняла, что он привел меня на широкий балкон теларана. Только сейчас здесь все было немного иначе, чем тогда, когда я приходила сюда одна.

Едва мы вышли на небольшую площадку, с которой была видна главная площадь-пещера Стеклянного каньона, как с каменных стен вокруг начали выглядывать маленькие светящиеся грибы.

Обычно по ночам эти грибы спали и переставали светиться. Но сейчас почему-то они не просто начинали излучать свет, но и поворачивали маленькие шляпки в нашу сторону.

Джерхан коротко взглянул на меня, словно призывая смотреть, а затем протянул руку к одной из стен и провел ею в сторону.

Вслед за движением его ладони колдовские грибы становились чуть больше, разворачиваясь, открывая шляпки и начиная ярко светиться. Несколько ослепительно-прекрасных мгновений – и весь балкон был наполнен удивительным зеленовато-желтым светом, в лучах которого стала видна напряженная фигура Джерхана, опершегося локтями на перила балкона.

Он глядел вниз, сцепив руки в замок, и его брови были сдвинуты.

– Как у тебя это получилось? – выдохнула я, подходя поближе к грибам и пробуя тоже провести перед ними рукой. Но на меня грибы не реагировали.

– Они чувствуют силу Великого Айша, – спокойно ответил Джерхан, не глядя на меня. – Ощущают божественную силу, которая как... туман. Как дым, который всегда будет сопровождать огонь – Великого Айша. И этот огонь скоро уничтожит нашу с тобой родину. Таково было решение теларанских тысячников.

Земля начала уходит из-под ног. И все же я подошла к краю балкона, встав рядом с Джерханом и крепко схватившись за перила.

Нужно было мыслить рационально. Я не должна поддаваться панике, которая так и норовит нахлынуть!

– Послушай... ну, может быть, не стоит заранее расстраиваться, – попыталась проговорить я, напряженно размышляя. – Ведь Шейсара огромна. А Стекланный каньон тысячекратно меньше... У шаррвальцев просто не хватает сил...

– Хватит, – оборвал меня Джерхан, глядя далеко вперед.

Там, внизу, было почти полностью темно. И все же казалось, что он все видит. А может, смотрит вовсе не на Стекланный каньон и видит вовсе не его... а родину, которую у нас обоих отняли.

– Да, несомненно, шейсарская армия многократно превышает численностью шаррвальскую, – продолжал он. – Однако ты не представляешь силу Великого Айша. Даже мне она до конца не известна и не понятна. Он полубог, понимаешь? – Джерхан наконец повернул ко мне голову, мрачно вглядываясь в мои глаза. – Полубог, Эвиса! Это не обычный маг. Не просто очень сильный маг. Это сосуд Красной матери, ее частичное воплощение на земле. Как когда-то давно Иль-Хайят, да простит меня рубиновая богиня за такое мерзкое сравнение.

Он снова отвернулся и сжал ладони в кулаки.

– Подожди, но ведь Великий Айш – это ты, – тихо проговорила я, нахмурившись. – Ты же можешь просто отказаться от этой роли и не вести войска шаррваль на поверхность...

– Эвиса! – воскликнул Джерхан и тут же одернул себя, зажмурившись и потирая лоб рукой. – Я уже говорил, что не контролирую Айша. Он не я. А чудовище, ведомое голодом и бешенством Красной матери, огромной проклятой паучихи.

– Нет, не может быть, – ошарашенно покачала я головой, пытаюсь сопоставить то, что говорил Джерхан, с тем Айшем, который приходил ко мне. – Айш говорил мне, что вы одно целое...

– Да неужели? – выдохнул Джерхан, перебивая меня, и я поняла, что он вот-вот взорвется. Мои слова ему явно не пришлись по душе. – Нет, Эвиса. А знаешь почему? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Если мне скажут пойти и разнести по камешкам мою родину, я не пошевелю и пальцем. Пусть хоть казнят меня, все равно так жить дальше невозможно. Но разрушать жизнь и мир тех, кого я когда-то любил, кто любил меня, я не стану ни при каких обстоятельствах.

Джерхан на миг замер, а затем, напряженно вглядываясь в меня, закончил:

– А Великий Айш станет. Потому что для Красной матери Шейсара не родина. И полубогу наплевать на то, сколько людей и мираев погибнет. Ему наплевать на всех. Поэтому, Эвиса, мы не одно целое, ты понимаешь?

Он сжал челюсти и отвернулся, снова взглянув во мрак каньона.

Я понимала. Понимала, что невозможно соединить несоединимое. И разговор об этом подобен кинжалу, что раз за разом отрезает от Джерхана новый кусок кровоточащего мяса.

К сожалению, похоже, это именно то, что было нам нужно.

– Но ведь если бы ты контролировал Айша, то мог бы отказаться от этой миссии уже в его теле, – осторожно проговорила я, и Джерхан бросил на меня настолько тяжелый и ядовитый взгляд, что я едва не подавилась словами в конце фразы.

– Это невозможно, – холодно ответил он. – Более того, последний раз, когда я был Великим Айшем, выбраться из его ипостаси мне удалось лишь каким-то чудом. Я даже не помню, как это произошло, и, скорее всего, этого захотел сам Айш. Прежде такого никогда не было. А знаешь, что это означает, Эвиса?

Я шумно сглотнула.

– Что?

– Что в следующий раз я могу уже не вернуться.

Зеленые глаза ярко сверкнули и начали покрываться темно-зеленым мраком, как коркой льда.

– Как же... Почему же?... Может быть, ты ошибаешься... – забубнила я что-то невнятное, чувствуя, как ладони стали влажными.

– Следующий раз, когда я превращусь в Айша, может быть последним для меня, – проговорил Джерхан и медленно вздохнул. – И мы с тобой уже не увидимся. Тогда сопротивляться войне с Шейсарой будет уже некому.

– Но это же какая-то ерунда, – не хотела я верить. – Ведь Великий Айш говорил мне...

– Что он тебе говорил? – нахмурился мужчина. – Зачем вообще слушать монстра? Неужели ты веришь чудовищу, на которое невозможно смотреть?

– Да не чудовище он!

Джерхан прищурился. Его губы сжались в линию, когда он посмотрел на меня, чуть склонив голову.

– Кто же тогда? – тихо спросил, глядя на меня не моргая. – Если не чудище, которое и в зеркало на себя взглянуть наверняка не может? Я! Я скоро не смогу взглянуть на себя в зеркало! Никогда уже не смогу вернуться домой. К солнцу, к тем, кто меня знал, кого я любил... Потому что огромного паука не примет Шейсара. Зверь, который приносит лишь боль, должен быть уничтожен. Вот только все будет наоборот, и скоро он уничтожит меня, тебя и все, что было мне дорого. А я ничего не могу с этим сделать!

Я открыла рот и тут же закрыла. Не было слов, чтобы ответить ему, чем-то успокоить. Не было слов, чтобы объяснить, насколько он может быть неправ.

Да, я понятия не имела, каков Великий Айш на самом деле. Мы и встречались-то всего несколько раз... да и то почти не разговаривали...

Вот только я чувствовала перед собой вовсе не чудовище. И не испытывала страха.

Возможно, мои инстинкты ошибались. Но, может быть, и нет?..

– Вообще-то, когда ты был Великим Айшем, лично мне ты боли не приносил, – проговорила я сбивчиво, едва найдя эти слова для ответа.

Джерхан резко повернулся ко мне всем торсом и, подозрительно приподняв бровь, спросил:

– Что же тогда я приносил тебе, когда был Великим Айшем, если не боль?..

Я покраснела. Серьезно так покраснела.

– Это неважно, – нервно взмахнула я рукой. Слишком красноречиво нервно. – Главное, что ты себя накручиваешь. Уже накрутил так, что тебя послушаешь – можно сразу в петлю, и прости-прощай! – совсем распереживалась я. – А нужно, между прочим, проблему решать! Если бы ты не отказывался от своей второй половины, проблемы бы и не было! Послал бы всех теларанских тысячников к Красной матери под хвост – и дело с концом!

Джерхан смотрел на меня огромными, широко распахнутыми глазами, словно не верил своим ушам.

Правильно, я тоже не верила, что сказала нечто подобное.

Что я за бесчувственное существо? Ведь стоит лишь представить, в какое ужасное положение попал Джерхан, как ладони покрываются

липким потом. Стоит лишь на миг вообразить себя на его месте, так бросает в холодный ужас.

Если бы у меня вместо ног образовались паучьи лапы, что бы я сделала? Как бы чувствовала себя, лишившись навсегда чего-то крайне ценного, вроде змеиного мирайского хвоста, который в Шейсаре был символом статуса, власти и богатства? Мне трудно это представить... Но что, если бы я лишилась, скажем, груди?

Я невольно опустила взгляд на вырез декольте и прикусила губу. Сравнение не самое удачное, и все же я бы очень расстроилась. А если бы вместо груди у меня, скажем, появился черный паучий пушок или дополнительные лапки?..

В общем, чем дальше, тем страшнее.

Я бы спряталась в какой-нибудь темной пещере и никогда оттуда не выходила, как пить дать.

Джерхан лишился своей сущности и не хотел принимать новую. Навязанную, чужую. Сущность Красной матери, которую считал проклятой богиней.

А я на него наорала...И теперь боялась поднять глаза.

– У Красной матери нет хвоста, – проговорил вдруг Джерхан, вырывая меня из плена тяжелых мыслей и слегка шокируя этим ответом.

– Что?..

– Ты сказала, что мне нужно послать теларанских тысячников Красной матери под хвост, – повторил он мою фразу, от которой мне уже было ужасно стыдно. – Так вот, у Красной матери нет хвоста. Поэтому послать не получится, Эвиса.

И едва я набралась смелости, чтобы извиниться, как он развернулся и вышел прочь с балкона. А вслед за ним дивные волшебные грибы, что наполняли пространство желтоватым светом, тут же начали сворачиваться, уменьшаться на глазах и потухать. Пара мгновений – и на балконе было уже совершенно темно.

И холодно...

Я глубоко вздохнула, а в голове мелькнуло острое и болезненное: разве может быть отвратительным или ужасным существо, рядом с которым происходят такие чудеса? Рядом с которым самая темная ночь обретает краски?..

Придя в себя, я поспешила вернуться в теларан за Джерханом, но заново отодвинуть тяжёлую штору и проникнуть в его комнату уже почему-то не посмела.

Что-то жгло внутри, и рука, которую я протянула в сторону мягкой перегородки, сама опала, так и не коснувшись ткани.

Ещё некоторое время я кружила по помещению, обдумывая все случившееся, пытаюсь понять, что делать, как все исправить. Но ничего не придумала.

Затем я разозлилась сперва на себя, потом на Джерхана, и под конец уже на всех шаррвальцев, из-за которых мы оказались в такой ситуации. Яростно дёрнув пояс платья, я стянула с себя одежду и юркнула под одеяло огромной круглой кровати, что была слишком велика для меня одной.

Сон пришел не скоро, но сморил так сильно, словно я провалилась в самую глубокую подземную бездну.

Глава 13

Голод его неземной
Обожжет как вино с беленой...

(из уличной шейсарской песенки)

Голова раскалывалась.

Нефрит двигался по теларану медленно и неторопливо, так, словно у него снова был хвост. Словно он скользит им по холодному каменному полу, ловко и без труда огибая предметы мебели и гладкие повороты стен.

Но хвоста не было. И в висках стучало, сдавливало, так, словно кто-то вонзил в них две раскаленных иглы.

У Нефрита часто болела голова от бешенства. От злости и безысходности, что связали его по рукам и ногам. Эта боль была привычной, и Нефрит воспринимал ее как нечто родное.

Боль тоже была в бешенстве от всего происходящего.

Опустившись в проклятое, жутко жесткое каменное кресло, со всех сторон совершенно без толку устланное шкурами гигантских черных кротов, он закрыл глаза и раздражённо потёр виски.

Его Эвиса застыла за тяжелой тканью портьеры, как мышка, почувствовавшая, что совсем рядом притаился удав, который ее вот-вот задушит.

Впору было усмехнуться, но казалось, если он это сделает, губы растрескаются в кровь. Улыбаться не хотелось.

Он уже не змей. Теперь он паук, но, как ни странно, из-за этого мышке стоило бы бояться только сильнее.

Но она все равно стоит у входа в комнату и не двигается, вместо того чтобы убежать.

Нефрит чувствовал ее тонкий, раздражающий рецепторы запах, мягкий аромат, въедающийся в кожу, проникающий в лёгкие и застревающий там навечно, как щетинки разозленного птицеда. Этот паук скидывает их, когда хочет напасть... но Эвиса пахла так постоянно.

Словно хотела убить его. Словно хотела навсегда остаться у него внутри.

У нее это получалось. Даже зажмуриваясь, теперь он видел ее удивительные глаза, синевато-голубые, меняющие цвет от светлой глубины до темного ободка. Глаза, которые иногда будто смотрели в самое его сердце, читая там каждую мысль. Казалось, он не мог ничего скрыть от этой маленькой, хрупкой девчонки с невинно-персиковым загаром золотого солнца Шейсары.

А ещё иногда в крошечной тьме теларана в глубине ее глаз ему чудился Турмалиновый рододендрон Стеклянного каньона. Казалось, что в синеве радужки спряталось огромное древнее дерево, шевелящее яркой бесконечностью лепестков... В окружении непроглядного мрака его ала менялась, и в бездне ее невинного взгляда загорался манящий аметистовый свет. Именно тогда глаза Эвисы приобретали тот странно колдовской сиреневый оттенок, что носило священное дерево шаррвальцев.

Сперва заметив это удивительное свойство, Нефрит даже решил, что ему привиделось. А может, то прогрессировало безумие, которое обязательно должно было рано или поздно настигнуть его в каменной безысходности Стеклянного каньона. Но каждый раз, оказываясь вместе с Эвисой в полной темноте, он снова замечал мерцание турмалиновой магии вокруг ее зрачков и уже не думал, что сошел с ума.

Это уже не могло быть совпадением. Но знала ли о нем сама Эвиса? Простая девочка с окраины Шейсары, которая ещё пару недель назад не ведала ни о паучьем каньоне, ни о Турмалиновом рододендроне?

Вряд ли Эвиса могла догадываться, что внутри неё скрывается таинственная шаррвальская магия. Да ведь и люди не видят в темноте... а значит, глаза, меняющие цвет в кромешном мраке, должны были остаться для бедной девочки тайной.

Так даже лучше.

Сейчас наивная ала пытается заставить его смириться с его же проклятой сущностью. А в ином случае, возможно, ей придется попытаться найти оправдание самой себе.

Нефрит закрыл глаза. Боль в голове не проходила, и это было плохо. В ушах уже слегка шумело, что говорило лишь об одном: магия Айша буйствует. Кипит, желая выплеснуться, выбраться наружу.

Занять его место.

А ведь он сменил облик совсем недавно! Всего какие-нибудь сутки назад. Это было плохо, очень плохо. И подтверждало его догадки о том, что сила Красной матери поглощает его. Следующая смена ипостаси могла стать последней.

Когда-то он мог находиться в человеческом теле неделями, месяцами. Но постепенно срок начал уменьшаться. Смена ипостаси становилась все более стихийной, неожиданной. И вот теперь интервал между обликами стремительно приближался к нулю без возможности возврата.

Страх сжал горло, вызвав новую волну раздражения.

Нефрит не признавал страха, даже когда его звали иначе. Когда он имел право носить имя Джерхан Нефритовый змей.

Не признавал он его и сейчас. Но ничего не мог с ним поделать. Страх никогда больше не открыть глаза в собственном теле уничтожал его изнутри.

Нужно было что-то делать. И к сожалению, он догадывался, что именно нужно Великому Айшу. Почему *Он* пытается забрать контроль именно сейчас.

Потому что *Она* была рядом.

Впрочем, в этом он мог понять свою темную половину. Рядом с Эвисой хотелось... просто быть. Она притягивала, каким-то трудно

объяснимым флером манила. Каждый раз, когда он приходил в теларан, его тянуло просто посидеть рядом с ней, даже молча. Словно она была огнем в насквозь промерзшей стыллой пещере.

Это было странно в принципе, и тем более странно, что они едва знакомы. К предыдущим алам Нефрит не испытывал ничего, кроме жалости и сожаления к их непростой участи. Он старался как можно меньше находиться с ними рядом, и у него это даже получалось.

Но с Эвисой этот фокус сломался в самом начале. В первый же день их встречи, когда он увидел ее одну во мраке пещеры. Заблудившуюся, испуганную. Когда коснулся ее кожи, провел языком по ране, стараясь, чтобы слюна Айша уничтожила яд солаана.

В тот день ее кровь случайно оказалась внутри него. Возможно, это как-то повлияло на Великого Айша, не зря же он чудовище, плод магии огромной богини-паучихи. Может быть, ее вкус растревожил Зверя Красной матери?

Нефрит не знал. Но чувствовал, что как прежде уже не будет, ведь теперь у них с Айшем неожиданно появилось нечто общее. Тяга к одной-единственной девушке.

Нефрит резко поднялся с кресла и подошел к каменной стене, что соединяла его комнату с комнатой Эвисы. Совсем недавно она исследовала эту стену вдоль и поперек, пытаясь найти в ней отверстия, через которые он мог бы за ней подглядывать. А их не было.

И не могло быть.

Нефрит подошел к стене и коснулся ее ладонью. В тот же миг камень начал стремительно плавиться, словно масло. И в центре стены возникло углубление, будто специально сделанное в форме человеческого лица. А в месте, где должны быть глаза, оказалось два небольших отверстия.

Нефрит убрал руку и подошел ближе, вставив лицо в углубление, на обратной стороне которого в комнате Эвисы располагалась статуя обнаженного мужчины.

Камень безупречно подчинялся силе Великого Айша. Не нужно было произносить колдовских слов, взывать к древней магии. Достаточно было лишь пожелать, и камень плавился и менял свое положение. Нефрит знал, что стоит ему захотеть – и под ногами его врагов разверзнутся такие же жидкие смертоносные ямы, овраги и расщелины, сверху начнется камнепад. Возможно, у него даже хватило

бы сил засыпать и уничтожить полностью Стекланный каньон со всеми шаррвальцами... вместе с собой и Эвисой...

Разве что Нефрит этого не желал. Он не хотел признаваться в этом даже самому себе, но шаррвальцы стали ему близки. За долгие десять лет, что он провел в их подземных пещерах, проблемы беловолосого паучьего народа проникли ему в кровь, их боль и страдания почти стали его собственными.

Почти каждый год шаррвальцы были вынуждены относить часть своих детей на поверхность, потому что в пещерах тем было не выжить. Еды и необходимых лекарств не хватало на всех, Тираанские жрецы жестко контролировали численность населения, и если она становилась выше необходимого порога для выживания, то у матерей забирали детей. Тираанские воины относили их на поверхность и, убеждаясь, что ребенка приняли в дом, снова исчезали в пещерах.

Это была самая большая трагедия Стекланного каньона. Потеря своих детей.

А еще иногда они просто умирали раньше времени. От нехватки солнца ломались кости, развивались психические заболевания, простуды, воспаления легких и даже такие болезни, которые в Шейсаре никогда не ассоциировали с нехваткой света. А лекарства, спасающие от этой нехватки, заканчивались слишком быстро.

Нефрит не мог не жалеть этих людей. И как бы прежде глубоко он ни был уверен в том, что шаррвальцы – демонопоклонники, пожив с ними бок о бок столько времени, он не мог не признать, что они просто обычные люди, которые тоже хотят жить.

Впрочем, принять их желание сровнять Шейсару с землей и тем самым найти себе новый дом он тоже не мог.

Глубоко вздохнув, надеясь, что это немного заглушит шум в ушах и боль в голове, Нефрит взглянул в отверстия каменных глаз.

И увидел *ее*.

Эвиса гневно рассекала комнату. Ее тонкие руки были уперты в бока, длинные волнистые волосы, которые она обычно носила собранными в косу, растрепались.

Нефрит замер. Темная сила внутри него всколыхнулась, как штормовой прибой, ударяя о прибрежные скалы.

Ему нравились ее волосы. Когда он увидел ее впервые, они были светло-русые, с лёгким оттенком пепла и стали. Редкий оттенок для

Шейсары, но довольно частый для шаррвалек. Впрочем, в Стеклянном каньоне, как и глаза, волосы Эвисы преобразились.

Сейчас в антрацитовый тьме, когда камин-пасть почти потух, русые пряди, рассыпавшиеся по хрупким плечам, по спине и пленительно затянутой в паучий шелк груди, начали будто бы светиться изнутри. Они источали лёгкое призрачное свечение, как грибы-тирааны, как лунные кристаллы, используемые в каньоне в качестве природных фонарей. Сила этого волшебства была столь мала, что заметить это оказывалось почти невозможно. Однако из-за этого со стороны казалось, будто волосы девушки приобрели жемчужно-белый цвет.

И скорее всего, этого она тоже не замечала, ведь больше всего призрачное сияние проявлялось именно в темноте, а без света люди редко подходят к зеркалу, чтобы взглянуть на себя. На свету же сияние пропадало.

Нефрит сам не заметил, как прижался лбом к холодному камню, напряженно вглядываясь в отрывистые движения женских рук, в колыхание подола платья, в то и дело мелькающие в темноте голубовато-сиреневые глаза.

Он не мог оторвать от нее взгляд. В груди глухо и сильно билось в ребра сердце, быстрее толкая кровь по венам, заставляя испытывать новые и давно уже чужие для Нефрита чувства. Он стиснул зубы, стараясь не думать.

Не представлять.

Он мог случайно убить ее. Кто знает, на что способен проклятый паук, когда он, Джерхан, теряет возможность управлять своим телом? Чудовище способно на все, и ожидать от него чего-то хорошего не приходится.

Он хотел бы держаться подальше, как и всегда, но теперь не мог. Рядом с Эвисой глухо стучащее в груди сердце переставало... болеть. На короткие мгновения он забывал о том, что происходит вокруг. О том, кто он есть. Не думал больше, что они находятся глубоко под землей без возможности выбраться.

Была только она. Ее улыбка, светящиеся весельем глаза, которые словно дарили надежду на что-то лучшее, светлое. И пусть на самом деле это и невозможно, ничего светлого с ними тут произойти не может, но было приятно ощущать это.

Рядом с Эвисой сердце переставало кровоточить.

Но и Тьма внутри него ощущала то же самое. Бурля, словно варево в котле колдуна. И прямо сейчас чувство голода, растущего в мышцах, в плоти и крови, вот-вот готово было достигнуть максимума.

Поглотить его целиком.

С огромным трудом Нефрит дождался, пока Эвиса ляжет спать. Стиснув зубы он следил, как она быстро снимает с себя плотную ткань платья, как стягивает его с плеч, раздраженно бросая на пол, и остается совершенно... обнаженной. Следил, как ее совершенное тело скользит по мягкой перине, утопая в ней, укутываясь в облако одеяла.

Напряжение в мышцах сковало с головы до ног. Нефрит на миг зажмурился, когда ладони сами собой сжались в кулаки, а ногти, впившиеся в кожу, стали чуть острее.

Он не должен был позволить себе перевоплотиться. Нельзя. Не сейчас... никогда!

Но оборот Великого Айша почти невозможно было контролировать.

Чудовище рвалось из него, пыталось дать себе свободу. Чтобы прикоснуться к *ней*.

Нефрит открыл глаза и опустил взгляд на сжатые кулаки. Вены под кожей вздулись от напряжения. Он взглянул на свой живот, и кожу обдало волной убийственного жара.

Основание живота начало покрываться черными чешуйками – шестигранными пластинами, напоминающими металл. Чешуйки были гораздо крупнее, чем змеиные, которые появлялись когда-то давно, когда он был миром. Если подумать, между пластинами Айша и змеиным покровом мирая было довольно отчетливое сходство... но Нефрит никогда этого не замечал.

На секунду закрыв глаза, он попытался медленно вздохнуть.

Медленно уже не получалось.

Нефрит чувствовал, что, скорее всего, его глаза прямо сейчас наполняются ядовитой зеленью Красной матери. Смешно подумать, паучью богиню звали «красной», но среди шаррвальцев считалось, что ее сердце состоит из священного зеленого хризопраза. И теперь его собственный цвет – цвет, который был с ним с рождения, окрашивая глаза и хвост, – теперь стал для него проклятым.

Зато в Стеклянном каньоне это было еще одним подтверждением его священной роли. Его избранности.

Нефрит поднял веки, и камень вокруг вспыхнул ядовитыми отблесками колдовского хризопразового цвета.

Еще немного – и будет поздно. Вероятно, навсегда.

Он посмотрел сквозь отверстия в стене на девушку, которая ворочалась на огромной кровати, и стиснул зубы, безуспешно глуша чудовищный голод, накрывающий его с головой. А затем коснулся ладонью стены.

Эвиса не должна была расплачиваться за его проклятие. Но... похоже, у нее не было выбора.

По холодному камню пошла легкая, едва заметная рябь, а затем на стене начали повлаться странные гранитные прожилки. Тонкие, трудно различимые, но, если приглядеться, они имели белый, переливающийся жемчугом цвет.

Прожилки увеличивались, расходясь от ладони Нефрита в разные стороны. Они росли и утолщались, пока не проникли сквозь стену и не исчезли на другой ее стороне. Уже там они вновь сделались тонкими и прозрачными, колыхаясь в воздухе, как... громадная сеть паутины, нависшей прямо над кроватью Эвисы.

В этот момент девушка как раз повернулась, словно пытаясь открыть глаза, мучимая бессонницей. И тут паутина упала на нее и растворилась мягким дымом, исчезнув, втянувшись в женское тело, мягкую перину и одеяло.

Эвиса уснула крепким беспробудным сном.

Никто во всем мире не видел, как на привычную темноту теларана Стеклянного каньона опустился ватный колдовской мрак. Он стелился густым облаком, распространялся вокруг, как пряный, горячий дым, как туман, от которого не скрыться и не спрятаться.

То была сила, которую не мог в полной мере осознать никто из живых, потому что принадлежала она лишь богам. Тому древнему и непознанному, что много тысячелетий назад создало сам мир, наполнив его золотом песков, блеском солнца и чернотой каменных пещер. Светом страсти и тьмой голода.

Эта сила никогда прежде не появлялась среди живых, и никто никогда не смог бы догадаться, чего она желает. Чего добивается,

иногда порабощая и искажая мысли и чувства, а иной раз заставляя, толкая за черту.

Джерхан знал эту силу и ненавидел. Но так же, как и другие, не понимал.

Он шагнул в комнату, где спала Эвиса, чувствуя, как тьма ластится к его рукам, как зовет и манит быть тем, кем ему было предназначено стать. Но он не поддавался, из последних сил просто наблюдая, как мирно спит его ала, утопая в мягкой перине громадной постели.

Как бабочка, утонувшая в коконе из паутины...

Его глаза горели. Теперь уже он совершенно четко ощущал жгущую привычную боль под веками, боль почти приятную, означающую, что хризопразовое пламя полностью заполнило радужки.

Почему он до сих пор в человеческом теле?..

Мысли блуждали в голове, как одинокие призраки, летающие над спящим городом, скрытым черным плащом ночи. Хитиновые пластины в основании живота стали ярче, с каждой секундой они проступали все сильнее. И все же он еще шел на двух ногах, хотя уже и с трудом осознавал это.

В его глазах была лишь Эвиса. Он видел ее хрупкое обнаженное тело, с которого слегка сполз стыдливый покров одеяла, ее худые плечи, манящий изгиб красивой шеи и чуть углубленную линию позвоночника, до которой хотелось дотронуться. Так сильно, что сдерживаться было почти невозможно.

Ладони горели, кончики пальцев покалывало.

Эвиса лежала на боку, спиной к нему, подложив под голову согнутую руку. Нефрит сел на постель рядом с ней, не опасаясь, что она очнется, не думая об этом. Он уже почти не осознавал себя тем, кем был на самом деле. В его голове смешались две сущности, бурля и перетекая одна в другую, как масло и вода, взаимодействуя, но не смешиваясь. Без малейшего шанса стать одним целым, но лишая возможности нормально соображать. Лишь одна-единственная общая цель вдруг временно связала две противоборствующие субстанции – Эвиса.

Они оба хотели ее. И стоило на миг затаить дыхание, закрыть глаза, попытавшись сделать паузу, попробовать избавиться таким образом от наваждения, как, вновь открыв глаза, Нефрит ощущал, что наваждение стало лишь больше.

Тьма рвалась с кончиков пальцев, и он уже не мог ее контролировать. Он протянул руку вперед в коротком, болезненном желании прикоснуться к Эвисе. Дотронуться до ее кожи, еле заметно провести по шелку персикового загара.

Джерхан так давно не видел загар хоть на ком-нибудь. А он так шел Эвисе...

Вот только стоило ему дотронуться костяшками пальцев до лопатки девушки, как из центра его ладони хлынул паучий дым. Отравы Великого Айша.

Нефрит перевернул кисть ладонью вверх, почти безучастно вглядываясь в собственную руку, из которой невидимыми клубами распространялся бледноватый дым. А потом опустил ее на плечо Эвисы, скользнув по шее вверх. Убирая красивые сверкающе-белые волосы, освобождая мягкую линию мышц, бьющуюся в спокойном ритме маленькую артерию. Проводя пальцем по показавшемуся уху, до которого чудовищно сильно хотелось дотронуться губами.

Дым распространялся вокруг, сплетаясь в очередную паутину и укладываясь на спящей девушке серебристыми нитями. Остановить этот процесс не представлялось возможным. Да и трудно остановить то, что в какой-то мере отвечает твоим желаниям...

Эвиса с каждым мгновением дышала все чаще. Нефрит глядел на нее огненно-зеленым пламенем глаз Великого Айша и чувствовал, что вот-вот может не сдержаться. Все внутри него горело, скрутилось змеиными кольцами под желудком и жгло звериным диким голодом. Кровь пульсировала в венах, билась в висках и голове, ударяла ноющим тактом в основание живота, под черные хитиновые пластины. Заставляя каждую мышцу напрягаться, наливаясь сталью и древней жаждой.

Он понимал, что вот-вот возьмет силой спящую девушку. *Ту, которая ему доверяла...*

Это была последняя более-менее адекватная мысль, которая еще сохраняла Нефрита в человеческом теле. Больше всего на свете он не хотел вредить. Не хотел причинять боль.

Становиться чудовищем.

Но сила кипела в нем, подчиняла, выбрасывая из головы все, кроме иссушающей страсти. И в какой-то момент Нефрит перестал думать.

Он встряхнул головой, и длинные, чуть волнистые волосы рассыпались по широким плечам, которые, кажется, стали чуть больше обычного. На волевом лице больше не маячило призрачное беспокойство. Губы сложились в едва заметную улыбку, а глаза слегка прищурились, когда он одним резким движением откинул прочь тяжелое одеяло, оставив девушку полностью обнаженной.

Эвиса не заметила. Ее тело бросало в жар с каждым мгновением все больше. Она едва заметно хмурилась во сне и прикусила нижнюю губу, опустив руки вниз и сжав бедра, потерлась коленями друг о друга.

Нефрит улыбнулся шире. Из-под его верхней губы блеснули кончики мирайских клыков, но он этого не замечал.

Когда-то давно, когда он был нагом, его яд мог во время укуса принести женщине неизъяснимое наслаждение. Но теперь, когда он стал Великим Айшем, свойства яда изменились, и до конца он их не понимал. Знал лишь, что Айшу не нужно было кусать свою женщину вовсе... Паучий дым оплетал паутиной гораздо лучше и быстрее, рождая в женском теле неконтролируемые желания, томление, с которым невозможно было бороться.

Джерхан ненавидел это так же, как и остальную магию паучьего полубога. С помощью невидимых сетей паутины Великий Айш мог зачаровать не одну женщину, а многих одновременно. Это казалось нечестным и отвратительным...

Теперь Нефрит об этом больше не думал. Серебристо-белый туман ложился на Эвису, заставляя ее изгибаться во сне. На ее щеках появился эротичный румянец, и вот уже она перевернулась на спину, ерзая по шелковой простыне, не находя покоя.

Ее волосы разметались по подушке, нижняя губа оказалась искусана и влажно призывно блестела.

Нефрит не мог отвести от нее глаза. Он жадно выхватывал каждое движение ее тела, ловил мельчайшие изменения в лице, как хищник вслушивался в быстрое рваное дыхание.

Его плоть упиралась в ткань штанов, стянутых золотыми цепями ремня. И это было почти больно.

Он опустил руки по обеим сторонам ее тела и, склонившись, медленно коснулся ее губ. Едва заметно, закрыв глаза, когда терпеть, не касаясь ее, стало невозможно.

В этот самый момент Эвиса изогнулась, чуть откинув голову назад, и тихо простонала.

Нефрит резко выдохнул, теряя самообладание. Его руки сжались на мягкой ткани простыни, заострившиеся ногти прочертили линии зацепок, пока не порвали ткань. Но Нефрит не заметил, медленно опускаясь губами по представшей его взгляду идеальной шее. Горячей, сладкой... А потом вниз – к груди, рубиновые вершинки которой призывно напряглись, став почти каменно-твердыми.

Мышцы Нефрита подрагивали от того, насколько тяжело оказалось сдерживать рвущийся из него голод. Он глубоко дышал, обводя языком круглый сосок, сходя с ума от ощущения его аккуратной твердости под своими губами.

Эвиса снова застонала, так и не открывая глаз.

В ушах Нефрита зашумело. Он зажмурился, снова и снова слыша ее стон, подталкивающий его к последней грани.

Он опустил губами на плоский впавший живот, скользнув языком в ямку пупка. Словно дразнил сам себя, все сильнее и сильнее. Это было похоже на мазохизм, но он не мог остановиться. Прикосновение к ее телу доставляло ему ни с чем не сравнимое наслаждение. Удовольствие, похожее на наркотик, от которого невозможно отказаться. А сладкие звуки наслаждения, рвущиеся из ее груди, становились новой дозой, после которой шанса спастись уже не было.

Опустившись в самый низ ее горячего живота, Нефрит, выдохнув, провел языком по гладкой коже треугольничка, чувствуя, словно вот-вот взорвется.

Эвиса хрипло вздохнула и едва заметно захныкала во сне. Словно ей было мало.

Всего мало...

Ее красивое лицо горело, руки не знали, куда себя деть.

Нефрит на миг отстранился, едва дыша. Его брови сдвинулись.

Он так сильно хотел оказаться в ней, почувствовать ее хрупкое тело под собой, ощутить, как она изгибается в ответ на его поцелуи... Как выстаннывает его имя.

«Джерхан...»

Но это было уже не его имя.

В этот момент он поднял руки и коснулся сведенных женских коленей, медленно разведя их в стороны. Доводя собственное безумие до новой грани.

Эвиса тихо вздохнула.

А затем он коснулся ее руки и уверенно опустил ее вниз, заставив девушку прикоснуться к самой себе.

Казалось, во сне она покраснела еще сильнее.

Нефрит стиснул зубы, из последних сил стараясь себя удержать, хотя он уже не знал, кого контролирует. Кто он на самом деле.

Он коснулся ее, управляя ее пальцами, дотрагиваясь до влажных складочек, раскрывая их и проникая в мягкую сердцевину, а потом... внутрь.

Эвиса изогнулась, беззвучно раскрыв алые губы, а затем начала двигать рукой сама, тихо постанывая. И ее голос темной, пьянящей музыкой разливался по теларану.

Это стало последней каплей.

Нефрит почувствовал, что кости начинают менять форму. Магия меняет его тело. Он уже не видел границы между собственным сознанием и сознанием Великого Айша, но инстинктивно понимал, помнил, что переворота допустить нельзя. Что еще немного – и будет поздно.

Что поздно – он уже не помнил. Видел перед собой Эвису, и только ее.

Тьма и сила вырывались из его тела, покрывая собой все вокруг. Наполняя весь теларан паучьим дымом, голодом страсти и жадой. В этот момент все пауки дворца подняли вверх десятки своих блестящих глаз, зная, что Великий Айш просыпается, наконец найдя свою Айяалу.

И только люди не чувствовали совершенно ничего. Разве что некоторые жрецы и жрицы, как Неями, мастерица Хрустальных пауков, что подняла голову вверх, удивленно вздернув бровь. А затем исчезла в каменных коридорах дворца вместе со всеми своими подопечными.

А Нефрит понял, что вот-вот навсегда потеряет себя. И все равно он не мог поступить против своих принципов и взять женщину, которая наверняка его не желала.

Эвиса не могла желать *его*. Проклятого мирая, ставшего чудовищем.

Он опустил руку к золотому ремню и одним движением дернул его, порвав металлические звенья. И уже в следующую секунду коснулся жесткой, как камень, ноющей плоти.

С губ Эвисы снова сорвался тихий стон. Она была уже близка, и Нефрит, до крови прикусив щеку изнутри, лишь смотрел, как она ласкает себя, проводя рукой по собственной болезненно пульсирующей твердости.

Его брови сдвинулись, движения становились быстрее одновременно с тем, как ускорялись движения самой Эвисы. И когда ее тело натянулось как струна, выгнулось, задрожав, в тот же миг огонь, что жег его изнутри, выплеснулся на ее грудь, украшая рубиновые соски жемчужными каплями.

Ураган удовольствия затопил каждую мышцу, обжигая пульсирующим прибоем из лавы. Перед глазами потемнело, и Нефрит долго не мог прийти в себя.

Тишина, разлившаяся в теларане, стала звенящей.

Эвиса тяжело дышала, так и не открывая глаз. А Нефрит тонул в озере окружающей тьмы.

Его сердце все еще бешено стучало.

Он медленно провел рукой над женским телом, и невидимая паутина оплела ее кожу, в тот же миг исчезая вместе со всеми следами только что случившейся страсти. Затем он накрыл Эвису одеялом, медленно встал с постели и, пошатываясь, ушел прочь из теларана.

Внутри него царили мрак и пустота. И прямо сейчас он надеялся уйти в подземные пещеры так далеко, чтобы его никто не мог найти. И чтобы, сделавшись Великим Айшем в последний раз, он уже никогда не смог вернуться назад.

Глава 14

«„Ала“ – та, чрево чье – колыбель,
„Айя“ – солнца искрящийся хмель...»

(из уличной шейсарской песенки)

Я проснулась от тревожного чувства в груди. Пробуждение оказалось непростым, словно всю ночь я занималась физическим

трудом, а вовсе не спала в мягкой постельке, сладко обернувшись одеялом из нежнейшего паучьего материала. Впору было позавидовать маленьким шустрым товарищам, ведь они в своей паутине всю жизнь спали, а я узнала об этом чуде только здесь. В теларане Джерхана.

К слову сказать, я дала себе обещание, что больше не буду называть своего соседа Великим Айшем. Даже мысленно. Для меня он был обычным мужчиной, разумным, мыслящим существом. И он имел право носить нормальное имя. Свое.

А Великий Айш – это не имя. Это, конечно, наверняка весьма почётно – полубог и все такое... вот только подобное обращение обезличенно. Как «мой царь» или и вовсе какая-нибудь «уважаемая статуя». Подобным образом можно было бы именовать золотого исполина. Бесчувственного и безмерно недостижимого.

Полагаю, что так шарральцы дистанцировались от своего божества, одновременно выказывая ему дань уважения. Этот же фокус позволял им в случае непонимания его действий развести руки в стороны и сказать: «Ну, то ж Великий Айш...»

Как тогда, когда он убил личного стражника царицы.

Что возмёшь с полубога? Его мысли недоступны и непознаваемы. Как у зверя...

Нет! Джерхан был нормальным мужчиной, и каждый его поступок однозначно имел какой-то смысл. Если он убил того охранника, значит, к тому были определенные предпосылки. И значит, тот тип это заслужил.

Я настойчиво гнала от себя мысль о том, что, возможно, причина была в ревности к царице. Нет! Обязано было произойти нечто посерьёзнее, иначе думать я совершенно не желала.

Боялась...

А еще, вскочив с кровати, накинув на себя халат-платье и сунув голову за портьеру, что вела в комнату Джерхана, я поняла, что его там нет. Уже более уверенно я прошлась по всему теларану, убедившись, что мужчина и впрямь пропал.

Это было плохо. Не знаю почему, но его исчезновение отозвалось ноющим страхом, беспокойством, скрутившимся под сердцем раскаленными кольцами.

Джерхан редко оставался в теларане. Видимо, не хотел находиться рядом со мной... Возможно, не планировал стеснять или смущать, а

возможно, ночевал у какой-то другой женщины. Понятное дело, что меня не устраивали оба варианта, а последний особенно, однако беспокойство в груди, казалось, имело иной характер.

Решив поискать Джера во дворце, я твердо вознамерилась пропустить завтрак и прогуляться по прохладным каменным коридорам. Выбрав на одной из статуй-манекенов новое платье, что было подбито черным мехом, я сунула ноги в мягкие теплые бабуши, в которых тут ходила половина дворца, и юркнула за дверь теларана.

Сперва мне почти никто не встречался. Редко то здесь, то там по тёмным коридорам шныряли слуги. Кто-то нёс поднос с завтраком, кто-то – с напитками, кто-то спешил убраться в комнатах. Мне так и не удалось подслушать что-нибудь интересненькое, хотя, признаться честно, я на это немного рассчитывала. К сожалению, тот зал, в котором в прошлый раз проходило совещание, оказался совершенно пуст. Впрочем, это и немудрено, ведь сейчас было раннее утро, то самое, которое в Стеклянном каньоне почти ничем не отличалась от ночи.

Устав бродить в полном одиночестве и побоявшись окончательно заблудиться, я подловила первого попавшегося слугу и спросила, не встречал ли он он в коридорах Великого Айша.

Моей жертвой оказался молоденький мальчик не старше тринадцати лет. Он нёс в руках корзинку с грибами и какими-то растениями, и после моего вопроса на его лице отразилось такая гамма эмоций, что я тут же захотела извиниться и забрать свои приставания обратно.

– Нет-нет, что ты, ала, не видел я Великого Айша! Кто же знать может, где проводит время слышащий Красную мать? То только богам ведомо, – говорил он, привычным для Стеклянного каньона образом путая порядок слов.

– Очень жаль, – выдохнула я, – значит, придётся идти обратно и опять сидеть в одиночестве целый день.

Из груди вырвалась эта жалоба скорее невольно, случайно, чем для того, чтобы услышать в ответ слова поддержки от несчастного слуги. Однако тот вдруг вытаращил на меня глаза, схватил за руку и сказал:

– Так пойдём со мной скорее! Познакомлю я тебя со своей мамой и тётей Шерити! Они накормят тебя и расскажут какую-нибудь сказку.

Мне всегда рассказывают!

И парень уверенно потянул меня вперёд, не слушая возражений.

Ничего не оставалось, как последовать за ним. Дети бывают ужасно непосредственными, но меня никогда это не беспокоило. Я выросла в семье с кучей детей, и хоть они не были мне родными, но всё равно я любила их и привыкла нянчиться с младшими, помогая тёте.

Несмотря на то, что мы часто ругались, некоторые из братьев даже подстраивали мне серьёзные гадости, намекая, что я им не родня, все равно я скучала и надеялась, что однажды доведется встретиться их ещё хотя бы раз.

– А как тебя зовут? – спохватилась, когда парень провёл меня уже через несколько лестничных пролетов в узкий коридор, который несколько отличался от прочих. Я с изумлением обнаружила, что ни разу здесь не была, хотя, впрочем, царский дворец Стеклянного каньона был настолько велик, что мне ещё долго не изучить все его повороты и подземные разветвления.

Вокруг было совсем не темно. По обеим сторонам от прохода на стенах висели необычные канделябры. Они представляли собой простые металлические кольца, внутри которых в полупрозрачных банках лежали высушенные грибы. Как ни странно, эти грибы светились ничуть не меньше, чем настоящие, живые, а может быть, где-то даже и больше. Из-за внушительного количества таких необычных светильников весь коридор был освещён приятным желтоватым светом.

– Меня Актор зовут, – проговорил парень, затягивая меня в какую-то небольшую, но светлую комнатку. – А вот и мама!

Он побежал вперёд, бросив корзинку так неожиданно, что её содержимое рассыпалось по полу. Актор прыгнул в объятия худенькой женщины неопределенного возраста, и та его порывисто обняла, и не думая ругать за разбросанные продукты.

Но что удивило меня больше всего, так это густые чёрные волосы незнакомки и её довольно смуглая кожа. Поразмыслив несколько ошеломительно коротких секунд, я с изумлением поняла, что все мои наблюдения вкупе могли указывать лишь на один невероятный факт.

Передо мной была бывшая шейсарка!

Тем временем незнакомка подняла на меня взгляд тёмно-карих глаз и улыбнулась.

У меня не осталось практически никаких сомнений по поводу собственной догадки. Я была так ошеломлена этим, что, не дожидаясь приглашения, буквально упала на ближайшую табуретку в форме большого окаменевшего гриба.

Тем временем незнакомка прекратила обнимать мальчика, похлопала его по плечу и, поцеловав в щёку, проговорила:

– Спасибо за грибы, милый, походи поиграй немного, а через полчаса сходим вместе к дяде Кионею. Он обещал показать нам новые фокусы со своими паучками.

Ее произношение было идеальным. Она не путала слова местами.

Актор поспешно кивнул, а затем, тыкая в меня пальцем, затараторил:

– Ты алу только покорми, голодная она, а я обещал!

– Конечно, милый, – кивнула женщина, и через мгновение мальчонки и след простыл.

Мы остались вдвоем с незнакомкой, которая когда-то жила на поверхности, как и я. Смотрели друг на друга молча, не в силах вымолвить ни звука.

Она тоже все поняла.

Не бывает такого, чтобы женщины Шейсары оказывались в Стеклянном каньоне просто так, съездив на прогулку.

А потому в качестве причины ее появления здесь напрашивался совершенно явный факт.

Передо мной та единственная шейсарка, о которой говорила Лориавель. Та, которую не отослали из дворца после исполнения долга.

Передо мной стояла бывшая любовница Джерхана.

Сердце кольнула ревность.

А что, если Джерхан ночевал у нее? Может быть, каждый раз, уходя из теларана, он оставался именно у этой женщины? Ну не смогла она за полгода подарить ему наследника или наследницу, ее сместили с должности, но по приказу Джерхана оставили во дворце. Поближе к нему, чтобы он имел возможность приходить к ней, обнимать, целовать темными ночами...

Мне слегка подурнело.

– Доброго дня, ала, – проговорила между тем моя собеседница. – Пожалуйста, будь моей гостьей.

– Спасибо, – проговорила я немного нервно.

Атмосфера в каменной комнатухе потихоньку накалялась.

Чтобы как-то отвлечься, я огляделась по сторонам, замечая, что большую часть пространства занимает огромный стол, уходящий куда-то в узкий проем в противоположной стене. Там скрывалось еще одно помещение, в котором явно шла активная работа. Оттуда доносились голоса, шипение готовящейся еды и звон.

Заметив также развешанные по потолку пучки трав и расставленные в шкафах расписные блюда, я поняла, что попала на кухню.

– Так ты повар? – поняла я, снова взглянув на разбросанные по полу продукты. Наклонилась и стала собирать.

Женщина тут же подскочила ко мне, забирая корзинку со словами:

– Что вы, ала, не нужно помогать, я все сделаю сама.

Она незаметно перешла на «вы», и мне это не слишком понравилось.

– Давай не будем церемониться, хорошо? Мы же... землячки...

Женщина замерла, сжимая в руках корзинку, и посмотрела на меня большими испуганными глазами. Карими, как горячий шоколад. Почти такими же, как были у моей тети. А потом бросила корзинку и обняла меня, зарыдав.

Несколько мгновений мы так и провели – на полу в объятиях. Я гладила ее по спине, а она беззвучно тряслась у меня на плече.

А потом начался очень долгий разговор.

Незнакомку звали Элина, и ее действительно украли из Шейсары примерно шесть лет назад для Великого Айша. В то время она была молодой девушкой, чистой и невинной, и прекрасно подходила для избранной роли. Но забеременеть ей не удалось, и через положенные полгода ее место заняла другая. А саму Элину в качестве исключения оставили жить во дворце.

История, о которой в общих чертах я догадывалась, но вот детали... Детали решали все.

– А почему тебя решили оставить здесь, раз всех отсылали из дворца? – осторожно спросила я, когда Элина уже спокойно сидела на табуретке-грибе напротив меня и вязала из пучков травы косички.

– Потому что ко мне очень привязался Актор, – вздохнула она. – А я привязалась к нему. Актору десять, а когда я появилась в теларане Айша, ему было четыре. Его мать умерла в тот год от укуса солаана, и мальчик остался сиротой. Отец, говорят, погиб еще до его рождения. Он был тираанским воином, убитым при вылазке на поверхность. И как-то так вышло... Мне было ужасно одиноко здесь, среди чужого народа, а он очень страдал без мамы.

Ужасная история, от которой кровь стыла в жилах. Я в очередной раз пришла к мысли, что Стекланный каньон – слишком жестокое место для жизни.

– Актор имеет право на наследство отца, а тот жил во дворце и принадлежал к царским стражникам. Поэтому мне позволили остаться вместе с ним.

Признаться, у меня как кирпич с груди упал. Значит, Джерхан все же не имел отношения к тому, что Элина осталась во дворце. И все же проклятая ревность не желала отпустить.

– А... скажи, пожалуйста, – проговорила я, кусая губы и пытаюсь придумать, как спросить то, что в приличном обществе спрашивать не принято. – Ты нравилась Джерхану? У вас были... близкие отношения?

Слова приходилось вытаскивать из себя клещами.

Элина осмотрелась по сторонам, словно нас кто-то мог подслушать, затем вздохнула и, наклонившись ко мне, негромко проговорила нечто невероятное:

– Я никогда не спала с Великим Айшем.

– Что?.. – выдохнула я, не веря своим ушам.

– Тс-с-с, – зашипела на меня женщина. – Да, ни разу. Великий Айш большую часть жизни проводил в человеческой ипостаси. И лишь на редкие праздники перевоплощался в хекшаррахния. На моей памяти за полгода это случилось, наверное, всего два раза. И в это время Айш ко мне не приходил, у него находились другие дела. Когда же он оказывался свободен, то снова превращался в человека.

– И о том, что у вас ничего не было, никто не знал? – не могла поверить я.

– Никто. Надеюсь, что и не узнает, если ты понимаешь, – внимательно посмотрела она на меня.

– Конечно, я не расскажу. Но... почему так вышло?

– Не знаю, – пожала плечами Элина. – Но полагаю, что Великий Айш меня пожалел. Не такое уж он чудовище, как все думают, – вздохнула она, снова принявшись вязать травки. – Он ведь тоже заложник обстоятельств. Тоже наш с тобой земляк. Думаю, он знал, что если явится ко мне в своей паучьей ипостаси, то я умру на месте.

Она поежилась и вздрогнула.

– Понятно, – задумчиво протянула я. – А что же другие алы? Которые были до тебя и после. С ними, получается, у Айша тоже ничего не было? Поэтому никто так и не принес ему дитя?

Элина дернула головой, убрав назад пышные черные волосы.

– Не могу сказать точно. Но я имела возможность поговорить с той алой, что была до меня. И с несколькими, что после, ведь я осталась во дворце и многое видела.

Я аж дышать перестала от любопытства.

– Так вот, первая опаивала себя снотворным, когда ей говорили, что к ней должен явиться Айш, – продолжала Элина. – В результате она не помнила ничего, что происходило потом. А наутро Айша уже не было, как, впрочем, и следов того, что к ней кто-то вообще приходил.

Я могла только удивленно моргать, приоткрыв рот от изумления.

– Вторая, что была сразу после меня, оказалась шаррвалькой. Местная девушка, она почитала Айша, как бога. Говорила, что секс с ним делает ее ближе к Красной матери. Фанатичка, одним словом. – Элина брезгливо вздрогнула. – При этом она говорила, что ночь любви с пауком не приносит ей физического наслаждения, а в человеческой ипостаси Айш не приходил к ней никогда вообще. В общей сложности, по рассказам этой алы, у них случалась связь не более пяти раз за все полгода. В остальное время она вообще не видела его.

Элина вздохнула, отложила пучок травы, чтобы взяться за перебор грибов, а затем продолжила:

– Третья снова была шейсаркой. И она сошла с ума. Ее увезли из дворца через месяц после того, как Дерваль выкрал ее из дома, приподнеся тираанским жрецам.

Я припомнила мерзкого мужчину, что вместе с Ильхамесом вел меня в Стекланный каньон, и испытала легкий приступ раздражения. Скольких же женщин он похитил?

– Она сошла с ума... насовсем? – спросила я, чувствуя жалость к бедной девушке. Однако одновременно с тем ощущая и непонимание.

Отчего она сошла с ума? Разве ей причиняли боль? Обижали ее? Я чувствовала, что это было невозможно. А значит, ее просто потряс вид хекшаррахния, как тут звали наполовину человека, наполовину паука. Девушка просто испугалась, ведь в Шейсаре пауки были пособниками демонов.

Впрочем, я не знала, кого жалеть больше. Девушку, которую испортило ее воспитание, или Джерхана, который был вынужден смотреть, что происходит с его соотечественницами, стоит лишь ему оказаться рядом. Наверняка он думал, что едва ли не уничтожает их своими руками. Ломает психику, а может, и причиняет боль. Не зная, что творит его паучья ипостась, он мог придумывать себе все что угодно!

Это было ужасно.

Ведь на самом деле Айш был прекрасен... И все, что он делал, было прекрасно.

Я покраснела, едва мне пришло это в голову. К счастью, Элина не заметила перемены в моем настроении.

– Четвертая девушка тоже была шаррвалькой, и, по рассказам, ее ужасно возбуждала именно паучья ипостась Великого Айша, – продолжила снова моя собеседница. – Она пыталась заставлять его превращаться из человека в хекшаррахния, соблазняла, вроде бы даже опаивала какими-то травами, которые должны были ускорить оборот. В общем, через три месяца Айш ее выгнал, заявив, что его алой, к сожалению, она больше быть не может. Ужасный позор для девушки, но полагаю, что он держался как мог, раз выносил эту ящерицу целых три месяца!

Элина ухмыльнулась и покачала головой.

Я была в шоке.

– Дальше я уже не слишком запоминала, что там происходило с алами, – говорила женщина. – Мне стало не до них.

– Понятно, – кивнула я. – Спасибо тебе большое, ты сильно помогла мне.

И это была правда. Я узнала из рассказа Элины главное: Джерхан никогда не стремился спать с девушками, которых ему присылали. Наоборот, он всячески пытался этого избежать. А еще: даже из истории всего-навсего четырех девушек мне стало ясно, что с каждым

годом Джерхан и впрямь перевоплощался все чаще и чаще. Сперва всего два раза за полугодие, затем пять, и так по накатанной.

Выходит, он прав, что боится, перевоплотившись, никогда больше не вернуться в тело человека? Может ли это быть правдой?

Если принять во внимание, что я считала своим долгом соединить обе его ипостаси воедино, это был плохой прогноз. Я-то думала, что предложу ему потренироваться, например. Стать хекшаррахием, а потом обратно... И так, постепенно, он бы, может быть, стал управлять собой...

Но если оборот может не иметь обратного эффекта, это все меняло! И это была катастрофа!

Пока я впадала в панику, дверь кухни открылась, и туда вошла низкорослая, чуть полноватая женщина в таких же бабушках, как у меня, только без меха. Оглядев нас с Элиной, она широко улыбнулась, ее глаза немного удивленно расширились, а затем она проговорила:

– Вот не зря поднос я несла с едьбой-то вкусненькой!

И шлепнула на стол то самое, без чего мой желудок уже начинал грустно урчать. Завтрак!

– Угощайтесь, Элина и вы, ала любезная, – проговорила эта женщина, глядя на меня. – Это, конечно, не деликатесы теларанские, но все ж таки хорошая пища!

А я с изумлением уставилась на поднос, где в глубоком блюде лежали два добрых десятка пирожков. Пирожков!

В голове сразу же закрутились шестерёнки, как в дорогих часах на уличном базаре в Шейсаре: для пирожков нужна мука, которая делается из перемолотых зёрен пшеницы. А ещё нужны яйца от куриц. Вот только ни того, ни другого в Стеклянном каньоне не было! Да, пару раз мне приносили вместе с грибами подозрительный серый хлеб, но это было крайне редкое событие.

– Откуда у вас такое богатство? – ахнула я, боясь протянуть руку к булочкам. К выпечке я с детства неровно дышала.

Незнакомая женщина ухмыльнулась, присаживаясь рядом и упираясь локтем о стол.

– Да ты не стесняйся, – бросила она, подхватывая пирожок и отправляя его в рот.

Элина с улыбкой сделала то же самое.

Я наконец позволила себе взять угощение и с трепетом откусила.

Внутри оказалась начинка из какого-то незнакомого растения с жареными грибами. По вкусу напоминало пирожок с луком и яйцом.

Я чуть язык не проглотила от восторга.

– Выращиваем мы на окраинах каньона особый вид грибов, – проговорила тогда чудо-женщина, которую я уже на руках была готова носить. – Их ножки и шляпки твердые, почти как камень. И, растирая их в пыль, получаем мы муку, из которой выходят дивные пирожки.

– А яйца? – жуя и едва не отплевываясь крошками, спросила я.

Незнакомка улыбнулась.

– У нас курицы есть. Особая порода, которую вывели наши колдуны за долгие годы жизни в каньоне. Когда-то эти курицы попали к нам с поверхности, но затем, чтобы выжили они без света солнца, пришлось вести долгую селекцию. Они чисто-черные, и у них много глаз, как у пауков.

Я едва не подавилась, но добрая незнакомка тут же похлопала меня по спине.

– Ты ешь-ешь, разве стали пирожки менее вкусными?

Я покачала головой, теперь уже с некоторой опаской откусывая новый кусок. Впрочем, женщина была права, пирожки были все так же чудесны.

Тем временем Элина проговорила:

– Это Шерити, знакомься. Шерити, это Эвиса, но ты ее хорошо знаешь.

На мой молчаливый вопрос, пожав плечами, Элина пояснила:

– Мало кто не знает алу самого Великого Айша. Спасение шаррвальского народа, благословение Красной матери и все такое.

Судя по ее тону, настроена она была скептически. Как, впрочем, и я.

Землячки! Что с нас взять?

– Элина! – тут же воскликнула Шерити, покачав головой. – Не надо так. Может быть, и сложно тебе поверить в то, что чудо произойти может. Но тем, родился кто на этой жестокой земле, верить не во что больше.

Я вздрогнула. Элина вздохнула и кивнула. А шаррвалька повернула ко мне светло-русую голову, волосы на которой были заплетены в необычную прическу, и продолжила:

– Вы извините нас, ала. Быть может, для вас тоже избранная роль не слишком кажется почетной. И жаль мне вас. – Она вдруг порывисто обхватила мою ладонь своей и вздохнула. Ее рука оказалась теплой и мягкой. – Кто же обрадуется, когда его в чужую постель кладут? Никто не обрадуется, – покачала она головой. – Бедные девочки... Вот только и выхода другого у наших жрецов нет. Сказано было, что народ шаррваль выйдет на свет солнца лишь тогда, когда поведет их Великий Айш. И лишь тогда настанет эра народа хекшаррахний, когда у Великого Айша родится дитя. Вот и мучают вас, бедных, чтобы исполнилось пророчество. Глупость это, конечно, но если не верить в это, то на что вообще тогда надеяться?

– Шерити, опять ты затянула свою песню! – нахмурилась Элина. – Я тебе говорила, что это неприятная тема для разговора, но нет, ты опять! Сперва мне много лет назад пыталась рассказать о «священной роли» алы, так теперь и Эвисе рассказываешь.

Шерити скорбно покачала головой, быстро убрав от меня руку, словно это могло меня оскорбить.

– Я извиняюсь, не хотела я, наоборот... – пробормотала женщина, убирая за ухо одну прядь своих длинных волос. Эта прядь в самой середине была украшена кожаным ремешком, кончик которого блестел голубоватым блеском лунного камня. – Ведь я бы и рада, чтобы никого из вас не забирали, не приводили в теларан. Только что тогда делать?..

– Нет-нет, в самом деле, – неожиданно для себя поддержала я Шерити. – Мне понятно, что для шаррвальцев я вроде символа. Надежды на лучшее будущее.

Шерити благодарно улыбнулась мне, добавив:

– И все равно Элина права, я не хотела давить. Лишь сказать пыталась, что зла вам, девушкам, никто не никогда не хотел причинить. Даже и жрецы наши. Просто выхода у них нет.

Я кивнула.

– Допустим. Вот только я не понимаю, неужели есть только два способа для вас выбраться на поверхность: получить ребенка от алы или пойти на Шейсару войной?

Вопрос вырвался чуть раньше, чем я вспомнила, что про военные действия рассказывать никому нельзя. Однако, как оказалось, эта идея вовсе не была для двух женщин чем-то новым.

Элина нахмурилась, сжав губы, а Шерити прижала руку к груди.

– Что вы, ала! Война вообще не нужна никому! Солаана в подмышку тем, кто вообще о ней говорит. Город мираев сотрет нас с лица земли, как стерли много лет назад они всех наших жрецов! Зачем нам нападать на Шейсару? Только дурак мог выдумать такое. Но да, к сожалению, есть среди шаррвальцев этой идеи приверженцы. Знаем мы это. Солаана им в подмышку! – снова повторила Шерити, сжав кулаки и отложив пирожок.

Я почувствовала невольную солидарность с этой женщиной. По крайней мере, не все шаррвальцы теперь казались мне странными. Были и нормальные!

– Почему бы просто не выйти на поверхность и не найти себе землю где-нибудь подальше от Шейсары? – спросила я задумчиво.

Элина фыркнула.

– Мне тоже приходила в голову эта мысль, Эвиса, – проговорила она мрачно.

А Шерити ответила:

– Потому что выходить некуда. Шейсара занимает почти весь континент. Вся плодородная земля населена мираями и людьми. Нам остаётся в таком случае лишь переплыть море в поисках новой. Правда, можно еще поселиться в пустыне или ледяных горах, где никого нет, бродить по скалам, как горные козы. Умереть от жары или холода. Выбор невелик!

Об этом я совсем позабыла. Шейсара была огромна, и получалось, что шаррвальцы могут занять лишь какую-то ее часть. А сделать это им и впрямь может не позволить царь. Стекланный каньон – вотчина пауков, извечных врагов змей. Если они попытаются оттяпать часть древнего города мираев, их... накажут.

Я прикусила губу.

В этот момент в комнату снова вбежал Актор, и на этот раз у него на плече оказался, судя по всему, специфический домашний питомец.

– Паук, – проговорила я невольно, разглядывая большое белое существо на плече мальчика.

– Не просто паук, а Хрустальный! – гордо заявил он, бросившись в объятия Шерити. – Привет, тетя.

А потом повернулся в Элине и спросил:

– Мама, уже пора рассказывать новую историю?

– Конечно, дорогой, – ответила с добродушной улыбкой шаррвалька, ласково погладив по спине мальчика, – мама сейчас расскажет.

Две пряди волос, скрепленные ремешками у ее лица, мягко качнулись. У меня под ребрами потеплело.

– Актор ваш племянник? – догадалась я, радуясь, что у мальчика все же есть семья, несмотря на горе, случившееся с его родителями.

– Нет, – вопреки ожиданиям, ответила Шерити. И ее бледно-голубые глаза блеснули.

Я вдруг подумала, что она вполне могла бы быть бабушкой Актору, похоже, возраст шаррвальки давно перевалил за пятьдесят. Однако ее худоба и стройность, мягкие плавные движения и распущенные волосы, собранные в красивую прическу с ноткой благородности, делали ее на два десятка лет моложе.

– Нет у меня детей, – проговорила она с застывшей на губах улыбкой. – Стекланный каньон немилосерден к малышам, увы. А Актор просто мой хороший мальчик, как внучок он мне, клянусь светом священных тираанов.

Она потрепала мальчонку по волосам, и застывшая в этот момент на ее губах странная, будто окаменевшая улыбка прекрасно подходила ко всему их подземному каньону: она была такая же холодная и бесконечно пустая.

Сердце в груди сжалось, а я вдруг инстинктивно ощутила, что, похоже, эта женщина скрывает какое-то горе. Но, честно говоря, я не хотел знать какое. Это было слишком больно.

Сглотнув ком в горле, я молча кивнула.

Тем временем паучок, что сидел на плече Актора, неожиданно повернул ко мне россыпь своих блестящих глаз, напоминающих кроваво-красные гранатовые зёрна, немного спружинил на своих маленьких лапках и... прыгнул мне на плечо.

– Ух ты, смотри, как понравилась ты моему Шушу! – радостно воскликнул мальчик и захлопал в ладоши.

А я не могла отделаться от лёгкой неловкости сродни той, которая бывает, когда незнакомый человек вдруг лезет к тебе обниматься. Только в моем случае незнакомым человеком был паук.

Это оказалось так странно!

Я совершенно не знала, что делать с этим «милашкой Шушу», но совершенно точно не испытывала уже ни капли страха, как было бы ещё месяц назад в подобной ситуации.

«Вообще-то меня зовут не Шушу», – раздался вдруг в голове тихий шёпот, смешанный со знакомым потрескиванием и пощелкиванием, какое бывает во время разговора пауков.

Я огляделась по сторонам, не сразу осознав, что со мной говорит вот этот маленький Хрустальный паучок. Всё же очень необычно слышать голос только у себя в голове. Ведь простые пауки разговаривали мысленно, и лишь волшебные древние пауки хельсархи говорили по-настоящему, живой речью, как люди.

«Мое имя Истеачлаваинкт, – прощелкал паук, снова пару раз согнув свои маленькие ножки. Это было ужасно похоже на то, что паук веселился. – Но бедняжка Актор ни в жисть этого не произнесет!»

Паук ещё разок спружинил, и окончательно стало ясно, что он смеётся.

Впрочем, это и впрямь выглядело забавно: такое трудное имя я и сама не произнесла бы ни за что на свете.

«А почему же вас, пауков, так странно зовут? Вот и хельсарх Джерхана носит совершенно невыговариваемое имя», – мысленно ответила я пауку, внимательно вглядываясь в его красные глазки. Я всё ещё не была уверена, что у меня получится так легко ментально разговаривать с этими прекрасными существами. И поэтому снова очень удивилась, когда многоногий друг меня прекрасно понял.

«А что ты хотела, красавица? Паучий род включает в себя сотни тысяч детей! Коли всех бы звали одинаково, какая бы в том была польза? Каждый паук – личность, и каждый должен носить единственное в своем роде имя...»

– Ты что, разговариваешь с Шушу? – ахнул вдруг в стороне Актор, отвлекая меня от действительно интересной беседы. По всему выходило, что паучьи имена вообще никогда не повторяются! Удивительно! И как здорово придумано, надо заметить!

– А ты знаешь, что его зовут не Шушу? – хитро улыбнулась я, подмигивая ошарашенно открывшей рот Элине и удивлённо прижавшей руки к груди Шерити.

– Знаю! – воскликнул мальчик, даже слегка подпрыгнув от возбуждения. – Я иногда слышу отголоски его слов, но редко очень! –

Он даже немного скуксился. – Жрец Ильхамес говорил, что есть у меня дар слуха паучьего, но слабый очень. А я надеюсь когда-нибудь его развить! Говорят, если выйти на поверхность, то под солнца светом силы и способности нашего организма вырастут тоже!

– Правда? – удивилась я.

И тут уже мне покивала добродушная шаррвалька, прижав к себе Актора за плечо.

– Считается, – проговорила она, – что все мы станем более сильными и здоровыми, когда на поверхность выйдем. И, возможно, тот таинственный орган, что за магию отвечает, тоже работать будет лучше. И наконец-то появятся среди нас маги и волшебники, и много станет паучих ворожей, и сможем мы слышать наших маленьких братьев, – закончила она, тоже аккуратно протянув руку к пауку Актора и погладив его.

А я слегка нахмурилась, вспоминая, что в Шейсаре хоть и было много солнца, но количество волшебников среди людей это не увеличивало. Впрочем... У нас существовала масса других колдовских рас: и феи, и гоблины, и дракайны, и гарпии, и сирены. Ну и наги, конечно же. Без них никуда. Возможно, в словах Шерити и присутствовала доля правды.

Не узнаем, пока не проверим. Но как же помочь шаррвальцам выйти на свет солнца так, чтобы при этом не начать войну?..

От напряжения мыслительного процесса у меня даже голова слегка разболелась.

– Проблема в том, что этот вопрос не должны решать мы, простые люди, – продолжала тем временем Элина, полностью повторяя мои соображения. – Ведь от нашего решения ничего не зависит. И мы в любом случае будем вынуждены поступить так, как за нас решит совет теларанских тысячников во главе с Великим Айшем.

Она нахмурилась.

– И смогу ли я еще когда-нибудь обнять своих родных, тоже зависит от них. Но если стоит вопрос о войне, уж лучше я никогда их больше не увижу, – мрачно закончила она.

Шерити порывисто вздохнула и, качнувшись к девушке, обняла ее.

Мне стало неловко, что я присутствую при такой личной сцене, но неожиданно Шерити протянула ко мне руку и прижала к себе так же,

как и Элину. А затем к нам ко всем подбежал Актер и прилип сбоку, распахнув руки.

У меня воздух застрял в груди. Что-то щемящее сжало сердце. В объятиях почти совсем незнакомых людей я вдруг почувствовала себя... как дома.

В глазах стало мокро, но я поторопилась проморгаться, пока никто не заметил. И улыбнулась, освобождаясь от объятий.

– Мне пора уходить, – сказала я, не без труда выдавливая слова. Говорить почему-то стало трудно.

– Если хочешь, к нам приходи, когда будет скучно, – улыбнулась Шерити, и ее светло-голубые глаза с сеткой морщинок ласково прищурились.

Словно два маленьких солнца.

Пока окончательно не разревелась, я кивнула и направилась к выходу, лишь по дороге сообразив, что у меня на плече сидит Хрустальный паук с непроизносимым именем.

– Ой, я чуть не прихватила вашего друга, – спохватилась я, размышляя, как бы снять красавца.

– Шушу сам решает, куда пойти, – весело бросил Актер, сцепив руки за спиной и покачиваясь на пятках. – Похоже, хочет он прогуляться с тобой.

Я удивленно посмотрела на бледного паука, а тот воззрился на меня десятками своих красивых красных глазок.

«Ну, что смотришь, вези меня давай», – прострекотало у меня в голове, снова заставив вздрогнуть с непривычки.

Мне ничего не оставалось, как кивнуть и, скрывая неловкость, покинуть небольшую комнатку, смежную с кухней дворца.

«Ну-с, куда пойдём? – пощелкивал паук. – Таки, может, гульнем в саду теларана? Он большо-о-ой, краси-и-и-вый».

Я молчаливо усмехнулась.

«В саду так в саду. Признаться, там я еще не была», – ответила мысленно.

В ушах слегка шумело. Так необычно проявлялся паучий слух. Теперь я это понимала, а в детстве мне казалось, что я просто-напросто схожу с ума.

«Ну вот и славненько, – продолжал паук, – довезешь меня до третьего куста на пятой тропинке после шестого поворота. Там у моей

подруги нора прямо в камнях».

«А разве у пауков бывают норы?» – удивилась я, двигаясь по коридорам дворца в направлении, которое должно было вывести меня к выходу.

«Конечно, – прошептал паук. – Мы живем везде, где вздумается. И в воде, и на земле, и в норах, и в сетях собственной паутины».

«Здорово, – восхитилась я невольно. – Вообще, это так удивительно, что я разговариваю с тобой... Никогда прежде я не могла представить, что буду общаться с пауками. Раньше у меня и не получалось. Лишь тут, в Стеклянном каньоне, я стала слышать ваши голоса».

«Конечно, – проговорил паук. – Невозможно услышать нас, если ты боишься или ненавидишь. Но коли страх исчез, твое сердце становится открыто для наших голосов. Как и для голоса Красной матери...»

Меня слегка встряхнуло от этой новости. Признаться, голос большой божественной паучихи я была еще не готова услышать.

«Ой, а ты не хочешь переодеться перед выходом на улицу?» – спросил вдруг паук.

«А что, я плохо выгляжу?» – изумилась я, оглядывая свое платье, подбитое черным мехом, и мягкие бабуши.

«В моде Стеклянного каньона ты мало смыслишь, – как-то необычно фыркнул у меня в голове паук. Только через мгновение я поняла, что это, по всей видимости, смех. – Ты ходишь в дворцовом халате, но на улице желательно появляться в более традиционных платьях».

«Да ну, какая глупость! – невольно вырвалось у меня. В Шейсаре у меня было всего три сарафана на все случаи жизни. – В этом халате мне вполне комфортно!»

«Ну, как хочешь, – хмыкнул Шушу. – Пойдем смешить других пауков. А если вдруг встретим Великого Айша и он рассмеется, скажи ему, что я тебя предупреждал».

Я прикусила губу. При воспоминании о Джерхане щеки сами собой как-то невольно нагрелись...

«Ладно, я переоденусь», – бросила я и быстро свернула к дверям теларана. Благо мы как раз проходили недалеко от них. А паук словно знал, что так будет.

Он запружинил на своих тощих лапках и промолчал.

У себя в комнате я быстро скинула неудачный наряд, найдя в шкафу, утопленном в стене, другое красивое платье. Темное, что было довольно неожиданно для одежды шаррвальцев. Оно оказалось усыпано мелкими черными камнями, и, когда свет камина падал на их грани, темный наряд начинал сверкать, как настоящая драгоценность.

Признаться, идея с переодеванием стала нравиться мне гораздо больше. Нажав на скрытый механизм в теле большого металлического паука, я посмотрела на себя в появившемся зеркале.

«Не хватает украшений, да?..» – мелькнул в голове шелестящий и пощелкивающий голос, что стал значительно тише прежнего.

Я оглянулась по сторонам и поняла, что паук сидит не менее чем в десятке метров от меня.

«Шушу?..» – спросила я, коснувшись каменной стены.

И тут же услышала паука гораздо громче. Словно приставила ухо к какому-то усиливающему звук устройству.

«Ну хоть ты не зови меня так, – пробурчал паук. – Меня зовут Истеачлаваинкт».

«Но это же совершенно непроизносимо!» – возмутилась я.

Паук словно вздохнул.

«Ну, тогда зови Шушу, что с вас, с людей, взять?..»

И пока я размышляла, что бы такого надеть в качестве украшения, он продолжил:

«Кстати, царя ты тоже так зовешь?»

«Какого царя?» – не поняла я, роясь в ящике возле кровати. Меня вдруг осенило, что ожерелье, которое подарила Лориавель, будет отлично сочетаться с черным платьем. К тому же не мешало бы почаще надевать этот подарок, ведь он не только красивый, но и ужасно полезный.

«Царя пауков, конечно же».

У меня даже ожерелье чуть не выпало. Я взглянула на Хрустального паука, встретившись с россыпью его внимательных красных глаз.

«Царя пауков?..»

И тут Шушу вдруг совершенно не свойственным для пауков образом протянул лапу вперед, указывая на мою ногу.

«Царь пауков... – тише и как-то проникновенно проговорил Шушу. – Хоранаирис, великий правитель и древний хельсарх».

Я громко сглотнула.

«А ты не перепутал?» – уточнила я несколько нервно, заглядываясь на свою лодыжку, которую обхватил драгоценный браслет.

Эта новость казалась чудной и дикой.

«Обижаешь, милая, обижаешь. Как же я могу перепутать с кем-нибудь собственного царя?..»

«А ты когда-то прежде уже видел его? Общался с ним?» – с замирающим сердцем спросила я.

«Нет, конечно, – прощелкал Шушу, возмущенно задрыгав лапками, – как же я мог его встретить, коли наш царь жил задолго до моего рождения и уже тогда спал глубоким сном не пойми где?»

Я даже остолбенела в первое мгновение.

«Тогда откуда же тебе знать? Вешаешь тут мне на уши лапшу... то есть грибы», – мысленно отругала я паука.

В голову закралась мысль, что Шушу всё перепутал, никакой передо мной не царь, да и вообще. Ерунда это все. Я ведь всё ещё до конца не верила, что когда-нибудь мой браслет оживёт. Не могла представить, что кусок металла на моей ноге вообще на это способен.

«Как это откуда? Пауки чувствуют друг друга изнутри. Брюшком! А разве ты не чувствуешь? Ты, говорящая с пауками?»

Шушу вещал так, будто это было нечто само собой разумеющееся и словно подобной способностью любой уважающий себя человек обязан обладать.

Я даже прищурилась, пытаюсь что-то ощутить внутри. Взглянула на браслет, затем на Шушу и снова на браслет.

Никаких изменений.

«Наверное, ты не чувствуешь, потому что ты не паук», – резюмировал мой собеседник, пренебрежительно махнув на меня лапой.

«Ну, не стоило и начинать тогда», – поджала я губы.

Стало слегка обидно, хотя я сама не понимала почему.

Защелкнула застежку ожерелья на шее, развернулась и пошла к выходу из теларана.

«Шу! – зашелестел паук, странным образом окликаая меня и давая понять, за что Актор дал ему столь странное имя. – погоди! Ты же должна довести меня до норы!»

В голове раздавалось пощелкивание и легкий треск паучьего голоса. Краем глаза я заметила, как Шушу стал меня догонять, затем побежал рядом, но по соседней стене, а в конце прямо с нее прыгнул мне на плечо, потому что я и не думала оборачиваться.

«Какая обидчивая человека, – сказал он, пощекотав меня за ухом пушистой лапой. – А вот не надо обижаться. Я же не обижаюсь, когда ты не можешь выговорить такое простое имя, как Истеачлаваинкт. Истеачлаваинкт, Истеачлаваинкт, Истеачлаваинкт...» – защелкал он, почти доводя меня до легкого нервного приступа этими звуками.

– Да прекрати ты, Истеачлаваинкт! – воскликнула я, не выдержав, и паук тут же умолк, воззрившись на меня большими выпуклыми красными глазами.

«Истеачлаваинкт...» – добавила мысленно, но, как оказалось, Хрустальный паук и так все понял.

«Ты сумела! Вот молодец, человека! – раздался ответный вопль у меня в голове. – А теперь скорее в сад! А я тебе за старания расскажу тайну, раз уж ты такая умненькая-разумненькая. Умненькая-разумненькая! Умненькая-разумненькая! Ух!» – твердил он, пружиня на тонких лапках.

И я последовала его совету, направившись в место, которое обещало быть очень красивым.

В Стеклянном каньоне было довольно мало растительности, но много мхов. Кажется, когда-то Лориавель рассказывала, что именно волшебный мох выделяет для шаррвальцев необходимое количество хорошего воздуха. Иначе им было бы совсем нечем дышать на такой глубине под землей.

«Хорошо, но тайну я хочу услышать сейчас», – уверенно бросила я пауку, совершенно серьезно намереваясь скинуть его с плеча, если он решил меня обмануть.

В это время мы уже двигались по темным коридорам дворца, а Истеачлаваинкт лапой показывал мне правильное направление.

«Истеачлаваинкт за свои слова отвечает, девочка», – важно вбросил мне в сознание паук, к счастью перестав называть меня «человекой».

«Я внимательно слушаю. И надеюсь, это будет хороший секрет».

«Не знаю даже, – задумчиво прощелкал паук, но мне показалось, что его голос стал каким-то ироничным. – Может, и не стоит начинать. Я просто хотел рассказать, как много десятков лет назад разбудила царя пауков моя пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-прабабушка. Как думаешь, это достаточно интересно?..»

Я запнулась о складку тонкого ковра, расстеленного в коридоре, и чуть не упала.

– Конечно! – воскликнула я в голос, и служанка, что шла в паре шагов от меня, испуганно подпрыгнула. – Простите, – виновато улыбнулась я, кашлянув в кулак.

Девушка удивленно оглядела меня с головы до ног и умчалась по коридору прочь.

«Говори скорее!» – затараторила я мысленно, толкая большую каменную дверь, на которую указал Истеачлаваинкт.

Казалось, мне никогда не удастся сдвинуть с места эту махину, которая больше напоминала стену, чем дверь. Только странные рисунки с деревьями выдавали, что за монолитной плитой и впрямь Теларанский сад.

Однако стоило мне коснуться холодного камня, как невидимые механизмы затрещали и передо мной начала открываться широкая панорама великолепнейшего полуночного сада.

«Шу-шу-шу», – зашуршал у меня в голове паук. Явно хихикал, хитрец пушистый. Но я терпеливо ждала.

Я вообще терпеливая. Не была бы такой, еще в первый день в Стеклянном каньоне наорала бы на Ильхамеса, убежала бы из его дома и, как пить дать, была бы съедена в каком-нибудь тоннеле подземным червем.

Я двигалась вперед, а под моими ногами шуршали те самые стеклянные камушки, давшие имя всему царству шаррвальцев. Только для тропинок теларанского сада словно нарочно были выбраны те из прозрачных камушков, которые имели легкий голубоватый оттенок. А по бокам от тропинки камни были черными, покрытыми мхом и перемежающимися с твердой вытоптанной землей. Поэтому теперь мне казалось, будто я иду по дороге из лунного света. Восхитительное ощущение!

Со всех сторон к сводам громадной пещеры тянулись вверх тонкие стволы старых рододендронов белоснежного и розового цветов. Встречались еще такие, у которых цветки были нежно-зеленые, как и листья, что вообще казалось удивительным и редким.

Но вот других деревьев тут не было.

«Итак, – начал тем временем Истеачлаваинкт, пока я отсчитывала положенное количество дорожек и кустов. Мне же нужно было отыскать место, где у моего наездника было намечено свидание! А заодно я не уставала удивляться потрясающей красоте дивного сада. – Моя пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-прабабушка, как водится, была очень красивой паучихой. Говорят, я очень на нее похож!»

Я невольно повернула голову, разглядывая белого как снег паука с красными глазищами. И не находила в нем ни одной черты, которая вообще хоть немного отличала бы его от остальных. Впрочем, конечно, говорить об этом Истеачлаваинкту я не планировала. Стыдобища-то какая! Я ж его при следующей встрече от остальных даже и не отличу!

Конечно, кто-то сказал бы, мол: «Вот еще, большая честь – различать пауков». А мне вдруг стало ужасно обидно за бедняжек. Может, мы, люди, тоже для них на одно лицо, но они же нас не путают?..

Оставалось только надеяться, что в будущем я научусь замечать мельчайшие различия между этими чудными созданиями. Потому что я уже слабо представляла, что когда-нибудь буду жить без них. Видимо... так проявлялось какое-то чутье. Или просто понимание того, что моя жизнь давно уже изменилась. И даже если я вернусь в Шейсару, то как прежде все равно никогда не будет.

«Так вот, – продолжал Истеачлаваинкт, крайне довольный собой. – Моя пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра...» – щелкал паук, и от этого звука у меня будто хрустело что-то в голове.

«Зови ее просто бабушкой», – прервала я умоляюще.

«А, конечно, – попружинил на лапах он. – Моя бабушка была очень красивой особой и привлекала к себе внимание сотен благородных самцов! Были среди ее поклонников и крестовики, и каракурты, и тарантулы, и... ну многие, в общем. Но хотела она себе в пару никак не меньше, чем хельсарха...»

«Знакомая история», – хмыкнула я мысленно. Среди людей, оказывается, все то же самое, что и среди пауков.

«Ага! – подтвердил мой друг. – Она думала, что от хельсарха ее потомство тоже будет божественным. Обретет древнюю силу и все такое. И бродила моя бабка по пещерам в поисках хельсарха годами. В то время как ее сестры уже давно обзавелись внуками, она блуждала среди камней, скрываясь от солаанов, и питалась редкими полудохлыми мошками, которых ей чудом удавалось поймать. И все это вместо того, чтобы сплести свою собственную сеть. А ведь обнаружить хельсарха – огромное везение! Наши древние прародители – символы всего Стеклянного каньона! Они как боги, что приносят удачу. В общем, не знаю, как это вышло, но после долгих лет поисков ей удалось найти одного-единственного хельсарха. Видимо, она была по жизни не только красивой, но и удачливой, шу-шу-шу».

Истеачлаваинкт снова захихикал, а я его не перебивала, разглядывая снежный цветок ближайшего к нам рододендрона, но не упуская ни слова из паучьего рассказа.

Я подняла голову, пытаюсь понять, откуда по всему саду разбросаны искрящиеся голубоватые искры света, которые, собственно, и рассеивают здешний полумрак. Эти искры лежали на лепестках цветов, даря им новые оттенки, играли на изумрудных листьях, а падая на прозрачные камни дорожек, многократно преломлялись, наполняя волшебными бликами все вокруг.

Вытянув руку перед собой и приглядевшись повнимательнее, я обнаружила, что, похоже, странные искры были мельчайшими частичками чего-то неуловимого. Как крохотная пыль, которая почему-то светилась.

«Что же было дальше?» – подгоняла я паука, потому что, похоже, мы приближались к месту назначения. Впереди виднелся куст рододендрона, который по счету был как раз третьим на пятой тропинке после шестого поворота. И если, не дай бог, Шушу скроется в норе, не закончив рассказ, я ж с ума сойду!

«А дальше оказалось, что нашла она не просто хельсарха, а самого царя! – ответил мой собеседник, и мне даже показалось, что он и сам в шоке от того, что говорит. – Ведь великого и древнего Хортанаириса, что основал все племя пауков и был прародителем нас всех, нельзя было не узнать. Моя бабка определила его мгновенно!

Каждый паук чувствует собратьев изнутри... брюшком. Ну ты понимаешь, это дано лишь на...»

«Да поняла я, поняла, что вы вообще уникальны и прекрасны со всех сторон», – беззлобно фыркнула я, улыбнувшись.

«Шу-шу, ну хорошо, что поняла, – вполне естественно удовлетворился Истеачлаваинкт моим ответом и продолжил: – Но, к сожалению, бабка обнаружила, что Хортанаирис глубоко спит. Он лежал среди самородных аметистов в абсолютной темноте, как древняя драгоценность. Скрытый от чужих глаз. И никак не хотел просыпаться, уж как его ни будила моя бабуля! Она убила на это несколько месяцев своей жизни и клялась, что никому не удалось бы пробудить царя просто по своему желанию. Потому что она перепробовала все!»

«То есть она его так и не разбудила?..» – расстроено спросила я, останавливаясь прямо напротив нужного куста.

«А вот ты сейчас очень удивишься, Эвиса...» – запружинил на лапах Истеачлаваинкт.

Я была полна нетерпения, как пещеры Стеклянного каньона – грибами.

«Ну, не томи уже!» – мысленно бросила, переминаясь с ноги на ногу. Паук ещё пару раз забавно поприседал, а потом выпалил:

«Она умерла!»

– Что? – ахнула я без всякого колдовского языка.

«Шу-шу-шу», – раздалось в голове шушраще-щелкающее.

Истеачлаваинкт опять смеялся.

«Но не совсем она умерла, не совсем, не бойся, – все же продолжил он. – Просто в один из дней, когда моя бабушка уже совершенно отчаялась разбудить царя, по пещере проползал особенно огромный солаан. Он был столь велик, что занял собой всё пространство подземного хода. Не оставалось ни малейшего свободного пространства, где можно было бы спрятаться даже такой небольшой паучихе, как моя ба».

«То есть он её раздавил!» – испугалась я.

«Нет, не раздавил, но придавил конкретно. Бабуля едва успела юркнуть в какую-то щель, как мимо неё проползла эта огромная мерзость. И все же солаан зацепил бабулю, и она оказалась в своём укрытии уже истекающей кровью да с переломанными лапами.

Страшное дело это для паука! Верная гибель! Но ведь и царь, покоящийся во сне, подобном смерти, тоже оказался смят телом громадного червя. Вот только для древнего хельсарха в этом не таилось никакой опасности. Оказалось, что его драгоценное тело, превращенное в золото и камни, совершенно не подвластно никаким изменениям. Чувствуя, что вот-вот из тела вырвется последнее дыхание, бабуля бросила грустный взгляд на царя, и оказалось... ты не поверишь!»

«Ну, пожалуйста, закончи уже!» – натурально взмолилась я.

«Оказалось, что он стоит совсем рядом с ней!» – воскликнул мысленно паук. «Царь Хортанаирис был жив и здоров, а от древнего сна остались лишь воспоминания. Каким-то неведомым образом он вылечил мою бабу, и та стала здоровая и сильная, словно никакой червь никогда и не проползал мимо. Ну... вот и все».

«В смысле, как всё? – опешила я. А что же было дальше? Как царь сумел вылечить твою бабушку и что случилось с бабушкой потом? А что произошло дальше с царём?»

У меня было ещё много вопросов, и я больше всего боялась, что хитрый паук не ответит ни на один.

«Дальше моя бабушка снова вернулась в Стекланный каньон. А что стало с царем пауков, никому не известно. Да и ба, надо сказать, не больно-то распространялась о дальнейших подробностях своего приключения. Одно можно говорить точно: в каньон она вернулась уже на сносях, и через положенный срок появились её спиногрызы. Так что, очень может быть, милая, что бабуля-то с царем общий язык все же нашли, а во мне, как в ее наследнике, знамо дело, течет голубая кровь. Так что прояви уважение, милая моя! Шу-шу-шу!»

Я как открыла рот удивлённо, так и закрыла его.

«Это что же получается, чтобы разбудить царя, мне надо умереть?»

«Ну, дорогуша моя, по крайней мере, придется оказаться на грани гибели, паутиной клянусь, – прощелкал паук. – С другой стороны, и это вовсе не гарантия! Ты ведь не моя бабка!» – снова смех. «Тоже, конечно, вполне себе симпатичная, уж как для человека – так точно. Но всё же не паучиха, не паучиха! Тебе бы глазок побольше да брюшко потолще!»

Мне слегка поплохело. Да и в общем настроение упало. Получается, что дивного волшебного паука мне никогда в жизни не разбудить. Ну, по крайней мере, теперь я на это очень надеялась, ведь оказаться на пороге смерти не было ни малейшего желания. Так что пусть лучше спит дальше его величество царь Хортанаирис.

Я глубоко вздохнула, мысленно попрощавшись с хельсархом, с которым так и не успела познакомиться. Будет у меня просто красивый браслет на ноге – тоже неплохое приобретение, учитывая его уникальность!

В этот момент мне вдруг показалось, что среди изумрудной листвы кустов мелькнула чья-то белобрысая голова.

Наклонившись и слегка раздвинув ветки, я постаралась разглядеть, кто же это шел там, на соседней тропинке. Но, к сожалению, ничего не вышло. Либо этот «кто-то» быстро скрылся, побоявшись быть обнаруженным, либо мне и вовсе показалось.

Зато я неожиданно узнала, что за дивные голубоватые искры летают в воздухе и освещают весь теларанский сад будто колдовским лунным светом.

Это была пыльца голубого рододендрона! Его кусты встречались среди прочих очень редко, однако один такой оказался прямо рядом со мной. И стоило дотронуться до его ветки, как прямо из центра бутонов в воздух посыпалась драгоценная пыль, образуя сверкающее облако. Она медленно полетела вверх, будто в насмешку преодолевая законы тяготения и наполняя всё вокруг ещё более ярким свечением.

«Чудеса какие-то», – выдохнула я, все еще разговаривая на мысленном языке пауков. Как ни странно, к этому новому способу общения я привыкала очень быстро.

«Конечно, чудеса, это же Стекланный каньон, милочка!» – бросил мне Шушу и вдруг спрыгнул с моего плеча прямо на землю. Ловкие лапы спружинили падение и быстро-быстро перенесли хозяина в незаметное место под корнями того самого куста. «Ну, не скучай, дорогая, передавай от меня привет Великому Айшу, скажи, что Истеачлаваинкт весьма-весьма его уважает!»

«Ой, а ты, случайно, не знаешь, где его искать? А то сегодня утром оказалось, что он покинул теларан и ушел в неизвестном направлении... – беспокойно проговорила я, снова чувствуя необъяснимый укол страха. – Может быть, конечно, он снова

совещается с какими-нибудь военачальниками или просто блуждает по дворцу, не знаю...»

«Нет-нет, дорогуша, клянусь своими глазами, что видел его сегодня ночью на дороге к третьей северной кишке».

«Кишке?» – удивилась я, вспоминая, что уже где-то слышала это слово. Кишка, кишка... что же это такое?

И тут меня внезапно осенило.

«Проход! Кишка – это какой-то тоннель!»

«И не просто какой-то, а в данном случае – один из тех тоннелей, которые ведут прочь из каньона! – проговорил паук, уже наполовину скрывшись в невидимой норе между ветками. – Я, конечно, не знаю, что там понадобилось Великому, может, он выбрался ноги размять да отдохнуть в тишине, но я бы в эту кишку добровольно не сунулся. Каньон патрулируется стражниками вашей царицы Фелидархат, да будут лета ее длинными, как нити паутины. Но вот тоннели мало того, что полностью лишены защиты, так они ещё и тёмные! Клянусь, ни одного фонаря там нет, ни одного светящегося тираана на стене не растёт, а уж про кристаллы вообще молчу. Нет их там и никогда не было. Короче, мы, пауки, хоть и видим немного в темноте, но всё же таки на свету нам тысячекратно комфортнее. В общем, заболтался я тут с тобой. Паучьей ночи тебе, давай-бывай!»

И окончательно исчез в норе.

«Эй, Шушу! То есть Истеачлаваинкт! Погоди!» – мысленно послала я зов исчезнувшему Хрустальному пауку, но никто уже не отвечал. Хитрец скрылся окончательно. Наверное, уже вовсю признавался в любви своей подружке.

А я двинулась дальше по саду, решив ещё немного прогуляться перед возвращением в теларан. Слова Шушу ещё сильнее разбередили во мне чувство страха.

Зачем Джерхану вздумалось уходить в тоннель, ведущий прочь из каньона? Зачем нужно было идти туда, где нет защиты от червей?

Впрочем, если вспомнить первую нашу встречу, то и тогда Джерхан гулял довольно далеко от города шаррвальцев. И меня это нисколько не удивляло и не пугало до сего момента. Может быть, Шушу прав и Джер сейчас, как тогда, вышел просто прогуляться?

Вот только, к несчастью, сосущее чувство беспокойства где-то под сердцем подсказывало, что на этот раз всё иначе.

– О благословенная ала, какая счастливая встреча! – в этот момент раздалось у меня за спиной.

От неожиданности я вздрогнула и развернулась так быстро, словно собиралась ударить случайно встреченного в саду незнакомца. А точнее, незнакомку, потому что обращалась ко мне молодая девушка с косичками по всей голове. Она сжимала в руках пустую корзинку и глядела на меня восторженно и испуганно.

– Ой, здравствуйте, а вы кто? – спросила я, скрывая неловкость. Мне всё ещё не удавалось по одежде шаррвальцев определить точно, кем являются случайно встреченные люди. Единственное, что я успела худо-бедно запомнить, – так это красный и длинный наряд жрецов Красной матери. Ну и вычурные платья царицы было трудно перепутать с другими.

– Я служанка младшая, приписанная к кухне дворца. Меня Сулари зовут, – проговорила она, низко поклонившись и не поднимая головы. Словно перед ней оказалась какая-то жутко важная особа.

Мне даже стыдно стало, ведь никакая я не особа...

– А, очень приятно, Сулари, ты не стесняйся, можешь звать меня просто Эвисой, – улыбнулась я в ответ, а девушка вдруг выпрямилась и снова испуганно взглянула на меня.

– Ала, что вы, такая для меня честь...

– Да ну, перестань, – махнула я рукой, и на щеках девушки вспыхнул яркий румянец. Она даже губу прикусила, словно стыдится чего-то.

А я в очередной раз подумала, насколько же глубока у коренных шаррвальцев вера в то, что обычная любовница их Великого Айша способна исполнить пророчество и вывести их всех к свету солнца.

Даже жаль бедняжек.

Чувство соперничества к паучьему народу вдруг настолько захватило меня, что ужасно захотелось сделать для служанки что-нибудь приятное.

– А что за корзинка, ты куда-то идёшь? – спросила я с улыбкой, пытаюсь морально поддержать девушку.

– О да! – тут же кивнула она, жутко обрадовавшись такому простому вопросу, и снова отчего-то покраснела. Стыдилась своей работы?.. – Я иду собирать синильный мох для посуды отбеливания.

– Синильный мох? Никогда не слышала, – совершенно серьезно восхитилась я.

У шаррвальцев было столько диковинок!

– Ну, знаете, мох такой, если замочить его, да высушить, да растолочь, то в воде потом можно посуду отмачивать, а порошком пользоваться как абразивом... но вам неинтересно это наверняка...

– Ну что ты, очень интересно! – уверяла я девушку. – Никогда подобного не видела! Может быть, тебе помочь собрать этот мох? Он растёт здесь, в саду? Я бы с удовольствием посмотрела, как он выглядит. Может, он и мне на что-нибудь сгодился бы, мало ли? – улыбнулась я, продолжая убалтывать нервно переминающуюся с ноги на ногу служанку. – Вот Лориавель, например, умеет готовить из разных грибов и растений полезные настойки. – Я коснулась своего ожерелья и чуть потянула цепочку. – Это так интересно! Может быть, и я однажды изучила бы все ваши травы и сумела приготовить какое-нибудь дивное зелье, как ты думаешь?

Служанка улыбнулась, но мне показалось, что все еще как-то вымученно. Не удавалось мне расслабить её, никак не удавалось!

– Нет, к сожалению, этот мох не растет в саду теларанском, – покачала она головой. – Он только в кишках водится, где света почти нет. Это очень темнотлюбивый мох.

– Что, правда? – ахнула я, не веря такому совпадению. – Так ты планируешь выйти за черту Стеклянного каньона?

– Ну да, выйти придется, – кивнула служанка и ещё сильнее покраснела, зачем-то озираясь по сторонам.

– И тебе не страшно одной? – уточнила я. – Там же, говорят, солааны.

– Ну... – протянула она, – я не пойду далеко. И на случай солаанов нападения у меня огонь есть. Черви его страсть как боятся.

Сулари протянула вперёд корзинку, я увидела, что внутри неё и впрямь лежит бутылка с какой-то жидкостью. Из бутылки торчала тряпка, явно промасленная, а рядом валялся какой-то камушек, напоминающий огниво.

– Раз такое дело, то я точно готова помочь тебе со сбором мха, – кивнула я, удостоверившись, что в случае опасности нам удастся защититься от огромных чудовищных червей. – Мне как раз хотелось прогуляться за чертой каньона. Как насчёт третьей северной кишки?

Служанка подняла на меня свои большие голубовато-зелёные глаза и впервые за весь разговор улыбнулась, кажется, по-настоящему.

– Буду рада, ала, вашему обществу, – кивнула она в ответ. – Пойдёмте.

И совершенно неожиданно моя прогулка по саду превратилась в путешествие прочь из города шаррвальцев.

Хорошо, что Истеачлаваинкт посоветовал мне надеть другую одежду. В домашних меховых бабушах идти по камням пещер было бы не так удобно, как в прочных туфлях с крепкой подошвой. А чёрное платье с россыпью камней и вовсе было гораздо толще прежнего, подбитого мехом только в области шеи.

Я была полностью готова к прогулке! И когда мы наконец подошли к той самой кишке, в которой, по словам паука Шушу, и скрылся Джерхан, сердце на секунду ёкнуло и остановилось, лишь через бесконечно долгий промежуток времени вновь возобновив свой бег.

Ладони вспотели, а затем заledenели.

Предчувствие.

– А нам точно сюда? – глухо спросила я Сулари, глядя в черный провал пещеры, в котором совершенно ничего не было видно. Казалось, из него доносятся пугающие звуки, какой-то низкий, злой шелест.

– Нет сомнений, ала! – подтвердила девушка, зажигая палку, на которую предварительно намотала промасленную тряпку. – Бояться не надо, мы ненадолго.

И тут же благодаря ее факелу пространство вокруг нас осветилось. Несильно, к сожалению, но этого было достаточно, чтобы прогнать мой страх.

– Тогда в путь, – кивнула я, пытаясь высмотреть в пещере следы Джерхана.

Пока их видно не было. Но чем дальше я шла, тем больше крепла моя уверенность, что мы двигаемся в правильном направлении. Чувство беспокойства росло с каждой минутой, и это придавало мне уверенности. Я знала, что должна найти Джерхана, чего бы мне это ни стоило.

Глава 15

«Солнце вспыхнет на небе, поверь,
И настанет век королей...»

(из уличной шейсарской песенки)

– Ну и где же наш распрекрасный мох? – спросила я после десятка минут блуждания по пещере в полной тишине. Моя спутница совершенно не любила болтать.

– Ой, где-то здесь он, ала, Синильный мох расти начинает там, куда совсем-совсем не проникает свет. Отошли мы уже довольно далеко от каньона, и теперь искать можно синенькие трубочки на стенах.

– Трубочки?

– Да! – оживилась немного Сулари. – Синильный мох не похож на траву, к примеру. Скорее на россыпь маленьких трубочек, чуть расширяющихся вверх на манер шляпок грибных. Вот, смотрите! – воскликнула она, подбежав в какому-то громадному камню и лихо юркнув прямо под него.

Свет от ее импровизированного факела дернулся, задрожал, и, пока девушка была за камнем, я ощутила себя почти в крошечной тьме.

Интересно, что будет, если мы останемся здесь без света? Когда факел угаснет окончательно? Ведь придется ещё как-то выбираться обратно...

– Ух ты, и впрямь похоже на трубочки, – выдохнула я, наклоняясь к служанке, которая, согнувшись в три погибели, маленькой лопаточкой отковыривала мох от камней.

Он действительно оказался таким, как его описывала Сулари. И ничуть не похожим на обычный зелёный пушок, растущий на влажных камнях и деревьях. Бледно-синие трубочки были очень хрупкими, и стоило дотронуться до них, как они превращались в пыль. Поэтому лопатка, как у Сулари, мне, конечно, очень пригодилась бы.

– Вот, возьмите мою, ала, – вдруг сказала служанка, протягивая мне инструмент, – я уже давно собираю этот мох и умею отколупывать его пальцами.

Ну вот, наконец-то, как говорят в Шейсаре, «песок в часах посыпался». В смысле, кажется, отношения между нами чуть потеплели.

Я с улыбкой забрала лопатку, поблагодарила Сулари и начала работать. Одновременно с этим у нас как-то сама собой завелась неспешная беседа о том, как хорошо шаррвальцам живётся в Стеклянном каньоне, насколько тут комфортно и привычно для них.

Например, я с удивлением узнала, что некоторые и вовсе боятся когда-нибудь увидеть солнце. Говорят, что от него появляются ожоги и ещё более страшные болезни, чем в его отсутствие.

– У вас правда кто-то так думает? – удивилась я, складывая в корзинку не очень аккуратный пласт мха.

– Да, ала, – серьёзно кивнула служанка. – Не все хотят покидать каньон, далеко даже не все.

– А ты?

Несколько мгновений Сулари странно смотрела на меня, а потом отвернулась, переводя взгляд на предмет своих трудов.

– Я делаю то, что скажут мне, ала. И не более того, – пространно ответила она, и я не стала больше приставать к ней по этому поводу.

В этот момент из глубины пещеры донёсся какой-то лёгкий гул. Сулари не обратила на него ни малейшего внимания, словно не услышала. А я невольно коснулась камня, как всегда делала в детстве.

Гул усилился многократно. И теперь я различала у себя в голове мысленный паучий шепот. Его уже нельзя было перепутать ни с чем иным, ведь я знала, как он звучит по-настоящему. Вот только слова разобрать оказалось невозможно.

Я нервно взглянула вглубь темного тоннеля, поежилась.

А затем перевела взгляд на Сулари. Девушка отошла от меня к другой стороне стены, невозмутимо отколупывая мох и там.

– Ты ничего не слышишь? – пробормотала я несколько нервно.

Служанка подняла голову, нахмурилась, а затем опустила, пожав плечами.

А я продолжала ощущать этот странный растущий шум. Подняв лопатку, как единственное доступное оружие, я разогнула слегка затекшие колени и сделала несколько шагов в сторону тоннельной тьмы. Туда, где мы с Сулари еще не были.

По-хорошему, шагать-то нужно было как раз в обратном направлении. Поближе к каньону да к стражникам царицы. Но я не хотела уходить от Джерхана... Не могла оставить его здесь одного.

А я знала, что он где-то тут!

Приложив свободную руку к стене, я закрыла глаза.

Гул и шепот усиливались. Теперь мне казалось, что паучьи голоса напоминают крик.

Сердце подскочило к горлу и там и застряло.

– Сулари... – позвала я девушку, но она не откликнулась. – Сулари! – воскликнула снова.

И тут слабый, подрагивающий свет в пещере вдруг погас.

– Сулари! – громко повторила я, когда на меня навалились знакомые ощущения: страх темноты и ужас от попадания в замкнутое пространство, не освещенное даже мельчайшим светом.

Если бы мне вздумалось поднести ладонь к лицу, я ничего не увидела бы.

– Сулари, у нас погас факел? Почему ты молчишь, это не смешно, – выдохнула я, стараясь придать голосу уверенности.

– Погас, – ответила тогда девушка как-то слишком уж спокойно. Неужели ее не пугала тьма?..

– У тебя есть еще один?

– Нет, ала. У меня нет...

– А может, стоит зажечь ту смесь, что у тебя была в бутылке для отпугивания солаанов? – предложила я, вспомнив, что у девушки была целая емкость с горючим маслом. При необходимости мы могли бы полить им потухший факел, а потом...

– Это не жидкость для отпугивания солаанов, – медленно произнесла она, и на меня вдруг накатила очередная волна сдавливающего ужаса. – А наоборот совсем...

– Что значит «наоборот»? – ахнула я.

В этот момент раздался звон и грохот, звук битого стекла наполнил узкое пространство пещеры, и вслед за этим вокруг запахло чем-то странным, кисловато-тухлым.

Сулари разбила бутылку...

– Запах должен привлечь солаанов, а не отогнать их, – произнесла совершенную околесицу девушка. – Простите, ала.

Послышался грохот удара. Земля задрожала под ногами, а сверху посыпалась каменная пыль.

– Сулари, что происходит?! – воскликнула я, пятясь к стене, прижимаясь к ней спиной и закашливаясь, потому что грохот усиливался, а в пещере, похоже, начинался обвал.

Сулари больше не отвечала.

Я поняла, что должна двигаться куда-то, иначе меня вот-вот просто закопает под валунами во время обвала. Похоже, служанка заманила меня в ловушку!

И теперь я вдруг внезапно поняла, отчего она так нервничала, когда смотрела на меня... Почему мне никак не удавалось найти с ней общий язык, разговорить ее! Все встало на свои места!

Конечно, она нервничала, ведь представлять, как заводишь человека в смертельную западню, наверняка ещё тот стресс!

Я попалась, и более того, сама позволила увести себя подальше от каньона. Пресловутое предчувствие! Но теперь уже ничего нельзя было исправить и следовало как можно быстрее найти безопасное место в пещере, пока меня просто-напросто не завалило.

Но в какой стороне выход и куда бежать?.. В темноте ориентация в пространстве мгновенно нарушилась.

А решать нужно было быстро. Я рванула вперед, стараясь не споткнуться и не упасть, потому что это грозило неминуемой гибелью. Пробиралась на ощупь, периодически царапая руки об острые выступы и получая удары камнями по голове.

Но это было меньшее из длинного списка пыток, что мне грозили в случае обвала. А потому я не обращала внимания на царапины и синяки и, даже когда оступилась, подвернув ногу, не остановилась ни на мгновение.

Ногу простреливало болью, но за спиной грохот падающих камней был гораздо страшнее.

К счастью, в какой-то момент я поняла, что грохот становится все тише. Похоже, мне удалось уйти от обвала! И все равно я продолжала бежать еще десяток минут, пока, наконец, камни совсем не перестали падать, а в воздухе уже не так пахло пылью. Вот только совсем тихо в пещере так и не стало...

Я остановилась, чтобы отдышаться, сползла по стене, благодаря судьбу за то, что в этой «кишке» такие широкие проходы. Ведь если бы

здесь было хоть немного уже, я могла бы застрять и не успеть выбраться.

С другой стороны, ширина тоннеля означала, что здесь ползали солааны...

Я закрыла глаза, но мысленный «паучий» шум не умолкал. Хотелось бы думать, что он предупреждал меня именно об обвале, но я чувствовала, что это не так. И совсем скоро поняла, что права.

Тоннель начал наполняться улепетывающими пауками. Маленькими и побольше. Я чувствовала, как по мне пробегают десятки крохотных ножек, а в голове теперь уже отчетливо звучало:

«Бежать-бежать! Они раздавят нас к своим червебабушкам!!!»

«Скорее-скорее! А эта чего тут сидит? Глупая, ее сейчас съедят!»

«Оставь ее в покое, а то съедят тебя!»

Я хотела сказать им, что в той стороне, куда они бегут, обвал. Что там не пройти. Но вообще-то паучки были маленькие, они вполне могли пробраться через крохотные щели, которые мне были и не видны, и недоступны.

Но сказать я тоже ничего не смогла, потому что меня обуял ужас от осознания простого факта: сюда полз огромный солаан. А я даже не могла его увидеть...

Я вскочила на ноги, пытаюсь понять, где спрятаться, тщетно выискивая в стене какую-нибудь нишу, за которой можно было бы схорониться. Но в полной, кремешной тьме найти нечто подобное было просто невозможно.

Меня захлестнула паника.

А тем временем в пещере стал отчетливо слышен шелестящий шум, словно кто-то большой и змееподобный ползет сюда, шурша по камню своим телом.

В прошлый раз, когда я оказалась в подобной ситуации, меня спас Джерхан. Но теперь-то его рядом не было! Это я сдуру полезла спасать его в эту «кишку»! И вот чем все закончилось. Он даже не узнает, что меня съели! Будет думать, что сбежала...

Я погрузила пальцы в растрепанные волосы и сжала, с ужасом кусая губы. Прическа успела полностью испортиться, и волосы упали на лицо, закрывая обзор. Но мне было все равно, ведь я и так ничего не различала вокруг... ровно до того момента, как мне вдруг не стало видно, что пряди едва заметно светятся.

– Это что еще за ерунда? – выдохнула я, вытягивая белые локоны вперед и с изумлением обнаруживая, что они и впрямь излучают едва заметный голубоватый свет по всей длине.

А в следующий миг в тоннеле стало оглушающе тихо. Я не сразу сообразила, что шелестящий, пугающе низкий хруст камней исчез. А потом меня обдало жаром отвратительно-смрадного дыхания. И в едва заметном свечении собственных волос я различила прямо возле своего лица россыпь маленьких острых зубов внутри огромной круглой пасти...

Наверное, нужно было молчать, не знаю... Быть может, червь плохо видел в темноте и ушел бы, если бы я прикинулась камнем?..

Но я в этом сомневалась. Даже при плохом зрении у червя наверняка сильное обоняние, и он чует меня по запаху. Сулари приманила его из глубин пещер всего лишь одной бутылкой с пахучей смесью...

Нет, червь если и не видел меня, то прекрасно чувствовал. И стоило признать, что моя песенка спета. С такой огромной тварью в узком пространстве, лишенном света, я никак не смогу сладить.

Паника сдавила грудь железными тисками, когда осознание близкой смерти накатило тяжелой неотвратимой волной. А потому я тихо всхлипнула, на ощупь пятясь назад, а потом не нашла ничего другого, как открыть рот и громко истошно закричать:

– Джерха-а-ан!!!

Солаан заревел вслед за мной.

Я побежала в направлении, обратном тому, что привел меня сюда. То есть в сторону Стеклянного каньона, туда, где сейчас проход должен быть завален огромными каменными глыбами. У меня не было другого выхода.

А еще я немного мечтала, что Джерхан меня услышит. В конце концов, он скрылся именно в этом тоннеле, а значит, теоретически вполне мог быть где-нибудь недалеко. Но это в том случае, если бы судьба была ко мне хоть немного благосклонна.

Но, судя по тому, что солаан здесь и с ревом ползет прямо за мной, это все-таки не так.

Я едва дышала, чувствуя неконтролируемо растущий ужас. Убегать в темноте от громадного чудовища, чья пасть раззявлена буквально у самого твоего затылка, страшно даже в теории. На

практике же я просто морально ждала, в какой момент страх возобладает над телом, я начну запинаться, ноги ударятся о тяжелые валуны и я навеки исчезну в вонючей зубастой пасти.

Собственно, почти так и произошло сразу же, едва я об этом подумала. Начался участок тоннеля, затронутый обвалом, я наткнулась на обломки и распласталась на земле, больно ободрав ладони и ударив колени.

– Все, конец, – прошептали дрожащие губы, пока я вслушивалась в рев и чавканье за спиной.

Было удивительно, что солаан не съел меня до сих пор. Но как раз в этот миг один его длинный ус обвился вокруг моей лодыжки и потянул на себя. Я задргала ногой, отрывисто попискивая, силясь не разреветься. Слезами делу точно не поможешь, если бы я позволила панике победить, то точно уже была бы мертва.

Нет, сражаться нужно до последнего, хоть с самым страшным чудовищем в мире, хоть с самим собой.

Солаан не отпускал и все сильнее тянул, я поехала назад на спине, а острые камни резали платье и кожу.

– Ну уж нет, – выдавила похолодевшими губами, подтащила к себе ногу, вокруг которой обвился ус, и со всей силы укусила мягкий отросток.

Солаан зарычал так громко, что стены пещеры задрожали, снова грозя обвалом.

А я быстро-быстро поползла в сторону, где должен был образоваться затвор из камней. Меня вдруг осенило, что, возможно, в том месте, где валунов будет больше всего, станет так узко, что червю будет не добраться до меня! Я могла спрятаться среди обломков!

Окончательно раздирая в кровь колени и руки, я рванула вперед на ощупь, периодически ударяясь головой и всем, чем придется. А затем услышала, как за спиной буквально в том месте, где я только что была, щелкнула пасть червя.

И снова раздался рев.

Через пару секунд я уперлась в стену. Проход окончательно сузился и стал непроходим для человека. Зато пауки периодически прошмыгивали мимо меня, что-то мысленно повизгивая. Но я их уже не понимала. Словно паучий слух атрофировался в момент страха.

Скрывшись за особенно большим валуном, я забила в какую-то узкую щель, в ужасе прижимаясь к холодному камню и слыша, как солаан злобно долбит мордой по стенам, шурша и двигая камни, чтобы добраться до меня.

Я вдруг поняла, что этот червь не столь огромен, как тот, первый, который едва не убил меня в день попадания в подземные пещеры. Этот, похоже, был значительно меньше, иначе он мог бы достать меня из укрытия, просто пару раз тяпнув пастью валуны, но у него не хватало сил.

Я ликовала!

Правда, к сожалению, недолго. Потому что вдруг чуть дальше по коридору раздалось новое шуршание. Я даже подумала было, что это мой солаан уползает прочь, бросив тщетные попытки выковырять меня из камней. Но нет! Мой снова ударил в валуны, за которыми я спряталась, а там, чуть дальше, раздался похожий рев. Это был второй солаан! И, судя по громкости его «голоса», он был значительно больше!

«Мне конец», – проговорила я, невольно переходя на паучий язык. Человеческая речь теоретически могла еще сильнее привлечь червей... хотя куда уж сильнее?..

Я с ужасом стиснула зубы, чувствуя, как колотится сердце и дрожат руки.

«Ну вот и все... вот и все...»

– Нет! Пока еще не все, мое сокровище, – раздался громкий уверенный голос, который я узнала бы из тысячи. Голос мужчины, который, судя по звуку, стоял всего в нескольких шагах от меня по другую сторону от солаана.

Джерхан... мой Джерхан!

А в следующий миг произошло невероятное.

Пещера не просто озарилась огнём. В какой-то момент раздался глухой треск, будто что-то взорвалось, а затем вдоль стен к потолку взметнулась стена пламени.

Я выглянула из-за камня, не веря своим глазам. Примерно в десятке шагов от меня, окружённый парой скользких червей, стоял мужчина, с рук которого лилась раскаленная лава. Попадая на пол, она превращалась в столб огня, что многократно увеличивался в размерах, словно превращаясь в живое существо. В двух злых огненных змей.

Я глядела вперед и не верила.

В лучах ядовито-жёлтого света там, впереди, горели зелёные глаза моего спасителя. Их взгляд был направлен только на меня сквозь всё пространство пещеры, Джерхан будто не видел чудовищ, которые окружали его со всех сторон. словно ему не было никакого дела до двух монстров, развернувшихся совсем рядом, и до третьего, который подползал сзади!

А две огненных змеи все увеличивались, разрастаясь налево и направо от мужчины, огибая проклятых солаанов по кругу. словно беря их в смертоносные кольца.

Черви истошно закричали. Это был визг и хрип, подобных которым я никогда в жизни не слышала. Они боялись, понимая, что вот-вот погибнут. Такого количества огня никогда прежде не доводилось видеть их полуслепым глазам, привыкшим ко тьме пещер.

А затем началось нечто страшное. Джерхан вынул меч из ножен, привязанных тремя ремнями к поясу, и сталь засвистела в воздухе. Тонкое сверкающее лезвие в огненном свете казалось драгоценным. А его быстрые движения сливались в одно сплошное серебристо-белое пятно.

Во все стороны брызгала алая кровь червей, повсюду разносился тонкий свистящий визг, когда острый металл входил в мягкие тела зверей. Очень быстро полуобнажённый торс Джерхана покрылся багряными пятнами чужой крови.

Он был похож на древнего подземного бога. Сильный, быстрый и смертоносный. Его необычный золотисто-изумрудный доспех, прикрывающий лишь плечи, и вовсе делал мужчину неземным, нереальным из-за его колдовского блеска.

Спустя несколько минут три червя были мертвы. Громоздкие окровавленные тела заняли всё почти всё пространство пещеры, и бой можно было бы считать законченным. Вот только я ещё не знала, что самое страшное впереди.

– Эвиса, – бросил Джерхан, едва понял, что живых врагов больше нет, повернулся и ринулся ко мне через камни, ловко перепрыгивая огромные звериные туши. – Тебе надо уходить, срочно.

– Что случилось, почему? Ты ранен? – выдохнула я, тут же выбежав из-за своего укрытия и ощупывая его грудную клетку, скрытую лишь несколькими ремнями портупей.

Пальцы скользили по липкой крови, сердце глухо било о рёбра. Я боялась.

– Нет, со мной всё в порядке, – покачал головой мужчина. – По крайней мере, пока... но ты должна уходить как можно быстрее. Прежде я не видел, чтобы черви появлялись так быстро, один за другим. Что-то влечет их. А значит, скоро тут будут все солааны из ближайших тоннелей. Поэтому я попробую убрать вон тот камень, и ты двинешься в сторону каньона.

Он бросил быстрый взгляд мне за спину, оценивая завал.

– Нет, Джерхан! А ты? Ты сказал, что уйду я, это какая-то ошибка? – проговорила нервно, убирая растрепанные волосы назад.

– Никакой ошибки, Эвиса. Сейчас здесь будет столько солаанов, что тебе и не снилось, – мрачно бросил он, пряча грязный меч в ножны и не обращая ни малейшего внимания на то, что с лезвия капает кровь. Он схватил ближайший валун размером, наверное, с меня, поднял его и отбросил в сторону. Камень со страшным грохотом упал, высекая искры.

Тоннель слегка задрожал, но тут же вновь успокоился. Джерхан поднял голову и нахмурился.

– Нет, так не пойдёт, нужно двигать осторожно. Откуда здесь вообще этот завал? Тоннель был очень крепким и старым. Я бродил по нему множество раз.

– Это Сулари, – быстро ответила я, пожав плечами. Мне сейчас не было никакого дела до служанки-предательницы. В голове клокотала одна-единственная мысль: Джерхан должен пойти со мной. – Она каким-то образом обрушила стены, чтобы я не могла выбраться, и она же приманила червей какой-то жидкостью. Не знаю, зачем ей это было нужно, но главное же сейчас не это? Если солааны вот-вот появятся, нам надо бежать! Обоим!

– Теперь все ясно, – широко открыл глаза Джерхан, едва услышал эту новость. Кажется, его лицо приобрело бледный оттенок, но взгляд не стал менее решительным. И я не хотела думать, что это значит. – Бежать надо не нам, а тебе, – мрачно добавил он, и его ярко-зелёные глаза сверкнули ядовитым огнём. Что-то просыпалось внутри него, я чувствовала. Похоже, Великий Айш был уже где-то близко. Но я не боялась его перевоплощения. Может быть, было бы и лучше, если бы Джер выпустил свою вторую сущность. Впрочем, говорить сейчас об

этом не было ни одной лишней минуты. – Если я пойду с тобой, нас могут сожрать обоих, – закончил Джер.

– А если пойду только я, то сожрут только тебя? Ты это имеешь в виду? – ахнула я, схватив его за плечи.

Джерхан ничего не ответил, только бросил на меня очередной тяжёлый взгляд. Затем развернулся и стал двигать ещё один камень, закрывающий проход.

Я подошла к валуну с другой стороны, и вместе нам быстро удалось передвинуть огромную глыбу. Несколько камней упали с потолка, и только благодаря Джерхану я сумела увернуться.

Но проход был открыт.

– Тебе хватит места, – кивнул мужчина на освободившееся отверстие. – Иди скорее.

Он уже разворачивался в противоположную сторону и снова доставал меч.

– Джерхан!!! – воскликнула я, заламывая руки, не зная, как запихнуть его в проход в стене, не понимая, почему все происходит так, а не иначе.

Он медленно развернулся, и зеленые глаза обожгли молчаливой глухой тоской. Неотвратимостью каменной лавины, которую не остановить.

А еще... он словно прощался. Только ядовитый огонь еще горел внутри радужек, давая мне хоть какую-то надежду.

– Если проход дальше по коридору снова будет заблокирован, попроси пауков доставить информацию о тебе в каньон, – негромко сказал Джерхан. – Я знаю, что ты сможешь это сделать.

– Но... как же? – жалобно проговорила, но закончить не успела.

– Иди скорее! – крикнул мужчина и, развернувшись, пошел прочь.

На другом конце пещеры появилось аж пять новых червей.

Пять!

Каждого из них было видно в трескучем пламени огня, который жёг, кажется, сами стены и никак не хотел потухать.

К счастью, нынешние солааны оказались гораздо меньше предыдущих, иначе они никак не смогли бы проникнуть в этот тоннель, протиснуть в узкий проход громоздкие тела никак не удалось бы. Вот только разница в размерах оказалась скорее минусом для нас,

чем плюсом. Большие солааны сохраняли неповоротливость, а вот маленькие были юркими быстрыми, как молнии.

Как ядовитые молнии...

В груди сдавило, ладони вспотели. В висках так громко клокотал пульс, что, кажется, мне не было слышно ничего, кроме шума собственной крови.

Джерхан предлагал мне убежать, оставить его одного. Но как я могла это сделать, зная, что он сам вот-вот здесь погибнет? Не это ли предчувствие мучило меня самого начала попадания в пещеру? Не этого ли я так боялась?..

Ведь даже предательство служанки почти никак не отразилось на моём душевном состоянии. Неужели я ощущала скорую гибель Джерхана и именно этот страх меня сюда и привел?

Липкие тиски ужаса так сильно сдавили грудную клетку, что я едва могла вдохнуть. Дрожащие ноги механически перешагивали камни, двигаясь в сторону каньона, как мне и было велено. Руки цеплялись за острые выступы... но тело не желало идти вперёд. Я не могла бросить Джерхана одного!!!

А потом и не пришлось...

В какой-то момент я посмотрела через плечо и поняла, что всё.

Поздно.

Солаанов в пещере было слишком много. Кажется, новые и новые черви ползли прямо из глубины земли, наполняя пространство жуткими лентами своих тел. Меч сверкал с невероятной скоростью, двигался, рассекая монстров буквально на подлёте к обнаженной коже Джерхана. Но так не могло происходить вечно.

И... он совершил ошибку. А затем ещё одну и ещё. И мелкие острые зубы червей вонзились в его плоть.

Кажется, я кричала.

Но Джерхан не обращал внимания на боль, он продолжал рубить врагов, очевидно надеясь, что я ушла. Что скрылась и убежала.

Наверное, он думал, что его бой был не напрасным... А я...

...не смогла помочь ему даже в этом.

Из глаз полились слезы.

Я развернулась и двинулась навстречу мужчине, не видя земли перед глазами. Не замечая и солаанов вокруг него. Потому что с

ужасом понимала: нам обоим здесь придет конец, ведь даже если Джерхан победит всех монстров, то он все равно погибнет.

Их яд уже в его крови.

Оставалась крохотная надежда на то, что природная устойчивость к отраве, что была присуща мираям, поможет ему... Ведь Джерхан был нагом!!!

Пожалуйста, пусть яд будет безвреден для него...

Пожалуйста...

Вот только если бы это действительно оказалось именно так, наверное, он не встал бы сейчас на колени, убивая, кажется, последнего солаана в пещере.

И не упал бы, раскинув руки в стороны среди алого моря крови, освещаемого медленно гаснущей стеной огня...

Глава 16

«...Век песков и душистых трав,
Пауков, изумрудных дубрав...»

(из уличной шейсарской песенки)

Это была самая страшная минута в моей жизни. Я не помню, как пересекла разделяющее нас расстояние, как перебиралась через груды окровавленных тел червей. Помню лишь, как упала на колени рядом с ним, боясь притронуться к располосованному мелкими зубами телу. Как дрожащими пальцами убирала волосы с его красивого лица, ничего не различая с глазами, полными слез.

Эти солааны были мертвы, но я видела, как в конце пещеры мелькают новые. Третья партия червей приближалась. По размеру эти твари были значительно меньше всех, что приползали раньше. Каждое существо походило на чересчур разросшуюся сколопендру. Но их яд наверняка был не менее смертоносен, чем у взрослых особей, а зубы – вряд ли менее острые.

Вот-вот нас должны были окончательно и бесповоротно сожрать, и бежать нам было уже некуда.

Я отвернулась от мерзко шелестящих тел, всхлипнула и осторожно коснулась бледной щеки Джерхана.

Мысли спутались. Я с трудом соображала, что происходит, скованная ужасом происходящего, уничтоженная мыслью, что могу больше никогда не увидеть *его*. Моего Джерхана, которого когда-то звали Нефритовым змеем. Моего Великого Айша, который одним горящим изумрудным взглядом, казалось, мог творить чудеса.

И в этот миг его колдовские глаза открылись! Открылись и обожгли меня бездной ядовито-зеленого огня. Знакомое дикое иррациональное пламя в них выбивалось за черту радужки, внутри которой лезвием вытянулся антрацитово-черный зрачок.

– Почему ты не ушла? – хрипло спросил он низким, мягким голосом, присущим не ему... Другой его половине, воплощенной в теле полубога.

Сердце подскочило к горлу смутной надеждой. А вдруг полубогу не страшен яд? Может быть, ему нужно сменить ипостась?..

В этот миг я захотела увидеть перед собой Великого Айша так, как никогда прежде.

– Потому что не смогла тебя бросить, – выдохнула я, незаметно размазывая слезы по щекам.

Говорить было трудно. Казалось, я едва могу дышать.

– Глупая, – бросил он коротко и повернул голову в сторону, откуда ползли твари.

А я была с ним согласна.

Конечно, глупая... И влюбленная.

– Солааны вот-вот будут здесь, – проговорил он мрачно и вдруг закашлялся, прикрыв рот кулаком.

На смуглой коже появились следы крови.

– Яд Бледных червей действует, – хмуро проговорил он. – Слишком быстро...

Джерхан через силу приподнялся на локте, снова взглянув в конец тоннеля.

– Ты должна убираться отсюда посکو... – начал было он, но на этот раз перебила его я.

– Я никуда не уйду.

– Что?.. – резко повернулся он, словно не веря своим ушам. Его брови были сведены. – Ты понимаешь, что мы умрем здесь оба? Беспольной и глупой смертью?

Джерхан снова закашлялся и стал еще бледнее. Но его огненно-зеленые глаза продолжали метать молнии, глядя на меня.

– Понимаю, – выдохнула я, усаживаясь рядом с ним, скрестив ноги. – И все равно никуда не уйду.

– Сумасшедшая, – покачал головой он, а у меня горло сдавило от невысказанных слов, которые выжигали изнутри. От правды, которая стала кристально ясна лишь сейчас.

Я любила его. И не хотела представлять себе жизнь без него.

А в следующий миг случилось сразу два невероятных события.

Джерхан вдруг глубоко вздохнул, словно из последних сил, и резко вонзил пальцы в камень пола. Я не знаю, как ему это удалось. Но его плоть буквально рассекла твердую породу, а затем губы едва слышно зашевелились в странном мрачном заклинании, пронизывающем насквозь, глухом и диком. Каждое слово, казалось, состояло из потрескивания паучьих жвал и шуршания тысяч паучьих лап:

«Пусть сердце зажжется как пламя,
Крик врага обратится хрипом,
Пусть ночь заиграет цветами,
Пляска смерти горит хризолитом...»

И в тот же миг, как отзвучало последнее слово заклинания, шепот пауков в моей голове взорвался громким ревом. Сперва, кажется, ничего не изменилось, вот только стоило моргнуть, как пещера стала наполняться сбежавшими пауками. Они мчались мимо нас, что-то крича и присвистывая, и были среди этих пауков такие, которых прежде я не встречала. Крупные, гораздо больше тех солаанов, что приближались к нам с другого конца пещеры.

Вот только теперь добраться до нас у тварей не было ни малейшего шанса. Потому что они вступили в схватку с пауками.

Оттуда раздавались крики и шум, звуки ударов тысяч ног и шуршание тел. Щелканье челюстей и визги солаанов, которые оказались в значительном меньшинстве.

А я, не веря своим глазам, коснулась пальцами ожерелья на шее.

Ожерелье!!!

Меня прострелило запоздавшим осознанием истины: все это время у меня было лекарство от яда! Настойка, которую великодушно подарила мне Лориавель, кажется, так давно, что это и вовсе было в прошлой жизни!

– Ну вот и все... – выдохнул в этот момент Джерхан, глядя огненно-зелеными глазами на пауков, ловко уничтожающих мелких червей. А затем перевел взгляд на меня. Его руки ослабели, и он снова лег на холодный камень, едва дыша. – Прости... – зачем-то выдохнул он.

Его длинные черные зрачки, кажется, приобрели еще более резкий росчерк, пламя радужек сверкнуло и... погасло. И Джерхан потерял сознание.

– Нет, подожди!!! – закричала я, сдирая с себя ожерелье. – У меня же есть... есть!.. – дрожащими руками выискивала я нужную бутылочку. – У меня же есть противоядие, – всхлипывая, проговорила я, больше всего на свете боясь, что не успела...

В голове тут же начали всплывать многочисленные рассказы дочки жреца о содержимом бутылочек. Я перебирала пальцами темные, синеватые, красноватые сосуды – и боялась перепутать. Что будет, если я дам ему выпить не тот отвар? Я же вообще собственными руками его добыю!

При этом Джерхан уже не двигался, и мне было страшно бросить на него даже короткий взгляд, бросить и убедиться, что все.

Поздно.

И я упустила единственный шанс...

– Подожди, еще немножечко, – стиснув зубы, прошептала я, отцепляя один бутылек с мутным голубоватым содержимым.

В голове раздался голос Лориавель, будто я слышала его не далее как вчера:

«А вот эта штука с голубоватым оттенком – сложно-комбинированная сыворотка, что защитит способна от укуса солаана...»

Штука с голубоватым оттенком... Я не могла ошибиться, не могла!

Быстро откупорив пробку, я поднесла флакон к иссиня-бледным холодным губам и вылила все его содержимое в рот Джерхана, моля всех богов, чтобы не было поздно.

– Светлая чета, пусть он будет жив, – кусая губы, проговорила я, вспоминая святых, к которым любила обращаться моя тетушка. Это были человеческие святые... – Ильхайят, не забирай своего сына, ему еще рано, – вытирая слезы, попросила богиню мираев. Ведь Джерхан когда-то был нагом. Должна же его богиня еще помнить о нем? Должна помочь?..

Я коснулась ладонью мужской груди, понимая, что ничего не меняется.

Он не дышал.

– Нет-нет, пожалуйста, пусть он будет жив, пусть будет жив! – воскликнула я, чувствуя, как приближается самое страшное. То, что способно уничтожить меня одним своим появлением...

Безысходность.

Ведь смерть не обратить вспять...

– Нет... нет... нет... – твердила я как мантру. Уложила голову Джерхана себе на колени и, не в силах больше сдерживать слезы, повторяла одно и то же.

А соленая вода капала и капала, стекала со щек и падала на бесчувственное бледное мужское лицо. Я больше не видела ничего вокруг.

– Красная мать... – тихо прошептала я, слыша, как разбивается на осколки душа, как больно врезаются эти осколки в легкие, сердце, в каждую мышцу. И будто умирает все внутри. – Красная мать, помоги своему Айшу. Помоги своему сыну, первому из рода хекшаррахний...

И уже не страшно было обращаться к огромной паучихе – кровавой богине шаррвальцев, которую в Шейсаре считали проклятым отродьем и черной богиней демонов. Не страшно.

Это всего лишь паучиха. Наверняка такая же красивая, как Джерхан, когда он был наполовину пауком.

«Не страшно, Красная мать...»

Лишь бы он был жив.

Лишь бы был жив...

Ничего не произошло. Только в груди что-то глухо ударило на миг.

– Видимо, боги оставили нас, – тихо выдохнула я, улыбаясь сквозь слезы и глядя растрепавшиеся камышовые волосы. Оглянулась по сторонам, обнаруживая все еще дерущихся пауков и солаанов. А затем медленно стянула с ожерелья еще один бутылек.

Это была настойка от липких мух. Та самая, которой Лори так гордилась. Всхлипывая, я положила ее на землю рядом, взяла небольшой камень поблизости и ударила по хрупкому флакону.

Стекло треснуло, и по пещере быстро распространился резкий сильный запах.

Я понятия не имела, сработает ли, но мне вдруг пришло в голову, что настойка от липких мух вполне может подействовать и на других насекомых. А ведь солааны тоже в какой-то мере насекомые... наверное...

Где-то в конце пещеры раздался возмущенный визг.

В любом случае мне было уже все равно. Сделав это последнее усилие, я опустилась рядом с Джерханом, легла на его плечо и, глотая слезы, закрыла глаза.

Свет, который каким-то чудом зажег Джер, окончательно потух. Вся пещера погрузилась в кромешную тьму. По моему телу пробежал какой-то взбудораженный паук, что-то прищелкивая по пути, и я через силу послала ему мысленный призыв:

«Передай в Стекланный каньон... Айш и его ала уже не придут...»

И громко разрыдалась, не открывая глаз.

Где-то на границе понимания, кажется, я различала ответный голос того паука:

«Что значит?... Вставай... дурында!.. Вонь-то какая... бежать...»

Я не слушала, не открывала глаз, и паук пропал.

Какой толк в глазах, если все равно ничего не видно? Какой смысл в движении, если все уже кончено?..

Не знаю, сколько мы пролежали вот так. В какой-то момент я то ли уснула, выплавав все слезы, то ли потеряла сознание. Но проснулась внезапно оттого, что кто-то усиленно хлопал меня по щекам.

– Эвиса! Эвиса, демоны, очнись немедленно, иначе у меня сейчас сердце остановится! – последний приказ был таким жестким и властным, но одновременно таким родным и приятным, что я послушалась, с трудом выползая из забытья.

В глаза словно кто-то песка насыпал.

Вот только я не могла поверить своим глазам, потому что они видели Джерхана! Живого и здорового, разве что покрытого

многочисленными мелкими царапинами от укусов небольших солаанов.

– Очнулась, – выдохнул он, пока я ошалело моргала, чувствуя, как дыхание застряло где-то в горле вместе со всеми словами. А затем он резко притянул меня к себе, сжав ладонь в моих волосах. – Жива... я уж думал... бездна солаанов, я думал, они укусили тебя...

Он словно с трудом выдавливал из себя слова. А я все не верила...

– Я умерла? – проговорила наконец, чуть отстраняясь и глядя в медленно расслабляющееся лицо Джера, наблюдая, как его красивые губы растягиваются в улыбке.

– Хвала богам, нет, – ответил он, все еще улыбаясь, а затем медленно отодвигаясь. По его лицу скользнула тень, словно он понял что-то... Словно... не имеет права обнимать меня?.. – Прости, – проговорил он, подтверждая мои догадки. – Я не хотел пугать тебя.

– Ты не напугал меня!!! – почти закричала я, заставив его широко распахнуть огромные зеленые глаза, внутри которых все еще был острый вертикальный зрачок. А ядовито-изумрудное пламя вырывалось за черту радужек, как у Великого Айша.

Джерхан выглядел как прежде... но что-то в нем изменилось.

Впрочем, мне было плевать. Главное, что он был жив!!!

– Я так боялась! – воскликнула я, бросаясь ему на шею, обнимая и не в силах отпустить. И пусть думает, что хочет. Слезы снова полились из глаз, но на этот раз это были слезы радости. Счастья и неверия. Словно огромная пружина внутри, что была натянута до предела, взорвалась, и больше не было ни страха, ни боли.

Больше не было безысходности, которую не преодолеть.

Он был жив.

Я гладила его по растрепанным волосам, переливающимся медью и золотом в свете тусклого пламени, что снова плясало по камням, будто по дереву. Я гладила его по спине, ревя, как последняя плакса, и не могла остановиться.

А потом целовала его щеки, глядя в широко открытые, ошеломленные глаза. И их тоже целую.

– Эвиса... – тихо выдохнул он, словно не верил чему-то. Не верил... – Моя Эвиса... Что же ты...

Я поймала его удивленный, потрясенный и словно обезоруженный взгляд, направленный на меня, и трясущимися губами

бросила, не в силах удерживать это в себе:

– Я люблю тебя...

Но договорить не успела. Потому что в тот же миг Джерхан притянул меня к себе и закрыл рот своими губами.

Воздух застрял в легких, превратившись в жидкий огонь.

Джерхан сжал волосы у меня на затылке, прижимая меня к себе, вдавливая в свое тело и впиваясь, терзая мои губы с жадной, граничащей с безумием.

С моим собственным безумием...

Пульс ударил в виски, голова закружилась. За закрытыми глазами вспыхнули разноцветные искры от напряжения, сконцентрировавшегося где-то в горле невыпущенным криком.

Стон.

Я почувствовала, как его зубы стискивают мою нижнюю губу, чуть оттягивают, тут же спускаясь ниже, прикусывая подбородок, шею... Оставляя на коже горячие следы от его поцелуев, смешанных с укусами.

Мне кажется, все вокруг в один миг потеряло смысл. Я больше не вспоминала о том, где мы находимся и что происходит. Это было какое-то дикое сумасшествие, охватившее нас обоих, как ураган, который одновременно унес нас двоих и выбросил на самое дно бездны, где лишь страсть и голод.

Джерхан спускался поцелуями по моему телу, которое слишком быстро стало обнаженным. Буквально одним движением его рук, разорвавших мое испачканное платье на части. А я вздрагивала от горячих прикосновений, от которых все внутри вспыхивало, словно сухая трава от случайной искры.

Мы сидели на коленях на холодных камнях пещеры, переплетаясь телами, а я чувствовала себя как никогда цельной. Потому что *он* обнимал меня...

В какой-то момент Джерхан приподнялся, поддерживая горячими ладонями мои обнаженные бедра, и, протянув одну руку мне за спину, медленно опустил меня на землю.

А я вдруг с изумлением поняла: мне наплевать на то, что вокруг следы бойни. Что мы оба почти лежим среди трупов бледных червей, а сам Джерхан с ног до головы покрыт чужой кровью... и своей собственной. Все чувства обострились до предела, и кажется, что

именно близость смерти сделала каждый миг происходящего особенно острым.

Мы нуждались друг в друге.

Я нуждалась в нем...

В его поцелуях, руках, в его горящем взгляде, который пьянил, как настойка из черногриба. В его тяжелом сильном теле, касающемся моего.

В бешеном биении его сердца под моей ладонью.

Нужен. Он был нужен мне как воздух.

И когда он медленно опустил меня на холодные камни, я вдруг поняла, что... они вовсе не холодные. Обнаженная спина коснулась чего-то мягкого и сухого. Тепло, как шелковая перина...

Я бросила короткий взгляд в сторону, не слишком понимая, что происходит. И увидела, что вся каменная поверхность под нами покрыта толстым слоем белой как снег паутины.

Джерхан держал ладонь упертой в землю, и из-под его раскрытых в стороны пальцев во все стороны распространялись тонкие нити, на глазах превращаясь в густой ковер.

Это была какая-то магия. Нечто невероятное, потому что мягкая субстанция подчинялась ему, словно живая, самостоятельно приобретая очертания ткани. Она заволакивала собой грязный пол, тела солаанов, острые выступы камней. Только к желтому мирайскому огню, что плясал вдоль стен, не приближалась...

– Джер... хан, – выдохнула я, невольно выгнувшись, когда в этот самый миг его губы сомкнулись на моей груди, а зубы едва-едва прикусили затвердевшую вершинку.

Я взглянула на него и увидела, как, не выпуская мою грудь из плена, он улыбнулся. И эта темная, страстная улыбка, изогнувшая его губы, едва не свела меня с ума.

Его глаза горели, а изумрудно-нефритовый огонь, выплескивающийся за черту радужки, кажется, стал еще ярче. Еще сильнее.

Джер отпустил меня, проведя языком по растревоженному соску, и очередная острая молния удовольствия пронзила насквозь.

Кажется, я задрожала.

– Эвиса... – протянул хрипло, тихо, прочерчивая чуть распахнутыми губами линию по моему животу. – Эвиса... Я так

давно... проклятье...

Я снова посмотрела на него и увидела, как он зажмурился, словно не знал, как закончить фразу. При этом он продолжал улыбаться совсем рядом с основанием моего живота, а затем приоткрыл рот и провел горячим языком вниз.

Я резко втянула воздух, распахнув губы.

– С тех пор, как увидел тебя... – вдруг продолжил он, уверенным движением раздвигая мои колени, распахивая меня, обнаженную и незащищенную перед его взглядом. И только полумрак пещеры немного мирил меня с собственной стеснительностью. – С первого мига, как увидел твои огромные испуганные глаза... Как прикоснулся к твоей коже... языком...

И едва он произнес это, как, словно повторяя его слова, горячий язык опустился между моих бедер, проникая к самому моему безумию. К самым чувствительным и бесстыдным местам.

– С первой секунды, как почувствовал твой аромат, Эвиса, я не мог думать ни о чем другом... – перемежал он пошлые слова с не менее пошлыми действиями, от которых горячий смерч просыпался в основании живота, скручивая своими спиралями каждую мышцу, каждый нерв в теле. Меня простреливало удовольствием от каждого его прикосновения, от требовательных движений двух пальцев, которые вдруг проникли в меня, вырвав низкий и жаркий стон из груди.

Он сводил меня с ума.

– Я видел во сне твои волосы, – шептал он, подкрепляя власть своего низкого колдовского голоса мягкими движениями руки, лаская что-то внутри меня, что заставляло температуру тела подскакивать, как в лихорадке, а дыхание сбиваться. – Во сне я касался твоих рук, вглядывался в сверкающие глаза... И не мог прикоснуться по-настоящему...

Поймав какой-то одному ему ведомый ритм, Джерхан ласкал меня одновременно изнутри и снаружи, и от чудовищно возросшего напряжения потолок пещеры начал вращаться. Я не слышала уже и половины из того, что он говорил, потому что каждую мышцу свело, я сжала пальцы в его темных волосах, лишь отдаленно замечая, как извиваюсь в мягкой паутине, не в силах терпеть.

Казалось, вот-вот вздохнуть больше не получится, горло сдавило от рвущегося стога.

– А я... – выдохнула через силу, чувствуя, как темнеет перед глазами. Но все же я распахнула их и посмотрела на Джерхана. – С первого взгляда... не могла... забыть... тебя...

Слова вырывались из горла с трудом, словно то были и не слова вовсе, а слишком крупные камни, которые кто-то хочет протолкнуть через узенькую трубку.

Но я должна была сказать это. И стоило мне признаться, как Джерхан замер. Всего на миг, остановив при этом мое безумие и позволив хоть немного вздохнуть.

Его глаза... почти совсем зеленые.

– А говорила, что не думала обо мне, – проговорил вдруг он, поднявшись надо мной и едва-едва улыбаясь. – Маленькая лгунья... самая сексуальная и желанная лгунья в мире...

С этими словами он накрыл мои губы своими и одновременно одним резким движением вошел в мое тело.

Стон вырвался из груди, не сдерживаемый даже поцелуем. Тело выгнулось от удовольствия, от долгожданного ощущения наполненности, которое в один миг подняло градус удовольствия и восстановило то, что было утрачено паузой после моих слов.

Напряжение скрутило мышцы, быстро подводя меня к последней черте вместе с тем, как Джерхан резко и сильно входил в меня с жадной хищника, добравшегося до желанной цели.

Ослепительное удовольствие пронзило нас почти одновременно. Словно раскаленный торнадо из лавовой пыли в один миг распался на тысячи каменных осколков исступления, пронзая наслаждением каждую клеточку тела.

– Моя лгунья... – хрипло и глухо прошептал Джерхан, замирая внутри меня, а затем делая еще несколько медленных сладких движений. – Моя любимая лгунья... лишь бы ты вечность обманывала меня вот так... Эвиссаэш... – тихо перешел он на змеиный язык, ложась рядом и прижимая меня к себе.

И весь мир уже больше не имел значения. Потому что *он* был рядом со мной...

Живой.

* * *

– Слушай, а как ты зажёг этот огонь? – спросила я, внезапно обнаружив себя на плече Джера, аккуратно выводящей пальцем невидимые рисунки у него на груди.

То ли мы оба спали, то ли провалились в блаженное забытие. Но шевелиться не хотелось. А колдовской огонь продолжал гореть аккуратно возле стен, не подпитываемый, казалось бы, совершенно ничем. Он плясал прямо на голых камнях, не перекидываясь на паутину и не касаясь тел солаанов. Не приближаясь к нам и не удаляясь, словно горел в какой-нибудь лампаде, а не на пустых стенах.

– Понятия не имею, – ответил Джерхан, чем удивил меня несказанно. Затем вдруг обхватил мои пальцы, блуждающие по его груди, сжал и поднес к своим губам, оставив на них мягкий поцелуй.

Под кожу словно просыпались раскаленные снежинки.

– Я знаю, что мираи умеют управлять огнем, это же ваше... основное волшебство, – на секунду сбившись, проговорила я, с замирающим сердцем наблюдая, как губы Джерхана останавливаются на костяшках моих пальцев, затем на тыльной стороне ладони, запястье... И удивляясь, насколько же отзывчивыми и чувствительными могут быть эти места.

– Да, огонь – сила Великих змеев, – кивнул Джер, бросив на меня короткий обжигающий взгляд, но тут же снова вернув внимание моей руке. А я успела заметить, что его глаза так и не стали нормальными. Прежними. Вертикальный зрачок в них манил своей чернотой в обрамлении негаснущего кольца из нефритового пламени. – Но с того момента, как я стал Айшем, огонь подчинялся мне все меньше. В день, когда мы встретились с тобой впервые, я мог зажечь лишь один факел на собственной ладони. Признаться, я уже успел с ним попрощаться...

Он коротко и немного болезненно усмехнулся, потеряв глаза другой рукой. Его губы изогнулись в улыбке, к которой я всегда была равнодушна, и в полумраке сверкнули тонкие мирайские клыки.

– Но стоило увидеть тебя сегодня, как огонь сам полился с кончиков пальцев, – продолжал мужчина, повернувшись ко мне и укладываясь на бок. Он провел пальцем по моей щеке, с каким-то непередаваемым острым вниманием проследив за собственным движением.

Сердце у меня в груди стучало с переборами.

– Значит, сила возвращается, ведь так? – ахнула я, шире распахнув глаза. – Это ведь хорошо?!

– Не знаю, – пожал мощными обнаженными плечами Джер. – Рядом с тобой я действительно стал другим... Потому что ты другая.

Пламя в его глазах на миг вспыхнуло, когда он снова посмотрел прямо на меня. Кажется, в самую глубину моей души.

А потом поднял руку, обхватив мой затылок, и резко прижал мои губы к своим. Властно, сильно... но и невероятно сладко.

Словно ему не хватало меня. Или же мне просто очень хотелось бы, чтобы это действительно было так.

Я все ещё не верила, что нравлюсь ему такая, какая есть. Обычная и ничем не примечательная девчонка с окраины Шейсары. Нравлюсь ему – царевичу мираев и Великому Айшу шаррвальцев.

– Но, возможно, если теперь попробовать сменить ипостась, ты стал бы единым целым, как ты думаешь? – осторожно предположила я, боясь, что его разозлит вопрос. Все же эта тема была слишком болезненной.

Вот только ее важность из-за этого не уменьшалась.

Как я и предполагала, Джер сморщился.

– Вряд ли, Эвиса, – проговорил он, к счастью не отодвинувшись от меня и не переставая касаться. – Сегодня я с трудом не перешёл последнюю грань. Чувствую, Айш подобрался совсем близко, он... буквально рядом.

– Поэтому ты дрался с солаанами в теле человека? – ахнула я, вдруг осознав очевидное.

Ведь в ипостаси хекшаррахния Джерхан был бы сильнее, крупнее и опаснее. Возможно, даже яд червей на него действовал бы иначе. Но он все равно оставался в теле человека, рискуя жизнью, но не меняясь!

– Да, – кивнул он. – Сила Красной матери бурлит внутри и требует выхода. Даже сейчас. – Он снова посмотрел на меня, и зелёные языки пламени в его глазах взвились, почти полностью покрывая все белки и лишь через долю секунды снова украшая лишь радужку. – Возможно, Айш даже сейчас смотрит на тебя моими глазами. Ждёт, когда я его выпущу... Раз и навсегда. Такого ещё не было.

Он покачал головой и откинулся на спину, положив голову на сцепленные в замок руки.

Мышцы на бицепсах натянулись и округлились, грудная клетка стала ещё шире.

Я шумно сглотнула, а Джерхан просто смотрел в потолок, не замечая, как влияет на меня.

– Ты говоришь об Айше так, словно это и не ты вовсе. А темный дух, который в тебя вселился, – проговорила я тогда, стараясь придать голосу твердости.

Я должна была убедить его в своих словах... иначе все могло очень плохо кончиться.

Джерхан не отвечал.

– Но это не так, – продолжала я, чувствуя, что иду по лезвию. – Айш – это ты. Просто ты этого не помнишь. Поверь мне, я знаю. Я... видела его. И тебя. Вы одно целое.

Хотелось бы, чтобы я не ошиблась, очень хотелось. Но, к сожалению, правда была слишком туманна, и знать ее наверняка было невозможно. Оставалось лишь надеяться.

Джерхан повернул ко мне голову и вздохнул.

– Хотел бы я, чтобы это было так, Эвиса. Но что-то мне подсказывает, что все гораздо, гораздо сложнее...

Он впервые, кажется, не взорвался, когда я назвала его и Айша единым целым. В прошлый раз мы так поссорились, что он и вовсе покинул теларан, скрывшись в неизвестном направлении.

От страха, что снова придется поругаться, у меня даже ладони вспотели. Но все неожиданно обошлось.

– Пообещай мне, что ты подумаешь над моими словами, – хрипло попросила я, не зная, что ещё сделать, и инстинктивно чувствуя, что это не конец.

Маленькая ледяная иголочка предчувствия прошила сердце, да там и осталась.

– Обещаю, – улыбнулся Джерхан и, приподнявшись на локте, ловко перевернулся, нависнув надо мной, как огромная скала, закрывающая собой весь мир.

Темные волосы, играющие медью в огненном свете, упали вниз, щекоча мои щеки, а зелёные глаза в тених камышовых прядей вспыхнули ещё ярче.

– Верить мне? – тихо спросил он, и эти глаза хитро блеснули.

– Верю, – хрипло прошептала я, чувствуя, как жар поднимается изнутри и заливает каждый уголок моего тела.

Тогда он медленно опустился к моим губам, оставляя на них дразнящий поцелуй, и ответил:

– А ведь я мог бы пообещать что угодно, лишь бы иметь возможность прикасаться к такому сокровищу, – еле слышно усмехнулся он, опускаясь короткими, жалящими поцелуями к уголку губ, а затем к чувствительной точке под ухом.

Дышать стало тяжело. Только когда до меня дошло, о чем он говорит, я сумела распахнуть глаза и небожно шлёпнуть его по широким плечам.

– Так ты меня обманываешь? – возмутилась я, однако при этом краснея от мысли, что обманывать он собрался ради одного-единственного: чтобы прикоснуться *ко мне*...

– Кто сказал? – весело хмыкнул он, прикусывая мочку моего уха и вырывая из моего горла сдавленный стон. – Если пообещаю, придется выполнять. Просто не проси меня обещать слишком много, Эвиса... – хрипло и низко добавил он, прикусывая зубами основание шеи, а рукой опускаясь к моему бедру, закидывая его на себя и с силой сжимая. – А то придется брать с тебя соответствующую плату...

От его слов по телу прокатилась волна жара. Джерхан полностью накрыл меня собой, вдавливая в мягкую перину из паутины и проскальзывая недвусмысленной твердостью по моему распахнутому естеству.

Ведь мы оба все ещё были обнаженными!

Пальцы сами собой сжались на мужских плечах. Я дрожала и не могла скрыть нетерпение, свившееся змеиными кольцами в основании живота.

– Да, пожалуйста, – сипло выдохнула я, стискивая ноги на его бедрах и пытаюсь включить разум, когда Джерхан скользнул своей горячей плотью по самому чувствительному бугорку у меня между ног. А потом ещё и ещё. – Я тут... хотела попросить... знаешь, там... посуда, в общем, если что, на тебе... и пол... и грибов мне насобирай, и что тут ещё водится... Ах!

Его член вошёл в меня так резко и сильно, что тело мгновенно прошило удовольствие, словно кто-то дёрнул сразу все струны моих нервов. Из рта вырвался сдавленный стон, и из-под полуприкрытых

век я заметила, как Джерхан улыбаётся, прикусывая меня за нижнюю губу.

Он вообще любил кусать больше, чем целовать... и, похоже, это ещё сильнее заводило меня.

Его острые клыки, виднеющиеся из-под верхней губы, уже не пропадали, и становилось ясно, что прежде он их прятал. А сейчас я и сама не хотела, чтобы они исчезали.

На этот раз Джерхан двигался медленно и неторопливо, и от этого попытка удовольствием становилась лишь сильнее. Он неотрывно смотрел в мои глаза, то и дело дразня короткими поцелуями или горячими движениями языком... словно ласкал меня или, как дикий зверь, пробовал на вкус свою добычу.

А я и представить себе не могла, что это может быть настолько приятно... не поцелуи, а укусы, перемежающиеся с ласками языка. Не сладкая ваниль, а горький шоколад...

В какой-то момент страсть поднялась на такой небывалый уровень, что я перестала вспоминать, кто я есть. Что я человек, который когда-то чего-то стеснялся. Что он – бывший наг, а теперь и вовсе почти полубог.

Мне хотелось лишь чувствовать его и быть с ним. Чтобы он был частью меня...

– Укуси меня, – попросила я, не вполне отдавая себе отчёт в том, что прошу, глядя лишь на тонкие белые клыки и алые губы, которые умели так сладко пытаться.

Зелёные радужки вспыхнули.

Я закрыла глаза, не обращая внимания ни на что вокруг, только на наслаждение, которым стал для меня *он*. И почти не замечая, как его белки полностью стали нефритовыми за миг до того момента, как его клыки вошли в мою шею.

Громкий крик вырвался из моего горла, разорвав тишину каменного тоннеля, вместе с хриплым стоном самого Джерхана, чей яд уже был в моей крови.

Удовольствие заставило тело выгибаться и дрожать, оставляя на широкой мужской спине полосы от ногтей, заставляло каждую мышцу сокращаться так, словно я только что убегала от самой смерти.

А потом меня снова едва не отбросило в пекло забытья. Лишь в последний момент на самой грани сознания раздался чей-то знакомый

голос:

– Хвала Красной матери, нашла вас я!

Я нехотя подняла голову и встретила с испуганным горящим взглядом Неями Агриопы, мастерицы Хрустальных пауков. И покраснела с головы до ног.

Я же была совсем голой!

Пока я соображала, что делать, Джерхан сел, выпрямившись в нашем паучьем ложе, затем резко положил руку мне на грудь, словно не позволял встать.

Только его горячие пальцы жгли кожу.

Однако стоило открыть рот, чтобы поинтересоваться, что вообще происходит, может быть, стеснительно бросить какую-нибудь несмешную шутку или попросить Неями отвернуться, как я с изумлением заметила белую прочную паутину, опутывающую мое тело, словно плотный наряд. Тонкие эластичные нити распространялись во все стороны от пальцев Джерхана, закрывая мою грудь, живот, протягиваясь вниз и превращаясь в облегающий костюм.

Он был совсем не похож на изящное творение Хрустальных пауков, что те сплели для меня в их пещере под надзором мастерицы. Наряд, созданный Джерханом, вообще не был платьем, оказавшись обтягивающим, как вторая кожа, облачением. Он спускался вниз, покрывая и ноги, в точности повторяя все изгибы моего тела.

– С ума сойти, – выдохнула, когда через пару мгновений все было кончено, а я была снова одетой.

– Прекрасно, о Великий, – неожиданно кивнула Неями, впервые с нашего знакомства, кажется, широко и открыто улыбнувшись.

Я даже опешила на мгновение, разглядывая горделивую и необщительную прежде женщину. Она и сейчас выглядела так, словно находилась в своей пещере, – в длинном серебристо-белом платье, что выделялось ярким пятном среди полутьмы каменного прохода. И кроваво-красные капли драгоценностей ослепительно сверкали в свете колдовского мирайского огня.

Я даже подумала, что Неями могла бы стать царицей шаррвальцев, так красива она была. Разве что красота ее казалась немного пугающей, потому что стоило из-за ее спины показаться доброй сотне бледно-белых пауков с красными глазами, как она в

своём наряде тут же сливалась с ними в одно дикое, беспрестанно шевелящееся пятно.

– Не столь прекрасно, как твои творения, мастерица, – спокойно ответил Джерхан, ловко натягивая на себя валявшиеся неподалеку штаны с кожаным ремнем, ножнами и портупеей, которые он сбросил с себя невесть когда.

Создавалось впечатление, что собственной наготой он не был смущен ни капли.

– Пауки передали мне, что в опасности вы, – продолжала Неями, теперь уже, когда мы были одеты, позволив себе подойти ближе. Она перевела добродушный взгляд на меня, и готова поклясться, что в ее хрустально-голубых глазах сверкало почти что благоговение. И ладно бы она смотрела так только на Джерхана, которого тут чтили как посланца Красной матери, а мне-то за что такая благодать?.. – Но, как погляжу я, никаких проблем с солаанами у вас нет уже.

Она бросила короткий взгляд через плечо Джера, разглядывая огромные туши червей, скрытые паутиной. Стаи пауков, которые добились последних солаанов, сейчас зашевелились в конце пещеры и подбежали к мастерице, влившись в копошащееся море Хрустальных пауков. Теперь это «белое марево» с красными глазами разбавилось черными, коричневыми и прочими точками.

– Мы справились, – кивнул Джерхан без капли улыбки. – Хотя все шло к тому, что должны были погибнуть сегодня в этой «кишке». Служанка по имени Сулари завалила проход и использовала настойку «Жара земли», призвав бледных червей.

– Что? Да как же... Быть не может этого! – ахнула Неями, прижав ладонь ко рту. Ее длинные белые волосы, скрепленные заколкой у самых бедер, качнулись, словно плащ. – Как посмела она Айшу навредить с его священной алой?

Можно было бы подумать, что ее страх и возмущение приукрашены. И она нарочно так широко открывает глаза, чтобы показать нам свою лояльность.

Но стоило присмотреться немного, как становилось ясно, что она и впрямь говорила правду! Ее лицо вдруг побледнело, а руки начали едва заметно трястись. Будто едва не погибли ее родственники, а не какие-то эфемерные Айш и ала.

Не дожидаясь ответа от нас, Неями повернулась к стае пауков, что смиренно, как выдрессированные зверьки, расположились у нее за спиной, и вдруг зашептала:

– Идите в каньон... Обыщите каждый камень. Найдите служанку по имени... Сулари.

«Сулари... Сулари... Сулари...» – зашептали пауки у меня в голове. Если прежде в пещере раздавался только тихий шум их мыслей, на который я уже не обращала внимания, то сейчас гомон стал четко различимым.

А еще было удивительно, что она сумела отдать приказ всем паукам сразу. Ведь я-то мысленно могла говорить едва ли с одним. Видимо, и впрямь сильна была мастерица.

Мгновение – и пауки ринулись прочь из пещеры по направлению к городу шаррвальцев.

– А как они пройдут через завал? Как вы прошли? – ахнула я, провожая взглядом маленькую армию.

– О, мы уже все разобрали, – с улыбкой ответила Неями и, кажется, даже слегка поклонилась мне.

Да что происходит вообще?..

Джерхан взял меня за руку и крепко сжал, и у меня тут же выветрилась из головы половина мыслей. Я взглянула в его смуглое лицо, уронила взгляд на губы, уголки которых были едва заметно приподняты, и вернулась к глазам, в которых вокруг острых зрачков продолжал гореть зеленый огонь.

Внутри стало тепло как никогда...

– Ты знаешь, что теперь тебе и в самом деле хочется поклониться, как полубогу? – ухмыльнулась я, чувствуя, как меня утягивает этот странный колдовской взгляд.

– Что ты имеешь в виду? – прищурился Джерхан, а до меня вдруг дошло, что он понятия не имеет о том, что творится с его глазами. Да и, вероятно, эта новость ему не понравится.

– Ну... ты же вон всех победил, – перевела я тему, слегка краснея.

Джерхан бросил короткий взгляд на солаанов, а потом снова на меня. Все еще прищуренный.

– Раньше надо было мне кланяться, – фыркнул он, – теперь уже поздно, я знаю, что покладистости и уважения к этикету в тебе ни на контий^[4] не наберется.

С этими словами он прижал меня к себе и повел вперед, туда, откуда нам уже махала рукой не в меру дружелюбная Неями.

А я еще сильнее покраснела. Ведь Джерхан, должно быть, привык к правилам... К тому, что люди должны выказывать ему уважение. Ведь ему, похоже, поклонялись всю жизнь, сперва как мирайскому царевичу, затем как Великому Айшу.

И тут нарисовалась я.

Почему же тогда он казался таким простым, словно мало чем отличался от меня самой? Почему с ним было так легко?..

Я не находила ответа, но положение вещей не могло не радовать. Будь он таким же, как все благородные, не подошел бы ко мне и на расстояние руки.

Словно чувствуя мои мысли, Джерхан прижал меня сильнее, и мне стало окончательно наплевать на все.

– И что стало с мастерицей?.. – задумчиво пробубнила я, снова переводя все внимание на несползающую улыбку Неями. – Прежде мне казалось, что она меня едва терпит.

– Правда? – искренне изумился Джерхан. – А со мной она всегда была невероятно мила.

– Но ты-то Великий Айш! – ничуть не удивилась я. – Полубог, надежда подземного народа, посланец богини и всяческий повелитель грибов. А я кто?

– Что? Повелитель грибов? – с улыбкой выдохнул Джер и тихо засмеялся.

– Нет, ну а кто? – ахнула сперва я, разведя руками, намекая на то, как удивительно реагировали на него все грибы каньона. Светились, поворачивали шляпки! А потом до меня дошло, как слова звучали со стороны, и я коротко хмыкнула. Потом еще раз и еще, пока мы с Джерханом на пару не нарушили тишину пещеры своим смехом.

Он не переставал меня обнимать, а я боялась сделать что-нибудь не так. Боялась нарушить этот момент, дороже которого не было, наверное, во всей моей жизни.

Так мы и шли к каньону, то болтая без умолку, то хохоча. И казалось, что так было всегда. Вот только прежде мое сердце было наполовину пустым, а теперь полным. До краев полным чем-то щемяще огромным, восхитительно прекрасным, имя чему я не могла дать без страха все разрушить.

– Ну вот и дома мы, – проговорила Неями, поправляя длинное белое платье, которое за всю прогулку по грязным тоннелям почему-то ни капли не испачкалось.

В этот момент мы вышли из «кишки», и впереди забрезжили магические тирааны и кристаллы, освещающие одну из крайних пещер города шаррвальцев. Наконец-то тьме должен был прийти конец.

Я глубоко вздохнула, как умалишенная, мысленно благодаря грибы. А ведь здесь не было светло! Но полумрак Стеклянного каньона стал мне почти родным. И чем ближе мы становились к большим домам-тираанам, где селились люди и из-под шляпок которых распространялся приглушенный желтовато-зеленый свет, тем спокойней было на душе.

Неями покинула «кишку» последней, подождав, пока мы с Джерханом выйдем. И следом за ней двигались многочисленные пауки, снова что-то щелкающие на своем мысленном языке. Но я не прислушивалась.

Разве что в какой-то момент мне почудился странный гул. Пауки забеспокоились, задрыгали лапками, и даже Неями нахмурилась.

Я резко опустилась на колени, дотронувшись кончиками пальцев до прохладных камней, и... услышала.

Где-то далеко-далеко от нас звучал голос паучьего страха:

«Дрожь земли...»

С мастерицей Неями мы подняли головы одновременно. И увидели, как прямо над ее головой пещера дала трещину, а затем крупный камень откололся от потолка «кишки» и...

За секунду до этого я схватила за руку Джерхана, что-то истошно закричав.

Гранитная порода должна была убить Неями и огромное количество маленьких говорящих питомцев. Но в последний момент Джер поднял руки и сжал пальцы прямо в воздухе.

И камень замер. Трещина в стене увеличивалась, но медленно, словно само время застыло.

Лишь каменная пыль сыпалась вниз, на головы мастерицы и пауков.

– Скорее, уходите в сторону! – через силу прокричал Джерхан, и я поняла, что каждая мышца в его теле напряжена до предела.

Перевела взгляд на его руки, застывшие в воздухе, подрагивающие так, словно в них была зажата многотонная порода. Вены вздулись, на лбу выступили бисеринки пота.

Забыв, как дышать, я осознала, что он... держал каменный потолок пещеры.

Неями с пауками недолго оставались шокированными и неподвижными. Почти сразу они метнулись в сторону, и, едва сама Неями оказалась на безопасном расстоянии, она начала звать своих пауков и подгонять их. Но те не успевали.

Мелкие камни начали откалываться от основного и падать вниз, грозя раздавить несчастные создания.

– Быстрее! – крикнул Джерхан, стиснув зубы. Он чуть пошевелил сжатыми в воздухе пальцами, и несколько камней по обеим сторонам от большого тоже замерли.

Тогда Неями глубоко вздохнула, протянула вперед кисти и резко дернула их на себя. И вся огромная стая пауков вылетела из пещеры, словно подхваченная порывом ветра.

В следующий миг Джерхан отпустил руки, и каменные глыбы с грохотом осыпались вниз, полностью перекрыв вход в «кишку».

Когда пыль осела, я увидела, что Неями сидит на земле и тяжело дышит, она была бледна, почти повторяя белизну собственного платья.

Джерхан дышал глубоко, но спокойно. Только лицо его оставалось напряженным и мрачным.

– Ты нас спас, – проговорила я тихо, дотрагиваясь до его плеча. – Снова.

Джерхан повернул ко мне голову, словно немного приходя в себя. И улыбнулся.

– Не нас, а только Неями и пауков. Мы успели выйти раньше.

– Видишь, какой полезной силой тебя наделила Красная мать? – выдохнула я, не сдержавшись и ткнув его пальцем в грудь. Джерхан на миг опешил, но меня было не удержать. – А я вот едва-едва один раз сумела пошевелить каменные тарелочки у нас в теларане!

И... он снова улыбнулся. Вся мрачность, что проявилась от моих слов, улетучилась, а я так и не поняла почему. Джерхан сгреб меня в объятия, подхватил под мышки и, подняв в воздух, вдруг поцеловал сперва в нос, а потом в губы.

– Эй, что ты делаешь? – фыркнула я. – Поставь, где взял! – заверещала, когда он закружил меня в воздухе, только через пару мгновений поставив на место. Подал руку Неями, чтобы помочь ей встать, и, убедившись, что с мастерицей все в порядке, повел нас обеих к каньону.

Но вместо того, чтобы объяснить, какая липкая мошка его укусила, он с улыбкой начал учить:

– Если ты обладаешь способностью двигать камни, то, чтобы научиться делать это лучше, следует начинать с чего-то маленького. Когда-то я тоже так делал.

– Ты? – удивилась я. – А разве ты не сразу стал Великим и прекрасным?

Джер взглянул на меня насмешливо и хитро, а затем в его глазах промелькнуло что-то такое темное и жаркое, отчего температура моего тела мгновенно подскочила.

– Прекрасным я всегда был, – хмыкнул он, а я поняла, что ляпнула очередную глупость. А что там я говорила до этого? Тоже нечто, с головой выдавшее мою сумасшедшую влюбленность? – А сила Айша развивалась постепенно. Но да, она сразу была довольно высокой. Со временем же стала еще больше.

– Восхитительно, – честно выдала я свои мысли.

А Джерхан подобрал с земли три крохотных камушка, положил их на свою ладонь и распахнул пальцы. Тут же вслед за этим камушки поднялись в воздух и стали кружиться друг за другом. Так ловко, словно были живыми!

– Точно так же колдовала и Лориавель! – воскликнула я, снова восхищаясь происходящим, как чудом. – Только она камни брала побольше, и, когда я пыталась повторить, у меня ничего не получилось, – насупилась в конце.

– Значит, те камни были для тебя слишком крупными, – объяснил Джерхан. – Силу нужно тренировать, Эвиса. Бывает такое, что магия в колдунах пробуждается словно пожар или цунами, сметая все на своем пути.

С этими словами он вложил камушки мне в ладонь, поддерживая ее снизу.

– В таких случаях сила сразу же очень высокая, но маг редко справляется с ней. Кем бы он ни был. Человеком, мираем или кем-то

еще... – на миг Джерхан нахмурился, словно говорил о чем-то, что касалось его лично. О себе?.. – Разум туманится. Гораздо лучше, когда ты тренируешь в себе силу сама. И твой разум успевает подстраиваться.

С этими словами он кивнул на ладонь и вопросительно посмотрел на меня.

– Ну, давай!

– Ой, я же должна проговорить какое-то заклятье, – поспешно стала вспоминать я. – Лориавель колдовала с помощью заклятий...

– Нет, – прервал меня Джер, сжав кисть с камушками. – Если бы я читал сегодня заклятья, успел бы я удержать камень? Слова – лишь способ облечь мысли в приказ. Приказ для тебя самой. Ведь камень ничего не слышит. Сконцентрируйся на своем требовании. Просто пожелай... будто это самое большое твоё желание в жизни.

И я сделала точно так, как он сказал. А в следующий миг маленькие камушки на моей ладони зашевелились и поднялись в воздух! Безо всяких заклинаний! Они закружились по кругу точно так, как только что кружились у Джерхана! Но он-то Великий Айш, а я кто?

– Ура!!! – Я вскочила, и все камушки рассыпались в разные стороны, зато я прыгнула на шею Джерхану, а он, смеясь, поднял меня в воздух.

И поцеловал...

И целого паучьего каньона было мало, чтобы объять чувство счастья, что распирало меня изнутри.

Казалось, что вот теперь-то наконец все хорошо! Теперь можно ничего не бояться, потому что впереди только свет и счастье.

Как же я ошибалась! К сожалению, это стало ясно чуть позже, и изменить что-то было уже невозможно...

Через некоторое время мы, наконец, вернулись в теларан, и Неями, поклонившись, оставила нас одних. Джерхан долго целовал меня, заставив раскраснеться, а потом заявил, что нужно срочно найти служанку, которая едва меня не убила. Мол, это дело не терпит отлагательств. Бла-бла-бла.

И тоже ушел! Предложив мне отдохнуть и принять ванну. И даже не поспоришь с ним, ведь понежиться в теплой водичке после ночи с дохлыми солаанами, несомненно, было необходимо.

Вот только я-то рассчитывала на кое-что погорячее водички!

Однако как только Джер оставил меня одну, оказалось, что меня ждал еще один сюрприз.

Глава 17

«Станет так, что под шорох лап
Голос Рока вконец ослаб...»

(из уличной шейсарской песенки)

Я приняла ванну, вкусно поужинала, сметя с подноса буквально все, что принесла одна из служанок. А потом умудрилась уснуть, сама не заметила как.

Однако пробуждение оказалось не из приятных.

– Ала, ала! – В дверь теларана ломились и стучали так громко, словно где-то вспыхнул пожар. – Ала, благородная ала!

Я долго не могла разлепить глаза, памятуя о том, что кому надо – мог войти сюда сам, не спрашивая меня. Однако сколько бы я ни валялась, игнорируя гостей, они не убирались восвояси и не проходили внутрь.

Может, и впрямь пройти сюда может только Джерхан? И даже царицу не пустят просто так?..

Обдумать эти варианты не удалось, я сползла с круглой мягкой постели, в которой так и подрыхла одна всю ночь, и подошла к выходу. Толкнула тяжелый каменный монолит, и он открылся легко, словно обычная дверца.

– Ну, что случилось-то? – протирая глаза, выдохнула я, обнаружив в коридоре Лориавель в компании двух незнакомых жрецов и одного Ильхамеса.

У последнего счастливо горели глаза.

Я даже испугалась на миг. А вдруг что с Джерханом случилось? Впрочем, тогда, наверное, первый жрец шаррвальцев так не радовался бы...

Ильхамес, увидев меня, поднял руки к потолку и воскликнул, перебирая пальцами, как паучьими лапками:

– Хвала Красной матери, вот она, наша спасительница!

Сердце упало куда-то в желудок.

Я перевела взгляд на Лориавель, обнаружив, что та покраснела, но тоже улыбается.

Остальные два жреца что-то возбужденно бубнили, целуя серебряных пауков, висящих на цепи у них на шеях.

– Знаете, я еще не проснулась, приходите попозже, – пробормотала, совершенно серьезно собираясь закрыть дверь у них перед носом. Что-то мне не нравился их настрой.

– Ну что вы, о прекрасная! – не дожидаясь, пока я воплощу свои мечты в реальность, бросил Ильхамес, ловко прошмыгнув в теларан. – Совсем ненадолго мы! Но ежели подтвердятся знаки божественные, если-если! Ах, я не могу!

Он вбежал в комнату и схватился за грудь, тяжело дыша. Он и в самом деле был чрезвычайно возбужден.

Лориавель, скромно улыбаясь, прошла за ним следом и прикрыла глаза ладошкой. Впрочем, почти сразу же она снова посмотрела на меня, взяла за руку и, сжав, прошептала:

– Я так рада! Хоть бы это правда была! Радоваться рано, конечно, еще, но мой отец редко ошибается в предсказаниях. Не зря именно он – жрец первый. Он ведь слышит Красную мать!

Я нахмурилась. Под домашним платьем спина покрылась испариной.

– Если вы сейчас же не скажете мне, что происходит, я закричу, – проговорила я, отступая к кровати и неожиданно даже для себя забираясь на нее и отползая к стене.

Я еще не проснулась! Где мой грибной сок и миска маринованного мха?

– Скажем-скажем, прекрасная, великолепнейшая и дивная ала, – с поклоном произнес незнакомый жрец. – Вот буквально скоро совсем скажем.

И хлопнул в ладоши.

Сразу же по этому сигналу несколько слуг-мужчин, которые, оказывается, ждали за дверью, внесли в теларан странную конструкцию, напоминающую... цветочный горшок, украшенный драгоценными камнями и искусственными грибочками.

– Что это? – с подозрением прищурилась я. – Если это завтрак, то оставьте его себе, что-то я не голодна.

Совсем, видать, я местным надоела. Небось решили, что «эта ала слишком много ест» и хватит уже на нее редкие фрукты да настойки переводить. Пусть земельки пожует.

Лориавель прыснула со смеху, а Ильхамес округлил глаза.

– Что вы, о прекрасная! – снова обратился он ко мне, как демоны знают к кому. – Это простой горшок цветочный, – убедил он меня в том, что никакой ошибки нет. – Мы будем сегодня с вами сажать священный рододендрон.

– Что, правда? – выдохнула я, немного успокаиваясь и подползая ближе к краю кровати. – А зачем?

Жрецы заулыбались, кто-то из них опять воздел руки к потолку и зашевелил пальцами.

Заканчивали бы они уже это делать! Нервировало страшно.

– А вот сейчас и увидите вы все сами, – едва сдерживая нетерпение, подошел ко мне Ильхамес. Он приказал подтащить поближе небольшой каменный столик, установил на него горшок, а затем достал из кармана красивую красную шкатулку, расшитую золотыми нитями и украшенную зелеными камнями. Открыл ее, затаив дыхание, и...

...вынул на свет два маленьких зернышка, что едва заметно сверкали.

– Это семена рододендрона, – пояснил он с улыбкой. – Голубого и розового.

А я вдруг вспомнила те самые деревья, с которых в саду теларана падала сияющая пыльца. Придвинулась поближе, потому что теперь и меня снедало любопытство. Что же они собрались делать дальше?

Полностью завладев моим вниманием, Ильхамес аккуратно посадил оба зернышка, присыпал их небольшой горкой земли и вдруг подал мне какой-то маленький золотой стаканчик.

– А теперь, дорогая ала, вам нужно сделать сюда утренние дела свои, – мягко проговорил он, совершенно сбивая меня с толку.

Я покраснела. Затем отодвинула рукой стаканчик, намереваясь снова уползти по кровати назад.

– Что-что я должна сюда сделать? – пискнула я, чувствуя себя просто ужасно.

Вчера с червями и то было проще!

– Ну пописать, – улыбнулась Лориавель, явно пытаюсь меня подбодрить.

– Зачем?! – выдохнула я, уже готовая сорваться на истерику.

Я не собиралась писать в стаканчик под надзором кучки из жрецов, слуг и Лориавель! Что за бред вообще?

– Чтобы мы узнали, действительно ли вы беременны, великая ала, – тихо и мягко ответил незнакомый жрец, низко склонив голову.

А у меня потемнело перед глазами.

– Да ну вас, – бросила я, слезая с другой стороны кровати. Чтоб подальше от сумасшедших жрецов и одной не в меру энергичной Лориавель.

– Нет-нет, чудесная ала, ничего ужасного не произойдет ведь! – замахал руками Ильхамес. – Всего-то и надо, что...

– Я говорю «да ну вас» – значит, «да ну», – фыркнула и заторопилась скрыться в другой комнате.

Детский поступок, конечно. Даром что дверей в теларане не было ни одной, так что ничего сложного в моей поимке не представлялось.

И все равно я шла все дальше и дальше по комнатам, стараясь найти хоть что-нибудь, что меня спасло бы от этой нелепой и возмутительной ситуации.

Беременна! Это ж надо такое выдумать!

– Великая ала! Прекрасная...

– Сам такой! – крикнула я тому из жрецов, что меня догонял, охая и ахая по дороге.

В этот миг впереди показалась тяжелая портьера ванной комнаты, за которую я благополучно и прошмыгнула.

– Замечательная ала, погодите немно...

Чья-то рука просунулась вслед за мной, явно намереваясь отодвинуть штору в сторону.

– Не смей заходить, я голая! – воскликнула я возмущенно, и рука тут же исчезла.

– Ну, ала, ну, послушайте минуту хоть!

– Ничего я слушать не буду! – крикнула в ответ и заторопилась вглубь помещения. Открутила вентиль с водой, и по трубам внутри каменных стен задвигалась вода.

Ее шум немного перекрыл звук разговоров за портьерой, а я села на краешек каменного кресла, устланного шкурами, и обхватила себя

за плечи.

Стало как-то зябко и неудобно.

В этот миг чуть в стороне раздался тихий женский голос:

– Эвиса... можно зайду я?..

Подняв голову, я встретилась взглядом с широко распахнутыми голубыми глазами шаррвальки.

– Ну кто бы сомневался, что тебя моими голыми телесами не напугать, – фыркнула, отвернувшись. – Уходите все, я не собираюсь... выращивать ваши цветочки.

– Эвиса, не надо так... Ведь не желает никто зла тебе. Даже как раз наоборот.

– Конечно, – кивнула я, мрачно глядя на то, как Лориавель боязливо приближается ко мне и садится на краешек набирающейся ванны. – Вам же изначально нужна я была только в инкубатора... качестве. Тьфу, я уже заговорила как вы.

Язык начал заплетаться от переживаний, а слова – меняться местами.

Лориавель тяжело вздохнула.

– Неприятны мы тебе... это и понятно. Но ведь... – Она развела руки в стороны. – Разве были мы жестоки к тебе? Разве пытались обидеть?.. Ведь если получится все, ты и сама вернешься наверх... в свой дом. Ну... и мы с тобой вместе... Разве это так плохо?

Теперь уже я вздохнула.

– Ты же должна понимать, что это бред! – воскликнула я возмущенно. – Хоть ты-то должна понимать, что один ребенок ничего не изменит! Он не придаст шаррвальцам сил, не наделит их древней магией, которая позволила бы победить в войне с Шейсарой! И не станет этот ребенок тем, что смогло бы примирить ВАС с НАМИ!

У меня стучало в ушах.

– Вы годами воровали девушек с поверхности и навсегда прятали их в своих каменных пещерах в дурацкой мифической надежде, что это что-то изменит, оправдывая себя высшей целью. А что в итоге? Что будет, когда окажется, что ребенок – это просто ребенок? И ничего больше???

Лориавель поджала губы. Ее брови сдвинулись домиком на переносице, а затем она опустила взгляд и вдруг... разревелась.

За портьерой ванной комнаты стало оглушительно тихо.

А мне не было стыдно. И я старалась не вспоминать о том, что, вероятно, мои собственные родители погибли много лет назад, позволив другим отнести меня в Шейсару, чтобы я выжила. Старалась не вспоминать, что и другие, может быть, погибнут завтра, через год или через десять лет, потому что темнота медленно убивает их. И выхода нет. Только надежда.

Дурацкая надежда на одного-единственного ребенка, который по какому-то старому пророчеству жрецов Стеклянного каньона должен спасти весь паучий народ.

– Ладно, я пописаю в стаканчик, – выдохнула я, сама не веря, что говорю это. И закрыла глаза ладонью.

Лориавель всхлипнула и подняла на меня мокрые глаза. Слезы еще текли по ее щекам, но она вдруг достала из-за пазухи золотой стакан и протянула мне.

– Разреветься – это был план, да? – приподняв бровь, спросила я, забирая стакан и кривясь от собственного яда. В голосе, в сердце. Я знала, что дочка жреца не могла придумать ничего столь ужасного, вроде манипуляции слезами, и все равно говорила.

Мне было... тяжело.

Лориавель покачала головой.

– Просто больно оттого, что ты ненавидишь, – ответила она тихо. – И тяжело нести на своих плечах вину всего каньона.

Теперь уже я глубоко вздохнула, уныло глянув на дно бокала.

– Я не ненавижу... ни тебя, ни шаррвальцев, – проговорила и ушла в соседнюю комнатку, почти сразу нехотя возвращаясь обратно с полной емкостью. – Мне просто... просто...

И выхода-то не было. Ведь если подумать, то план жрецов по исполнению пророчества гораздо милосерднее и многократно менее кровавый, чем план по завоеванию Шейсары. Так что с ребенком – это они еще худо-бедно, но неплохо придумали. Разве что бесполезно.

– Я понимаю, – выдохнула Лориавель, забирая бокал и пытаясь улыбнуться. Но у нее не вышло.

А я вдруг почувствовала свою вину. Уж по крайней мере Лори-то мне ничего плохого не сделала, а я выплеснула на нее всю накопившую агрессию. Более того, если бы не дочка жреца, я вместе с Джерханом погибла бы в пещерах. Если бы не ее бесценный подарок.

Я провела пальцами по бутылочкам ожерелья, которое теперь не снимая носила с собой.

А потом вспомнила и другой факт. Ведь Лори и сама мечтала стать алой. И если у нее получилось бы, не пришлось бы воровать других шейсарок. Можно сказать, что собой она пыталась избавить меня и других девушек от нежеланной участи.

А я вот так отблагодарила ее!

Окончательно расчувствовавшись, я бросилась шаррвальке на шею и тоже едва не разревелась, ощутив себя самой настоящей неблагодарной нахалкой.

– Прости, – пискнула я дрогнувшими губами. – Все, что я сказала, тебя ни в коем случае не касается. Ты лучшее, что со мной случилось в Стеклянном каньоне.

– Эй, осторожней! – воскликнула девушка, обнимая меня свободной рукой и неожиданно усмехаясь. – Расплескаешь добро все!

Я чуть отстранилась, и в самом деле испугавшись. И тоже улыбнулась.

– Ну точно беременная, раз чувствительная такая, – хихикнула она и, видя, как широко округляются мои глаза, с улыбкой замахала руками. – Ладно-ладно, не переживай так, еще не известно ничего. И... Значит, я лучшее, что случилось с тобой в каньоне? Даже лучше Великого Айша? – прищурилась она и вдруг подмигнула мне.

И пока я краснела, она прошмыгнула под портьеру, отдавая золотой стакан радостно заголосившим жрецам.

– Эвиса, иди сюда! – крикнула из соседней комнаты дочка жреца. – Будем чудо смотреть!

Любопытство унять не удалось. Я подскочила как ужаленная, выбежала из ванны как раз в тот момент, когда Ильхамес, бросив на меня счастливый взгляд, выливал все содержимое стаканчика в горшок с землей. Затем простер над ней руку и прошептал:

«Сила древняя ввысь вознесется,
Мое слово – кровь богов,
Пусть волшебное семя очнется,
Коль родится дитя пауков...»

– Дитя кого??? – выдохнула я возмущенно, Ильхамес поднял на меня одну бровь и пожал плечами, мол, он тут ни при чем, такое заклятье.

А дальше все наше внимание оказалось отдано волшебному горшку, в котором начало происходить нечто невероятное.

Я до конца не верила, что произойдет то, чего все ждут. А когда из земли вверх потянулся один тонкий стебелек, в глазах подозрительно защипало.

– Да ну, нет, – хмыкнула я, взглянув на Лориавель, которая вдруг запрыгала и захлопала в ладоши. А затем почти то же самое стали делать жрецы. Трое взрослых мужчин что-то кричали, подняв руки к потолку, а один из них, кажется, пританцовывал.

У меня внутри что-то упало и покрылось льдистой корочкой. В глазах еще сильнее защипало.

Зато Ильхамес подбежал ко мне и вдруг порывисто обнял. Правда, тут же отошел на шаг назад и почтительно поклонился. Вслед за ним то же самое сделали и два других жреца, рядом с которыми встала Лориавель. А затем я заметила, что у выхода из теларана так и остались стоять слуги, а сейчас они и вовсе упали на колени, прижимая руки к груди.

– Да будет благословена Айяала, – как можно более сдержанно проговорил Ильхамес, глядя на меня с улыбкой и все еще не поднимая головы. – Завтра утром состоится ваша свадьба с Великим Айшем. И... все наконец-то будет хорошо.

Не знаю, случайно или нет, но Ильхамес, кажется, впервые заговорил нормально, не путая слова местами. И это было даже приятно. Но...

– Свадьба? – ахнула я, стараясь поскорее проморгаться.

Краем глаза я все еще глядела на маленький росток в горшке, который стремительно вытягивался, словно по волшебству. Хотя ведь и в самом деле по волшебству.

– Конечно, – кивнул другой жрец, тоже приходя в себя. Третий, кстати, натурально начал плакать, растирая слезы по морщинистому лицу. – Теперь вы – Айяала, и статус ваш отныне равен статусу Великого Айша. Мы устроим торжество великое! Каньон весь будет праздновать!

Он снова слегка станцевал, но тут же одернул мантию и сделал вид, что ничего не произошло.

– Смотрите! – прокричала вдруг Лориавель, указывая на горшок, в котором стебелек стал таким большим, что у него уже начали появляться листики и бутоны... красивого голубого цвета.

– Мальчик! – крикнул плачущий жрец и дернул Ильхамеса за рукав. – А я говорил! Я всегда говорил, что мальчик будет у Великого Айша. Наш будущий царь!

Ильхамес довольно закивал.

– Да нет же, смотрите! – повторила Лориавель, указывая пальцем куда-то в корни небольшого рододендрона. А там из земли неожиданно проклюнулся маленький хохолок еще одного растения.

В теларане воцарилась тишина и продолжалась ровно до тех пор, пока росток не стал большим, почти сравнявшись с первым. Пока на нем не выросли листья и розовые бутоны.

– Быть не может, – крикнул плачущий жрец, не переставая улыбаться.

Пляшущий жрец хмыкнул, весело глядя на меня.

– Красная мать благословила и впрямь вас, Великая Айяала, – поклонился Ильхамес. А Лориавель, усмехнувшись, бросила:

– Ну и даешь ты!

– Я даю?! – выдохнула я, думая, в какой момент лучше упасть в обморок, сейчас или когда все уйдут?..

А затем жрецы, наконец, заторопились меня покинуть.

– Готовьтесь, Великая, – проговорил тогда Ильхамес. – Столько всего надобно сделать. Всего сутки у нас! О, пауков нам в помощь!

– А зачем так торопиться? – глухо спросила я. – Вдруг... ошибка какая?

Жрец улыбнулся.

– Не может быть ошибки, Айяала. Не лжет священный рододендрон.

Сдавленный вздох вырвался из моей груди.

– Кстати, куда вы денете ростки? – спросила я с некоторым беспокойством, понимая, что деревья мне, в общем-то, жалко. Не хотелось бы, чтобы с ними что-то случилось.

– Высадим в саду теларана, бояться не надо, Айяала, – ответил Ильхамес. – Ваши деревца в самом центре расти будут. А сейчас

отдыхайте. Скоро к вам десятки слуг придут, будут готовить к свадьбе.

И все жрецы стремительно заторопились к выходу, пятясь спиной вперед и согнувшись в три погибели.

– Эй, а как мне найти Джерхана? – воскликнула я напоследок, с некоторым ужасом думая о том, как он отреагирует на «дивные новости». В голове все перемешалось.

– Уверен, он скоро придет к вам сам, не беспокойтесь, – кивнул другой жрец. – В первую очередь мы его найдем. Требуется поздравить Великого с тем счастьем, что наконец осенило каньон весь.

Отлично просто. У нормальных людей мужчина делает предложение женщине, прежде чем та соглашается стать невестой. У меня же жених даже не в курсе, что его уже почти женили.

После «гонцы счастливых новостей» наконец-таки ушли и унесли с собой волшебный горшок, оставив меня в полном шоке и раздрае. Сказать, что я была не в себе, – ничего не сказать. Страшно было подумать, страшно представить!

Я попеременно то краснела, то бледнела.

Я человек. И якобы беременна от... кого? Мирая? Или хекшаррахния? У меня, вообще, кто родится? Паук со змеиным хвостом?

Джерхан мне, конечно, нравился, и даже очень, но обычно я старалась не думать о том, какие у нас могли бы быть дети. Вроде как рановато было!

Теперь же оказалось, что думать-то уже поздно.

От ужаса перед глазами слегка потемнело, и я решила полежать.

Лежала я так около часа, и, видимо, это была вся фора, которую мне предоставили шаррвальцы. Затем теларан наполнили многочисленные слуги, суется, поздравляя друг друга, меня и весь мир. Они улыбались, суетились, снимали с меня мерки для платья, приносили цветы и угощения, спрашивали, что я предпочитаю откусать на завтрашнем празднике.

Я терпела, улыбалась в ответ и кивала невпопад. А потом, когда слуги немного отвлеклись, бросила им, что сейчас вернусь, и скрылась в коридорах дворца.

Нужно было срочно найти Джерхана! И пусть сам с ними со всеми разбирается! А то что-то не торопится он поздравить с прекрасной новостью свою будущую жену, и, чай, неспроста. Видать,

не больно-то рад свалившейся на него радости. Он вон десять лет пытался отцовства избежать, а я ему тут подсуропила за пару неделек...

В общем, настроение стремительно приближалось к уровню «мегера обыкновенная».

Однако когда я уже мысленно прокрутила в голове все, что выскажу Джерхану за его любовь к побегам и исчезновениям, коридор дворца в очередной раз повернул и я увидела нечто ужасное.

Джерхан в ипостаси Великого Айша стоял посреди зала, полного военачальников, министров и каких-то явно высокопоставленных шаррвальцев. По крайней мере, об их непрестом статусе говорила богатая одежда, часто расшитая драгоценностями, золотом и паутиными нитями.

Длинные паучьи ноги Джера блестели, как полированный обсидиан, а медно-изумрудные наплечники сверкали в свете масляных лампад...

На короткое мгновение я даже залюбовалась им. Снова захотелось дотронуться до хитина, напоминающего каменно-металлический доспех, до колец-украшений, нанизанных на иглы ног...

И все бы ничего, вот только как раз в тот миг, когда мне не повезло заглянуть в проход, вся эта толпа замерла, напряженно затихнув. А Великий Айш как раз поднял над головой какого-то трепыхающегося мужчину.

Секунда – и шея неизвестного бедолаги глухо треснула, и он перестал шевелиться. Джерхан бросил его тело на землю, словно это был мешок с мусором, а затем, не глядя на ошеломленную толпу шаррвальцев, просто вышел прочь.

Я едва успела спрятаться за поворотом коридора, тяжело дыша и не зная, что думать. Перед глазами вспыхнула алая пелена.

А еще стало ясно, что Джерхан опять ничего не вспомнит. Он так и не соединил оба своих сознания! А значит, в тело человека он может не вернуться уже никогда.

Мне стало так страшно, как никогда прежде.

Несколько мгновений я не могла прийти в себя, в ушах шумело, хотелось куда-то поскорее присесть.

Но, как ни странно, я совершенно не думала о том, что вообще-то Джер опять убил человека ни за что ни про что. Я просто в это не

верила! Осознание такого простого факта слегка шокировало, но это была абсолютная правда: меня гораздо больше пугала ситуация с его неконтролируемым перевоплощением, со свадьбой и беременностью, чем только что убитый человек!

Я безоговорочно верила Джерхану, даже когда он был в мрачной ипостаси Великого Айша. Не убивал же он людей направо и налево! А значит, во всем этом был какой-то смысл, который, впрочем, понять было невозможно, пока оба сознания виновника всех этих событий не сольются воедино.

Но что теперь делать? Это я верила в честность и правильность действий Джерхана. А остальные?

Именно в этот момент из зала, где люди потихоньку начали переговариваться, шуметь и даже иногда кричать, я услышала голос какого-то мужчины:

– И сколько терпеть мы будем подобное поведение? – звучал его громогласный рокот.

Он явно не боялся, что исчезнувший в коридоре Джерхан может его услышать.

– Можно ли прощать убийство только потому, что его совершил Айш Великий?!

Раздался удар, словно кто-то хлопнул кулаками по столу.

Вслед за этим до меня донесся тоненький звук чьего-то всхлипывания и далее крик:

– О Красная мать, царице плохо! Помогите кто-нибудь!

У меня сердце екнуло и остановилось. Значит, Фелидархат тоже была там, а я сперва и не заметила.

– Скорее воды!

Из зала выбежал какой-то мужчина в одежде стражника, и я едва успела отскочить в сторону и снова спрятаться за поворотом. Когда я вернулась к подслушиванию, в зале уже вовсю шли спор и ругань:

– Никто права не имеет обсуждать действия Айша! – говорил другой мужчина, и голос его был смутно знаком. Какой-то жрец?..

– И не обсуждаю я, а сразу говорю, что терпеть это хватит нам! – продолжал тот, громогласный.

– Никто не спрашивает тебя, урс Хавион! – продолжал «можетбытьжрец».

– Вас мы тоже слушали долго слишком, – не унимался этот Хавион. – И вот еще один маг рода благородного мертв! Невосполнимая утрата для Стеклянного каньона во времена, когда планируем мы войну!

Шум стал громче.

– Война не нужна! – громко возвестил еще один зычный голос, легко перекрикивая остальные. И узнать его было нетрудно, Ильхамеса, кажется, я не перепутала бы ни с кем. – Потому что нашли мы, наконец, Великую Айяалу милостью Красной матери. Ала Великого Айша беременна!

Зал накрыла ватная тишина. Такая густая и тяжелая, что мне на секунду показалось, что я оглохла.

– Прекрасная ала беременна? – спросил мягкий звонкий голос царицы Фелидархат.

Похоже, пришла в себя.

– Именно так, – подтвердил голос Ильхамеса все в той же тишине. – Не успел я сказать в начале Совета нашего. Завтра утром по традиции свадьбу справим. Я уже отдал о приготовлениях приказ, с вашего позволения, моя царица.

– Конечно-конечно... – пролепетала та, и снова раздался всхлип. – Но как же... мой охранник...

И снова, как пожар, в зале начал подниматься шум, но Ильхамес не дал ему разгореться.

– Это трагедия, несомненно, но будет расследована она после того, как свершится то, чего ждали мы многие годы. Неужели вы хотите испортить то, к чему мы шли столетиями? Из-за одной смерти, о которой, несомненно, мы получим объяснения от Великого! Ведь, как известно, глаза его – глаза Красной матери. И видит он больше нашего!

– Это не одна смерть, Ильхамес, а уже вторая! – не унимался громогласный Хавион. – А ежели завтра Айш решит свернуть тебе голову, потому что Красная мать повелела, охотно ли ты подставишь шею?

Шум в зале. Опять.

– Охотно! – вновь выкрикнул главный жрец шаррвальцев, мастерски усмиряя толпу, за что я была ему безмерно благодарна. –

Ведь ежели я преступлю закон, увидит это Великий. И значит, смерть – это то, что заслужил я.

У меня даже от сердца отлегло. Не одна я, значит, безоговорочно верила в невиновность Джерхана! Несмотря на его страшные поступки. Осталось лишь от него самого добиться ответа, какой паук его укусил, что он местным мужчинам то кишки выпускает, то глотки ломает.

Убегая обратно к теларану, я думала о том, что надо будет не забыть поблагодарить Ильхамеса за его веру в Джерхана. За то, что пытался остановить войну и утихомирить тех, кто хотел ему навредить. А ведь когда-то я злилась и подозревала во всех грехах этого хитрого шаррвальца с наполовину лысой головой. Шаррвальца, по чьей милости оказалась в каньоне! Теперь же хотела расцеловать его в бледные щеки.

Сердце отчаянно стучало в горле. Я остановилась у очередного поворота коридора, с ужасом решив, что заблудилась. Да еще и, ко всему прочему, в конце тоннеля за моей спиной явно кто-то шел.

Ужас ударил в виски, и я побежала еще быстрее. К счастью, за следующим поворотом нашлась заветная дверь в теларан, куда я и проскочила с завидной быстротой.

– Где же были вы, о великая! – воскликнула тут же одна из служанок. – Мы ведь не успеваем!

И тут же заохали и заахали, проводя меня в центр комнаты, где собралась толпа народу с тканями, драгоценностями, вышивкой и камушками для украшения. И только у меня все еще сердце бешено стучало в груди, не давая успокоиться.

Может, и не будет уже никакой свадьбы? Может, вообще ничего не будет, если шаррвальцы решат убить Айша и пойти войной на Шейсару? Какое платье, вообще?..

Но слугам до моих переживаний не было никакого дела, да и посвятить их в случившееся я тоже не могла. Пришлось стоять молча, позволяя девушкам делать свое дело, пока они радостно лепетали:

– Какое счастье!

– Наконец-то!

– А кто родится у вас, Айяала?

– Ну, расскажите секрет!

– А платье вам в этот раз шить будут не только из паутины волшебной, но и из ткани!

– Да, такова традиция!

– Но мастерица Неями все равно участвовать будет, она пауков заставит ткань оплести паутиной и нужные камни вращать в наряд!

– А вы выбрали грибы, которые будут в руках ваших?

– Грибы? – На этот раз вопрос сумел вернуть меня в реальный мир.

– Грибы-грибы, – закивала одна из служанок. – Букет невесты! Грибы!

– У вас букет из грибов состоит? – хмыкнула я. На лицо начала возвращаться улыбка, а события прошлого часа потихоньку отступали на второй план. Пусть Ильхамес со смутой во дворце разбирается. Главный он жрец или не главный, в конце концов?

– Конечно! Из чего же еще? – удивилась тем временем служанка и стала долго и подробно рассказывать, как проходит свадьба в Стеклянном каньоне.

И, надо сказать, это оказалось действительно интересно! Разве что в самый разгар рассказа, когда часть служанок вместе с мерками и тканями для платья уже собиралась отчалить из теларана, на выходе их поймала царица Фелидархат.

– Паучьею дня, прекрасная Айяала, – мягко улыбаясь, проговорила она, неожиданно склонив передо мной голову. – Пришла поздравить тебя с великой радостью!

Я улыбнулась в ответ, пока служанки огибали хрупкую фигуру девушки, что провожала их любопытным взглядом больших голубых глаз.

– Уже выбрали, какие будут ткани у платья? – кивнула Фелидархат. – Ах, как я люблю праздничные приготовления!

– Спасибо за поздравления, царица, – поклонилась я в ответ. – Все это очень неожиданно для меня, – призналась я. А та понимающе закивала и осторожно присела на кресло рядом.

Я же все пыталась понять, злится она на происходящее или нет. Но царица вдруг опустила голову, и по ее щеке скатилась одна-единственная блестящая слеза.

У меня словно ком застрял в горле. И жаль стало хрупкую девушку, которая сейчас казалась особенно молоденькой и слабой,

гораздо младше меня. Но и страх не отпускал: ведь я не должна была знать о том, что произошло сегодня на совете шаррвальцев. А значит, по-хорошему, следовало бы поинтересоваться, что так расстраивает повелительницу всего каньона. Но... язык будто к небу прилип.

Царица же подняла на меня влажно блестящие глаза и быстро утерла скатившуюся слезу. На розовых губах появилась вымученная улыбка, и Фелидархат проговорила:

– Прости, у тебя праздник, а я так ужасно себя веду.

– Ну что вы, – проговорила я сбивчиво.

– Мы же договорились на «ты», Эвиса? – широко распахнула глаза она. – Или я тебя чем-то обидела?

Ее губы дрогнули, словно она опять вот-вот разревется.

– Нет-нет, что вы! Ты! – замахала руками я. – Просто неловко... Ты расстроена, что-то случилось?

Я едва не скривилась, когда эти слова сорвались с губ. Лгать я всегда не любила, и мне это давалось с трудом.

Фелидархат вздохнула и прижала неизвестно откуда взявшийся платочек к глазам.

– Великий Айш.... мстит мне. Убил еще одного моего личного охранника сегодня.

А я чуть воздухом не подавилась. Кровь прилила к щекам. А я-то уже успела позабыть про этот вариант! А ведь... такой финт и впрямь прекрасно объяснял поведение Джерхана в его полубожественной ипостаси.

Что, если он желал царицу? И животная сущность заставляла его совершать все эти убийства?..

Ревность всколыхнулась в груди с новой силой, теперь еще и подкрепленная какой-то острой болезненной обидой. Теперь, когда я, кажется, была беременна, появилось ощущение какой-то обманутости.

Хотя... ведь если подумать, Джерхан-то не давал мне никаких обещаний. Ни разу. Зато весь каньон наговорил мне кучу всего вместо него.

Да, Джер рассказывал что-то о том, как видел меня во сне, как думал обо мне... Но, может, он и Фелидархат во сне видел, кто его знает?.. Да и вообще вроде как горячая ночь любви еще не повод для двух детишек и долгой семейной жизни.

Настроение стремительно портилось, особенно подкрепленное тем фактом, что после заветного дня, когда мы были вместе и едва не погибли оба, Джерхан так и не появился в теларане.

– Вы... то есть ты уверена, что это месть? – выдохнула я, сдвинув брови и усаживаясь на кровать напротив царицы.

Девушка пожала обнаженными плечами, с которых вниз спускалось красивое платье на тоненьких ляпочках.

И как во всем этом великолепии девушка не мерзла в холодных коридорах каньона?..

– Не знаю, Эвиса, – вздохнув, ответила она. – Но что еще это может быть? Ведь он убил уже двоих. И смотрит на меня так, словно мечтает сжечь одним своим горящим взглядом.

Она вдруг повернулась и порывисто выдохнула:

– Я боюсь его, Эвиса! – И снова две слезы покатались по ее белым щекам. – Вдруг он хочет меня убить? Теперь, когда ты беременна, вы оба станете недосягаемыми, божественными правителями каньона... а я буду вам лишь мешать, отбирать власть и любовь народа, которые могли бы принадлежать лишь вам одним.

Она всхлипнула, закрыла лицо ладонями и громко заплакала.

Я подскочила с кровати как ужаленная и приблизилась к ней. В груди защемило.

– Никто не будет тебя убивать, что за глупость? – выдохнула я, погладив хрупкую девушку по спине. – Это ты царица. С рождения. И никто этого у тебя не отберет.

– Ты уверена? – подняла она на меня мокрые красные глаза. Даже нос у нее покраснел, требуя платок, и побольше. Фелидархат и вправду была очень расстроена. – Ты не подумай, я счастлива, что вы с Айшем наконец-то поженились, что пророчество исполнится и у вас родятся красивые малыши. Мы так много лет этого ждали! Но я чувствую, что Айш ненавидит меня за то, что я предпочла ему другого. И теперь, когда он станет царем, ничто не помешает ему убить меня. Он ведь... полубог! Его ведут инстинкты и сила. Больше ничего.

Она снова глубоко выдохнула и заревела с новой силой. С трудом удалось успокоить ее минут через пять, когда я уже и сама начала бояться.

А что, если Фелидархат права и темная хищная сущность Айша и впрямь ее преследует? Я ведь понятия не имею, что происходило в

каньоне до моего появления здесь. И что было между царицей и Джерханом...

В сердце поселился страх.

Фелидархат ушла не меньше чем через час. Меня уже изрядно потряхивало, и я не могла думать ни о чем другом, кроме паучьей ипостаси Джерхана, да еще о том, насколько он не управляет собой в таком состоянии. В голову начали лезть дурные мысли: что будет, если моему женишку вздумается убить кого-нибудь завтра во время церемонии?

А что, если, официально став повелителем каньона, его паучество пожелает жить и со мной, и с царицей одновременно?

Меня уже даже не беспокоила мысль о том, что он не сможет перевоплотиться обратно в человека. Казалось, что он и так прекрасен! Предаваться страсти вон можно в любом теле. А с хищным паучьим разумом уж что-нибудь я придумала бы. В конце концов, со мной Айш был вполне адекватен и очень даже горяч!

Но что, если я ошибаюсь? И все будет совсем не так?!

К вечеру меня накрыла паника. Я почти ничего не съела из ужина, и спать совершенно не тянуло. Состояние усугублялось тем, что Джерхан ко мне так и не пришел.

Но исчезать надолго – его нормальное поведение в ипостаси хекшаррахния. Разве что мне от этого было не легче, а как раз наоборот.

Утром, когда теларан начал наполняться слугами, оказалось, что я и на минуту не смогла сомкнуть глаз. Меня все поздравляли, осыпали цветочными лепестками и грибами-малютками, что светились, когда их подкидывали. А потом в комнату внесли платье.

Красивое! С дивным шлейфом, цепочками, золотыми нитями и разноцветными драгоценными камнями. Больше всего было зеленых самоцветов, и еще вчера мне рассказали, что это хризопраз – священный камень Красной матери.

Оказалось, что в наряде было использовано несколько десятков тканей разной фактуры и оттенка, отчего платье слегка переливалось, но при этом ощущения пестроты не возникало. Все ткани, конечно же, были созданы здесь, в Стеклянном каньоне, из трав, мхов, шерсти, грибов и паутины. Проведя рукой по платью, я вспомнила, как

выбирала их вчера, не веря, что за сутки Неями и Хрустальные пауки сумели соткать такую красоту.

Однако стоило дотронуться до камней кончиками пальцев, как на меня вдруг накатил очередной приступ паники.

– Я выйду в коридор, подышу немного! – бросила я изумленным слугам и, не дожидаясь их ответа, выскользнула из теларана.

В груди бешено стучало. Хотелось психануть и все бросить. Сказать, что никуда я не пойду, пусть сами надевают свое платье и едят свои грибы. Пусть приводят мне Джерхана или я с места не сдвинусь!

Но кричать было не на кого, все слуги толпились в теларане, из которого меня как ветром сдуло. Медленно я поплелась вперед, решив дойти до каменного балкона, с которого открывался дивный вид на сад с рододендронами. Так я и сделала и через несколько минут уже дышала прохладным воздухом, любясь пылью, что освещала все вокруг.

Волшебные искорки, вместо того чтобы падать на землю, летели вверх, и одна вдруг добралась до моего балкона. Не веря своим глазам, я протянула ладошку и ухватила ее, а та замерцала у меня на руке мягким голубоватым светом.

Улыбка сама собой растянулась на губах.

Здесь было тихо и красиво, а темнота не пугала, а скорее расслабляла. От всей этой благодати в душе неожиданно разлилось долгожданное спокойствие.

Я вернула взгляд тенистым зарослям и вдруг поняла, что где-то тут теперь будут расти деревца, предсказавшие рождение моих детей.

Улыбка на губах стала шире и гораздо более настоящей. Спокойствие превращалось в умиротворение.

– Ничего, мы со всем справимся, правда? – вслух спросила я у голубой искорки-пылинки, и будто нарочно к ней тут же присоединилась вторая – розовая.

Я окончательно растаяла, решив, что нечего пугаться и накручивать себя раньше времени. Может, и впрямь сейчас сбудется пророчество шаррвальцев, весь народ благополучно выберется на поверхность, а Джерхан перестанет ненавидеть свою вторую ипостась? Будем жить мы долго и счастливо где-нибудь...

Отпуская пылинки летать дальше, я уже вознамерилась вернуться в теларан, как вдруг в голове зашумело. И в тот же миг далеко внизу, в

саду, я увидела среди деревьев двух мужчин. Судя по одежде, это были теларанские тысячники. Или по-другому – паучьи военачальники.

Они шли очень странно, словно прятались от кого-то под сенью высоких деревьев и густых кустарников. И меня пронзило сильнейшее желание узнать, о чем они говорят. Вот только как это сделать?!

Возбужденно вглядываясь в удаляющиеся фигуры, я вспомнила, что где-то там, под корнями, расположилось множество паучьих нор... Вот бы пауки рассказали мне, о чем ведут беседу эти подозрительные господа!

Я с силой вцепилась в каменные поручни балкона, даже немного свесившись вниз, и... шум в ушах буквально взорвался гомоном и голосами. Десятками, сотнями голосов!

На секунду задержав дыхание, я поняла, что мое желание сбылось. Я начала различать слова пауков, которые повторяли чужой разговор...

– ...терпеть дальше, – говорил один голос, пока мужчины все сильнее удалялись от меня.

– Но что мы будем делать, если не получится? – отвечал ему другой.

– Получится, – возражал первый. – Хватит нам уже ждать.

– А как планируешь ты убить Айша? В божественной ипостаси хекшаррахния он неуязвим почти! – донесся голос второго, и у меня все внутри заледенело.

Они готовили покушение на Джерхана!

– Во время обряда сегодня Айш и Ала должны будут выпить священный напиток, и думал я сперва, что следовало бы отравить чашу, – начал объяснять предатель, а я еще крепче сжала поручни балкона. – Но Айш учует яд по запаху. Поэтому принял я другое решение.

В этот момент мужчины остановились и повернулись друг к другу. И тогда я наконец начала различать, кому принадлежат те или иные слова.

Инициатором убийства был высокий мужчина с мышино-серыми волосами, заплетенными в мелкие косички, что свисали чуть ниже ушей. А тот, что соглашался, оказался редким брюнетом среди светловолосых шаррвальцев.

– Что же ты придумал, Атон?

– В момент испытания из священной чаши Айш будет уязвимее всего. Он не будет следить за тем, что происходит вокруг. Не сумеет защититься. Потому стоит ему коснуться губами напитка, как преданный человек пустит стрелу в сердце ему.

Я едва не закричала.

– У нас все получится, Хатис, слово мое помяни, к вечеру уже мы будем свободны от власти чудовища...

Дальше я не слушала. Так быстро убегала обратно в теларан, что не видела и не слышала ничего вокруг.

Мне нужно было найти Джержана! Я обязана была сообщить ему о готовящемся нападении!

Но теларан встретил меня все тем же скопищем слуг.

– Великая Айяала, потеряли мы вас опять!

– Ну что же вы, у нас времени мало так!

– Скорее собираемся! Ведь еще прическу...

Они твердили без умолку, а у меня в ушах звучали лишь слова предателей, переданные голосами пауков:

«Стоит ему коснуться губами напитка, как преданный человек пустит стрелу в сердце ему...»

– Я должна увидеть Айша, – выдохнула я, вглядываясь в широко распахнутые глаза служанок.

– Скоро увидите, прекрасная Айяала, только лишь оденем мы вас, как сразу же можно будет...

– Нет, я должна сейчас же увидеть Айша! – воскликнула я, напугав девушку, которая уже вцепилась мне в волосы, расчесывая их мягкой щеткой.

– Но невозможно это, – удивленно ответила она. – Великий Айш будет ждать вас под Священным рододендром Красной матери. Раньше времени не пустят вас туда!

– Да вы издеваетесь! – взвизгнула я, заламывая руки.

Мне было страшно. Что, если убийцы попытаются воплотить свой план в жизнь раньше времени? Что, если я не успею?..

– Это недолго, о прекрасная Айяала, – начала успокаивать меня служанка, активнее расчесывая мои волосы и явно думая, что я переживаю перед судьбоносным событием. – Осталось лишь покрыть ароматными маслами вашу кожу, платье надеть, украшения, да еще... Недолго, в общем.

Мне осталось только терпеть, и это было невыносимо.

С каждой секундой бездействия меня все сильнее начинало трясти. Когда девушки стали помогать мне надевать платье, и вовсе показалось, будто воздуха в комнате становится все меньше.

– Долго еще? – выдохнула я, пока мне завязывали за спиной шнуровку и одновременно заканчивали прическу.

Одна из служанок отсоединила две белые пряди, что обрамляли лицо с обеих сторон, и закрепила в середине плотные золотые ободки, с которых вниз свисали красивые цепочки. Я вспомнила, что иногда встречала подобные прически в каньоне и они мне очень нравились. А те заколки, что были сейчас на мне, казались невероятно красивыми благодаря диковинным узорам и драгоценным камням, что каплями блестели на концах цепочек. Я даже почти улыбнулась...

Затем служанка собрала часть волос у меня на затылке и закрепила их еще одной заколкой, торчащей вверх, как маленькая корона или язычок пламени.

– Ну теперь все? – выдохнула я, не в силах дождаться конца. Все приготовления к свадьбе потихоньку превратились в пытку.

Казалось, что я едва могу дышать. Сердце бешено колотилось в груди и никак не желало успокаиваться. Мне было жарко, несмотря на то, что камин сегодня еще не разжигали и со вчерашнего дня там едва теплились угли.

– Уже почти, – ответила девушка.

Через несколько минут мы действительно наконец поднялись на ноги и под радостные возгласы служанок добрались до дверей теларана. Там меня встретили несколько жрецов, дюжина теларанских стражников в красивых одеждах и музыканты, играющие красивую мелодию на дудочках и лютнях.

В груди на миг сжалось. Словно у меня и впрямь была самая настоящая свадьба. Красивая и счастливая...

Улыбка на долю секунды растянула губы, но тут же снова исчезла.

Я чувствовала, что все не так. Что все вот-вот развалится. И ничего не могла с этим поделать.

Перед глазами темнело от страха, я задыхалась во всех этих одеждах, в тяжелом платье, которое, казалось, давило на меня, словно могильная плита.

И Джерхана не было рядом.

Не было!

– Пойдемте скорее, – проговорила я, когда радостный Ильхамес встал рядом со мной и взял под руку.

– Позвольте проводить вас, прекрасная Айяала.

Я ничего не ответила, снова вяло улыбнувшись.

Силы начали покидать меня, и каждый шаг почему-то давался с все большим и большим трудом.

– Осталось немного, о великолепная, – сказал первый жрец, очевидно заметив мое беспокойство.

А потом мы двинулись вперед по дороге, которую однажды уже показывала Лориавель. К слову сказать, дочка жреца тоже была рядом, но шла поодаль, не переставая радостно улыбаться.

Все было так правильно и так ужасно одновременно.

Мы миновали каменного голема, который снова открыл дверь как по волшебству, а спустя несколько минут оказались у священного древа, раскинувшего свои громадные, усыпанные розовыми цветами ветви, кажется, по всей пещере.

Среди могучих корней стоял он. Мой Айш. Джерхан в обличье полубога.

Он был красив как никогда. Его полуобнаженное мускулистое тело, украшенное драгоценными перевязями, золотыми браслетами и кольцами, намертво приковывало взгляд. Огненно-зеленые глаза, кажется, глядели сквозь время и пространство, легко испарывая расстояние между нами и вонзаясь мне в самое сердце.

Я не могла не улыбаться, двигаясь к нему по прозрачно-стеклянным дорожкам пещеры, когда Ильхамес, кажется, уже почти тащил меня, потому что идти почему-то удавалось с трудом.

Наконец-то сердце наполнилось радостью. Я скоро окажусь рядом с ним! Смогу все ему рассказать! И, может быть, закрыть глаза и прижаться щекой к его груди, чтобы забыть обо всем...

Только чем ближе я становилась к Джерхану, тем сильнее он хмурился.

Может быть, у меня неудачное платье? Я плохо выгляжу?..

А может, оттого, что было так трудно дышать от страха, мысли окончательно перепутались.

Еще несколько шагов...

– Джерхан, – выдохнула я, улыбаясь и все равно чувствуя ослепительное счастье просто оттого, что наконец оказалась рядом с ним.

Перед глазами начало темнеть.

– Эвиса, что с тобой? – стиснув челюсти, проговорил мой Айш, схватив меня за предплечья.

– Что же ты такой хмурый, Джерхан?.. – проговорила я слабо, с трудом выдавливая слова.

И почему-то упала.

Кто-то за спиной закричал.

Со священного дерева Красной матери вниз сыпались маленькие розовые лепестки, а я поняла, что лежу на руках Айша и гляжу вверх, прямо в вершину огромного старого дерева.

– Эвиса, – хрипло и низко прорычал Джерхан, сдвинув брови. А потом словно и вовсе, кажется, перестал дышать.

– Они хотели убить тебя, Джер, – проговорила я, закрыв глаза. – Два теларанских тысячника... которых звали...

Я напряженно вспоминала два слова, которые никак не желали всплывать в голове. А где-то рядом кричали:

– Зовите лекаря, быстрее!

Интересно, кому там понадобился врач? Неужели мне? Мне бы просто платье расстегнуть да вспомнить, наконец, проклятые имена заговорщиков. И сразу полегчает.

– Атон и Хатис, – наконец всплыли в голове заветные слова. И тут же стало спокойнее. Словно камень упал с плеч!

Вот только легче от этого почему-то не стало.

Я все еще лежала с закрытыми глазами, слушая бешеное биение сердца Джерхана, который прижимал меня к груди.

А потом я перестала и слышать. Поднять веки снова уже не удалось.

Глава 18

«Потому что сердце царей –
Айяала и Нефритовый змей...»

(из уличной шейсарской песенки)

Ильхамес

Первый жрец Стеклянного каньона второй раз за последние несколько недель почувствовал себя так, словно кто-то вонзил ему нож в спину и провернул несколько раз. Сперва его дочь, его единственная маленькая доченька подверглась нападению и лишилась невинности, а он даже не сумел найти виновников. Преступников и чудовищ, которые словно сквозь камень прошли, уйдя от возмездия и навсегда оставив в его сердце и в сердце Лориавель кровавое крошево. И даже Красная мать не открыла ему лиц предателей. Хотя он обращался к ней почти каждый день, молясь древней паучьей силе, что так много раз являла истину!

А теперь вот это...

Единственная надежда на жизнь и процветание всего народа шарраль сейчас лежала на руках Великого Айша и... исчезала, таяла на глазах.

Ильхамес уже послал за лекарем, но было видно и так, что он не успеет. Первый жрец склонил голову набок, прищурившись, и один его глаз, что умел зреть сквозь прошлое и настоящее, показал, что жизнь уже почти покинула Великую Айяалу.

Пальцы жреца задрожали.

Он сжал амулет в виде паука, что висел на шее, и, упав на колени возле тела девушки, начал истово молиться.

Красная мать давно не отвечала на его голос, но он надеялся. Надеялся, что еще есть шанс.

Никто не знал о том, что первый жрец обладает «глазом оракула», а сам Ильхамес не распространялся об этом. Тем более что сила его колдовского зрения была совсем невелика. Однако и этого хватало, чтобы жрец отличал добро от зла, истину от лжи. И видел то, что недоступно другим.

Именно поэтому он лучше всех остальных знал, что уникальная способность зреть истину, что приписывалась Великому Айшу, не ложь. По легенде Айш должен был обладать «глазами Красной матери», мощью, что была во много раз выше, чем та же способность у самого Ильхамеса. Поэтому первый жрец никогда не подозревал Айша в безумии за убийство двух мужчин – членов благородных

шаррвальских фамилий, редких колдунов и личных охранников самой царицы. Ильхамес видел на руках этих мужчин черную паутину – призрачный символ творимого зла. К сожалению, многие люди в той или иной мере были опутаны этими темными следами, и сделать с этим что-либо было невозможно, как и узнать причину.

Но то, что Айш наказал их за реальное невымышленное зло, было фактом. Жаль, что причина была ведома лишь Айшу. Ильхамес знал, что Великий просто-напросто видит гораздо больше, чем он сам.

Но другие шаррвальцы не обладали «глазами оракула» и не видели ничего, кроме обычных убийств. Поэтому многие из них бунтовали, многие желали избавиться от Айша и его Айяалы.

Глупцы... Они пытались уничтожить их единственную возможность претворить пророчество в жизнь!

Пророчество не было сказкой. Ильхамес не знал, какими путями судьба привела бы их на поверхность, но это случилось бы. Если бы Айяала осталась жива...

Из глаз жреца потекли слезы. Он смотрел, как зеленовато-желтое свечение, напоминающее свечение грибов тираанов, быстро тает вокруг тела Эвисы. Последняя надежда Стеклянного каньона умирала. И он не знал почему.

Но, может быть, Великий Айш видел больше? Он должен был знать... Только он мог спасти свою Предназначенную!

Ильхамес поднял глаза на Джерхана. И замер, не в силах пошевелиться.

Зеленый огонь в глазах Великого Айша вспыхнул и начал выплескиваться за ободок радужки, словно в его душе пылал пожар, и его отголоски виднелись во взгляде. Челюсти были с силой стиснуты, крылья носа с яростью вздрагивали, втягивая воздух.

Длинные паучьи ноги непрерывно шевелились, вспарывая землю и раскидывая вокруг прозрачные камушки.

А сам Айш вдруг положил руку на расшитое священным хризопразом платье и... резко разорвал его. Его глаза полыхнули зеленой яростью, и Ильхамес отвернулся, краем глаза видя, как руки Айша продолжают рвать платье, с бешенством раскидывая его в стороны, оставляя Айяалу совершенно обнаженной.

Кто-то позади вскрикнул. Кто-то даже тихо шепнул, что «паучье чудовище сошло с ума». Ильхамес все слышал... И знал, что Айш не

сошел с ума. Если он оставил Айяалу полностью голой под взглядами нескольких десятков людей, то это не просто так... А значит... платье отравлено?

Отравлено!

Он резко вернул взгляд обратно на ошметки одежды, что валялись теперь в метре от покрытого загаром женского тела. Такого непривычно смуглого среди белокожих шаррвальцев.

Но Ильхамесу не было до этого никакого дела. Он схватил ближайший кусок подола одновременно с тем, как Айш прорычал:

– Сжечь платье! Немедленно!

Его голос звучал грохотом подземелий. Словно каменная бездна дрогнула, грозя засыпать все вокруг бесконечной смертоносной тяжестью.

Кто-то рядом засуетился, отгаскивая в сторону наряд, пока Ильхамес трогал пальцами несколько слоев разных тканей, что были в него вплетены. Он прищурил свой колдовской глаз и через несколько мгновений увидел...

Увидел!!!

Одной из тканей была совсем простая, сотканная из ладуилла – вьющегося сорняка, из которого делали одни из самых распространенных ниток в каньоне. Из них шились мешки, шторы, разнообразные чехлы для мебели и дешевая домашняя одежда. А еще платки. Один из которых когда-то был использован в качестве кляпа для Эвисы. В первый день, когда Дерваль поймал девушку в дальней «кишке» почти у самой поверхности. Именно тогда Ильхамес и узнал, что у Эвисы на это растение жестокая аллергия! Она кашляла, пока кляп не вынули, и после этого Ильхамес приказал убрать из комнат будущей алы все предметы, сотканые из этой травы.

– Привести сюда Неями! – зарычал тем временем Айш, мгновенно давая понять жрецу, что он и впрямь догадался о причине болезни Эвисы.

Неями – та, что шила платье вместе со своими пауками. Она не могла вплести в наряд ладуилл случайно. Потому что дешевые ткани не использовались в нарядах для царственных особ. Вот только...

... сегодня утром Неями пропала. И никто не мог ее найти, хотя она должна была сопровождать Айяалу как часть приближенной

свиты. Ильхамес отдал приказ о поисках, но тогда и предположить не мог, что пропала она вовсе не просто так.

– Мастерница Хрустальных пауков исчезла, – проговорил он хрипло и, не поднимая глаз, ощутил, как взгляд Великого Айша пронзил его насквозь.

Все внутри него сжалось. Он предчувствовал трагедию.

Айш явно тоже ощущал это – парящую в воздухе смерть.

– Нет! – раздался низкий рык из груди Великого, и он прижал к себе обнаженное женское тело, укачивая его на своих руках. – Эвиссаэш...

С его губ начали срываться слова древнего языка пауков. Ильхамес едва ли понимал треть из них.

Что же делать? Как вылечить Айяалу? У них нет лекарств от подобных приступов!

– Что делать, о Великая мать?.. – спросил Ильхамес в пустоту, подняв глаза вверх, к самой вершине огромного старого рододендрона.

Но никто не ответил ему. И только розовые лепестки продолжали падать вниз, медленно кружась, словно в танце.

– Она молчит, жрец... – с тихим рокотом ответил Великий Айш. – Кровавая богиня получила свою жертву.

А в следующий миг Ильхамес тоже почувствовал: свет жизни от тела Айяалы больше не распространялся.

Она умерла.

* * *

Не гремел гром, не раздавались раскаты подземных обвалов. Оглушительная тишина навалилась на пещеру священного рододендрона. И только Великий Айш все еще прижимал к себе безжизненное хрупкое тело. Он приподнял девушку так, что ее голова оказалась лежащей на его плече, и, закрыв глаза, прижался щекой к ее щеке.

Никто не смел пошевелиться.

И когда от пальцев Айша в разные стороны начала расходиться паутина, опутывая женское тело, никто не удивился. Уже через пару мгновений узкая фигурка мертвой Айяалы оказалась одета в прекраснейшее серебристо-белое платье, отливающее солнечно-голубым. Цветом неба, которого шаррвальцы не видели никогда в своей жизни.

А в следующий миг в священный зал вдруг вбежал какой-то мальчишка.

– Нашли, нашли! – воскликнул он.

Следом за парнем спешила немолодая уже женщина вместе с мужчиной, на руках у которого лежала окровавленная шаррвалька в самом узнаваемом наряде Стеклянного каньона – в белом платье с кровавыми каплями-глазами. Неями, мастерица Хрустальных пауков.

– Мы мастерицу нашли! – кричал мальчик, а у него на плече подпрыгивал на лапах один бледный паук.

– О Красная мать, – воскликнула та женщина, что пришла вместе с ним, прижав руки к губам, едва увидела огромную фигуру Айша с его погибшей Айяалой. – Неужели... она жива ведь, правда?..

Но ей никто не ответил.

А Неями, к которой тут же бросились слуги и сам первый жрец Ильхамес, нахмурилась, прижимая руку к окровавленному боку.

– Где была ты, что произошло? – выдохнул жрец, касаясь руки Неями и подзывая лекаря, который, к сожалению, уже был не нужен Айяале.

– Напали на меня, – проговорила та, вставая на ноги. – Ночью вчера, едва я платье передала для Айяалы. Сбежать мне удалось лишь благодаря моим паукам. Я спряталась в камнях, всю ночь боясь укрытие покинуть. Спасибо Шерити и Меланею, они нашли меня и вывели. Сказать должна была я, что готовится переворот! Но, вижу, не успела...

Она посмотрела на склоненную и неподвижную фигуру Айша и опустила голову. По ее белым щекам медленно потекли слезы.

В этот момент к ней подбежал лекарь, пытаясь рассмотреть ее раны, но она небрежно оттолкнула его.

– Не нужно, рана неглубокая, убийц кинжал прошел вдоль ребер. Остальное сделают мои братья и сестры. – Она вдруг подняла руки, и все увидели, как платье на ее талии вдруг зашевелилось. И то, что казалось тканью с красными камушками, обратилось самыми настоящими маленькими паучками. Они, как вода, перетекали к ране, опутывая ее, заклеивая. И через несколько мгновений кровь на платье исчезла, а рану перестало быть видно.

Сама Неями никак не прокомментировала это, вновь устремив скорбный взгляд на тело Айяалы.

В этот момент за руку ее схватил Ильхамес, крепко сжав и заглянув в глаза.

– Зачем ты в свадебный наряд вплела ладуилл? – спросил он, сжав зубы.

И те, кто стояли рядом, заметили, что один глаз его на миг стал зеленым. Впрочем, почти сразу же наваждение исчезло.

Неями не отвела взгляда.

– Вечером, когда делала я наряд для Великой Айяалы, принесли мне ткань новую. Которую Айяала не одобряла. Ткань эта была красиво выделана и обработана способом новым и интересным. Нити ладуилла сверкали как серебро настоящее, а зеленые стебли, из которого было соткано полотно, давали зеленоватый оттенок священного хризопраза. Вместо привычного серого, что дает обработка всегда... Мне сказано было, что эта ткань станет священным символом Красной матери и всего каньона. Что обязана я вплести ее в наряд, дабы отдать дань священной нашей богине и всем шаррвальцам, что используют ткань эту ежедневно.

– Кто?! – не выдержав, закричал Ильхамес. – Кто этот приказ тебе отдал?!

Он начал трясти ее за плечи, чего никогда прежде ни с кем себе не позволял. Но Неями, что привыкла держаться благородно и отстраненно, никому не давая дотронуться до себя, даже словом не осадил его. Она только неотрывно глядела в горящие глаза жреца, пока с ее губ не сорвался ответ:

– Ткань мне принесли пауки. С запиской от вас, первый жрец...

Ильхамес ошарашенно отступил на шаг назад.

Неями тем временем достала из-за пазухи лист пергамента, скрученный в трубочку, и подала Ильхамесу.

– Теперь понимаю я, что не вы то были. Но теперь уже не изменить ничего...

По ее щекам все еще катились слезы, которые было так странно видеть на бесстрастном лице мастерицы. Они были на нем будто чужими, ведь губы женщины не дрожали, крылья носа не шевелились, нервно захватывая воздух, как бывает, если человек плачет.

И все же она плакала.

Ильхамес нервным взглядом пробежал строки письма, которое никогда не выходило из-под его пера. И не знал, что сказать.

– Какой же смысл в этом всем? – всхлипнула Шерити, что прижимала к себе мальчика с пауком. – Кому же не угодила наша Айяала?.. – спросила она и чуть тише добавила: – Такая хорошая девочка была...

И тоже опустила голову, громко втянув воздух через мокрый нос.

– Возможно, тем же, кто хотел Великого Айша убить, – проговорил тогда Ильхамес, сдвинув брови. – Перед смертью Айяала сказала, что готовилось покушение. И назвала имена...

Он бросил взгляд через плечо на две фигуры, застывшие под священным деревом. И отвернулся.

Он не хотел тревожить скорбь Великого Айша, но не мог припомнить сказанные Эвисой имена. Он их почти не слышал.

– Наверняка так и есть, – раздался чуть в стороне тонкий и звонкий голос царицы Фелидархат, которую со всех сторон окружали слуги и стражники. Девушка вытирала красные глаза платком. – Это страшное преступление и враги каньона должны быть наказаны! Я слышала имена, что произнесла Айяала. Это Атон и Хатис.

И едва эти слова сорвались с ее губ, как громкий шепот прокатился по каньону.

– Я знаю только двух мужчин с такими именами, – продолжала царица, вытирая слезы и поворачивая голову к теларанским тысячникам, что стояли чуть в стороне, прямые и широкоплечие, твердые, как каменная стена. Вот только и среди них поднялся ропот, когда все взгляды устремились к двоим. – Схватить предателей! – раздался ее громкий приказ.

И тут же стражники, окружавшие царицу, ринулись к двум мужчинам в черной военной форме с нашивками красных пауков. Один из стражников сжал у себя на запястье зеленоватый камушек, и тут же из его ладони на руки предателей полилась липкая паутина. Она мгновенно связала их руки, не позволив дальше сопротивляться.

Магией Красной матери в каньоне редко кто обладал. И легко разрушить такие путы даже тысячникам было не под силу.

Поднялся шум. Те, кого назвали Хатис и Атон, пытались сопротивляться, но лишь первые мгновения, когда их товарищи, что стояли с ними плечом к плечу, не знали, что предпринять. То ли защитить сослуживцев, почти братьев, то ли отступить. Но стоило им

позволить свершиться правосудию, как мятежники покорились и... признали свою вину.

Вот только Великому Айшу, который все слышал, стоя всего в десятке шагов в стороне, не было до них никакого дела. Он даже не повернул головы.

– Да, готовили мы покушение на Айша! – вдруг гордо воскликнул тот, кого звали Атон. И сделал шаг вперед, в то время как все присутствующие вокруг ошеломленно затихли. – Потому что надоело ждать, пока все священное племя паучье навсегда погибнет среди холодных смертоносных пещер! Если бы не Айш и слепая вера жрецов в его божественность, давно уже мы взяли бы жизни наши в свои руки! И вышли бы к солнцу, где наши дети перестали бы болеть. Где мы сами перестали бы умирать!!!

На последнем слове он топнул ногой, сделав еще один шаг вперед и бросая через всю пещеру вызывающий взгляд на Великого Айша.

Но тот снова не повернул головы. Его лоб был прижат ко лбу Эвисы, а глаза закрыты. Казалось, что он и не дышит вовсе, будто превратился в каменное изваяние.

Не увидев никакой реакции, Атон отвернулся, проведя рукой и взъерошив серые косички своих волос.

Уловив уверенный настрой своего товарища, Хатис тоже выступил вперед, потрянув связанными паутиной руками.

– Мы не желали смерти чьей-то. И уж тем более не убивали Айяалу. Ни у одного из нас рука не поднялась бы на женщину, что носит благословение богини. В чьем чреве новая жизнь. Этой вины нет на нас!

Он опустил голову и сжал губы.

В толпе снова начал подниматься шум, но на этот раз выкрикнула уже сама царица:

– Это ложь! Бедная Айяала уличила вас в предательстве!

Фелидархат утерла очередную слезу платком. А затем ее слова подхватили другие:

– Действительно, предателей наказать надо!

– Смерть убийцам!

– Сварить их заживо за то, что уморили деточек! Маленьких беззащитных деточек!

Кто-то громко зарыдал.

Один из жрецов вышел вперед и хрипло проговорил:

– Всем ведомо, что в Стеклянном каньоне один закон: посягнувший на жизнь нерожденного дитя умрет гибелью страшной. Будь то женщина или мужчина. Смерть за смерть. Ежели подтвердится, что теларанские тысячники Хатон и Атис причастны к убиению Айяалы и ее детей, они умрут в пытках.

С этими словами он взмахнул рукой, развернулся и ушел прочь из пещеры, будто больше не мог здесь находиться.

Предатели что-то возмущенно закричали, но их голоса потонули в криках той небольшой толпы шаррвальцев, что сегодня наполняли священную пещеру. Было видно, что они желали расправиться с убийцами прямо сейчас, не дожидаясь решения суда.

Вот-вот с предателями должно было произойти нечто ужасное. Да только как раз в этот миг случилось нечто совсем другое. То, чего никто сперва и не заметил.

Великий Айш поднял голову. Затем он медленно опустил Айяалу на мягкую траву возле древнего рододендрона, словно в зеленую колыбель. Развернулся и пошел прочь. Прямо туда, где беснующаяся толпа народа уже пыталась с особой жестокостью расправиться с Хатисом и Атоном, которых никто даже не собирался защищать. Стражники, что удерживали их, отступили в сторону, предоставив возможность людям подойти к своим обидчикам.

Великий Айш медленно приблизился к людям. Короткие редкие крики: «Великий очнулся!» – вспарывали гомон, наполнивший пещеру, но общая масса народа все еще не видела своего кумира. Ровно до того момента, пока тот не подошел к царице Фелидархат и не взглянул на нее зеленым, полным ядовитого пламени взглядом. Белков больше не было, колдовское свечение заполонило глаза целиком.

Царица замерла, с восхищением глядя на хекшаррахния, который еще больше стал походить на божество. На его широкую мускулистую грудь, сверкающую драгоценной перевязью, хризопразовые ремни и золотые цепи, украшающие бедра, переходящие в паучьи ноги. Она улыбалась ровно до тех пор, пока Айш вдруг не схватил ее за шею и не сдавил. Так сильно, что ее лицо мгновенно начало краснеть.

Слуги рядом закричали:

– Царица! Царица!

И медленно толпа вновь затихла, ее внимание перетекло на повелительницу каньона, которую от смерти отделяли считанные секунды.

– Вот видите? Видите, почему мы хотели его убить?! И что, вы все смотреть будете, как проклятое чудовище уничтожит царицу нашу светлую?! – воскликнул Хатис, зло сжав кулаки. Затем поднял голову и кивнул.

Дальше все произошло слишком быстро.

Откуда-то сверху, с высоты свода пещеры, раздался тонкий свист, который никто толком и не заметил. А затем на долю секунды мелькнуло тонкое древко стрелы, что должна была вонзиться прямо в сердце Великого Айша.

Но не вонзилось.

Он вздернул свободную руку, молниеносным движением вынимая меч из ножен, и, не поворачивая головы, рассек стрелу, когда та была уже в полуметре от его груди.

Два конца древка опали к его ногам, а сам он медленно повернулся и направил кончик лезвия своего меча высоко вверх. В одну ему ведомую точку. И проговорил низко и зло:

– Еще одна стрела, и умрет вся твоя семья, пастух черных кротов Эхватон...

Он говорил тихо и неторопливо, но из-под сводов пещеры раздался сдавленный крик. Человек, которого никто не видел, человек, что все это время прятался там, сдался. А затем тяжелый арбалет и колчан со стрелами упали из темноты сводов на зеленую траву в паре десятков метров от Айша.

Тогда Великий медленно вернул свое внимание царице, которая судорожно раздирала тонкими ногтями его руку, и спокойно проговорил, прожигая ее насквозь пугающе огненными нефритовыми глазами:

– Зачем ты убила ее? Зачем ты убила Эвису?..

И отпустил. Чтобы маленькая хрупкая девушка, кашляющая и обливающаяся слезами удушья, могла ответить.

Она должна была начать отпираться. Обязана была сказать, что это не она и Айш обманулся...

Такого от нее ждал весь каньон.

Но Фелидархат вдруг выпрямилась и скривилась, продолжая глядеть в горящее опасной злостью лицо полубога.

– А ты думаешь, должна я была ждать, пока тихонечко ты найдешь свою избранницу в чужачке этой? В той, которая вместо меня станет царевной потом и почти богиней? Я! Я была для этой роли рождена! Но почему-то десять лет последние только и живу с мыслью, что место мое вот-вот будет занято!

На последних словах она сорвалась на визг и сплюнула под ноги.

– Не хотела я убивать ее, – продолжала она с презрением. – Эвиса была глупа и самонадеянна. Ее должны были убить гордые Хрустальные пауки, к которым я послала ее в качестве «поощрения» новой алы, – горько усмехнулась царица. – Но мерзавке удалось как-то найти подход к ним.

Ее тонкие руки дрожали, одну из них она выставила в сторону, потрясла пальцами, и тут же две служанки подскочили к ней, предлагая мягкие платки, чтобы вытереть лицо, и спонжики с грибной пудрой. Одна служанка даже подкрасила ей губы, тут же исчезнув, словно тень поутру. Фелидархат снова выглядела свежей, как молодой цветок.

Все присутствующие молчали, не зная, как реагировать на откровения своей повелительницы. Народ шаррваль привык считать, что слово царицы – закон. Но и наказание за убийство – тоже закон. И что теперь делать, когда один закон противоречит другому, они не знали.

Только Ильхамес с каждым новым словом предательницы становился все бледнее. Один его глаз то и дело вспыхивал пугающей зеленью, словно признание царицы пробуждало и в нем какое-то дремлющее зло.

– Я не собираюсь выслушивать мнение твое по этому поводу! – воскликнула она затем, всплеснув руками и взглянув на Айша. – Все еще царица я. А ты лишь бывший мирай, презренный наг, которому честь великая выпала, но не заслужил ее ты!!! Десять лет мы подчинялись тебе, как Красной матери, почитали и любили. А чем отплатил ты нам? Выкидывал одну алу за другой. Не желал ни спать с ними, ни жить. И пророчество наше для тебя – пустой звук, равно как и наша мечта выйти на поверхность! Что тебе за дело до бед наших,

если ты сам всю жизнь прожил под синим небом и не видел, как умирают от нехватки зелий солнца?!

С каждым словом царицы народ шептался все громче, становилось ясно, что многие из присутствующих поддерживали свою повелительницу. И ее «признание» легло на благодатную почву.

Вот только полностью зеленые дикие глаза Айша уже не были похожи на человеческие, и человеческие страсти его не трогали. Но вряд ли шестнадцатилетняя Фелидархат это понимала. Вряд ли она знала, что говорит уже не с человеком и даже не с бывшим мираем. А с кем-то гораздо более древним и страшным.

– Это ты должен быть наказан, а не я! – в конце концов прокричала царица, звонко всхлипнув и протянув вперед тонкий девичий пальчик, унизанный кольцами. – Ты предал наш каньон и ты меня толкнул на ужасные преступления! Ты убил самых близких моих слуг, моих личных охранников и благороднейших мужчин шаррваль! И лишь ненависть к тебе монстром сделала меня! Как мне теперь с этим жить?!

Кто-то сзади одобрительно закричал.

Великий Айш поднял взгляд и медленно обвел им всех присутствующих поверх головы царицы. Что он видел там, никому не известно, но чудовищные зеленые глаза загорелись еще ярче. Ядовитый огонь в них сверкал так, что грозил сжечь все вокруг.

В этот миг Ильхамес перекричал шумящую толпу обличительным вопросом:

– Поэтому ты приказала обесчестить Лориавель?

И снова стало тише.

Фелидархат ухмыльнулась и, поведя плечом, отвернулась от жреца.

– Я ничего не приказывала и не знаю, о чем говоришь ты, старик.

– Двое твоих личных слуг исполнили приказ, – с едва сдерживаемым гневом продолжал первый жрец каньона. – Поэтому Великий Айш и наказал их.

– Великий Айш вовсе не великий, – фыркнула Фелидархат, показывая, что совершенно не боится огромного существа с паучьим телом. Существа, которое было в два раза выше нее и тысячекратно сильнее. – Он просто убийца и предатель. Красная мать ошиблась, вручив наши судьбы в руки его.

Ильхамес одновременно сжал зубы и кулаки.

В это время царицу начали окружать ее сторонники и те, кто обязан был по закону ее охранять. Впрочем, часть стражников осталась в стороне, хмурясь и не зная, что предпринять.

Первый жрец шаррваль видел, что готовится бунт. Что-то вот-вот должно было произойти. Что-то ужасное. И кто-то обязательно должен был погибнуть. Инстинкты кричали в нем, что нужно спрятать Лориавель, его единственную дочь, заставить ее уйти отсюда, но... он не знал, поможет ли это.

Приближалось нечто ужасное, и «глаз оракула», что резко стал на диво чувствительным, показывал это как никогда ярко.

– А теперь я ко всем вам взываю! – воскликнула тогда царица, широко распахнув руки в стороны и повернувшись к толпе народа. – К вам, благородным самым и уважаемым членам священного племени паучьего. Выбирайте сторону свою раз и навсегда. С кем хотите вы остаться: с предателем и бывшим мираем, который впитал ненависть к нам с ядом своей змеиной матери, или со мной, вашей царицей, которая испытывала тяготы жизни без солнца среди ледяных камней с вами вместе, будучи одной из вас! Кто, по-вашему, желает вам истинного добра?!

Опасный гомон начал подниматься в стенах пещеры. Кто-то даже вынимал короткие мечи из ножен, люди готовились нападать. Некоторые уже ожесточенно ругались, оказавшись по две стороны баррикад.

Ильхамес широко распахнул глаза, понимая, что ему успокоить это безумие уже не удастся. Это нужно было делать раньше, до того, как маленькая интриганка голубых кровей мастерски сыграла на чувствах своих подданных.

Нужно было бежать.

Вот только как раз в этот миг прозвучал тихий и зычный голос Великого Айша, к которому уже со всех сторон приближались вооруженные воины:

– Вы хотели новый дом... Хотели выйти к солнцу. Что ж, я вас услышал. Сегодня вы наконец-то сделаете это.

Он говорил негромко, но люди слышали его. А те, кто не слышал, понял по эху, что пронеслось вдоль каменных стен, по фразам, что передавались из уст в уста.

И по глухому болезненному предчувствию, что пронзило сердце каждого из присутствующих.

– Что? Что он имеет в виду?.. – начали вспыхивать испуганные вопросы.

Ильхамес забыл, как дышать.

Вот чего он боялся. Вот что показывал его пророческий глаз.

Жрец перевел взгляд за спину Айшу, и его светлые от природы волосы стремительно поседели до самых кончиков мелких косичек.

– Священный рододендрон... погибает, – пробубнил он, не веря своим глазам.

Огромное старое дерево, которому было множество сотен лет, внезапно в один миг перестало цвести. И вместо лепестков вниз стали падать высыхающие на глазах листья.

– Мы выходим на поверхность. Сейчас, – холодно проговорил Айш и неторопливо преклонил длинные паучьи ноги. Затем вонзил пальцы в землю и зачем-то закрыл глаза.

– Нет! Как же?.. Нас ведь убьют! – ахали и кричали со всех сторон. – Как это можно, вот так?!

– Для военного вторжения нужна подготовка! – бросил один из теларанских тысячников.

– Не обманывайте себя, вы готовы уже давно, – не открывая глаз, ответил Айш. Воины шарваль ждут только приказа. Впрочем... все это ваши проблемы.

– Но время! Нам нужно время! – рявкнул один из тех двух тысячников, чьи руки были связаны. Тот, который так сильно мечтал о перевороте, что организовал покушение.

– У вас его больше нет, – продолжал Айш, все еще держа пальцы вонзенными в землю, что неожиданно начала дрожать. Кто-то испуганно закричал.

Потолок пещеры загудел, что могло говорить лишь об одном: по каменным подземным переходам идут обвалы.

– Через четверть часа все тоннели, ведущие в каньон, будут заблокированы, – спокойно констатировал Айш глубоким рокочущим голосом, так мало похожим на человеческий. – Останется лишь тот, который ведет наверх.

Он повернулся и указал рукой на проход, виднеющийся в конце священной пещеры.

– Но если все тоннели перекрыть, то воздуха поток будет заблокирован! – воскликнул кто-то в стороне. – Рано или поздно мы задохнемся в каньоне!

Айш не моргнул и глазом.

– Так и есть. Каждый, кого не будет стоять здесь ровно в назначенное время, окажется заперт навсегда.

С этими словами он развернулся, снова подошел к огромному, на глазах усыхающему дереву и опустился на колени возле тела Эвисы. Он взял ее за руку, на миг закрыв глаза, а затем медленно опутывая ее огромным коконом из паутины, словно белым саркофагом.

Это было страшно. Но еще страшнее то, что начало твориться вокруг. Из всех щелей начали появляться пауки. Они сползались к Айшу и выстраивались вокруг него непроходимой стеной, которая не пропускала ни простого шарравальца, ни тысячника. Никто не мог подступиться к полубогу, который продолжал держать в своих руках тонкую бледную женскую кисть. Но затем и ее тоже перестало быть видно под огромным слоем паутины.

Люди бегали, суетились. Им хватило отведенного времени лишь на то, чтобы похватать своих родственников и добраться до пещеры.

А когда подошел назначенный миг, грянул страшный гром. Тоннели и переходы начали обваливаться, оставляя в призрачной безопасности лишь сам город и один-единственный ход наверх.

Айш поднялся на ноги, отвернулся от саркофага Эвисы и, не глядя на огромную толпу людей за своей спиной, в окружении пауков двинулся вперед по последнему каменному коридору. И почти никто не видел, что по его смуглым щекам текли и мгновенно высыхали слезы из нефритово-зеленого огня.

Глава 19

Стоило открыть глаза, как показалось, будто я ослепла. Все вокруг застилала белая непроглядная пелена. И сколько бы я ни моргала, пытаясь настроить зрение, убрать ужасный туман, будто налипший на белки глаз, ничего не получалось.

А потом наконец стало ясно, что это и не туман вовсе, а паутина, опутавшая меня со всех сторон. Я была в огромном коконе как какой-нибудь готовящийся к вылуплению паук!

– Эй, что за шутки?! – воскликнула я, выставя руки перед собой и ощупывая поверхность кокона. – Выпустите!

Но никто не отзывался. Только отдаленный шум где-то с другой стороны говорил о том, что рядом со мной на многие метры вокруг никого нет.

– Что за ерунда, сколопендру в сандалии тому, кто это сотворил! – взвизгнула я, пытаюсь ударить по кокону, но это было все равно, что бить подушку. Ей от этого совершенно ничего не делалось.

Более того, я смутно догадывалась, что укутать меня в такую огромную штуквину мог только Великий Айш. Джерхан! А память подсказывала, что я как раз потеряла сознание у него на руках!

Но зачем он это сделал и как мне теперь выбраться?

– Эй, помогите-е-е-е! – закричала я как можно громче, потому что от попыток выбраться не было ровным счетом никакого толку.

– Не кричи, – раздался вдруг чей-то негромкий, слегка прищелкивающий голос совсем рядом.

Я бы, наверное, вздрогнула и отскочила в сторону, да отскакивать было некуда. Пришлось только вздрогнуть.

– Ты кто? И где?.. – выдохнула я тихо, вглядываясь в белое марево паутины.

– На ноге у тебя я, – ответил голос. – Был.

А потом я почувствовала, как что-то мягкое щекочет меня своими лапками, уверенно пробираясь через колено на бедро, потом по животу и замирает на груди.

Глубоко вздохнув и привычным уже способом подавив природный инстинкт спастись от маленьких ползающих созданий, что могут вцепиться в тебя и убить, я опустила голову.

На груди сидел потрясающе красивый черный паук с красным брюшком. Тисовый паук, один из тех, что иногда наполняли Шейсару своими ордами, пугали людей и оставляли после себя несколько трупов.

А еще это был... тот самый паук, из-за которого я свалилась в пещеры шаррваль!

Чтобы подтвердить догадки, я коснулась рукой лодыжки, куда уже много недель крепился амулет-хельсарх, и с изумлением поняла, что его там больше нет.

Получалось... что царь пауков ожил! Древний хельсарх освободился ото сна!!!

– Хортанаирис?.. – спросила я тихо, боясь, что ошибаюсь. Может, это вовсе и не тот паук, а какой-нибудь другой? Тем более что в своей «живой» форме он выглядел не так, как в форме браслета. Исчезли драгоценные камни, пропали золотые рисунки. Только россыпь маленьких блестящих глаз до сих пор сверкала величайшей драгоценностью.

– Рад, что ты знаешь имя мое, Эвиссаэш, – величаво и спокойно проговорил он в ответ. – Нам будет проще. Впрочем, еще блестящей будет, если ты станешь обращаться ко мне «хеш».

– Да-да, конечно, – сдвинув брови, ответила я, а в голове тем временем вспыхнула какая-то важная мысль, которая никак не могла оформиться целиком, потому что меня сейчас интересовало нечто совсем другое. – Ты знаешь, почему я в паутине, хеш Хортанаирис?

– Конечно, – ответил он. – Потому что для всех в Стеклянном каньоне ушла ты тропами Красной матери.

– Что, прости? Куда я ушла?

– Умерла, – прощелкал он так, словно в этом не было ничего ужасного.

– Умерла?! – почти закричала я, забарабанив по паутине с новой силой. – Так это не кокон, а гроб, в котором меня заперли?! – пришла вдруг в голову страшная мысль.

– Так и есть, Эвиссаэш, – ответил паук, спрыгивая чуть в сторону. Благо рядом с моей спиной было немного места, гроб у меня оказался вполне просторный!

– О Светлая чета, я словно попала в собственный кошмар, – выдавила из сжатого спазмом горла, пытаясь ногтями разорвать паутину.

Бесполезно. Эта субстанция могла быть одновременно прочной, как металл, и мягкой, как облако, и мне это было прекрасно известно.

– Мне не выбраться, – пискнула я, поджав губы и чувствуя, что вот-вот разревусь. – И тебе, между прочим, тоже! – воскликнула, повернувшись к хельсарху. – Давай придумывай, как нам спастись! Ты же царь пауков! Всоси эту паутину! Или плюнь на нее, чтобы растаяла! Что вы там в таком случае делаете?!

– Вообще-то мы ее употребляем, – невозмутимо ответил тот, словно ничуть не оскорбился моими непочтительными словами.

– Так давай! – бросила я, сжав ладони в кулаки, но не от злости, а чтобы скрыть, как сильно дрожат от страха пальцы. – В смысле... приятного аппетита.

Меня изрядно потряхивало. Никогда прежде мне не доводилось оказываться в таком узком и замкнутом пространстве. И сейчас казалось, что я вот-вот умру.

А что, если воздух кончится? Уже было ужасно жарко! И стены как будто надвигались!

– Мне кажется, тут становится уже, – хрипло проговорила я, оттягивая ворот платья... которое обнаружила только сейчас.

Еще одно платье из паутины...

– Успокойся, – прощелкал хельсарх, снова забираясь мне на грудь, чтобы иметь возможность взглянуть в лицо. – Не в силах моих чужой паутиной отужинать. Лишь своей могу я трапезничать. Так что выбраться отсюда придется тебе. Не мне.

– Но я не могу! А ты тоже умрешь тут вместе со мной! Тебя это не пугает, царь пауков?

– Я не умру, – ответил он невозмутимо, и пара десятков его глаз блеснула рубинами. – Всего лишь усну и буду почивать, как и сотни лет до этого.

– Прекрасно, – прошептала я, понимая, что попала в ловушку, из которой не вырваться. И откинулась назад, закрыв глаза. – Мне конец.

Хоть воздух немного сэкономлю.

– Ну, если ты так решила, Эвиссаэш, – прощелкал хельсарх. – Твое слово – твоё богатство.

Он начал перебирать лапами у меня на груди, явно устраиваясь поудобнее, чтобы уснуть.

– Эй! – едва не лишилась я дара речи от возмущения. И страха, что останусь одна. – Только попробуй опять окуклиться в браслет!

– А что, Эвиссаэш, есть у тебя еще какие-то планы, кроме суицидальных?

Я открыла было рот, но вместо планов только и сумела, что спросить:

– Почему ты зовешь меня Эвиссаэш? Это ведь «сокровище» на языке мираев? Да и вот еще: я тут вспомнила, что «хешмирай» на том же языке нагов означает царя-мирая. То есть «хеш» – это царь. Но то в Шейсаре! А ты, вообще, паук и от Шейсары далеко, как я далека от

настоящего сокровища. Так почему же я должна обращаться к тебе «хеш»?

Показалось, что хельсарх улыбнулся. Не знаю уж, чем он мог бы это сделать: передними челюстями или короткими лапками возле морды, но факт оставался фактом. Создавалось впечатление, что я смотрю едва ли не в человеческое лицо.

– А вот и добралась ты до главной тайны, Эвиссаэш, – тихо ответил царь пауков. И вдруг коснулся моей щеки мягкой теплой лапкой. – Но готова ли ты услышать ее?..

Мне казалось, что после случившегося со мной за последние недели я уже готова ко всему, и все же, когда хельсарх задал свой вопрос, я не смогла ответить.

Что, если существует еще какая-то страшная тайна, которую я должна узнать? Что, если это нечто настолько ужасно, что у меня уже не хватит сил выдержать?

Но все же, собравшись с силами, я кивнула. И паук заговорил:

– Мы все – часть одного мира, Эвиса.

– Что? – переспросила я, ожидая чего угодно, но не этого.

Паук прищелкнул пару раз, словно усмехался. А затем зазвучал в тишине паутиного кокона его тихий голос, что мгновенно погрузил меня в состояние странного, будто колдовского оцепенения:

– Много тысяч лет назад из Сердца Огня родилась царица – Солнце, прародительница всего сущего. Пролила она свою любовь на землю золотом раскаленных искр, и восстал из небытия город золотых песков – Шейсара... По свету бесконечных глаз Солнца, как по тропе Вечности, пришел Алмазный царь – Месяц. И покоренный красотой царицы поклялся служить ей, рассыпав на землю звезд своих океаны, а серебро света обратив в моря. И ожили раскаленные пески, и родились дети великих богов – мы.

– Хельсархи?

Паук снова хитро прищелкнул.

– Хельсарх – древний паук, наделенный душой, магией и долгими годами жизни. А хельшах – змея... Но сколько еще таких существ, о которых ничего не знаешь ты, Эвиссаэш?..

– Не может быть, – выдохнула я ошеломленно.

– Но это так, – продолжал Хортанаирис. – Мы звались «хельи» – рожденные от Солнца и Месяца. Спустя сотни лет золотая Шейсара

наполнилась уже нашими детьми. Не обладали они столь же долгой жизнью, но были разумными и смелыми, сильными и прекрасными... Мы жили в мире и радости. Пока не появились люди. Вы вели войны свои, делили наши земли и изменяли мир. А наши дети стали служить вам. Хельи же засыпали, исчезая в древних песках, лишь изредка появляясь под светом нашей матери и во тьме нашего отца.

– Но это же поразительно! – воскликнула я, не в силах сдержаться. – Это меняет все, что мы когда-либо знали!

У меня застучало в висках, в горле пересохло.

– Как же так?! Ведь получается, что никаких демонов нет! А все ужасное, что в Шейсаре рассказывают про пауков, – это изначально ложь!

Хельсарх чуть склонил голову набок, и несколько десятков его глаз снова ярко блеснули.

– Ты только сейчас это поняла?

– Нет, но...

– Демоны есть, Эвиссаэш, – перебил меня паук тогда, – но это совсем иной разговор. А мы дети одного мира. Поэтому не существует двух языков, паучьего и змеиного. Есть один – древний язык хелий – «эллаэш». Наш-ш-ш...

В этот момент его голос стал как никогда похож на змеиный. Разве что закончилось шипение привычным прищелкиванием.

– Но как же, – выдохнула я удивленно. – Ведь голоса пауков так отличаются от змеиных. И змей я никогда не слышала. Да и пауки не понимают, если говорить с ними на мирайском. Иначе Джерхан только так общался бы здесь!

– Наши дети не могут говорить как змеи, – продолжал хельсарх. – И как люди – не могут тоже. Они говорят мысленно, и лишь тот, кто может услышать мысли, способен услышать и их. Поэтому изменился древний язык, разделившись на множество наречий. Но сердце у него одно, как сердце у Огня – Солнце.

Я была так ошеломлена, что не знала, что сказать.

Вернуло меня к действительности лишь одно – необходимость вылезать из кокона, пока не кончился воздух.

– Ладно, это, конечно, все великолепно, и я действительно очень рада, что ты мне это рассказал. Но как мы будем выбираться? Вряд ли

паутина, если я поговорю с ней на древнем языке эллаэш, сразу же растает. Да и не знаю я древнего наречия, и на паучьем-то едва говорю.

– Нет, вестимо, не растает паутина от твоих слов, – усмехаясь, прощелкал хельсарх. – А вот от ладоней твоих колдовских – растает.

– От ладоней? – удивилась я, взглянув на них будто в первый раз. – Не припомню, чтобы они были колдовскими.

– Сомнение – дорога во тьму, Эвиссаэш. Приложи руки к паутине и пожелай.

Я хмыкнула, послушавшись, но ничуть не веря в то, что поможет. Разве что надеюсь немного.

В конце концов, если бы я умела растапливать паутину, то это уже давно произошло бы. Еще в тот момент, когда, очнувшись, я пыталась ее разорвать.

– Помни правило главное, Айяала, – сказал вдруг Хортанаирис, впервые назвав меня этим титулом. Я даже вздрогнула от неожиданности. – Как человек не примет в сердце свое чужака, так и паутина не подчинится чужачке. Как не коснешься ты устами своими врага, так и паучья магия не заструится в тебе до тех пор, пока не поймешь ты, что она – твое сердце...

От слов хельсарха все внутри меня будто перевернулось.

Паучья магия – мое сердце! Вот чего мне не хватало все эти годы... Понимания, что я – дочь шаррваль. Это было лучшим признанием того, что моя родина – здесь. Что мои родители – дети этого каньона, а я сама – носительница силы пауков.

Когда-то это могло шокировать меня. Но сейчас, после всего случившегося, когда по щекам вдруг сами собой полились слезы, я поняла, что мое сердце действительно в Стеклянном каньоне.

Я не боюсь пауков. Я слышу их голоса, потому что являюсь частью древней магии. Значит, и паутина для меня – как мягкий пух для лебедя. Часть жизни...

Я закрыла глаза, тихо всхлипнув и погладив шелковистый покров кокона, представляя, как Джерхан оплетал меня им. Чтобы до меня не могли добраться ни солааны, ни каменный обвал, если тому вдруг вздумается случиться.

Паутина была моей защитницей. И когда я открыла глаза, оказалось, что кокон медленно тает под моими пальцами. Но он не исчезает, как туман, а будто впитывается прямо в кожу.

Это было удивительно! И ни капли не пугало.

– Паутина – полезное вещество, и оно не должно пропадать зря, – объяснил хельсарх, хотя это и не было нужно. Меня и так все устраивало. – Как исчезает она в твоём теле, так и сможет затем появиться вновь по твоему приказу, великая Айяала.

– Почему ты меня так называешь? – тихо спросила я, продолжая гладить кокон и с каким-то удивительным удовольствием наблюдая за его исчезновением.

– Потому что ты избранная, Эвиссаэш. Узрел я это, ещё когда впервые встретил тебя там... среди пустынных кактусов Шейсары. Но ветвиста паутина Красной матери. И дороги её не известны никому.

Тем временем кокон с одной стороны окончательно растаял, и я сумела выбраться наружу, прихватив с собой и хельсарха. Он удобно устроился у меня на плече и, кажется, не планировал слезать.

– Но я едва не умерла, – проговорила я, глубоко вздохнув. – И даже Джерхан решил, что меня больше нет.

Руки сами собой коснулись живота, и тут же я убрала их назад, словно боялась обжечься.

Прежде страшно было думать о том, что во мне есть две другие жизни. Теперь страшно было представить, что после случившегося их может уже не быть.

Кажется, хельсарх заметил неловкое движение нервных рук.

– Моя в том вина, Эвиссаэш, – ответил он спокойно. – Мой укус не только вывел из крови твоей яд, но и на время погрузил тело твоё и тела твоих маленьких паучков в магический сон, который выглядел для всех смертью черной. Казалось, что ваши сердца не бьются и никогда более не услышит мир их мерного стука. Мой яд остановил их почти насовсем, но всё же не до конца. Это магия, которой мы, пауки, обладаем с мира сотворения. Слюна паучьего колдуна замедлить способна все реакции организма, а слюна хельсарха – и вовсе в магический стазис погружает.

– Это... не опасно? – тихо спросила я, стараясь, чтобы голос не сорвался.

Но он почему-то всё равно дрожал.

– Не волнуйся, Эвиссаэш. Никто не повредит паучкам твоим. Ни свет, ни тьма. Ни боги, ни демоны...

Я громко сглотнула, пытаюсь избавиться от кома в горле и от непрошенных слез.

Хельсарх не стал объяснять, что он имел в виду, но мне вдруг оказалось достаточно и этого.

Мы были живы. Все... трое.

Выбравшись из кокона, я огляделась по сторонам, мгновенно замечая, как утоптана оказалась мягкая трава, что росла здесь прежде. Следы тысяч ног вели прочь из пещеры в сторону тоннеля, который я прежде не замечала. И где-то вддали, в глубине этого перехода, я слышала топот и гомон.

Что случилось? Почему здесь больше совсем никого нет?..

– О нет! А что случилось с деревом? – ахнула я, обернувшись к огромному старому дереву, которое считалось у шаррвальцев священным. – Как оно могло засохнуть так быстро?! Сколько я вообще проторчала в этом коконе?

– Недолго, – ответил охотно Хортанаирис. Не знаю, что я делала бы без его помощи и пояснений. Казалось, что после пробуждения я будто стала совершенно слепой. Только сердце билось в два раза быстрее да странное чувство жгло грудь. – Ровно столько, сколько хватило людям Стеклянного каньона на то, чтобы родину свою покинуть и двинуться вслед за Великим Айшем. К солнцу.

– Что?! – едва не закричала я.

Ладони покрылись холодной испариной, пальцы задрожали.

– Но зачем? Что здесь случилось?

– Все как обычно, – будто бы пожал отсутствующими плечами хельсарх. – Когда ты умерла, Нефритовый змей потерял смысл в жизни. И решил, что потехой знатной будет сделать, наконец, то, ради чего Красная мать хвоста его лишила, даровав паучьи лапы. То, ради чего члены племени шаррваль тебя свободы лишили, превратив в алу для Айша. И то, из-за чего царица Фелидархат отравить тебя решила. Он вздумал выйти на поверхность в поисках истинной родины для народа пауков.

– Но там же Шейсара и гвардиары царя! Их же убьют! – схватилась за голову я, вспоминая бесстрашных воинов царской армии. Их блестящие доспехи, отравленные пояса и длинные изогнутые сабли, молнией рассекающие воздух. Считалось, что наделенным магией воинам золотого города нет равных.

В этот момент в пальцах запутались пряди, и я невольно отметила, что они окончательно стали иссиня-белыми, а сейчас в почти полном мраке пещеры – светящимися, как колдовские грибы-тирааны.

– Скорее всего, действительно убьют, – ответил паук. – Особенно когда увидят Великого Айша во всем его величии и красоте. Увы, никогда не понять детям Иль-Хайят истинной красоты пауков. Увы, увы...

Он говорил так спокойно, словно обсуждал не грядущую катастрофу, а нечто обыденное, хотя и несколько грустное.

– Тебе что, не жаль их? – выдохнула я в ужасе, судорожно соображая, что можно сделать. Догнать каким-то образом Джерхана, сказать, что я жива? Остановит ли это его? И смогу ли я догнать их во тьме пещер каньона?..

– Я живу тысячи лет, Эвиссаэш, – спокойно ответил паук, направив на меня рубиновый блеск своих глаз, в которых будто сверкнула вечность. – Рядом со мной умирали и рождались народы. Будет жаль увидеть это вновь. Но что могу поделать я, коли на то воля Красной матери?

– Но мы должны что-то сделать! Обязаны!

Я начала нервно расхаживать из стороны в сторону, даже не замечая этого за собой. Паук не мешал моим метаниям, будто выжидая чего-то. А может, ему просто и впрямь было наплевать.

Но мне-то не было!

– Я должна догнать их, – решила я буквально через пару мгновений. – Другого выхода нет. Когда Джерхан увидит, что я жива, он остановит вторжение.

– Я в этом сомневаюсь, Айяала, – неожиданно ответил Хортанаирис, чем чрезвычайно меня удивил.

– Почему?

– Известно, почему. Все, что происходит сейчас, на скрижалях было начертано еще много веков назад, – прозвучал его тихий голос, пронизывающий меня изнутри. – Сказано было: «Когда Великий Айш найдет свою Айяалу и в колыбели ее забьются сердца их наследников, народ шаррваль увидит солнца свет». Так и происходит. Ты носишь детей, а шаррваль идет к солнцу. Как было сказано, так и свершится сегодня.

– Но это же бред! Все должно быть не так! – всплеснула руками я, понимая, что в словах паука есть определенный смысл. – Ведь Стекланный каньон должен был найти себе новый дом, а найдет смерть! Не так должно было исполниться их дурацкое пророчество!

– Ветвиста паутина Красной матери, – повторил свою дурацкую фразу хельсарх, за что я уже готова была скинуть его на землю. Пусть бы полетал, раз такой умный!

– В любом случае сидеть сложа руки нельзя, – мрачно бросила я, повернувшись к коридору, из которого все еще доносились отдаленные звуки. А потом бросила короткий взгляд на священный рододендрон.

Сердце сжалось.

С вершины огромной, когда-то пушистой кроны сейчас осыпались последние коричневые листья.

Вряд ли это могло быть случайностью. Священное дерево намекало на что-то. Буквально кричало. Возможно, оно хотело сказать именно это: всему народу шаррваль вот-вот придет конец. И дерево умирало вместе с ними.

Но неужели мне не удастся остановить Джерхана?

Я вспомнила его огромные, горящие колдовской зеленью радужки, и по спине пробежали мурашки. Иногда пламя вырывалось за черту его глаз, и тогда становилось ясно, что он и впрямь уже не совсем человек или мирай. В нем бурлила сила Красной матери, паучья магия, которая делала его немного другим, как бы мне ни хотелось думать иначе.

Так вот что же будет, если эта сила возьмет над ним верх и он и впрямь последует ее приказу – напасть на Шейсару? Что, если она уже взяла верх, когда я якобы умерла?..

Тогда он и впрямь не послушает меня.

Я стиснула зубы, все еще глядя на священное древо и чувствуя крадущееся отчаяние. А затем подошла к нему ближе и коснулась рукой шершавой коры.

– Жаль тебя, – выдохнула я тихо. – Всех жаль... А я не знаю, как помочь...

– Только Красная мать ведает, – снова вставил свои пять контиев паук, а я взорвалась:

– Да что ты заладил со своей Красной?.. – и вдруг осеклась, дотронувшись кончиками пальцев до ожерелья Лориавель. Быстро

отстегнула его и взглянула на одну маленькую бутылочку с чуть сверкающей розовой жидкостью.

А потом перевела взгляд на Хортанаириса. Тот смотрел на меня молчаливо и хитро, а десятки его глаз все так же загадочно сверкали во мраке.

– Что будет, если я выпью эту настойку? – спросила я еле слышно, крутя в пальцах один из бесценных подарков дочери Ильхамеса.

Настойку Турмалинового рододендрона, священного дерева, которое прямо сейчас доживало свои последние минуты рядом.

Меня бросило в жар.

По словам Лори, тот, кто выпьет ее, получит благословение и узрит силу Красной матери. А я подозревала, что без пресловутой паучьей богини нам тут не разобраться.

Вдруг я сейчас выпью ее и прямо сюда явится громадная паучиха? А что? Попрошу ее вернуть Джерхана назад и вылечить несчастное дерево. Пусть сама со всем разбирается! Богиня она или нет?..

В общем, меня изрядно потряхивало от страха, и в голову лезли самые дурацкие мысли.

– Может и ничего не произойти... а может – многое, – ответил тогда хельсарх. – Ты боишься потерять себя? Боишься, что Мать поработит тебя, как Нефритового змея?

Я резко выдохнула, широко распахнув глаза.

– А что, может?!

– В настойке сила та же самая, что сотворила из Джерхана Айша Великого, – подтвердил паук невозмутимо.

– Вот теперь я и этого боюсь!

Хортанаирис ощутимо защелкал, пока я пыталась оправиться от шока. А потом он как-то будто бы вздохнул и неторопливо проговорил:

– Ты помнить должна, что не каждый стал бы Айшем на месте Джерхана. Слабый духом и черствый сердцем остался бы ни с чем. Лишь избранный способен познать силу Красной матери и миру явить ее чудеса. Веришь ли ты, что ты такая?

– Нет, – резко хмыкнула я, а затем быстро откупорила бутылек и вылила в рот все его содержимое.

Потому что если нужно быть избранной для того, чтобы случилось нечто ужасное, то мне бояться нечего. Я всего лишь девчонка с окраины Шейсары.

Так что не надо нам великих чудес, пусть случится хотя бы одно, самое маленькое чудо...

Но ничего не произошло. Только странная, немного вязкая жидкость упала в желудок, обжигая медовой сладостью.

– И что, это все? – тихо спросила я, не ощущая вообще ровным счетом ничего.

Разве что странную каменную тишину, вдруг будто ударившую по ушам.

– Ну а что надобно тебе еще, Эвиссаэш? – прощелкал хельсарх у меня на плече.

– То есть Красная мать не явится, а у меня не отрастут паучьи ноги? – уточнила я, опустив взгляд и настороженно разглядывая торчащие из-под паутинного платья мягкие бабуши.

Но обувь осталась на месте, а лишние конечности не торопились отрастать.

– Судя по всему – так и есть. Все, что нужно, случилось уже, Айяала, – мелодично пропел паук, как-то странно глядя на меня.

– Но что мне делать? – ахнула я, разведя руки в стороны. – Ведь проблема-то так и не решена!

Отчаяние становилось все сильнее.

– Неведомо это мне, Эвиссаэш. Но коли требуется тебе мнение мое, то на месте твоём я поспешил был за Великим Айшем.

– Так ведь именно это я и собиралась делать с самого начала! – возмутилась я громко. – А теперь только время потеряла на эту бесполезную жидкость!

Пустой флакон из-под настойки рододендрона полетел в сторону, скрывшись в слегка утопанной траве.

– Побежали скорее!

Болтать было уже некогда.

Я ринулась в сторону единственного доступного коридора, из которого все еще периодически слышались отдаленные звуки. Казалось, что раз это так, то люди с Айшем еще не ушли слишком далеко.

Однако чем дальше я бежала, тем отчетливей понимала, что на самом деле это каменные стены усиливают голоса и шум шагов. На самом же деле шаррвальцы, вероятно, обогнали меня не на один час пути.

Но неужели я так долго пролежала в коконе? Или это каменный проход петляет и ведет меня ошибочной дорогой?..

Стоило задуматься об этом, как я поняла сразу две вещи.

Во-первых, кроме темнота коридоров, что раньше позволяла мне двигаться лишь на ощупь, более не была таковой. Теперь я бежала по тоннелю так, словно он был освещен едва заметным призрачным светом грибов или кристаллов. Я видела очертания гранитных осколков и повороты дороги. И казалось, что так оно и должно быть. Однако как я ни приглядывалась, так и не нашла источника света.

Напрашивался лишь один очевидный вывод: никакого света тут и не было. Но мне это больше почему-то не мешало.

А во-вторых, несколько раз тоннель и впрямь разветвлялся, но я как будто знала, куда идти, от стресса двигаясь почти без остановки. Но сейчас, замерев посреди темного прохода, чтобы отдышаться, поняла, что нет ни одного логичного объяснения моему поведению. Я не могла знать, куда двигались шаррвальцы, и просто обязана была заблудиться здесь одна.

Но я знала. И была уверена, что иду правильно. Более того, оглянувшись назад и поглядев в темноту за спиной, поняла, что легко найду дорогу и обратно.

Взгляд сам собой как-то улавливал почти неразличимые следы человеческих шагов на земле, а нос, оказывается, чувствовал запах... Тонкий, который было трудно и за запах-то принять. Будто аромат кожи или тепло, доносящееся от только что снятой рубашки. Ты чувствуешь его, но не акцентируешь на нем внимания.

Этот запах вел меня вперед.

– Хортанаирис, – тихо позвала я, испытав легкий укол страха от понимания происходящего. – Что-то странное творится со мной...

– Ничего странного, Эвиссаэш. Совсем ничего, – мягко и как-то пронизывающе ответил он. – Иди скорее, иначе рок может оказаться быстрее тебя.

Он прицелкнул жвалами, и меня прострелило очередной стрелой ужаса.

Древний хельсарх знал что-то. Определенно знал и вел меня путем пророчества шаррвальцев. А в этом пророчестве сказано, что Стекланный каньон найдет себе новый дом, Айш выведет их на

поверхность, а какая-то ала будет носить его наследников. Казалось бы, можно не бояться... Ведь то, что предречено, сбудется.

Но как это произойдет, пророчество не уточняло! И что будет дальше с нами всеми – тоже. Даже если после этого мы все погибнем – року не будет до этого никакого дела.

И хельсарх это явно знал.

Меня же осознание этого простого факта едва не довело до сердечного приступа. В глазах потемнело.

Ведь получалось, что изменить ход истории должна именно я!

– Так и будем стоять тут или, может быть, пошевелишь своими несчастными ножками? – спросил тогда царь пауков.

– Почему несчастными? – спросила я монотонно, пытаюсь справиться с накатившей паникой.

– Потому что всего пара их у тебя, милая. Всего одна грустная, одинокая пара.

– Ничего, мне и пары хватит, – набрала я в легкие побольше воздуха и снова побежала.

Паук вцепился покрепче в мое плечо, казалось, ему не составляет никакого труда удерживаться на мне, пока я петляла в коридорах, стараясь не обращать внимания на то, что знаю дорогу.

Хоть на что-то зелье Красной матери оказалось годным! Похоже, дало мне ночное зрение и способность ориентироваться в каменных переходах. За это ему большое шейсарское спасибо! А то я уж думала, что богиня Стеклянного каньона и вовсе ни на что не годна.

Не знаю, сколько прошло времени с тех пор, как я вошла в каменный тоннель, но в тот момент, когда я уже изрядно устала и готова была упасть замертво, лишь бы немного отдохнуть, за очередным поворотом глаза вдруг резанул свет факелов, а затем я увидела хвост человеческой толпы.

Вот только Джерхана все еще было не видать. А я каким-то странным внутренним чутьем ощутила, что у меня остается все меньше и меньше времени...

– Эй, погодите! – закричала я, махая рукой.

И люди в конце процессии начали удивленно оглядываться. А чем ближе я становилась к ним, тем сильнее вытягивались и бледнели их лица. Кто-то даже в обморок упал. А потом, стоило мне добежать до

какой-то незнакомой женщины, что тащила на импровизированной тележке весьма скромный мешок с вещами, как она воскликнула:

– Айяала! Глаза мои обманывают меня!

– Не обманывают, – уверила я, но старичок рядом с ней закивал головой, ошарашенно бубня:

– Чай, дух ее неупокоенный расплаты требует, мстить пришел Фелидархат за себя да деток, невинно убиенных.

Меня даже дрожь пробрала.

– Фелидархат?.. – только и выдохнула я, опуская руки.

– А кому же еще? – фыркнул тощий парнишка лет четырнадцати рядом. – А ты разве не знаешь, кто убил тебя? Какой же ты тогда дух, ежели не знаешь ничего?

Он оказался самым смелым и даже подошел поближе, ткнув в меня пальцем.

– Деда, кажись, она не дух, – проговорил он, сдвинув брови, а потом вдруг радостно распахнул глаза и кинулся меня обнимать. – Живая! Дед, ма, живая она!

Кто-то неподалеку снова упал в обморок, а по медленно шуршащей толпе прокатился рокот, из которого то и дело всплывали слова: «Живая... Айяала... Хвала Красной матери!»

Меня со всех сторон окружали шаррвальцы, стремящиеся потрогать, убедиться. И все улыбались. Кто-то даже плакал.

Мне было ужасно не по себе, но почему-то я не переставала улыбаться в ответ.

– Смотри... как они тебя любят, – прощелкал вдруг на ухо Хортанаирис. – Смотри, сколь много значишь ты для Стеклянного народа...

У меня не было сил ответить хоть что-либо. Сердце сжалось.

– Если вы живы, Айяала, вы сможете остановить его? – вдруг подбежала ко мне маленькая девочка, дергая меня за подол длинной паутиной юбки, которая будто заменяла мне вторую кожу.

И остальные затихли, глядя блестящими голубыми глазами всех шаррвальских оттенков. Не нужно было спрашивать, чтобы понять, кого имеет в виду маленькая девочка.

– Я за этим и бежала к вам, – хрипло проговорила в ответ, стараясь, чтобы голос звучал ровно и уверенно. Но что-то во мне дребезжало, звенело, словно вот-вот лопнет и рассыплется на осколки.

Никогда прежде я не чувствовала такого родства с этими людьми. Никогда прежде мне не казалось, что между моей жизнью и их стоит знак равенства.

– Где Великий Айш? – спросила я, стараясь взять себя в руки.

Дребезжащее чувство в груди росло.

– Он впереди далеко, – ответила какая-то старушка из толпы. – Первыми воины шаррваль идут под предводительством теларанских тысячников. Они обогнали нас не меньше чем на час пути.

– Час?! – ахнула я, не представляя, как буду догонять их, двигаясь через битком набитые людьми коридоры.

– Айш приказал выходить срочно, – проговорил немолодой уже мужчина, сжав зубы. – Все, кто может сражаться, в первых рядах пошли. На убой.

– Прекрати говорить так, как лучше он хотел! – воскликнула женщина рядом с ним.

– Да какой там лучше, ежели он нашими жизнями отомстить решил тысячникам проклятым, что уже много лет к войне готовились!

Начал подниматься шум. А мне было и без слов ясно, что происходило нечто ужасное.

– Но почему вы послушались его приказа? – спросила я тихо. Казалось, никто не услышит, но мне все же ответили:

– Потому что сила Айша обрушила все воздушные кишки каньона, – ответила грустно та женщина, что защищала Джерхана. И опустила глаза. – Если мы не выберемся – задохнемся. А силы не делить лучше, должны мы выйти вместе все, лишь так у нас есть возможность жизни сохранить...

По спине прокатилась морозная волна.

– Я остановлю его. Мы повернем назад, – проговорила, стараясь убедить в этом хотя бы себя.

Но чем больше старалась, тем больше чувствовала, что это ложь. То странное внутреннее ощущение, что росло и ширилось где-то под желудком, твердило, пульсировало страхом, намекая, что вот-вот произойдет нечто ужасное. Вот-вот...

Возможно, это было то самое чутье Красной матери, которое позволяло мне знать, где правильный путь. И тогда вряд ли оно ошибалось с ощущением надвигающейся беды.

Но об этом я старалась не думать. Иначе сил не останется.

– Пропустите! – воскликнула я, когда рядом с шеей вдруг зашевелился царь пауков и даже слегка прикусил меня за кожу.

Слов не понадобилось. Я и так поняла, что потеряла слишком много времени.

– Передавайте вперед, что Айяала жива! И она идет к Великому Айшу! – громко прокричала я, игнорируя сноп мурашек, что брызнули под кожу, стоило услышать пещерное эхо собственного крика.

– Пустите Айяалу!!! – закричали люди и стали расступаться, создавая для меня узкий, но вполне проходимый коридор.

– Пустите Айяалу! – повторяли люди все дальше и дальше, передавая мои слова, вытягивая коридор, кажется, до бесконечности. И позволяя мне снова двигаться почти бегом.

Я больше не глядела по сторонам и не обращала внимания на удивленные и радостные возгласы вокруг. Не глядела по сторонам, когда люди нарочно пытались коснуться меня, пока я пробегала мимо. Улыбались и плакали.

Я просто бежала вперед, ничего не видя вокруг, задыхаясь от переполняющего ощущения под желудком. Ощущения, что было похоже на страх, смешанный с запахом смерти.

А потом, кажется, через бесконечность времени, когда все смешалось вокруг: лица, пещеры, камни, пауки и блеск факелов, я увидела впереди его. Среди толпы вооруженных короткими мечами шаррвальских воинов, впереди коридора из мужчин, закованных в легкие пластинчатые доспехи, стояла могучая фигура моего Великого Айша.

Джерхана в обличье полубога, который повернул ко мне горящий взгляд полностью зеленых глаз и замер в каменно-холодной неподвижности...

В этот миг, казалось, само время остановилось. Замерло, чтобы уже через мгновение бесконечно ускориться, рассыпая на осколки мое самообладание. Все чувства, что замерли внутри, застыли, будто самоубийца на самом краю.

А затем ринулись в пропасть вместе с криком:

– Джерхан!

Я не помню, как мы преодолели расстояние друг до друга. Помню лишь, как спустя вечность долей секунды он уже прижимал меня к себе. А я почему-то разревелась, как последняя плакса...

Он гладил меня по спине и молчал, не выпуская из крепких объятий, в которых можно было задохнуться.

А мне нравилось. Мне это было нужно. Потому что, как оказалось, я до сих пор боялась чего-то. Будто оттолкнет... будто я ему на самом деле и не нужна вовсе...

И только подняв голову, чтобы взглянуть в его глаза, я поняла, что это не так. Потому что по его щекам текли слезы из чистого ядовито-зеленого огня.

Это было страшно и завораживающе. И сердце словно остановилось, когда я подняла руки, чтобы стереть дорожки пламени с его лица.

Коснулась их, совсем не боясь обжечься. Лишь бы снова его лицо было таким, как прежде. Лишь бы улыбался и глаза его стали нефритовыми... а не цвета подземного яда.

– Джерхан... – тихо проговорила я, пытаюсь понять, что происходит с нами обоими. Кто стоял сейчас передо мной? Мой спаситель из пещер и веселый сосед по теларану или посланник мрачной шаррвальской богини?

– Эвиссаэш, – хрипло выдохнул он в ответ низким, чуть рокочущим голосом Великого Айша. – Я был уверен, что потерял тебя...

– Нет-нет, – покачала головой я, глядя на пальцы, которыми стирала огонь с его щек.

Зеленое пламя на них медленно гасло и превращалось в простую воду.

– Это была ошибка, меня Хортанаирис укусил, и что-то там у меня внутри замедлилось... и ты решил...

Слова выходили какими-то неловкими, словно угловатые булыжники кто-то выталкивал из моего горла.

Я указала пальцем на паука, что должен был сидеть на плече, но, как ни странно, его там не оказалось. Джерхан перевел удивленный взгляд с моего плеча на меня, но никак не прокомментировал происходящее.

Как Великий Айш, он всегда был немногословен. И это немного смущало.

О чем он думал? Что творилось за чертой его колдовских горящих глаз?..

– Джерхан, – негромко позвала я, снова встретившись с пугающим огнем его взгляда. Под кожей рассыпались прохладные мурашки. – Ты не должен вести шаррвальцев на поверхность, ты понимаешь это? Там, наверху, все погибнут! А я тут... жива. И не нужно никому мстить!

В этот момент где-то в стороне раздался скрип и шум. А я наконец вспомнила, что мы в пещере далеко не одни. Все подземное племя сейчас с нами. И шаррвальские воины, и орды пауков, рассредоточившиеся по стенам...

А еще там, совсем рядом, в большой клетке из переплетенных прутьев на колесах, обнаружилась Фелидархат с еще двумя мужчинами... Теми самыми теларанскими тысячниками, которых я уличила в заговоре!

Не нужно было долго думать, чтобы понять: всех предателей уже обнаружили, но, видимо, собирались судить уже на поверхности.

Поэтому я снова посмотрела на Джерхана, надеясь услышать единственно верный ответ.

Но наткнулась на тот самый огненный взгляд, от которого все внутри переворачивалось.

– Ты не повернешь назад, верно? – вдруг поняла я, потому что Айш продолжал молчать, не выпуская меня из рук. При этом, чтобы оказаться со мной хоть немного рядом, его громадные паучьи ноги согнулись, а я была практически окружена ими со всех сторон. Но меня это уже давно не пугало. Пугало другое: что-то твердило внутри меня, что рок все ближе...

В этот миг Джер вдруг покачал головой, не сводя с меня горящих глаз, лишенных белков и радужек.

– Но почему? Это же бред! Все погибнут!

– Так было предсказано, – раздался его грудной голос, уверенный, тихий... вот только почему-то очень грустный.

Хотя, возможно, мне это лишь казалось.

– Джерхан! Не заставляй меня думать, что ты делаешь это все по чьей-то указке! Это же ты... я знаю, – закончила я шепотом, все еще пытаюсь увидеть в его ответном взгляде что-то живое, знакомое. Но видела лишь огонь. – Мы должны вернуть всех шаррвальцев назад!

– Это невозможно, Эвиссаэш, – снова покачал головой он, и на этот раз выражение его лица стало твердым как камень.

Под желудком стало горячо.

Пламя в глазах Джерхана вспыхнуло, вырываясь в стороны, будто пламенные крылья.

– Но!..

– Тоннели разрушены, – вдруг ворвался в наш разговор голос одного из тысячников. – Назад нет дороги, Айяала...

Сердце провалилось куда-то вниз.

– Нет, не может быть, – прошептала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. И только жжется что-то внутри все сильнее. – Не зря же я так спешила... Я знаю, что все еще можно повернуть вспять!

– Не зря, Айяла, – ответил все тот же тысячник. – Вы с нами будете, когда мы выйдем на поверхность. А значит, победить у нас будет шансов больше гораздо. Не бойтесь, Айяала... Мы готовы.

С этими словами он вынул меч из ножен и ударил о небольшой серебристый щит в виде паука.

Его примеру последовали десятки воинов, что стояли рядом, а затем наш тоннель заполнил грохот и воинственные крики шаррвальцев.

– Мы победим!

– Победим!!!

– Но вы не должны никого побеждать... – проговорила я, в ужасе вглядываясь в мужские лица, обрамленные светлыми распущенными прядями и шаррвальскими мелкими косами. Но никто не слышал.

Джерхан осторожно отпустил меня, коснувшись губами моего лба, и двинулся вперед. Слово его вела какая-то цель, понятная только ему одному.

– Нет! А ну-ка, стой! – воскликнула я, чувствуя, что вот-вот сойду с ума. Потому что воины тут же последовали за Айшем, как за своим предводителем. И только короткие мечи блестели в свете факелов, как острые диковинные драгоценности.

Никто не послушал меня. А я начала ощущать стремительно растущее внутри чувство безысходности.

Еще этот проклятый хельсарх исчез в самый важный момент! Вот что теперь делать? Как быть, когда с каждой секундой я все отчетливее понимала, что Стекланный каньон стремительно движется к своей гибели?.. Более того, вместе с ними погибнет и Джерхан. И я!

В какой-то момент, когда воины шаррваль стали почтительно обходить меня стороной, следуя за Айшем, степень моего отчаяния достигла своего предела. Я готова была кричать. Предчувствие смерти стало настолько сильно, что меня начало ошутимо трясти.

– Джерхан!!! – позвала я его, перекрикивая шум толпы, и наконец сорвалась с места, чтобы через несколько мгновений преградить дорогу огромному полупауку. – Никуда ты не пойдешь!!!

Я перекрыла руками проход, оказавшись в самом начале процессии. Одна... А передо мной стоял полубог, за спиной которого толкались сотни и тысячи воинов с обнаженными клинками...

– Эвиссаэш, отойди. Я должен выполнить свой долг, – прогрохотал голос Айша, а затем он двинулся вперед, планируя оттолкнуть меня легким движением бесконечно сильной руки.

А потом я, кажется, закричала. Не помню, как это произошло, но стены тоннеля начали дрожать. Шаррвалцы замерли, оглядываясь по сторонам, а Джерхан нахмурился.

– Эвиссаэш... – проговорил он грудно и хрипло.

– И хватит меня так звать! – воскликнула я, широко раскрыв глаза. Под ребрами стало так горячо, что казалось, вздохнуть больше не удастся. – Да, пещеры заблокированы. Но у нас есть другой путь кроме войны!

– Какой? – раздался тихий вопрос чуть в стороне, и только потом я поняла, что это был голос Ильхамеса. – Других тоннелей нет в каньоне. А чтобы очистить их или прорыть, понадобится слишком много времени. Годы...

А я... снова заплакала, потому что на самом деле не знала, что делать. Не имела ни малейшего представления. И я плакала громко и надрывно, понимая, что малыши у меня в животе тоже умрут вместе со всеми нами. А я еще даже не успела в них до конца поверить.

– Вы не пройдете здесь! – зарычала я, еще сильнее распахивая руки в стороны так, что даже Айш не смог сдвинуть меня с места, бешено глядя на приближающихся воинов.

Внутри появилось очередное стойкое ощущение, что когда-то нечто подобное уже происходило. Словно способность видеть скрытое и здесь подсказывала мне что-то, но на это раз невозможно было понять, о чем идет речь...

В этот миг грохот пещеры вторил моему голосу, который было невозможно узнать.

А потом вдруг все замерли. И Ильхамес тихо проговорил:

– Айяала... твои глаза...

«Что с ними?» – спросила я, но ни слова не вырвалось из горла. Лишь мысли металась в голове, как в глухой клетке. И сердце стучало... стучало...

Ильхамес подошел ближе, медленно, словно боялся чего-то. А затем посмотрел на меня, не мигая.

И в отражении его огромных глаз я увидела собственные... два зеленых пятна огня, точно такие же, как у Джерхана.

«Что это?» – чуть не вырвался из горла сдавленный вопрос, но я снова не смогла ничего сказать, и на этот раз не из-за мыслей, что уже грозили разорвать голову, а от непонимания происходящего, от смешанных чувств, тревоги, страха и чего-то огненного, что, казалось, вот-вот должно было разорвать меня на куски.

Я отвернулась от Первого жреца Стеклянного каньона и снова посмотрела на Джерхана. Он не говорил ни слова, и я слышала лишь громкий шум крови в ушах.

– Есть другой путь, – все же удалось произнести мне, но я не узнала свой голос. Как будто кто-то другой говорил за меня... во мне.

Из груди вырвался вздох, и я прошла мимо Айша, чьи громадные искрящиеся, как полированный обсидиан, ноги беспокойно стучали по камням.

Он двинулся следом за мной, не произнося ни звука. Тогда я осторожно коснулась каменной стены, испытывая внутри лишь одноединственное желание: чтобы мы все выжили, чтобы весь Стеклянный каньон спасся. Как бы я ни относилась к племени шаррваль раньше, как бы ни внушали мне с детства, что пауки и все, что с ними связано, проклято, сейчас я действительно больше всего на свете желала именно этого.

И едва я почувствовала подушечками пальцев холодный камень, как вдруг пещера завибрировала.

– Осторожно, обвал! – закричал кто-то позади. Люди зашумели, в пещере начал подниматься гомон. А у меня под пальцами все сильнее дрожал камень.

– Эвиссаэш... – предупреждающе проговорил Джерхан, а потом вдруг замолчал, сжав мое плечо. Он тоже чувствовал что-то, я понимала это где-то внутри, словно между мной и им вдруг протянулась невидимая нить. Через сердца и души... а потом в руку и глубину камня.

Пещера дрожала всё сильнее.

– Отойдите дальше!

– Спасайтесь!

– Что происходит? – кричали со всех сторон.

А потом вся толпа людей начала в ужасе пятиться от нас, едва не давя друг друга, ведь узкая пещера не позволяла двигаться быстро. Поэтому, если бы сейчас произошел обвал, завалило бы всех.

Вот только я знала, что никакого обвала не будет. Перед глазами словно опустилась невидимая пелена зелени... как глаза Джерхана, как...

...священный хризопраз паучьей богини.

На сердце было спокойно, и разум был чист, как алмаз. Лишь в груди стучало глухо и быстро, больно.

А в следующий миг я толкнула камень, и стена пещеры на глазах с громким грохотом начала расходиться в стороны.

Люди закричали, а мне захотелось зажмуриться.

Я одновременно не могла поверить своим глазам и знала, что именно так и должно быть. То разрывающее грудную клетку чувство, что всю дорогу преследовало меня, росло и множилось, сейчас достигло апогея и вырывалось теперь сквозь кончики пальцев. Казалось, что оно вот-вот хлынет и через все другие доступные места: через рот, нос, глаза, которые уже светились колдовской зеленью. У меня было такое чувство, что я сама вот-вот превращусь в столб огня ядовито-зелёного цвета, как свет шаррвальских грибов.

– Ну же, дай пройти... – почти с рычанием вырвалось у меня из горла.

Я ещё сильнее толкнула камень стены, и тогда монолит не просто начал расходиться в стороны, а прямо под моей рукой образовалась широкая пустота прохода.

Я затаила дыхание, боясь пошевелиться, опасаясь, что всё это мне кажется и я сошла с ума. Но ноги сами двигались вперёд, и я шла, касаясь одной рукой края стены. А проход увеличивался вслед за мной,

всё рос и рос. Казалось, будто прямо впереди огромный червь поедает гранитную породу.

– Эвисса... – тихо проговорил Джерхан, который все это время стоял рядом со мной, плечом к плечу, и не отступал ни на шаг, несмотря на то, что было страшно. Несмотря на то, что тоннель грозил обвалиться в любую минуту и остальные шаррвальцы уже давно отступили на несколько десятков метров назад, оставив нас в одиночестве.

Рука к руке.

Сердце к сердцу.

– Джерхан, – проговорила я, и не думая называть его каким-то иным именем, даже учитывая тот факт, что сейчас на моего прежнего знакомого полубог был похож меньше всего.

Все равно он был тем, ради кого у меня внутри воспламенялась кровь. Ради кого я в первые же дни попадания в Стекланный каньон забыла о побеге. О свободе.

А затем земля резко поменялась местами с потолком, но не успела я вскрикнуть, как очутилась на спине Джерхана.

– Эй! – только и вырвалось из моего улыбающегося рта.

Полубог улыбнулся в ответ.

– Не опускай руки, Эвиссаэш, – проговорил он мягко, вибрирующе. – И продолжай мечтать... у тебя это очень хорошо получается...

А затем он неторопливо двинулся вперед, перебирая огромными острыми иглами ног, туда, где перед нами незримой силой раздвигался камень. Туда, куда вело мое раскаленное сердце, бьющееся в едином ритме со всем Стекланным каньоном и тысячей пауков, что следовали за нами по пятам...

...подальше от Шейсары. В наш новый дом.

Эпилог

Янтарное солнце золотило вершины густых деревьев, лёгкий ветер шелестел душистыми цветами, пригибал к земле траву, разносил по округе дивный аромат растений.

С одной стороны широкой долины возвышался длинный хребет гор, а с другой – искрящаяся белоснежным песком прибрежная линия уводила в тёплое море.

И ни одной живой души вокруг, кроме нас...

А ведь когда-то жизнь здесь была невозможна. Прежде всю эту местность наполняли лишь каменные зубья скал, торчащие к небу, словно из пасти огромного подземного червя. То была самая дальняя окраина континента Шейсары, не тронутый человеком уголок природы, лишенный растительности и животных из-за сменяющихся друг друга гор.

Прошел год с тех пор, и на месте холодных утесов выросли цветущие заросли, деревья, кустарники и дивные цветы. Здесь не бывало зимы, и будто бы сама природа требовала сотворить тут новый город.

Но ровно год назад никто и не догадывался, что у нас это получится. Мы шли под землей много дней, пока каменный переход, созданный моими руками и магией Красной матери, вдруг не закончился столпом света. С непривычки он слепил глаза, почти оглушал подскочившим пульсом в ушах.

Трудно было поверить, что это правда: мы вышли на поверхность. Ведь еще пару мгновений назад казалось, что впереди лишь смерть от нехватки еды и воды, от недостатка воздуха, как вдруг в лицо ударил свежий горный бриз...

– Мы выбрались, – выдохнула я, схватившись за гладкую паучью ногу и осторожно спустившись с могучего тела Айша. Выбежала вперед, стараясь не упасть на осыпающихся под ногами камнях, и увидела бесконечные высокие горы, уходящие ввысь снежными шапками.

– Здесь нельзя жить, – раздался за спиной голос Джерхана вместе с тихим перестуком паучьих лап. Он подошел ко мне и встал рядом, а золото солнца играло калено-белыми бликами на его перевязи, наплечнике и браслетах.

Шаррвальцы еще не успели выбраться из пещеры, лишь первые из теларанских воинов сейчас несмело выходили наружу, закрывая лица руками. В тот момент они еще не знали, что сила Красной матери вывела нас на безжизненную границу Шейсары, к горным хребтам, которые звались «Ежовая спина» за бесконечное количество торчащих в небо скал.

Я громко сглотнула, боясь, что он прав. И что я вывела шаррвальцев к гибели. Впрочем, был ли у нас иной выход?

Мы стояли почти на самой вершине одной из гор, и здесь было очень холодно. Вот почему наш тоннель так долго шел вверх и все не заканчивался, а я еще не могла понять, как это возможно...

Но потом произошло нечто невероятное.

– Больше нам идти некуда, а значит, мы будем жить здесь, – проговорила я хрипло, садясь на колени. Я положила руки на промерзшую землю и закрыла глаза, представляя, что делаю еще один тоннель.

И земля под моими руками начала меняться.

– Не может быть, – прошептал кто-то.

– Айяала – первый маг земли в каньоне нашем! – вторил другой голос.

– Мы уже не в каньоне, Кандор...

Но я не слушала, стиснув зубы и боясь, что подведу их, что всех подведу. Земля под моими пальцами дрожала и опускалась, превращаясь впереди в лестницу, что должна была вывести нас вниз с горы. Получалось плохо, тяжело и медленно.

А потом я снова почувствовала на плече горячую руку. И не нужно было открывать глаза, чтобы знать, кому она принадлежит.

Земля задрожала громче. Я открыла глаза, и в какой-то миг мир снова окрасился хризопразовой зеленью. Сквозь нее я увидела, как гора перед нами начала стремительно уменьшаться, следуя моему мысленному приказу.

– Мало, – тихо выдохнула я, сдвинув брови под испуганные и неверящие возгласы сзади. – Этого недостаточно...

Я не говорила ни единого слова заклятья, вспоминая, как учил меня когда-то Джерхан:

«Слова – лишь способ облечь мысли в приказ. Приказ для тебя самой. Ведь камень ничего не слышит. Сконцентрируйся на своем требовании. Просто пожелай... будто это самое большое твое желание в жизни...»

И это стало новым моим самым большим желанием – сказочно красивая долина внизу вместо острых бесконечных гор...

Чудовищный грохот наполнил округу, весь мир. Было так громко, словно наступал конец света. И воздух наполнился пылью каменных осколков.

– Смотрите, смотрите! – закричал позади какой-то мальчик через пару минут, когда пыль начала оседать, а мы все едва удержались на ногах.

Не переставая касаться земли пальцами, я подняла голову и увидела. На нескольких километрах впереди образовывалась долина. Горы уменьшались, выравнивались, превращаясь в небольшие возвышенности или исчезая вовсе. А с одной стороны открылся путь к морю.

– Это чудо... – проговорил кто-то.

– Нет, – вдруг улыбнулся Джерхан, коснувшись моей руки и поднимая меня с земли. А я вдруг поняла, что его глаза перестали гореть тем страшным колдовским огнем. Он глядел на меня и продолжал улыбаться, и у меня в сердце с каждой секундой словно распускалось по новому цветку. – Это наша Эвиссаэш. Сокровище шарваль...

А в следующий миг он поцеловал меня, касаясь мягко и осторожно, с какой-то щемящей нежностью, от которой ноги подкашивались и щипало глаза. Я и закрыла их, а когда открыла снова, оказалось, что паучьи ноги Айша исчезли. Передо мной снова стоял человек, Джерхан по прозвищу Нефритовый змей.

– Ты перевоплотился! – ахнула я, широко улыбаясь. А он ничего не ответил и просто крепко прижал к себе, зарывшись носом где-то в волосах у меня возле уха.

Без слов, потому что они были уже не нужны.

Гора, на которой мы стояли, осталась единственной в нашем новом доме. В долине, которую было решено назвать Айясарой, что в переводе с древнего языка песков – эллаэш – означало «Серебряный город».

* * *

Прошел год, в течение которого мы создавали наш новый дом. Забот было очень много: обустроиться, найти воду, еду, создать жилища для людей. А еще – не позволить шейсарцам узнать, что у них под боком образовалось новое государство.

Это было непросто, учитывая, что в горах ближе к Шейсаре жили гоблины и мы чуть не потревожили их тоннели. К счастью, этого не произошло, ведь то место, что мы выбрали для долины, они ещё не успели облюбовать.

И уже не успеют, ведь так любимых ими гор тут больше не было.

Но все же мелкий народец узнал о нашем появлении, и стоило немалых трудов уговорить их молчать. Зато, когда нам это удалось, в обмен на грибы-тирааны и некоторые колдовские настойки гоблины согласились помочь отстроить город. Они же тайком пригласили из Шейсары нескольких фей, которые были не против украсить Айясаару растительностью за плату в виде диковинных шаррвальских драгоценностей, которые даже мне самой ужасно нравились. Чего стоили только те клипсы с цепочками на передние пряди, что так восхитительно обрамляли лицо! С некоторых пор я всегда стала носить подобные украшения под любое платье.

Кстати, Хортанаирис как пропал с того самого дня в пещерах, когда я выпила настойку Красной матери, так и не появился больше, сколько я его ни искала.

Но что самое любопытное, одна из фей, что согласилась втайне помогать нам, неожиданно попросила вместо драгоценностей целый ящик настойки из черногриба. Сказала, что планирует открыть салон любовных зелий в Шейсаре. А шаррвальские снадобья оказались почти уникальны в своем роде!

Все это жители новой Айясары успешно добывали, возвращаясь в Стекланный каньон тем единственным тоннелем, через который мы вышли и который еще остался доступен. Родина шаррваль не была утеряна.

Через год на вершине той самой горы в центре нашей долины с помощью гоблинов был выстроен дворец, в котором предстояло править нам с Джерханом. Он стал царем государства айшей, как теперь себя называли шаррвальцы, а я его женой.

Царицей айшей.

В это все еще было трудно поверить, но в определенный момент не поверить стало невозможно. Наверное, именно тогда, когда во дворце появились на свет наши с Джерханом близнецы.

В день, когда я должна была родить, на пороге моих покоев вдруг появился белый паук с ужасно знакомыми хитрыми глазками в окружении еще нескольких десятков точно таких же пауков.

Они ввалились в мои покои как снежная волна, несущая сверкающие капли рубинов. Но только один из всех привлек мое внимание умным и веселым взглядом.

– Истеачлаваинкт! – воскликнула я, ужасно обрадовавшись появлению старого знакомого.

– Шушу! – воскликнул он в ответ где-то у меня в голове и запружинил на тощих бледных лапках. – Ты узнала меня, узнала! Я верил-верил-верил!

Неволью я улыбнулась маленькому гостю.

Хрустальный паук забрался по одеялу ко мне на кровать, из которой я не хотела вылезать все утро. И как оказалось – неспроста. С каждым мгновением живот схватывало все сильнее, и становилось ясно, что счастливый день, наконец, наступил.

– Во что ты там верил? – фыркнула я, прикидывая, как позвать Джерхана, который, как обычно, встал ни свет ни заря и уже наверняка работал. А именно – совещался с десятком лучших шаррвальских воинов, что стали его приближенными и вошли в «Черную восьмерку» – новый совет Айясары, названный по числу ног паука.

– В то, что узнаешь меня, конечно же, – бросил он, аккуратно коснувшись лапкой моей руки, но и не думая запрыгивать на меня, как раньше. – Ты увидела меня в толпе. Меня одного! Это дорогого стоит, Эвиса. Готов спорить, это потому, что ты теперь почти паук!

– Что-о-о? – ахнула я.

Истеачлаваинкт снова запружинил на лапах, по комнате распространился его шелкающий смех.

– Что-что? – фыркнул он. – Брюшко у тебя уже есть, так чем же ты не паук? А то, что лап меньше у тебя, так вон у Ансунтачира тоже всего четыре! – Он указал лапой на одного из десятков пауков, что демонстративно подпрыгнул всего на двух парах ног. – Ну лишился он нескольких, пока от солаанова детеныша убегал, что сделаешь? Так что не переживай, ты нам теперь как сестра! А я вообще говорил всегда, что брюшко для паука важнее гораздо, чем лапы! А у тебя не брюшко, а загляденье! Всем на зависть, шу-шу!

Он кивнул пушистой головой на мой огромный живот, и остальные пауки одобрительно зашуршали. Как ни странно, у меня не было ни одного аргумента, чтобы поспорить.

«Ну и чем я, в самом деле, не паук?..» – улыбнулась в ответ.

А потом стало не до болтовни, потому что процесс деторождения пошел полным ходом. В этот момент в комнате как-то сами собой появились и слуги, и придворные, а потом и Джерхан с широко

раскрытыми зелеными глазами. Он был так напуган, что это веселило меня все те два часа, в течение которых продолжались мои стремительные роды.

Потом Джер меня долго целовал, пока я пыталась прийти в себя, смело брал наших детей на руки, хотя у меня пальцы дрожали от страха, а остальные присутствующие неожиданно начали звать малышей «царевич и царевна». Наверно, после этого я окончательно и убедилась в том, что я действительно царица и жена настоящего царя.

Но тот момент я помню плохо, потому что мне на руки как раз положили два сверточка, красиво обмотанных цветастой шаррвальской тканью – смесью паутины Хрустальных пауков, травы и цветов. Два малыша, невероятно похожих на меня и Джерхана.

– Как ты их назовешь? – спросил тогда мой царь, когда слуги оставили нас одних, а он сел ко мне на кровать.

Его глаза были спокойно-зелеными, в них больше не было того дикого колдовского огня, но я все еще чувствовала, что он не пропал, лишь скрывшись где-то глубоко внутри. С тех пор как он последний раз перевоплотился в человека, хекшаррахния больше никто не видел. Для всех Джерхан остался Великим Айшем, но его паучья сущность словно спала.

Но так ли это было на самом деле, никто не знал. А сам Джерхан предпочитал об этом не разговаривать.

– Я думала назвать мальчика Асшай, – ответила тихо, рассматривая одного малыша, чьи волосы были черны как ночь, и лишь когда на них падал свет, непроглядный мрак начинал отливать золотом и медью, точно как у его отца. – Когда-то совсем недавно один друг сказал мне, что так звали кое-кого... – Я таинственно улыбнулась, заметив, как вытягивается лицо Джерхана, а нефритовые глаза опасно сужаются.

– Это кого же так звали? И что это за друг появился у моей жены? – проговорил он предупреждающе медленно.

– Не беспокойся, этот друг уже давно пропал, – фыркнула я.

– Назови мне его имя, сокровище, и мы найдем его вместе, я тебе обещаю, – проговорил Джерхан, сложив руки на груди и сжав губы.

Это было так забавно, что с лихвой окупило все мои прежние страдания по поводу того, любит ли меня царевич мираев или нет.

– Не стоит обещать того, чего ты не сможешь выполнить, – ухмыльнулась я.

– Это я-то не смогу? – широко распахнул глаза царь Айясары. Длинные волосы, что за последний год стали еще длиннее и теперь спускались ниже плеч, полыхнули огненной медью.

– Конечно, не сможешь. Потому что хитрый Хортанаирис, по совместительству царь всех хельсархов, исчез без следа. И теперь его наверняка никто не увидит еще пару веков.

Джерхан мгновенно расслабился и улыбнулся.

– Так тебе подсказал имя царь пауков? Тогда оно, безусловно, хорошее. Но в честь кого оно?

– Ну, строго говоря, это не совсем имя. Хортанаирис рассказал, что много тысячелетий назад Шейсару и всех, кто ее населяет, создали царица-солнце и царь-месяц. А «месяц» по-паучьему звучит очень похоже на «Асшай».

Джерхан приподнял бровь, нахмурился, словно обдумывая сказанное, а затем кивнул.

– Да, это хорошее имя. – Он осторожно погладил малыша, который старательно облизывал собственные губы впервые в жизни, а затем спросил: – А что с девочкой?

Та спокойно лежала рядом, рассматривая все вокруг не слишком-то сфокусированным взглядом, но при этом мне этот взгляд все равно казался ужасно умным.

– Я думала, девочку ты назовешь сам.

Странно представить, но за прошедшие месяцы мы ни разу не говорили об именах для детей. Как-то некогда было: то нужно было решать какие-то вопросы с отстройкой города, то устранять возникающие проблемы. А когда появлялось свободное время... мы в основном проводили его в чересчур горячих объятиях. Мне всегда было трудно находиться рядом с ним, не касаясь его. А стоило прикоснуться, как дни быстро перерастали в ночи, полные страсти, огня и шуток, которыми мы не переставали перекидываться.

Только сейчас, когда у меня на руках оказались наши дети, появилась небольшая пауза, в течение которой мне хотелось трогать их, а не моего царя.

– Тогда я предлагаю назвать ее Нерилисса, – ответил Джерхан, глядя на светловолосую девочку рядом. У нее, в отличие от брата-

близнеца, были голубовато-белые кудряшки. – «Нери» на мирайском означает «небо», а «лисса» – традиционное окончание многих змеиных имен. Означает «цветок».

– Красиво, – кивнула я, глядя на голубоватые пряди малышки. – Действительно, это имя ей очень подходит. Но я хотела спросить у тебя кое-что...

Стоило мне взглянуть на Джерхана с ноткой опасения, как его лицо мгновенно стало тверже, будто разом превращаясь в камень. Он всегда легко улавливал направление моих мыслей, даже если еще не знал, о чем я собираюсь говорить.

– Ты уже много месяцев не обращался в хекшаррахния, а в мирая?.. Вернулся ли твой хвост, когда мы поселились здесь?

Джер глубоко вздохнул и отвел взгляд, посмотрев в широкое панорамное окно, что занимало пространство почти всей южной стены. Рассветное солнце заиграло в его волосах и на золоченом наряде царя Айясары.

Тема, которую я подняла, была запретной, почти табуированной у нас, потому что, как и прежде, почти всегда приносила Джерхану лишь дурное настроение.

– Нет, – ответил он через пару мгновений.

– Я думала, что раз ты стал управлять своими превращениями и паук теперь подвластен твоей воле, то и змей тоже. Ты был бы первым мираем, обладающим аж тремя ипостасями сразу.

Хотелось сказать ему что-то приятное, но выходило не очень хорошо. Впрочем, уловив мой настрой, Джер ухмыльнулся и покачал головой.

– Нет, хоть я и не становлюсь больше Айшем бесконтрольно, но не уверен, что, обратившись в него по желанию, смогу вернуться обратно. Поэтому предпочитаю сохранять человеческий облик даже на важных шаррвальских мероприятиях, когда они хотят видеть меня хекшаррахнием.

– Жаль... – выдохнула я, а потом невзначай добавила: – Мне понравилось кататься на большом пауке.

Джерхан сперва казался ужасно удивленным, потом недоуменным, а в конце он просто покачал головой, хмыкнув:

– Никогда не понимал, как у тебя, урожденной шейсарки, появилась такая любовь к паукам.

– А тебе не помешало бы тоже полюбить хотя бы одного из нас! – прощелкал появившийся непонятно откуда Истеачлаваинкт. Его красные глазки мелькнули со стороны окна, и вот он уже пружинит на своих мягких лапах на широком подоконнике.

– Я люблю пауков, что за вздор, – нахмурился Джерхан, тут же снова приняв мрачноватый и серьезный вид, приличествующий царю Айясары. – Но Эвисса – шейсарка и человек. Их с детства учат, что...

– Мираев тоже учат тому же, – хмыкнул белый паук. – Подумай об этом, хешмирай.

– Я не хешмирай, – тут же поправил паука Джерхан, нахмурившись.

– Уже лучше, Айш. Но пока недостаточно. Ты уже решил, как зваться будешь, когда придется встретиться с теми, кто про тебя не забыл?..

Теперь уже я нахмурилась, пытаюсь уловить смысл того, о чем говорили эти двое. Но не слишком преуспела, а затем Истеачлаваинкт просто скрылся за окном, словно его и не было. И не имело для него никакого значения, что мои покои находились на огромной высоте, и это не считая самой горы, которая возвышалась на многие сотни метров над самой долиной. Как он добрался сюда – оставалось загадкой.

Зато после его ухода остро встал другой вопрос:

– Ты должен вернуться в Шейсару, да? К своим родным?

Я поближе прижала два дорогих сверточка.

– Мне бы тоже не мешало повидать тетю Ливи и братьев с сестрами. Но я знаю, что они не из тех, кто будет долго скучать. Герлиханна, моя старшая сестра, ушла из дома в шестнадцать. Начала свою жизнь, и тетка была только рада, что количество ртов уменьшилось. Риавен, брат, уехал в соседнюю провинцию в четырнадцать. Сказал, что ему надоели чужие нравоучения. В общем, я уверена, что мою пропажу особенно никто и не заметил, – пожалала плечами я, разглядывая лица малышей, которые, кажется, собрались уснуть.

В этот момент мне подумалось, что уж я точно не дам своим малюткам сбежать от себя так рано, пусть и не мечтают!

Джерхан все это время молчал, и я даже начала немного беспокоиться.

Что он там себе надумал???

Но в какой-то момент он все же ответил, да вот только совсем не то, что я ожидала.

– У меня для тебя сюрприз, Эвиса, – сказал и вдруг широко улыбнулся. А я поняла, что он довольно топорно переводит тему, но при этом вполне удачно, потому что перспектива получить сюрприз меня крайне привлекала.

– Правда? А какой? – воскликнула я, даже немного подавшись вперед.

– Я нашел твоих настоящих родителей.

И это было как гром среди ясного неба. Сердце едва не остановилось.

– Эвиса, не бледней так, – нахмурился Джерхан, быстро подошел ко мне и забрал детей, как будто я могла их выронить. Но разве я могла?.. – Я думал, ты обрадуешься.

– Я... я рада, конечно. Но... как? – Губы перестали повиноваться, как и язык.

– Отправил в Стекланный каньон Лориавель вместе с отрядом летописцев под охраной двух десятков воинов, чтобы их по пути солааны не сожрали. Они должны были поднять все архивы о том, кто, когда, в какой год и в каком количестве отдавал детей в Шейсару. Ну и... после нескольких месяцев поисков мы все же добились успеха.

Нефритовая зелень его глаз довольно сверкнула.

– Вы делали это уже несколько месяцев?! – ахнула я. – Ничего мне не рассказав?

– Конечно, – спокойно кивнул царь, которому я хотела хорошенько навалить за сокрытие такой важной информации. – Хотел сделать тебе сюрприз, если мы узнаем правду. И не хотел расстраивать, если ничего найти не удастся.

У меня, кажется, даже давление подскочило. Кровь ударила в виски, думать стало трудно. А еще на глаза почему-то навернулись слезы.

– Ты... ты такой... – только и сумела выдохнуть я, а потом всхлипнула.

– Ну-ну, прекрати, это все твое беременное настроение, – замахал он на меня руками, передав детей резко появившимся и также резко исчезнувшим служанкам. А потом открыл дверь, что вела в соседнюю

комнату, а там на пороге стояли... двое. Мужчина и женщина, которых я видела уже множество раз. Которых знала и помнила еще со времен проживания в каньоне, а затем и после, когда они активнее остальных помогали нам строить новый город.

Но только сейчас я вдруг поняла, что Джерхан прав. И они действительно мои родители.

– Смотри, вот тут, в сводке двадцатилетней давности... – начал было говорить Джерхан, чтобы пояснить мне все, но я махнула на него рукой.

Моргнула, пытаюсь убрать мокрую пелену перед глазами, но она внезапно сменилась знакомой хризопразовой зеленью паучьей богини.

Сила Красной матери исчезла, ведь теперь в Айясаре она оказалась мне и не нужна. Тогда в Стеклянном каньоне настойка турмалинового рододендрона что-то пробудила внутри, и с тех пор я могла колдовать, как никто другой. Мне не подчинился огонь, как у мираев, и я не слышала змей. Но я могла понимать любого паука, где бы он ни находился, и двигала камни, сколь бы тяжелы они ни были. Конечно, передвигать горы у меня больше так ни разу и не получилось, но царский дворец гоблины сумели построить для нас так быстро именно благодаря моей помощи.

А еще первый жрец Ильхамес рассказал мне об особенностях «глаз оракула». Оказывается в тот момент, когда эта способность проявляет себя, взгляд будто обволакивает колдовской зеленью, сквозь которую можно видеть истину. Но, к сожалению, именно этой способностью управлять было сложнее всего. Глаза оракула являли или скрывали правду по никому не ведомому принципу.

Однако именно сейчас я вдруг увидела, что люди, которых знала вот уже много месяцев, которые всегда оказывались рядом в самые сложные периоды моей новой жизни, на самом деле были мне гораздо ближе, чем я думала.

– Тетя Шерити... – проговорила я тихо, глядя на светловолосую женщину, за спиной которой, как всегда, прятался маленький Актор. – Мама...

Она плакала. Тихо, не произнося ни звука. А рядом ее обнимал Кионей, мой отец.

Они оба были живы и здоровы, а я не знала, что сказать. Мы все молчали, не в силах сдвинуться с места несколько долгих обжигающих

мгновений.

Но едва я встала с кровати, чтобы обнять их, как они подбежали ко мне, а мама плакала уже в голос:

– Не вставай, ты с ума сошла! В смысле сошли!

Мама обняла меня, а я все еще не могла поверить тому, что видела сквозь колдовскую зелень.

Черты лица... Идеально знакомые, в точности повторяющие мои, но смешавшиеся с отцовскими, искаженные годами... И сердца, которые бились по-настоящему, без лжи. Родная кровь...

– Не надо называть меня на «вы», мама, – тихо проговорила я, закрывая глаза, потому что внутри что-то болезненно натянулось.

– Вы же царица! А мы... – сказал чуть хрипло отец и осторожно сел на кровать рядом с другой стороны от матери.

– А вы родители царицы, выходит, – хмыкнула я, не замечая, как по щекам текут слезы.

Я всегда была одна, без единой родной души в Шейсаре. И даже учитывая, что жила я в огромной семье, которая не так уж и плохо ко мне относилась, ощущение того, что никто из них не любит меня по-настоящему, преследовало меня с детства. Сестры никогда не называли меня сестрой, а братья – тем более. Впрочем, я не обижалась, они и между собой-то не слишком дружили...

А сейчас что-то ломалось в груди, как многотонная плотина. И не было слов, чтобы это выразить правильно.

– Мама... папа...

– Когда отдали мы тебя, когда мы... – всхлипывала мама, а маленькие украшения на передних прядях ее волос позвякивали в такт. – Мы страшно заболели. И я, и Кионей, понимаешь? Мы никогда бы... Никогда бы не смогли отдать, если знали бы, что... Но в тот год страшный не хватало настойки солнечного света, а мы... думали, что дни наши сочтены.

– Ну, перестань, – погладил ее по спине отец. Но мама продолжала всхлипывать.

– Я завернула в одеялко тебя, которое на последний мешок сухих грибов выменяла. Красивое оно было, все камушками по бокам расшито. Я и имя твое написала на шейсарском, как тогда еще живой жрец Акенатер научил меня. «Хрусталька» там написано было, доченька моя... «Хрусталька»...

– А тетя звала меня Талькой, – тихо вспомнила я. – И одеялко она, кажется, разрезала пополам, чтобы продать... дважды. Но затем одну половину решила оставить. Мне показывала, как там было написано «Талька», мол, это она для меня вышивала прозвище мое... Но потом и эту половину продала.

– Все в прошлом уже, в прошлом, – проговорил папа, и я заметила, что он тоже с трудом сдерживается, чтобы не расплакаться, как мы с мамой.

Джерхан куда-то предусмотрительно испарился, но я была ему даже благодарна.

В этот момент у меня перед глазами за зеленой пеленой вдруг вспыхнуло старое воспоминание, о котором я позабыла на долгие-долгие годы.

Мне было около трех лет, и тетя, как всегда, звала меня Талькой. Просила заправить пять кроватей и покормить куриц, пока она готовит обед на всю семью.

Я выбежала на улицу, а там мне навстречу вышла красивая женщина с огромным, искрящимся на солнце хвостом. Я не могла отвести от нее глаза, потому что никогда не видела мираев прежде, а здесь одна из них предстала передо мной во всей красе.

Она была уже немолода, и ее лицо пряталось за легкой полупрозрачной тканью. Одни глаза светились золотом и рубинами в обрамлении длинных черных волос. Одетая незнакомка тоже была очень дорого и богато, у нас в провинции таких не встречалось.

Женщина подползла ко мне, а я, раскрыв рот, следила за движением ее красивого хвоста, унизанного драгоценными кольцами. Она склонилась ко мне, обхватив теплыми пальцами мой подбородок, и взглянула так, что все внутри на миг будто остановилось. А потом проговорила, странно шипя, но я не до конца поняла, что это она такое произнесла. А сейчас из недр памяти ее слова всплыли ярко и звонко, будто все случилось пару секунд назад:

«Эвиссаэш... Эвиссаэш шерис Айясаара... Эвиссаэш...»

Тетя Ливи увидела лишь конец этой сцены и с тех пор стала звать меня Эвиса. Поговаривали, что той женщиной была какая-то провидица мираев.

– А что значит это, интересно? – спросила мама с любопытством.

– Это значит «Сокровище», – проговорил с порога Джерхан, который словно бы никуда и не уходил. – «Эвисаэш Аясаара» – означает «Сокровище Серебрянного города». А «шерис» – обозначение царской крови.

– Но что она имела в виду? – удивилась уже я.

– Полагаю, именно то, что и было сказано. То, что ты – сокровище и царская кровь Аясары.

– Но тогда еще не было Аясары, – широко распахнула глаза я. – Да и я никакая не царская кровь. Ты знаешь, что это была за провидица?

– Понятия не имею, – пожал плечами Джерхан. – Видеть будущее считается невозможным, поэтому у нас никогда не было официальных оракулов или провидиц. Но я как раз не думаю, что та мирайя ошиблась.

В комнате воцарилась многозначительная пауза. Кто же это пришел ко мне тогда, в детстве, оставалось совершенно неясным.

– Ну, главное, что ты с нами наконец, моя Хрусталька, – снова всхлипнула мама и обняла меня. – А теперь и внуки есть у нас. Такое счастье, хвала Красной матери! Кионей, слышал ты? Ты ведь дедушка теперь!

Она засмеялась сквозь слезы.

И папа тоже улыбнулся. А следом и мы с Джерханом, и Актор, который все это время молчаливо стоял в углу, словно опасаясь подойти. Но я подозвала его рукой, и он тоже подбежал к нам, чтобы обняться.

А потом мама тихо выдохнула, словно пытаясь выплеснуть все, что наболело за многие годы:

– Мы ведь не забывали тебя никогда... Вспоминали день каждый нашу девочку и больше никогда не заводили детей, боясь, что голод и отсутствие лекарств убьет всех нас или снова придется самое дорогое отдать. Как тебя...

– Больше вы никогда не будете голодать, мама, – проговорила я, чуть отстранившись и улыбнувшись.

Мама улыбнулась в ответ, вытирая слезы.

Я повернула голову в сторону выхода, где, прислонившись к дверному косяку и сложив руки на груди, стоял Джерхан. Он тоже улыбнулся мне и кивнул.

Потому что я не солгала. В Айясаре больше никогда никто не голодал.

* * *

Прошел еще год.

– Горячо, Джер, – выдохнула я, чувствуя, как огонь подбирается все ближе. Как уже жжет кончики пальцев, с которых в землю утекает магия, словно вытягивая из меня все жилы.

– Еще немного потерпи, сокровище, – проговорил царь, плотно прижимая меня к своей груди. Я чувствовала спиной сквозь тонкую ткань его обнаженную грудную клетку и тяжелую цепь с огненным кругом – знак луноворота и символ власти в Айясаре. Обычно теплое от кожи Джерхана золото сейчас казалось холодным, настолько жарко было вокруг, настолько горела я сама.

Муж удерживал мои руки широко распахнутыми, плотно сжав запястья. И его магия через ладони втекала в меня, каким-то неведомым образом преобразуясь, смешиваясь с моей собственной и превращаясь в нечто невообразимое.

Не знаю, как Джерхан додумался до этого. Не знаю, как сумел это повернуть и как научился делать это правильно. Он всегда казался мне ужасно талантливым, настолько, что мне самой было никогда за ним не угнаться. В такие моменты я чувствовала себя бездарностью рядом с гением. Но потом он как-то по-особенному улыбался мне, и я забывала обо всем на свете.

Так и сейчас... Разве что теперь он вытворял свои фокусы с моей помощью. И теперь его огненная мирайская магия курсировала во мне, будто моя собственная. Сила Джерхана в Стеклянном каньоне плохо поддавалась ему, видимо, вследствие потери змеиной ипостаси. Но в Айясаре она потихоньку стала расти, почти достигнув прежнего уровня, как тогда, когда он был принцем нагов. К сожалению, хвост за два года пребывания под солнцем так и не вернулся.

Впрочем, Джерхан старательно делал вид, что его это ни капли не беспокоит.

– Сконцентрируйся, Эвиса, опять ты витаешь в облаках, – серьезно одернул меня царь, и я даже вздрогнула, испытав на себе его повелительные нотки. Все же Джерхан был прирожденным правителем, хотя он и уверял меня, что с детства был настолько далек от трона, насколько это только может быть.

Ну что за вздор?..

– Я максимально сконцентрирована, но мне так горячо, что я вот-вот начну плевать жидкой паутиной, – фыркнула я, слегка раздражаясь. А затем вдруг ощутив, как мягкие губы опускаются к моему уху.

– Мне кажется, тебе недостаточно горячо, моя царица, – выдохнул он, и волна огня лизнула позвоночник.

Я тихо сглотнула, моргнув.

– Поверь, вполне достаточно, – ответила, и голос слегка сорвался на хрип.

– Мне кажется, ты плохо слушаешь меня, мое сокровище, – бархатисто проговорил он, скользнув губами по уху и вдруг опустившись по шее вниз горячим языком. Его губы остановились на точке, где шея переходит в плечо и где кожа была особенно чувствительной. – Сдается мне, что, когда ты была маленькой скромной алой в моем теларане, в тебе было больше внимательности.

Он сжал сильнее мои запястья, а затем я ощутила, как что-то острое будто случайно зацепило кожу над ключицей.

Тело прострелила дрожь.

– Не вздумай, – уже откровенно хрипло проговорила я.

В кровь плеснул огонь страха и предательского предвкушения.

Но не время! Сейчас было совершенно не время! И хорошо, что наше пребывание в этой беседке скрыто пышными кустами рододендрона, но это ничего не меняет!

В основании живота вдруг сладко заныло.

– Сконцентрируйся, Эвиссаэш шерис Айясара, – закончил он шипящим змеиным голосом, и этот звук вошел в меня как полынная отравка. Голова закружилась.

– Если ты думаешь, что так я быстрее сконцентрируюсь, то ты сильно ошибаешься! – только и успела проговорить я, как его клыки вошли в мою плоть.

Из горла вырвалось тихое:

– Так нечестно... – со стоном, с жаром, который было уже невозможно контролировать.

– А кто говорил о честности? – послышался сзади хриплый смешок.

А затем он снова сильнее сдвинул запястья моих распахнутых рук, и я почувствовала, как в мои кисти вошла новая порция его магии.

Огонь ударил в мышцы, в кости, но теперь это и впрямь не было и вполтину так горячо, как прежде. Потому что теперь меня обжигал голодом и страстью мирайский яд.

– Заканчивай начатое, раз взялся, – через силу проговорила я, чувствуя, как сводит все внутри тянущей пульсацией, как напрягается под желудком, как сильнее хочется свести бедра и ощутить его...

– Только если ты сделаешь то, что должна, моя паучья колдунья, – раздался позади смешок, и снова горячий язык прочертил по шее обжигающую дорожку.

– Я тебя убью, как только ты меня отпустишь, – пообещала я, уже мысленно примериваясь, как бы побыстрее раздеть вконец обнаглевшего царя Айясары.

Снова смешок, и темные камышовые волосы упали мне на плечи, пока губы повелителя долины покрывали мою кожу сводящими с ума поцелуями.

– Тебе всего лишь надо выстроить что-нибудь из земли и огня, это не так сложно, Эвиса, – промурлыкал Джерхан, на миг отпуская мою руку и задирая сзади царское платье, расшитое фейскими цветами. Его ладонь проникла мне между ног, одним медленным движением воспламеняя мягкую чувствительную кожу самых бесстыдных мест.

Меня начала бить мелкая дрожь.

– Джер... хан... – с трудом выдохнула я, ощущая, как его рука возвращается к моему запястью, зато там, между ног, появляется нечто совсем другое. Появляется и неторопливо дразнит, скользит своей твердостью по моему влажному огню.

Я невольно начала подаваться навстречу его движениями, едва не вскрикивая в моменты, когда его плоть касалась самой чувствительной моей точки.

– Или сейчас, или... – начал было он, а я, прикусив губу, раздраженно оборвала его на полуслове:

– Что, уйдешь? Отправишься восвояси, бросив меня здесь мучиться без твоего царского удовлетворения?

Джерхан не оскорбился, напротив, и я хоть и не видела, но почувствовала, как он улыбнулся.

– Эвиса, – хмыкнул он, – какой же дурак откажется от любви с самой царицей?

А затем коснулся моего подбородка и повернул к себе мою голову, жадно поцеловав. Его язык раздвинул мои губы одновременно с тем, как пальцы сжали челюсть, касаясь шеи. Это было одновременно возмутительно властно и дико пьяняще приятно. И в тот же миг там, внизу, его член вошел в меня, не разрывая поцелуя, вырвав крик из горла.

Он вбивался в меня хищно и жадно, и с каждым движением, что он вжимал меня в балкон маленькой беседки возле дворца, я чувствовала, что все сильнее наполняюсь не только трудно переносимым удовольствием, но и жаром его колдовской силы, которую в обычном состоянии я просто не смогла бы выдержать. Огонь мираев жег слишком нестерпимо. Да и прежде никто не додумывался вливать магию нагов в человеческое тело.

Однако задумка Джерхана удалась, сила страсти, которую я испытывала к этому мужчине, жгла гораздо сильнее любой магии.

Я все ближе подходила к той границе, за которой была только бездна и взрыв, бесконечность и прибой тысяч раскаленных искр, но каким-то невероятным образом Джер, как и прежде, почувствовал это.

И когда я уже была готова провалиться в свое персональное безумие, он вдруг прошептал:

– Давай... отпусти себя... Позволь удовольствию управлять тобой, Эвиса...

В этот миг его магия влилась в меня новой лавиной вместе со всполохом наслаждения, словно разорвавшего меня на куски. Я сдавленно застонала, чувствуя, как внутри разливается горячий огонь его удовольствия, а из центра ладоней вырывается совершенно новая магия странного оранжево-зеленого цвета.

Для этой странной силы больше не оказалось преград. Не знаю, как это вышло, но мне удалось смешать в себе магию Джерхана и собственную! И получившаяся мощь даже обрела цвет и форму, на глазах превращаясь в переливающуюся волну непонятной энергии.

– Давай, сделай с ее помощью что-нибудь! – воскликнул Джерхан, махнув рукой и не сводя глаз с происходящего удивительного эксперимента. – Хотя бы небольшую преграду, какой-нибудь валун!

– Я тебя пристукну, честное слово, – фыркнула я, улыбаясь и одновременно возмущаясь тем, что даже в такой пикантный момент он умудряется думать о новой магии, ее перспективах и о том, как это можно применить для обустройства Айясары.

Впрочем, я не планировала его расстраивать. Хочется ему волшебства? Ну и на здоровье!

Я закрыла глаза, резко выдохнула и действительно постаралась все мысли устремить в одну точку. А через несколько мгновений магия огня, смешавшаяся с моей шаррвальской силой, что тут начали звать магией земли, вонзилась в холм неподалеку.

А когда я открыла глаза, перед белоснежной беседкой возникло именно то, что я мгновение назад представила за опущенными веками. И теперь даже у меня пропал дар речи.

– Ну вот, а говорила «горячо-горячо»... – улыбался чрезвычайно довольный Джерхан, задрал голову вверх и приложив ладонь к глазам, чтобы солнце не слепило. – Это не просто горячо – это огнище, Эвиса!

А я только ошарашенно кивнула, разглядывая огромную статую, что застывала на глазах из мокрой глины и огня. Статуя Джерхана в облике хекшаррахния, на паучьей спине которого сидела маленькая я...

Изваяние было таким красивым! Идеальные изгибы мужского тела полностью повторяли тот образ, что запечатлела моя память. Наплечник чуть скрывал одно плечо, перевязь тремя ремнями перетягивала мощную грудь. А острые иглы-ноги даже сейчас, казалось, блестели, словно настоящий обсидиановый хитин.

Да и я, признаться, была как настоящая, сидя на паучьем теле. Даром что каменная. Не верилось, что вот это чудо – творение нашей общей с Джерханом магии.

– Поздравляю, милая женушка! – улыбнулся царь. – Я, конечно, немного удивлен твоим выбором, но... ничего не поделаешь! Если жена любит сидеть на шее у мужа, последнему остается только смириться!

– На спине!!! – воскликнула я возмущенно, шлепнув Джерхана по плечу, но он только громче рассмеялся.

– Кому спина, а кому и шея, – театрально развел он руки в стороны, уворачиваясь от очередного моего нападения. – Вот! Я же

говорил, что шея! Какая еще жена станет бить любимого мужа, а? Только та, что любит сидеть у него на шее!

И отскочил от меня на шаг назад.

– Я обещала тебя убить, да? – фыркнула я, подбирая излишне длинные юбки царского платья. – Ну так вот сейчас этим и займусь, – пообещала, собираясь душить наглеца до тех пор, пока не скажет, что был неправ. – Тебе от меня не убежать, так и знай! Лучше сдавайся сам!

– Я готов рискнуть, мое сокровище, – смеялся негодяй, нарезая от меня третий круг по беседке.

Так мы и носились с ним туда-сюда, как подростки, и клянусь, я победила бы в этой гонке, чего бы мне это ни стоило, но в какой-то момент нога вдруг подвернулась в проклятых юбках, и я начала падать. Причем заваливаясь назад через перила беседки, что стояла на небольшой, но ощутимой возвышенности...

В последние секунды перед глазами промелькнуло понимание неотвратимости происходящего: Джер слишком далеко, в нескольких шагах правее, а я просто-напросто сейчас сломаю шею.

Время будто остановилось.

Вот только почему-то ожидаемой гибели не произошло, а я, зажмурившись, просто-напросто зависла в воздухе, почти лишившись возможности дышать.

– Эвиса... – прозвучал рваный, нервный голос совсем рядом, и вот тогда я открыла глаза, обнаружив, что меня удерживает над перилами огромный нефритово-изумрудный хвост, покрытый потрясающей змеиной чешуей.

– Ух ты, – выдохнула я, проводя рукой по глянцевой ребристой коже. – Красивый-то какой! Да с таким хвостищем ты, небось, был первым парнем на деревне, да? – улыбнулась я и перевела взгляд на Джерхана.

А он как застыл в паре шагов от меня, так и не двигался, широко распахнув огромные зеленые глаза, так напоминающие цвет его змеиного хвоста. Казалось, он не дышал. Не улыбался, не смеялся... и не дышал.

– Ну вот ты и вернул свое сокровище, мой царь, – улыбнулась я, чувствуя, что вот-вот заплачу.

Ну и во что я превратилась после того, как детей родила? Как будто вместо прежней крепкой и смелой Эвисы кто-то подсунул мокрую плаксу.

Джерхан закрыл глаза, медленно подползая ко мне ближе на своем огромном искрящемся хвосте. И обнял, так крепко сжав в кольцо рук, что я повторно едва не задохнулась.

– Ты мое сокровище... И плевать мне на хвост, Эвиса...

Я прижалась щекой к его груди, чувствуя, как что-то внутри сжимается что есть сил.

А в следующий миг со стороны новой дороги, что всего месяц назад проложили через горы к нам в Айясару, слышался грохот карет. Мы оба подняли головы, увидев там целую процессию из паланкинов в окружении гвардиаров золотого шерисмирая.

– Царь Шейсары откликнулся на твое приглашение, Джерхан, – проговорила я, чувствуя, как сжимается от страха сердце.

Нам предстоял непростой день. Переговоры с повелителем древнего города. Встреча со старой жизнью, со всем тем, чего мы не видели уже так долго. Война или мир...

– Тебе страшно? – спросила я тихо. – Мне – да.

Джерхан взглянул на меня спокойной зеленью своих глаз и улыбнулся одними уголками губ:

– Не переживай, Эвиса. Тебя не было дома два года, а меня – двенадцать лет. И раньше... да, я боялся. Но буквально только что благодаря тебе кое-что понял, моя царица.

– Что ты понял? – выдохнула я, чувствуя, что теперь не усну спокойно, пока он не ответит.

А он только хитро взглянул на меня, приподняв брови, и улыбнулся шире.

– Эй, ты должен сказать!

Он потянул меня за руку, спускаясь к дорожке, что вела в сторону огромных врат, открывающих Айясару. А оттуда к нам уже спешили двое стражников.

– Царь мой, царица моя! – поклонился первый, а затем и второй, запыхавшись. – Делегация там от Шейсары! Вот-вот к городу придут!

– Да мы уж видели, благодарю, – кивнул с улыбкой Джерхан, уже неуловимым образом сбросив змеиный хвост и став снова человеком.

Похоже, никто, кроме меня, и не заметил, что он вообще обращался в миряя!

– Что прикажете делать? – спросил первый стражник.

– Предупредите Черную восьмерку и приведите Нерилиссу и Асшая, – ответил Джерхан.

– А уж они здесь давно, мой царь, – раздался ответ стражника. – Вон на соседней поляне сажают что-то.

– Сажают? – нахмурилась я, переводя взгляд туда, куда указывал мужчина.

А там за кустами молодого желтого рододендрона наши близнецы ковырялись по уши в земле вместе с Лориавель и дюжиной служанок.

– Что это вы делаете? – спросила я, подходя ближе и стараясь не смотреть на то, как Нерилисса земляными руками убирает белые волосы со щек, улыбаясь мне.

– Доброго дня, мой царь, моя царица! – воскликнула дочка Ильхамеса, у которой под платьем уже виднелся солидный живот.

Год назад она вышла замуж за одного из гоблинов, что помогали нам отстраивать город. Он был хоть и небольшого роста, но очень сильным магом и уважаемым мастером в своей общине. Лориавель очень гордилась своим необычным мужем и смотрела на него такими влюбленными глазами, что пришлось поднять гоблину зарплату в три раза. Но, к счастью, он и сам, кажется, обожал свою «лунноволокную нимфу», как он любил ее звать.

– А мы тут рододендроны сажаем, – проговорила она. – Прибыла новая партия ростков из каньона Стеклянного.

– Правда? – удивился Джерхан, сдвинув брови. – А почему Нери с Асшаем-то этим занимаются?

Лориавель нервно сцепила руки в замок и пролепетала:

– Они пожелали сами! Я не посмела перечить. Царевич Асшай вообще выхватил у одного из воинов простую траву и теперь ее сажает.

– Что за трава? – удивилась теперь уже я.

– Он попросил, – ответил тогда воин, стоящий рядом с телегой, груженной ростками рододендрона. – Царевич Асшай меня попросил травы привести ему, что растут рядом со священным турмалиновым рододендроном. Тем, что засох назад два года тому...

– Асшай еще едва разговаривает, что он там у вас мог попросить? – сдвинул брови Джерхан.

Воин развел руки в стороны, а Асшай, не поднимая головы, лепил ладошками холмик из земли, прищлепывая его пальчиками. А когда закончил, демонстративно встал, вытирая о красивые штаны грязные руки, и пропищал:

– Мама, ням-ням!

– Вот и все, что он мог вам сказать, – выжидающе приподнял бровь Джерхан, глядя на воина, который привез ростки. Тот развел руками, мол, знать ничего не знает.

– Быстро вымойте их и переоденьте, а потом приведите в главную залу дворца, будем встречать наших гостей, – сказала я Лориавель и няням, что, хвала богам, имелись у нас в наличии.

Я частенько думала, что если бы такие няни были у моей тети в детстве, все, может быть, и не так совсем сложилось. Ну да это уже неважно.

А мы с Джерханом неторопливо двинулись вперед по тропинке, выложенной прозрачным «стеклянным» камнем из шаррвальского каньона. Нужно было поприветствовать делегацию из Шейсары, и, кроме нас, это никто сделать не мог.

– Знаешь, у меня тут наемдни впервые возникло странное чувство, – начала было я, почувствовав, как Джер обхватил мою ладонь и переплел наши пальцы.

– Что же это за чувство? – спросил он, глядя прямо перед собой, туда, где заканчивалась тропинка.

– Чувство, что я дома.

В этот момент краем глаза я все же заметила, как он повернул ко мне голову. Но сама я смотрела на наш огромный дворец, что, словно чудо, был построен так быстро. Он и впрямь был невероятно велик! И, казалось, что в нем и вовсе можно потеряться, особенно мне, которая все детство прожила в маленькой деревянной хибарке. И все же именно здесь у меня внутри впервые появилось это чувство... наполненности. Словно я там, где и должна быть.

В это время на фоне дворца маленькая феечка кружила на площадке рододендронов, где только что наши дети сажали траву. С помощью своей силы она давала росткам жизнь, позволяя им быстрее проклевываться и на глазах превращаться во взрослые растения.

А меня всегда завораживало то, как феи это делают. И вот девушка с красивыми ярко-розовыми волосами замерла, расставив ладони над грядкой с землей, и тут же из нее начал проклевываться небольшой росток.

Сперва он был тоненьким, как червячок, но уже через пару мгновений вымахал в половину ее роста, на нем появились листья и даже бутоны, которые стремительно распускались.

А еще через секунду с площадки раздался крик:

– Смотрите, не может быть!

– Это же чудо!

– Благословение Красной матери!

Я прищурилась, мало что понимая в происходящем.

– Что там? – спросила, вспоминая, что, кажется, именно на этом месте Асшай сажал свою траву.

Джерхан нахмурился, а затем проговорил:

– Там вырос рододендрон...

– Турмалиновый рододендрон! – вторил ему кто-то из слуг, что стали стремительно наполнять площадку со всех сторон.

– Священное древо вернулось к нам!!! – раздавались радостные голоса.

– Это царевич Асшай, это он посадил грядку!

– Хвала Красной матери и царевичу Асшаю!

Джерхан перевел на меня недоуменный взгляд, поймав мой – точно такой же. А потом он просто отвернулся и повел меня вперед. Туда, где над горизонтом светило ослепительно яркое солнце – богиня-царица золотой Шейсары, а теперь и серебряной Айясары. Мы шли с Джером рука об руку, не оглядываясь, но я была уверена, что он думал ровным счетом о том же, о чем и я.

И поняла, что не ошиблась, когда его фигура вдруг на миг покрылась легкой колдовской дымкой и я впервые увидела, как он перевоплощается в Великого Айша.

Секунда – и передо мной уже стоял наполовину паук с огромными сверкающими пластинами, напоминающими доспех, с острыми иглами-лапами и мощной мужской фигурой, возвышающейся надо мной в полтора человеческих роста.

Фигурой, которую я не видела два года...

Я замерла, открыв рот от восхищения, а Джерхан склонился ко мне и поцеловал, обхватив мое лицо ладонями. И его глаза больше не горели опасной колдовской зеленью, дикой и хищной, полной магии паучьей богини. Это были глаза моего Джерхана...

Затем одним легким движением он поднял меня за талию и, посадив себе на спину, двинулся вперед, перебирая огромными ногами, блестящими, как полированный обсидиан.

– Все-таки целуешься ты и впрямь как полубог, – выдохнула я, чувствуя, как щеки покраснели.

– Только как полу? – бросил он через плечо, улыбнувшись.

И я не смогла не улыбнуться в ответ, обхватив его за талию ногами.

Сердце застучало быстро-быстро. Глядя на теплое медно-золотое солнце, играющее в волосах моего мужа, вспоминая детей, которых увели переодеваться, и маму с папой, которые сейчас должны были следить за организацией праздничного бала, я окончательно осознала, что в Айясаре все-таки нашла сокровище, которое мечтала обнаружить два года назад. Да, это были не драгоценности легендарного пирата Кушвира, но нечто многократно более ценное. Сокровище, с которым я была богаче всех в целом мире и не было никого богаче меня.

Мою семью.

* * *

Не гляди, не дыши, онемей,
За тобой – Нефритовый змей,
Не слушай, не верь, не зови,
Его голос – в твоей крови.

Ты тихо шагнешь за дверь –
И сердце утащит зверь,
Скрип страшных стеклянных врат
Откроет паучий град.

Там люди с глазами из льда,
А вода – как золотая руда.

Но самая страшная тварь –
Кровавый паучий царь...

Он душу твою украдет,
В паутину ее вплетет,
А голод его неземной
Обожжет как вино с беленой.

Позабудешь монистовый звон,
Трели птиц и свистящий муссон.
Лишь шелест тысячи ног
Обовьет тебя словно вьюнок,

И челюсти в белом яде
Пронзят в колдовском обряде.
Старых богов отвергая,
Ты встанешь нагая, другая.

Затухнет под ребрами пламя,
Чтоб зажглось ядовитое знамя.
«Ала» – та, чрево чье – колыбель,
«Айя» – солнца искрящийся хмель.

Солнце вспыхнет на небе, поверь,
И настанет век королей,
Век песков и душистых трав,
Пауков, изумрудных дубрав.

Станет так, что под шорох лап
Голос Рока в конец ослаб...
Потому что сердце царей –

Айяала и Нефритовый змей

(Уличная шейсарская песенка, появилась в год рождения Айясары – государства айшей)